

ЗКІТ 141

Літопис
революції"

№ 5

1928 № 5

ІСПАРТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ
КОМУНІСТИЧНОЇ ПАРТІЇ (БІЛЬШОВИКІВ) УКРАЇНИ

ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ

ЖУРНАЛ ІСТОРІЇ КП(б)У ТА ЖОВТ-
НЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ НА УКРАЇНІ

№ 5 (32)

СЕРПЕНЬ — ВЕРЕСЕНЬ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
1928

ЗМІСТ

ДО 25-РІЧЧЯ II З'ЇЗДУ ПАРТІЇ

В. Лапина — С.-д. организации Украины и II съезд РСДРП	7
В. Манилов — Съезд южных комитетов и организаций РСДРП	54
Д. Ка'рдашев — Э эпохи розламу РСДРП 1903 — 1904 р.	77
В. Вакар — Киевская с.-д. организация в 1902 — 1904 г.г.	82
М. Колчинський — Э життя Катеринославської та Миколаївської с.-д. організації	91
Б. Линцер — Из истории революционного движения в Елисаветграде .	100

I. СТАТТІ

М. Волін — I З'їзд КП(б)У	119
Д. Фрід — Таганровька нарада	140
М. Редін — До історії Всеукраїнського залізничного страйку 1918 року .	168
И. Шингарев и И. Прус — Июльская стачка в Киеве в 1903 году	194

II. МАТЕРІЯЛИ ТА ДОКУМЕНТИ

Отчет съезда южных комитетов и организаций Российской социал - демо- кратической рабочей партии	217
Из эпохи раскола РСДРП в 1903 — 1904 г.г.	230
Обзор деятельности Киевского комитета РСДРП за 1902 — 1903 г. . .	258

III. КРИТИКА ТА БІБЛІОГРАФІЯ

Огляди: Короткі нотатки про літературу з історії КП(б)У	267
Рецензії: В. М.— Ленинский сборник, VII. Поссе — М. Ярославский. Первый съезд нашей партии. В. Медзинский — О. Панхилевич. Маркс и Энгельс о крестьянстве. М. Острогорський — Советы в Октябре. М. В.— Т. С. Козлов. Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении	275
По журналах: В. Манилов — „Историк Марксист“	286
Э. Ходоровский и А. Фрадкин — Указатель литературы по исто- рии революционного движения и развития с.-д. организаций на Украине в эпоху „Искры“ и II-го съезда РСДРП	289
Нові книжки	310

IV

Листи до редакції: Д. Эрде. Пусть говорят факты. М. Острогорский. Языком фактов	313
Извещение о созыве Всесоюзной конференции историков - марксистов .	323
Умови прийому на катедру з історії партії та Жовтневої революції Українського Інституту Марксизму на 1928/29 ак. рік	325

ДО 25-РІЧЧЯ ІІ З'ЇЗДУ ПАРТІЇ

С. - Д. ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНЫ И II С'ЕЗД РСДРП

В книге „Что делать“ Ленин делит историю русской социал - демократии до 1902 г. на три периода. Третий период, с 1898 по 1902 г., Ленин определял как „период разброда, распада, шатания“. Руководители „брели розно и шли назад“. Само движение „продолжало расти и делать громадные шаги вперед“. „Пролетарская борьба захватывала новые слои аботы и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного под'ема ; среди с. - д. преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной“ марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы“¹⁾).

Украина по состоянию организации с. - д. ничего принципиально отличного не представляла. В основном характеристика Ленина относится также и к социал - демократическим организациям на Украине. Так же точно руководители с. - д. „брели розно и шли назад“, так же точно рабочее движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед“. Так же точно на борьбу за партию выступило революционное меньшинство и под именем „Искры“ начало борьбу против распада периода „экономизма“.

Но бурный рост промышленности на Украине, стремительная капитализация края, далеко перегнавшая по темпу многие районы России, давала все же себя знать. Молодой рабочий класс пробовал свои силы, выражая свой гнев в более бурной революционной форме, чем это было в очагах медленного и постепенного развития рабочего движения (как, напр., в северных промышленных районах России), что сказалось и на темпе развития и роста с. - д.

Изживанию экономизма, наряду с огромной идейной и организационной работой, проведенной „Искрой“, способствовало и общее состояние страны. Промышленный кризис начала

¹⁾ Ленин. „Что делать?“, т. IV.

девятисотых годов привел к оживлению и росту общественного движения вообще и рабочего движения в особенности. Рабочий класс бурно вступает в стачечную борьбу, все теснее и теснее переплетая борьбу экономическую с чисто политическими требованиями. Мощный напор рабочего класса не мог пройти бесследно и для общественного движения в России, стимулируя рост студенческого и либерального движения. В этот же период (в 1902 г.), впервые после долгого сна, в революционную борьбу вступила, наконец, деревня (крестьянские беспорядки на Украине и в других местах).

Рабочее движение в такой обстановке приняло формы массового революционного протеста и, в пределах отдельных районов, вышло далеко за рамки экономической борьбы. Оно мощным потоком разлилось по стране, начиная от уличных политических демонстраций и стачек 1900 г. и кончая выступлением ростовских рабочих 1902 г. и всеобщей забастовкой, охватившей в 1903 г. все крупнейшие города Кавказа, Дона, Баку, а на Украине Одессу, Киев, Елисаветград, Николаев, Екатеринослав, Конотоп и др. Таков быстрый революционный шаг рабочего движения в России и особенно на Украине в эти переломные годы — 1900 — 1903.

В этих условиях нарастающей революционной волны российская с. - д. успешно развивала борьбу на идеологическом фронте с „экономистами“, которые пытались упорно тянуть рабочее движение назад к политике малых дел тогда, когда оно мощно шло вперед. Не менее упорную борьбу приходилось вести и с эсерами, так же претендовавшими на руководство рабочим классом.

Во главе революционно - марксистского течения становится „Искра“, которая поставила своей задачей создание прочного идейного единства, задачу создания единой с. - д. партии. Резкая постановка вопросов „Искры“, ее беспощадное разоблачение оппортунизма экономистов, на первых порах вызвало недовольство и недоверие в рядах русских с. - д. комитетов, зараженных кустарничеством и оппортунизмом. Идейное завоевание их, так же как и организационное сплочение и строительство партии, идет поэтому сравнительно медленно, лишь постепенно преодолевая огромные трудности на этом пути, вызванные сопротивлением и шатаниями в рядах социал - демократии.

Комитеты с. - д. на Украине в деле революционного самоопределения не отстают от с. - д. организаций других районов, при чем в первый период искровской работы с их стороны было обнаружено такое же резкое сопротивление „Искре“, как и в других районах России. Так, например, по словам Батурина¹⁾, „чтобы поладить с враждебно настроенными

¹⁾ См. Батурина. „Очерки истории с. - д. в России“.

экономистами, Киевский комитет прибегал даже к таким чрезвычайным средствам, как вырезывание „нетактичных статей“ и оставление под спудом целых номеров“. Такое отношение не было единичным. Однако, „Искра“, разжигая революционное пламя политической борьбы, постепенно группировала вокруг себя все большее количество организаций.

На Украине этот процесс идейного оформления проходил очень быстро, при чем украинские организации в распространении искровских идей занимали все большее и большее место.

Уже к осени 1902 г. о своем согласии с „Искрой“ об'явили: Харьковский, Одесский, Екатеринославский комитеты, а также литературная группа „Южный рабочий“, которая сыграла важнейшую роль в борьбе за искровские принципы.

В дальнейшем изложении мы подробно коснемся истории идейного роста отдельных с.- д. организаций на Украине; тут же мы приведем свидетельство Мартова, который в марте 1903 г., сообщая о деятельности организационного комитета по созыву II съезда партии, говорит, что „комитеты в общем отнеслись к орг. комитету с доверием“. На Одессу, Николаев и Екатеринослав, которые при об'езде члена О. К. отнеслись не очень радушно, обращено особое внимание, и „есть надежда, что Одесса скоро будет совсем завоевана. Киев, после того как бундисты и рабочедельцы пытались натравить рабочих на комитет, теперь настроены очень хорошо, и мы там имеем прочных друзей“¹⁾.

Таким же общим признаком постепенного перехода украинских организаций на путь политической массовой борьбы является активная и руководящая роль с.- д. комитетов на Украине в той массовой борьбе, о которой мы говорили. Комитеты наперебой стремятся использовать новые формы массовой борьбы и протеста — политические демонстрации, руководят политическими стачками, принимают участие в студенческом движении и т. д. Так, 2 февраля 1902 г. Киевский комитет организовал демонстрацию, в которой число участников доходило до 1500 человек, на знаменах были выброшены лозунги „долой самодержавие“, „да здравствует политическая свобода“ и т. п.

Показательным фактором, говорящим также о постепенной кристаллизации и росте идей революционного марксизма на Украине, является процесс выделения из состава зараженных экономизмом организаций отдельных групп, которые в той или иной степени становились на платформу, близкую идеями „Искры“. На Украине известны в этот период организации „Воля“, „Рабочего знамени“, „Южно-революционной группы“,

¹⁾ Письма Аксельрода и Мартова. Материалы по истории русского революционного движения.

„Южно - революционного союза в Одессе“; они положили начало борьбе против экономизма наряду с группой „Южный Рабочий“, которая сыграла исключительную роль в борьбе за „Искру“. История перечисленных групп чрезвычайно интересна и показательна для изучения процесса исканий революционных путей в рядах социал - демократии.

Наша задача состоит в том, чтобы дать анализ этого процесса на примерах отдельных с. - д. организаций Украины, выявить состояние их ко II съезду, проследив их позиции на съезде, а также выяснить ту роль, которую играли украинские организации в общем процессе борьбы „Искры“ за партию, и те непосредственные результаты, к которым привела на Украине эта борьба после II съезда¹⁾.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть быстрый рост с. - д. организаций на Украине. Уже к августу 1904 г., согласно отчета Амстердамскому Международному Конгрессу²⁾ на Украине существовали следующие организации: 1) Донецкий комитет, опиравшийся на города — Таганрог, Юзовку, Мариуполь, Славянск, 2) Екатеринославский, 3) Киевский, 4) Луганский, 5) Полтавский, 6) Кременчугский, 7) Харьковский, 8) Елизаветградский, 9) Николаевский и 10) Одесский. Таким образом мы имеем на территории Украины десять комитетов и, кроме того, группы — Житомирскую, Александровскую, Бердичевскую, Херсонскую и Конотопскую. Существовала к этому времени также группа в гор. Новозыбкове, Чернигове, Нежине, Балте и еще в ряде других мелких городов Украины. Уж сам по себе этот перечень организаций показывает, какая густая сеть с. - д. организаций раскинулась на Украине ко II партийному съезду и как широко они развили свою работу.

В материалах харьковского охранного отделения сводка от 3 сентября 1903 г. находим сведения директора департамента полиции, по которым на территории Украины числятся следующие (неизъятые) типографии: Киевского, Одесского, Кременчугского, Екатеринославского, Полтавского комитетов, Волынской группы, Одесского союза „Рабочая Воля“, „Организационного Комитета“ (Дело № 6 Харьковского розыскного отделения, 1902 г.). Наличие такого количества типографий говорит не только о количественном росте, но и о мощности организаций на Украине, обладавших такой богатой техникой, даже судя по сводке охранки, далеко не полно осведомленной о состоянии революционной техники того времени.

¹⁾ Ряд вопросов и организаций (например, Киевскую) нам не удалось осветить с достаточной полнотой в виду того, что они не нашли достаточного отражения в использованных нами материалах — печатных и документальных (сводки и переписка департамента полиции и дела харьковских жандармского и охранного отделений).

²⁾ Н. Попов. „История КП(б)У“.

* * *

В Одессе комитет создан уже к 1901 году и сразу же принял резко выраженное экономическое направление, что тов. Невский правильно объясняет ремесленным характером одесского пролетариата, влиянием Бунда и всеобщим разбродом. В основу организации легли „Уставы касс“, завезенных сюда Бундом. Комитет имел свою главную базу среди ремесленников, что соответствующим образом наложило отпечаток на деятельность касс, носивших также ярко выраженный „экономический“ характер.

Судить о силе и степени влияния Одесского комитета можно отчасти по сводке харьковского охранного отделения: „выяснилось существование в Одессе среди фабричных рабочих и ремесленников обширной организации с большим числом тайных кружков. Цель ее заключается в подготовке „сознательных рабочих“... Во главе сообщества был названный комитет, а исполнительным органом — „агитаторское собрание“. Прокламации издавал комитет, он же поддерживал сношения с противоправительственными группами в других городах, получая нелегальную литературу из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Екатеринослава, а также из - за границы... Члены агитаторского собрания обязывались вести пропаганду на фабриках, устраивая сознательных рабочих в союзы, называвшиеся цеховыми советами, которые вербовали в кружки своих товарищей¹⁾.

Интересные данные об организационной схеме Одесского комитета находим в статье т. Хаит²⁾. Она дает подробную организационную схему одесской организации в 1900—1901 г. Судя по ее данным, организация имеет следующий вид: комитет, агитаторское собрание, дискуссионное собрание, цеховые советы, пропагандистские кружки, словом — целая разветвленная сеть, разросшаяся вширь, очень сложная, с большим разделением функций внутри. Что же касается идейного направления, то все историки приходят к выводу об „экономическом“ характере Одесского комитета, определяя его позиции как „рабочедельские“. Тов. Лепешинский³⁾ говорит, что вся деятельность Одесского комитета была направлена на руководство организациями рабочих по отдельным цехам (переплетчиков, печатников, модисток, шляпочниц), каждый из которых имел свою кассу, цель которых — „способствовать объединению рабочих данного ремесла и помогать им в их борьбе за улучшение своего положения“.

Но уже в конце 1901 г. Одесса привлекла внимание искровцев; началась обычная борьба за политическое влияние,

¹⁾ Дело харьковского охранного отделения, № 25, 1903 г.

²⁾ Хаит. „З історії парторганізації с.- д.- більшовиків Одеси“. „Л. Р.“, № 4, 1928 р.

³⁾ Протоколы II съезда РСДРП.

при чем главные теоретические разногласия сосредоточились на вопросе о природе абсолютизма. Около этого же времени, в октябре 1901 г., образовалась ставшая в оппозицию комитету организация так называемая „Южно-революционная группа социал-демократов“. Эта группа поставила своей задачей руководство политической борьбой главным образом фабрично-заводских рабочих Одессы и идейно стала на точку зрения революционной с.-д. В декларации группы, в которой она объясняет причины своего выхода из комитета, указывается на разногласия между членами группы и комитетом. Эти разногласия сводятся, во-первых, к различным взглядам на природу и характер русского царизма; во-вторых, к разной ориентации в рабочей массе: комитет делает ставку на ремесленников, а группа — на фабрично-заводских рабочих; в-третьих, к расхождению тактических линий: экономическая борьба, как главная задача с.-д., с точки зрения комитета, и вовлечение рабочих в политическую борьбу, как ближайшая цель группы¹⁾.

Группа принялась активно за работу, сразу перешла от пропаганды к агитации, устраивала крупные массовки политического характера, сильно развила выпуск листовок и воззваний и приобрела большой авторитет среди одесских рабочих. Уже в 1902 г. под ее руководством состоялась уличная демонстрация под лозунгом политической борьбы. Демонстрация, руководимая „Южной группой“, повторилась снова 1-го мая, как об этом говорят материалы жандармского управления.

В „Искре“ № 17 от 15 февраля 1902 г. находим интереснейшую корреспонденцию из Одессы, которая рисует деятельность и „Южной группы“ и Одесского комитета. Из нее узнаем, что „Южно-революционная группа с.-д.“ образовалась в начале октября 1901 г., что она вполне отвечала новым потребностям и росту политической борьбы, что она сразу стала пользоваться таким влиянием, что заставила и Одесский комитет повернуть в сторону политической борьбы, что до создания „Южной-группы“ комитет вел работу преимущественно среди ремесленников, что события 1901 г. заставили рабочих волноваться, требовать демонстраций, а комитет тормозил работу. Дальше имеется указание о том, что Одесский комитет постепенно, осторожно, по мере роста влияния „Южной группы“ начинает выставлять политические лозунги. В заключение сообщается, что в ноябре 1902 г. Одесский Комитет выпустил „Летучий листок рабочего слова“ № 2, затем № 3, где политическая борьба ставится уже как ближайшая задача, более определенно знаменуя собой поворот его от экономизма к открытой политической агитации. Правда, автор критикует половинчатость позиций „Рабочего слова“, но факт революционного самоопределения его не отрицает.

¹⁾ Лепешинский. „Протоколы II съезда“.

Уже весной или летом 1902 г. произошло объединение Одесского комитета и „Южной группы“, очевидно в связи с тем, что Одесский комитет несколько изменил свою линию, постепенно отказываясь от принципов экономизма.

Но летом 1902 г., судя по сводкам департамента полиции, революционные элементы выделились в особый „Южно-революционный союз“. Союз существовал очень недолго, но успел издать несколько листовок, в том числе манифест „ко всем гражданам России“. В нем подчеркивается отсутствие объединения местных комитетов с.- д. организаций, отсутствие прочных связей с обществом, недостаток правильного воздействия на опору самодержавия — солдат и крестьян — и недостаточно широкое распространение революционных изданий. Означенные недостатки побуждают авторов манифеста учредить новую районную организацию под названием „Южно-революционный союз с.- д.“, которая, примыкая несомненно по своим теоретическим взглядам к „Искре“, имеет целью: 1) объединить все города и особенно те из них, в которых нет еще комитетов и организаций, 2) содействовать учреждению и усилению революционных студенческих организаций и 3) организовать широкую агитацию среди солдат и крестьян и непрерывно издавать прокламации к массам рабочих¹⁾.

— К концу 1902 г., под влиянием искровски настроенных членов Одесск. к-та, „Южно-революционный Союз“ вливается в Одесскую организацию, идя навстречу требованиям искровской группы. Новомирский (Даниил), Левитский и Землячка зимой 1902 г. создали тройку, которая положила начало упорной борьбе за „Искру“. Работа нового комитета пошла успешно, комитет создал прочную организацию и организационно перестроил ее, приспособляясь к требованиям массовой политической работы, и широко развернул агитационно-литературную работу. В 1903 году Одесский комитет, уже как авторитетная в рабочих массах организация руководит массовками, из которых особенно многочисленной была массовка 1 мая. Идеиное оформление Одесского комитета на платформе „Искры“ отмечено было уже в № 25 „Искры“: „Осенью 1902 г., когда в Одессу приехали представители еврейской независимой партии, настроенной в духе „экономизма“, их встретили плохо, а „Южная группа“ выпустила воззвание по поводу их приезда под заголовком „Новые союзники самодержавия“.

Любопытные штрихи для выяснения позиции Одесского комитета находим в „Докладе ко II съезду организаций „Искры“ (см. „Пролетарская Революция“, № 1, 1928 г.), относящемуся к периоду с апреля 1901 по февраль 1902 г. „Не менее враждебно относился к „Искре“ и Одесский комитет. До октября с Одесск. К-том нет никаких сношений, в октябре в Одессе

¹⁾ Дело № 6 харьковского розыскного отделения 1902 — 1903 г.

поселяется представитель „Искры“, он предлагает литературу комитету; комитет берет лишь по 30 экз. „Искры“ и заявляет, что больше не надо... Комитет требует, чтобы искровский представитель вошел в их организацию, не заводил помимо них связи, имеющиеся уже у него связи передал бы им, а то он-де торгует „Искрой“, получает деньги, а комитету деньги нужны самому“. „Здесь, — пишет представитель „Искры“, — много материалов, но мне их не дают раньше договора“... Это сообщение, по всей вероятности, относящееся к концу 1901 и началу 1902 г., совершенно отчетливо показывает, какое недоверие и враждебность встречала „Искра“ и с каким трудом приходилось ей преодолевать противодействие экономистов.

Таким образом, Одесский Комитет, бывший оплотом экономизма, ко II партийному съезду оформляется уже как искровская организация. „Южно-революционная группа“, а затем „Южно-революционный союз“ были этапами на пути к оформлению Одесской организации в сторону революционного марксизма. Это они были той оппозицией, которая начала систематическую борьбу против кустарничества экономизма, при чем „Южно-революционный союз“, повидимому, по идее своей, во всяком случае, имел намерение выйти за рамки губернской организации и стать областной организацией. Это была одна из попыток объединения с.-д. организаций на Украине в районном масштабе. С подобными же попытками создания районных объединений мы столкнемся и дальше, при изложении истории других крупных организаций на Украине.

Кроме перечисленных организаций, в Одессе в 1903 г. организовалась группа „Рабочая Воля“. О ней упоминает сводка департамента полиции за сентябрь м - ц (в делах Харьковского охранного отделения). О ней же упоминается в протоколах II съезда (стр. 22). По сообщению Одесского комитета — это ничтожная организация, которая возникла еще до мая 1902 г., деятельности не развернула, в с.-д. кругах неизвестна. Что же касается ее идейного лица, то, по заявлению „Организационного Комитета“, „эта организация отнюдь не производила впечатления солидарности“. В связи с этим Организационный Комитет отказал ей в праве участия на съезде. В результате переговоров „Рабочая Воля“ заявила, что „предстоящий съезд она не будет признавать съездом партии“... Но уже в сентябре 1903 г. в № 48 „Искры“ появилось сообщение, что „Рабочая Воля“ заявила о своем присоединении к „Искре“. Повидимому, эту Одесскую группу нельзя смешивать с одноименной группой, возникшей в Киеве в 1901 г., хотя в книге т. Баевского¹⁾ обе эти организации названы как разветвление одной и той же группы — „Рабочая Воля“, имевшей свои организации в Киеве, Одессе, Москве. Баевский определяет идейное лицо „Рабочей Воли“

1) Баевский. „История с.-д. печати“.

в отношении к „Искре“ как „оппозицию слева“. Повидимому, такая оценка верна для Киевской группы. Что же касается Одесской группы „Рабочая Воля“, то ее позиции до настоящего времени не выяснены.

Уже в 1903 г. Одесский комитет в основном преодолел экономические настроения и широко развернул свою массовую работу. О размерах ее можно судить хотя бы по тому, что за период сентябрь—ноябрь последним было выпущено 81.800 экз. воззваний. На II с'езде Одесский комитет был представлен двумя делегатами искровского направления, при чем голоса разбились: один выступал за искровское большинство, другой защищал позицию меньшинства.

После второго с'езда Одесская организация оформляется как организация, где победило искровское большинство, и становится крупнейшим большевистским центром и наиболее сильной ленинской организацией на Украине.

Что касается Николаевской организации, то сведения о ней чрезвычайно скудны и отрывочны. Об этом периоде почти нет никаких данных. В сборнике „1905 г. на Николаевщине“ находим сообщение о том, что Николаевский комитет был организован к концу 1901 г. К 1902 году насчитывается около четырех-пяти, а, может быть, и больше кружков. В воспоминаниях Годлевского находим следующие данные о Николаевской организации¹⁾: „После провала „Южно-Русского Рабочего Союза“ 1898 г.,— пишет он,— рабочее движение в Николаеве то замирало, то оживало, но в общем носило случайный характер. Язвой николаевской жизни была провокация. Не успеет народиться какой-либо кружок, как тотчас его проваливает какой-нибудь провокатор“. Годлевский сообщает о том, что в состав первого комитета вошел Калифати, Нудельман и сам Годлевский, что комитет начал издавать газету „Наше Дело“. Печатали „Наше Дело“ для Николаева, „Южный Рабочий“— для Екатеринослава, прокламации, брошюры— для Одесского комитета и др. литературу... Типография была поставлена так хорошо, что ее похвалил даже одесский градоначальник... Заканчивая 1902 г., мы подвели итоги, и оказалось, что типография отпечатала в четыре месяца ее существования до 50.000 экз. прокламаций и брошюр. Число заказов все более и более увеличилась, мы не могли с ними справиться и решили устроить вторую типографию...“

Таковы данные о Николаевской организации. По ним можно судить о значительных размерах и размахе работы в Николаеве, но как шло идейное оформление и каким образом внедрялись искровские идеи в Николаевской организации— сведений совершенно нет. Имеется только косвенное указание на то, что Николаевский комитет так же, как и Одесский,

¹⁾ „Лет. Рев.“, № 2, 1924 г.

признал „Организационный комитет“, как центр по подготовке с'езда, отказавшись признать его руководящим партийным центром¹⁾. Известны также позиции делегата Николаевской организации на втором с'езде. Представитель Николаева Калифати являлся лидером того „центра“, который на с'езде, блокируясь с антиискровскими элементами, а по ряду вопросов и с искровским меньшинством, все время выступал против искровского ленинского большинства. Вот эти два факта косвенно говорят о том, что к 1903 г. Николаевская организация еще недостаточно оформилась на искровской платформе и, по-видимому, во многом, еще осталась верной экономизму, несмотря на официальное признание „Искры“ руководящим органом. Акимов - Махновец, говоря о Николаевском рабочем движении в 1900 г., отмечает, что в Николаеве рабочее движение находилось на той стадии, которую переживало оно в Киеве и в Москве в 1895 — 1896 г., т. - е. переходило от пропаганды к агитации на почве мелких нужд и потребностей, доступных пониманию совершенно невоспитанному в политическом отношении рабочему²⁾. Эта молодость рабочего движения, пожалуй, и является основной причиной позднего развития революционного марксизма в этом пролетарском центре Украины. Слабая связь с другими центрами с. - д. движение усугубляла сложность и медленность процесса идейного оформления этой организации на позициях революционного марксизма. Если Одесский комитет был организацией, наиболее медленно развивавшейся в направлении революционного марксизма, то, несомненно, первое место по темпу революционного самоопределения и организационного оформления в искровский период занимала Екатеринославская организация, наиболее сильная и ортодоксальная, носившая на себе отпечаток той пролетарской среды, в которой она выросла. „Если до первого с'езда руководящей организацией была Киевская, то в этот период руководящая роль переходит к Екатеринославу. Он становится притягательным центром“³⁾.

Екатеринославский комитет сформировался в 1898 году и вскоре, оставив экономические позиции, перешел к широкой политической работе, раньше других комитетов преодолев узость и кустарничество. Вообще в первый искровский период Екатеринославская организация широко развернула работу, по размерам далеко опередив организации других крупных городов Украины и России. В 1900 году число кружков доходило до 25-ти с общим количеством членов в 200 человек, а в 1901 году комитет начал широко применять массовки за

1) См. „Протоколы II с'езда“.

2) Акимов - Махновец „Очерк развития с. - д. в России“.

3) Статья т. Рубача. Сборник „История Екатеринославской с. - д. организации (изд. Екат. Истпарта).“

Днепром, сильно раздвинувшие рамки организации. Такому росту организации во многом способствовало то, что в Екатеринославе в 900-х годах собралось руководящее ядро из таких крупных работников, как Лалаянц, Бабушкин, Машицкий, Цхакая, Гинзбург и еще ряд питерских рабочих с.-д., высланных сюда под надзор полиции. „Они воспитали целый ряд екатеринославских рабочих, которые потом были руководителями не только местного рабочего движения, но и всего юга России. Это из их кружков вышли твердыми с.-д., цвет рабочего класса Г. И. Петровский, Егор Матлахов и др. Организация пустила глубокие корни в рабочие массы, впитывая в себя все лучшее, самоотверженное, что было в рабочем классе“¹⁾.

В организационном отношении Екатеринославский комитет являлся типичной организацией для того времени. Организационная схема Екатеринославского комитета такова: во главе — комитет, при нем — коллектив пропагандистов, который занимался с отдельными кружками; отдельно имела техника, занятая выпуском листовок. В 1901 г. эта структура несколько меняется; параллельно с комитетом выделяется „рабочий комитет“, куда входили наиболее выдержанные и передовые рабочие из районов. В его задачи входила агитация, пропаганда, распространение литературы и др. За комитетом оставалось общее руководство. В указанный период организация была жестко законспирирована. В этот период было уже проведено четкое распределение труда, знаменуя собой принятие организацией искровского плана построения партии.

Если в Одессе из „экономического“ большинства организации выделялось постепенно революционное меньшинство (оппозиционная „Южная группа“), то в Екатеринославе было обратное явление. Екатеринославский комитет, ставший на искровские позиции раньше других комитетов, имел в организации небольшую оппозицию экономического характера. Там параллельно комитету существовала „рабочая группа РСДРП“, которая расходилась с комитетом по организационным вопросам, протестовала против существующего в организации централизма, больше внимания обращая на вопросы пропаганды, чем на развитие широкой политической агитационной работы. Борьба этой группы против комитета особенно остро развернулась в организации с осени 1901 г. В центре был поставлен вопрос о выборности и назначенчестве.

Любопытное объяснение этим спорам находим в делах харьковского розыскного отделения²⁾. Органы розыска объясняли эту идейную борьбу как „разногласие между интеллигенцией, которая и составляла собственно комитет, с агитаторами из рабочих, желавших освободиться от опеки первой.

¹⁾ Ст. Рубача (тот же сборник).

²⁾ Дело хар. розыскного отделения, № 6, 1902 - 1903 г.

Основним пунктом раздора являлась попытка комитетов ликвидировать широкую выборность, существовавшую до того времени в организации, требуя назначения членов комитета, а не выборов их. Особенно резки были выступления оппозиции против „Организационного Комитета“, при чем озлобление дошло до того, что оппозиция похитила типографию комитета. Та же сводка охраны от 1 июля 1903 года говорит о каком-то представителе ЦК РСДРП, который вступил в сношения с тамошней „Рабочей группой“ и приступил к организации „Технической группы“ с целью организовать снабжение как местных, так и иногородних организаций за известную плату тайными типографиями, шрифтами и т. п., при чем „вырученные деньги предназначались в пользу упомянутой выше „Рабочей группы“. Дальше сводка говорит о том, что „Техническая группа“ начала получать заказы от „искровцев“, а 16 июля, когда представитель стал готовиться к отъезду, представитель „Рабочей группы“ поручил ему завязать связи с комитетами в Одессе, Херсоне с целью составить противовес Организационному Комитету, стремящемуся захватить в свои руки центральное руководство всеми с.-д. партиями“. Этот документ охраны, очень противоречивый и путанный, интересен в другом отношении: 1) он указывает на то, что борьба с экономистами, не понявшими организационного плана „Искры“, продолжалась еще и накануне II съезда, 2) а также на то, что были попытки объединить работу хотя бы в масштабе Украины. Создание „Технической группы“ для обслуживания с.-д. комитетов говорит о назревшей уже среди украинских организаций потребности объединить и сконцентрировать работу. В. Левицкий (Цедербаум) в своей интересной книге „За четверть века“ подтверждает эти данные о борьбе Екатеринославской организации и инцидент с похищением типографии, указывая на наличие крупнейших разногласий между комитетчиками - интеллигентами и местными рабочими, которым интеллигенты хотят навязать свой план. Эти события Левицкий относит к началу 1903 года; он утверждает, что „рабочая оппозиция“ комитету была вполне сложившейся фракцией, собиралась отдельно от комитета и в рабочих районах пользовалась авторитетом, поскольку в противовес неизвестным назначенцам в составе интеллигентского комитета ее возглавляли местные рабочие, как, например, Н. Дроханов и др. Левицкий видит в этой борьбе оппозиции возобновление споров о выборности, которая господствовала в Екатеринославе еще в 1901 г. и в результате которой Екатеринославская организация уже „представляла собой тип демократической организации с довольно последовательно проведенным выборным началом“¹⁾, указывая, что такое положение было результатом того, что екатерино-

¹⁾ Левицкий. „За четверть века“.

славские рабочие добились частичного удовлетворения своих требований.

Эта внутрипартийная борьба сильнее всего отразилась на работе Екатеринославской организации, ослабляя ее силы. Весною 1903 г. туда прибыл член О. К., Е. М. Александрова, с целью ликвидации этой борьбы и превращения комитета в „искровский“, что и было сделано в итоге большой организационной работы. Когда в комитет вступили искровцы Виленский, В. Цедербаум, Саша Прус и др., которые начали энергичную работу против „рабочедельцев“, началась ликвидация того идейного разброда, который существовал среди известной части екатеринославских рабочих. В 1902 г. „рабочедельцы“ - оппозиционеры на время получили даже большинство в комитете; состояние организации пошатнулось, и в 1903 году приходилось с большими усилиями ликвидировать вредные тенденции, культивировавшиеся в организации. Тов. Ногин в своих воспоминаниях прямо называет эту оппозиционную группу „рабочедельской“, зараженной „экономизмом“. Вся эта борьба нашла, между прочим, свое отражение в делах екатеринославского охранного отделения, которое обратило на нее сугубое внимание.

Несомненно, „рабочедельская“ оппозиция в Екатеринославе, которая нашла себе базу в рабочих районах, отражала незрелость и молодость рабочих этого крупнейшего центра, выросшего в течение одного десятилетия. Этим объясняется то, что наряду с кадрами рабочих, уже прошедших хорошую школу рев. движения в 80—90 годах XIX ст., в среде пролетариата были большие группы рабочих, политически невоспитанных, связанных с деревней и не успевших еще пройти школу революционной борьбы.

Всеобщая забастовка летом 1903 г. способствовала быстрому изживанию оппозиции. Рабочие толпами начали переходить от „рабочедельцев“ к „искровцам“, возглавившим революционную политическую борьбу в те памятные дни. Организация „Искры“ крепнет и ширится, насчитывая уже 360 оформившихся социал-демократов. В это время комитет устанавливает связь с уездами и начинает влиять на крестьянские массы. Яркую картину роста влияния комитета в результате событий лета 1903 г. находим в отчете Екатеринославского комитета ¹⁾. „После забастовки число активных сторонников комитета стало возрастать с небывалой раньше быстротой. В течение более чем месяца не проходило ни одного дня, чтобы к комитету не обращались все новые и новые лица с просьбой принять их в организацию... Забастовка не обошлась без влияния и на крестьянство... В деревне Каменка крестьяне ждали только одного — чтобы

¹⁾ См. приложение к № 12 „Искры“.

забастовка продолжалась еще хоть неделю; кончится уборка хлеба, тогда и они присоединятся“. То же и в других деревнях; забастовка не прошла бесследно и для войска — там были распространены листовки“... .

Так в 1903 году, на подеме революционной волны в период всеобщей забастовки, Екатеринославская организация покончила счеты с „рабочедельскими“ организациями, имевшими место в отдельных группах рабочих. На II съезд в качестве представителей Екатеринослав послал двух товарищей, ставших на позиции искировского большинства, а после съезда Екатеринославский комитет одобрил все его решения и признал себя сторонником ленинского большинства. Вот его резолюция: „Екатеринославский комитет, выражая свою солидарность со всеми постановлениями съезда, подчиняется во всем центральным учреждениям, избранным съездом, приглашает товарищей объединиться и выражает свое порицание всяким дезорганизаторским попыткам, нарушающим цельность и единство работы“.

Такова вкратце история Екатеринославской организации в искировский период. Но картина будет неполна, если мы параллельно не остановимся на работе литературной группы „Южный Рабочий“, созданной в Екатеринославе и теснейшим образом связанной с жизнью Екатеринославской организации.

Газета „Южный Рабочий“ была создана в 1899 году. Уже самый факт создания этой газеты, по словам т. Рубача, „является ярким показателем политического направления, внутренней силы и содержания Екатеринославской организации, переросшей рамки своей губернии и охватившей своим руководством юг России.“ И действительно, ее возникновение было ярким показателем потребности в областном объединении. Оно знаменовало собой начало нового этапа истории социал-демократии. Эта была первая удавшаяся попытка объединения организации в областном масштабе по плану „Искры“. Особенно остро ощущали потребность в объединении и централизованном руководстве те организации, которые стали на точку зрения необходимости широкой политической массовой борьбы. Кружковщина, дробность, оторванность организаций друг от друга, отсутствие руководящего центра — все это являлось громадным препятствием в деле осуществления новых политических лозунгов. Понятно, почему идея областной газеты возникает именно в организации, которая раньше других стала на путь политической борьбы, тем более, что в Екатеринославе были налицо и необходимые для начала издания данные: „крепкое, сильное руководящее ядро работников, связь со многими организациями и другое.“ „Южный Рабочий“ стал тем идейным центром, вокруг которого начали группироваться искировские элементы Украины, вокруг которого сконцентрировалась борьба с экономизмом и где шла деятельная подготовка ко II партийному съезду“ (ст. т. Рубача). Тов. Рубач подчеркивает, что

идея с'езда и необходимость создания единой централизованной партии в группе „Южный Рабочий“ возникли параллельно и одновременно с „Искрой“, что организация газеты ставила этот вопрос перед тов. Лениным, но в тот период сочувствия не нашла. Ленин считал необходимым предварительную идейную подготовку и осуществление принципа: „прежде, чем об'единиться, нужно размежеваться“ и считал об'единение комитетов в тот период, период господства экономизма, преждевременным.

Тем не менее „Южный Рабочий“ продолжал подготовку с'езда до тех пор, пока большой провал не ликвидировал всю подготовительную работу. Была захвачена типография, были раскрыты и ликвидированы все междугородные связи — в Полтаве, Кременчуге, Екатеринославе, Харькове и других городах, где группы были связаны с Екатеринославом. Таковы краткие данные о работе „Южного Рабочего“ за 1899—1900 г. После провала работа на время замирает с тем, чтобы потом развиться в еще большем масштабе.

„Создание газеты „Южный Рабочий“, — говорит Рубач, — и практическая работа по об'единению разрозненных организаций путем созыва II Всероссийского с'езда — эти два основных факта являются наиболее яркими показателями высокой степени понимания Екатеринославской организацией важнейших очередных задач, стоявших перед с.- д. Борьба с оппортунизмом и кустарничеством экономизма за создание самостоятельной единой политической рабочей партии — эти две основные задачи, характерные для всего искровского периода нашей партии, были еще тогда, до создания „Искры“, не только полностью осознаны Екатеринославским комитетом, но и начали им практически осуществляться. В этом громадная заслуга Екатеринославской организации того периода“...

Нам кажется необоснованной такая попытка представить „Южный Рабочий“ группой, опередившей „Искру“ в деле ортодоксального понимания задач с.- д. Дальнейшее рассмотрение идейного содержания группы говорит о том, что работники „Ю. Р.“ недооценивали целого ряда проблем, поставленных „Искрой“, и что они не смогли подняться полностью до ленинского понимания задач партии в тот период. Вот почему говорить о том, что „Ю. Р.“ полностью еще до появления „Искры“ воспринял все ее идеи — рискованно и по сути неверно.

Еще в начале 1901 г. „Искра“ приветствует издание южных товарищей и неоднократно на протяжении двух лет на своих страницах печатает документы „Ю. Р.“, одобряя его деятельность. По признанию Искры, „Ю. Р.“ — авторитетнейшая организация на юге. Материалы целиком подтверждают такую оценку „Искры“. Прежде всего о степени известности и влияния его говорят те обширные связи, которые были у „Ю. Р.“ в первый период его деятельности. После 1901 г.,

судя по воспоминаниям Гинзбурга - Наумова (один из руководителей группы), группа имела крупные связи с Харьковом, путем вхождения члена Харьковского комитета Ерманского в состав редакционной группы. Повидимому, связь была настолько тесной и прочной, что это послужило материалом для т. Крамера¹⁾ утверждать, что в Харькове существовала самостоятельная группа „Ю. Р.“, организованная Левиным. Подтверждения такого вывода мы в литературе не находим.

Тесное сношение поддерживала группа и с Одесским комитетом и особенно с „Южно - Русской революционной группой“, определившейся как политическая организация. Непосредственная органическая связь установилась также с Екатеринославским комитетом. Судя по воспоминаниям В. Цедербаума („За четверть века“), в 1902 году „Кременчуг был главным местопребыванием „Ю. Р.“ — там находилась и типография, потом переведенная в Елисаветград, где она скоро была ликвидирована. Там же упоминается о связи „Ю. Р.“ с Полтавой, тогда крупным центром скопления серьезных марксистских сил, живших там в качестве поднадзорных. В частности, там летом 1902 года жили Левины — активнейшие руководители „Ю. Р.“. Связь с Полтавой осуществлялась тем, что Левины обслуживали ее литературно, а затем ездили на свидание с другими членами „Ю. Р.“. Часто наезжал в Полтаву к Левиным В. Н. Розанов, после ареста А. Гинзбурга, повидимому, главная организационная сила „Ю. Р.“. Розанов имел непосредственные сношения с типографией и приезжал за литературным материалом для очередного номера журнала, при чем он же вместе с Левиным занимался и редактированием этого журнала²⁾.

Уже одно перечисление городов, где печатался „Ю. Р.“, показывает крупный масштаб и границы его влияния. В екатеринославском сборнике находим перечисление таких городов, где была типография: Кременчуг, Кишинев, Николаев, Херсон, Елисаветград, Полтава. Этот список нуждается в проверке, но достаточно ярко показывает, как широко раскинулись связи и влияние „Ю. Р.“. До II съезда за все время существования „группы“ вышло 11 номеров. „Ю. Р.“ была газета, составлявшаяся прекрасно в литературном отношении и вместе с тем доступная пониманию широких рабочих кругов в силу своей популярности. Техника „Ю. Р.“ тоже резко выделялась из ряда других трудно читаемых нелегальных изданий. С первого же номера редакция придала газете боевой политический характер, и „Ю. Р.“ немало содействовал распространению политического направления среди южных с.-д. организаций и, без всякого сомнения, оказал большое влияние на их переход к „искризму“.

¹⁾ См. Сборник „1905 г. в Харькове“.

²⁾ В. Цедербаум. „За четверть века“, стр. 95.

Несмотря, однако, на огромную положительную роль, какую сыграл „Ю. Р.“ в идейной борьбе с.- д. организаций на Украине с „экономистами“, группа „Ю. Р.“ допустила ряд отклонений от теории и практики революционного марксизма. Основные ошибки „Ю. Р.“ заключались в том, что хотя задачи политической борьбы и выдвигаются, но очень осторожно. Не было резкой и прямой постановки вопроса об изживании экономизма до конца. Вот как формулируют разногласия „Ю. Р.“ с „Искрой“ Стопалов и Рубинштейн в своей монографии „Искра“. „Стоя в общем на платформе „Искры“, „Ю. Р.“ однако не изжил полностью экономизма. Он был недоволен теми заушениями, которые претерпевали русские генералы от „Искры“. Если мы действительно думаем, что для борьбы с самодержавием необходимо сплотиться всем оппозиционным элементам, то нельзя ведь высмеивать тех, кто остается за междоуем... Какая речь может идти о союзе с теми, которых мы оплевали... Получается курьезная картина: как авангард, мы призываем следовать за нами всех недовольных, но при каждом удобном и неудобном случае стараемся обругать свой арьергард¹⁾. Следующий пункт разногласий касается взглядов „Искры“ на аграрные волнения: „крестьянские бунты всегда будут только бунтами и никогда не превратятся в сознательное политическое движение“²⁾. Отказ от борьбы с либеральной буржуазией, отказ от союза с крестьянством — вот основные пункты разногласий „Ю. Р.“ с „Искрой“, в значительной мере предопределявшие будущий переход этой группы в лагерь меньшевиков. В известной мере выводы эти подтверждаются при рассмотрении текста самой газеты, при чем выясняется и еще ряд моментов несогласия „Ю. Р.“ с „Искрой“.

Только в конце 1902 г. „Ю. Р.“ стал на платформу „Искры“, об'явив официально и в газете № 10 и в „Искре“ № 26 о признании ее своим руководящим органом. Только постепенно и очень медленно изживала группа свои несогласия с „Искрой“, и все же на II съезде ее делегаты не были солидарны с целым рядом основных предложений „искровского“ течения большинства и определились как „болото“, поддерживавшие антиискровские предложения.

В № 10 газеты (декабрь 1902 г.) в передовой статье поставлена проблема организационная. Газета пытается выяснить причины кризиса в организациях, выражающегося в том, что почти повсеместно от комитетов отделяются рабочие группы, восстающие против самовластия интеллигентов. „Так было полтора года тому назад в Киеве, так было в Одессе в нынешнем году, то же повторилось в Харькове и других промышленных городах и на юге, и на севере, и в западном краю“.

1) Н. Рубинштейн и Г. Стопалов. „Искра“. 1900 — 1903 г. ГИЗ, 1926 г.

2) Институт Ленина. Тетрадь „Ю. Р.“. Письмо от 29-го июля, дело № 1412.

Газета, подчеркивая этот внутривластийний кризис, об'ясняет его ошибками самой системы, которая сложилась лет пять назад и была приспособлена для более узких задач экономической борьбы. Новые условия требуют новых форм, „сложная выборная система некоторых комитетов не удовлетворяет новым требованиям. Условия тайной политической деятельности таковы, что деятели должны быть законспирированы и при выборной системе не могут быть избраны, т. к. их не знает масса“. „Ю. Р.“ для ликвидации кризиса предлагает создать централизованную единую партию во главе с ЦК, который был бы облечен широкими полномочиями в области руководства общей борьбой, широкой агитацией, и для того, чтобы поднять народное восстание тогда, когда это станет возможным. „Наоборот, всякое усиление самостоятельности за счет центральной организации каких-либо местных организаций, отдельных ли комитетов или целых районных союзов — все это неизбежно будет вести к ослаблению связи между отдельными организациями, а следовательно — и ослаблению боевой готовности партии“.

Таким образом, уже в конце 1902 года „Ю. Р.“ по организационному вопросу, судя по передовой, целиком стал на точку зрения „Искры“ и защищал решительно ленинский план против попыток повернуть организации на „рабочедельский“ путь боспринципного демократизма, раздробленности, ослабления значения руководящих центров и т. д. В этом же номере „Ю. Р.“ помещено и заявление редакции, в котором группа об'являет себя солидарной с „Искрой“ в вопросах программы, тактики и организации и присоединяется к ней, обязуясь работать совместно. Все это говорит достаточно красноречиво об идейных позициях группы. Выводы о недостаточно решительной линии против экономизма, повидимому, следует искать в других, более ранних номерах газеты. Впрочем, исходным положением для критического отношения является конец упомянутого заявления. В нем сказано, что „мы далеки от мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работе, которую выполняла за это время организация „Искры“, не было никаких ошибок и пробелов. Мы только думаем, что эти ошибки не настолько важны, чтобы они могли служить препятствием к соединению“. В этой постановке подчеркнуто критическое отношение группы к „Искре“ и хотя разногласия и не расшифрованы, но достаточно отчетливо указывается на то, что по ряду вопросов „Ю. Р.“ признает позиции „Искры“ ошибочными.

В докладе „организации“ „Искры“ II с'езду в 1903 г.¹⁾ мы находим интереснейшие данные, рисующие взаимоотношения „Ю. Р.“ и „Искры“ в более ранний период, непосредственно

¹⁾ „Пролетарская Революция“, № 1, 1928 г.

предшествовавший созданию О. К., которые также говорят об искровских позициях „Ю. Р.“, — „Ю. Р.“ тогда еще писал в редакцию „Искры“ о том, что „объединение составляет насущную задачу данного момента, а так как дело объединения может быть проведено лишь общими усилиями, то организация „Южного Рабочего“ решила стать в более близкие и тесные сношения с организацией „Искры“. С этого момента, судя по отчету, между организациями завязывается дружная переписка. И все же, повторяем, несмотря на то, что „Ю. Р.“ определился как организация искровского направления, это самоопределение не было полным и безоговорочным.

Медленное и неполное самоопределение „Ю. Р.“¹⁾ на платформе „Искры“ безусловно связано с социальной средой, в которой группе приходилось работать. На Украине, даже в таких промышленных центрах, как Екатеринослав, при наличии групп квалифицированных, испытанных рабочих, были сильные настроения, которые приносили с собой из деревни новые кадры рабочих, давила узость ремесленника и мелкобуржуазной интеллигенции городов, влияние Бунда и пр.

По словам т. Лепешинского²⁾, в искровский период „Киев был, пожалуй, самым значительным пунктом с.- д. работы в южном районе“. Этот вывод Лепешинский подтверждает на примерах сугубо внимательного отношения охранки к Киеву. Последняя в 1901 г. вынуждена была принять специальные меры к организации розыска на юге, укрепив особенно Киев, ибо „для южных революционных групп центром движения всегда служил и ныне служит г. Киев“³⁾. Важнейшим опорным пунктом „Искры“ называет Киев и т. Зиновьев.

Нам кажется такое утверждение неверным. Несомненно-первенствующее значение Киевской организации в период первого съезда. Что касается искровского периода, то, по-видимому, более прав т. Рубач, ставя на первое место Екатеринослав, исходя из того, что он стал центром не только для местной работы, но и для всего юга, о чем говорят создание областной газеты „Ю. Р.“, крупные связи со всеми южными организациями, попытки их объединить и т. д. Занимал ли такое место Киев — судить трудно. Во всяком случае, литература и имеющийся в настоящее время материал такой руководящей роли Киева на юге не подтверждают. Несомненно, однако, то, что Киев играл крупную роль и чрезвычайно быстро проделал эволюцию революционного самоопределения под флагом „Искры“. На II съезде Киев представлен был делегатами-большевиками, что уже само по себе является показателем высокой степени идейного оформления Киевской организации.

1) Вопрос о „Южном Рабочем“, его характере и пр. является пока дискуссионным. — Р е д.

2) Лепешинский „От кружковщины к партии“. Протоколы II съезда.

3) Отношение директора департамента полиции от 3-ХП 1901 г.

Косвенно о крупной роли Киева говорит и то, что „О. К.“ по созыву второго с'езда местопребыванием своим избрал Киев, как это видно из материялов Харьк. охр. отделения.

Ко времени выступления „Искры“ в Киеве так же как и других центрах с. - д. работы, господствовало экономическое направление, хотя в более ранний период — 1897 — 98 годы, судя по опубликованным в „Летописи Революции“ документам и материялам¹⁾, Киевская организация все более и более проникалась лозунгами политической борьбы, ставя перед рабочими задачи борьбы с самодержавием. Газета „Вперед“, издававшаяся Киевским комитетом в конце 90 - х годов, также отчетливо показывает переход к политической борьбе, который совершила Киевская организация в этот период. Повидимому, крупнейшие провалы и аресты, последовавшие по всем почти крупным организациям в 1898 г., разгромили и Киевскую организацию. Иначе непонятно утверждение т. Лепешинского о том, что „в Киеве, как и в других старых центрах с. - д. работы, ко времени выступления „Искры“ господствовало экономическое течение“. Очевидно, после из'ятия старых работников, Киев перешел в руки „молодых“, экономически настроенных руководителей. Однако нас в данном случае интересует процесс воссоздания организаций под знаменем „Искры“.

„Искровское направление не сразу было утверждено в организации. Еще в 1901 г. наряду с Киевским комитетом возникла группа „Рабочей Воли“, по идеологии родственная „Искре“. Она считала необходимым „главное внимание обратить на развитие массового политического самосознания у рабочих, признавала необходимым самую широкую политическую агитацию“ (Лепешинский), чем стала в оппозицию Киевскому комитету, который, по заявлению группы, „обнаруживал склонность к экономической агитации в ущерб политической“. Повидимому, разногласия все же не были очень серьезными, т. к. вскоре „Рабочая Воля“ слилась с комитетом, во главе которого в 1901 г. стояли искровцы (Бауман, Крохмаль и др.). Таким образом к концу 1901 г. Киевский комитет выступает как дружественная „Искре“ организация.

Из протоколов II с'езда по выступлению делегата от Киева т. Степанова узнаем, что Киевский комитет до II с'езда вел работу и среди фабричных рабочих и среди еврейских ремесленников, стремясь об'единить и координировать работу среди тех и других, чем, по словам делегата, был очень недоволен Бунд, который своей сепаратистской политикой только раз'единял рабочих по национальному признаку.

Об „устойчивом“ искровском настроении и о быстром преодолении элементов кустарничества и „экономизма“ в Киеве говорит также факт признания Организационного

1) См. „Летопись Революции“, № 3, 1903 г., ст. Манилова.

Комитета руководящим центром и поддержка его инициативы по созыву II с'езда. Уже в феврале 1902 г. О. К. был признан, Киевским Комитетом.

Возвращаясь к выяснению идейных позиций Киевского комитета, сошлемся на цитированный уже нами доклад организации „Искры“ II с'езду 1903 г.¹⁾ В июле 1901 г. киевский представитель „Искры“ оценивает отношения к ней как „очень хорошие“ и указывает на то, что „в конце ноября — комитет безусловно на стороне „Искры“. Он постановляет отчислять ежемесячно 25 руб. в пользу „Искры“. Однако, тут же выявляется, „что теоретические разногласия между „Искрой“ и „Рабочим Делом“ совершенно неясны для комитета“. „Искра“ завоевывает свое признание не полемикой с „Рабочим Делом“, „а своей практической деятельностью“. „Комитет пойдет за тем, кто доставит ему литературу...“ „Фабрично-заводские рабочие почти не участвуют в движении“, пишет другой корреспондент о Киеве, а из ремесленников подавляющее большинство евреев“. „Искра“ доступна лишь ничтожному меньшинству сознательных рабочих“. „Она годится для немногих читателей, а между тем самой насущной потребностью является литература для массовой агитации“. Эти штрихи из жизни Киевской организации очень показательны для понимания процесса идейного оформления киевских с.- д. Вопросы, наиболее остро поставленные „Искрой“, проходят мимо организации, которая в тот период в массе еще не доросла до понимания теоретических проблем, выдвинутых „Искрой“. Несмотря на это, однако, можно считать установленным, что в конце 1901 г. решительно в защиту „Искры“ выступали лишь „Северный Союз“ и Киевский комитет.

Полное самоопределение Киевской организации на платформе „Искры“ произошло не сразу. На смену „Рабочей Воли“, которая сыграла в свое время роль оппозиции против остатков экономизма, в конце 1901 г. в Киеве возникает новая оппозиция во главе с А. А. Кузнецовой, признававшей работу Киевского комитета „мертвой и закостелой“. Для оживления и оздоровления работы она создала группу „Киевский Комитет Рабочего Знамени“, которая принимала активное участие в организации демонстрации, выпуске листовок и т. д., пока весной 1902 г. не была разгромлена жандармами до основания. У т. Батурина²⁾ находим сообщение о том, что эта группа „Рабочего Знамени“, или, как они себя называли „Русская с.- д. партия“, об'единяла целый ряд кружков, которые в дальнейшем самоопределились по-разному: петербургский кружок примкнул к „Искре“, в то время как киевский об'единился с партией с.- р. Такие колебания в сторону

1) „Пролетарская Революция“, № 1, 1928.

2) Батурин. „Очерки истории с.- д. в России“.

авантюризма с. - р. имели место среди с. - д. не только в Киеве. Они несомненно стояли в связи с новым характером общественного движения. Политическая борьба требовала новых методов работы. Экономизм таких методов не давал и поэтому часть менее устойчивых с. - д. искала выхода в террористической боевой тактике с. - р.

„Русская с. - д. партия — „Рабочее Знамя“ — желала остаться верной принципам политической борьбы и начать террористические действия, как неизбежное средство борьбы“, констатирует охранное отделение¹⁾. Повидимому, группа „Рабочее Знамя“ в Киеве и отражала собою шатанья в с. - д. кругах, их увлечение терроризмом, что и заставляло „Искру“ бить тревогу, заостряя борьбу против авантюризма с. - р., поскольку влияние их проникало в партийные круги. Эту группу интересно отметить, повторяем, в том отношении, что она, повидимому, также являлась оппозицией комитету, недостаточно отчетливо поставившему перед собою задачу политической борьбы.

Группа, по данным т. Батурина, выпускала газету „Рабочее Знамя“, стояла на почве политических требований, резко отрицательно относилась к „экономизму“ и задачи партии определяла в виде признания необходимости узкой организации революционеров. Но в ее программной брошюре „Задачи русской рабочей партии“ мы находим такое любопытное утверждение: „что же касается вопросов чисто теоретических, то мы полагаем, что партия без всякого ущерба может в этом отношении предоставить каждому право „сметь свое суждение иметь“²⁾. Презрение к теории — вот что, несмотря на резкие выступления против „экономизма“, сближало с ними группу „Рабочее Знамя“. Это дает основание предполагать, что такого рода группировка была по сути промежуточным образованием, которое, отойдя от экономизма, не усвоила еще полностью принципов „Искры“ и было только этапом на пути к оформлению искровства.

Зародившись как оппозиция „слева“ Киевскому комитету, очевидно, под влиянием того, что комитет не изжил полностью „экономизма“, группа, однако, сама не поднялась еще до задач, выставленных „Искрой“, представляя нечто среднее между организациями экономического и искровского направления.

Киевская организация, таким образом, в период подготовки к II съезду, отдавая дань „экономизму“, так же, как и другие организации в России, довольно быстро преодолевает его и ко II съезду и на самом съезде действительно представляет у нас одну из наиболее крепких организаций „Искры“.

¹⁾ Дело харьковского охранного отделения, 1903 г., № 4.

²⁾ Д. Баевский „История с. - д. печати“.

Даже Акимов-Махновец вынужден признать успех „Искры“: „К началу 90-х г.г., — пишет он, чувствовалось среди рабочих напряженное, возбужденное состояние, назревали стачки... уже в феврале и марте мимоходом затрагивался вопрос о пересмотре тактики; в апреле этот вопрос был поставлен официально... Комитет большинством всех голосов против одного признал необходимым перейти к широкой политической агитации. Одним из лучших средств к пробуждению масс он признал демонстрацию... Декабрем 1900 г. помечен № 10 „Вперед“; политические тенденции в нем проявились уже совершенно резко и определенно“¹⁾.

В 1903 г., во время июльских событий, один из активных руководителей Киевской организации в письме, направленном в Харьков, очень живо и ярко передает то настроение бодрости и революционного энтузиазма, которое господствовало в организации накануне II партийного съезда, знаменуя собою окончательное преодоление упадочничества и фактической растерянности, характерной для организации в период расцвета „экономизма“. Вот текст этого письма: „Немедля умяля, выпустите листок на гектографе, укажите на эти события, на подобные же в Одессе, Тифлисе, в Баку, Николаеве, Конотопе. Зовите к общей забастовке, к борьбе с самодержавием... Ради всего святого не откладывайте. Затем сейчас же вслед выступите к солдатам, к обществу и др. Необходимо все усилия направить и скорее, важный момент переживаем. Пусть и полтавцы выпустят“²⁾.

Это письмо, относящееся к июльским дням — яркая иллюстрация к уяснению позиций комитета, уже достаточно определившегося на искровской платформе.

Состояние Харьковской организации за искровский период в литературе освещено слабо. Дела харьковского жандармского управления дают также очень скудные сведения о работе харьковских с.-д., а „Искра“, на страницах которой можно найти данные о жизни ряда организаций, о Харьковской организации почти ничего не говорит.

Если судить по статье т. Крамера³⁾, то в период с 1900 по 1905 г. г., в Харьковской организации было затишье, наступившее в результате полного разгрома организации, произведенного после маевки 1900 г., когда были арестованы свыше 80 человек партийного актива. Это относительное затишье Крамер объясняет также наметившимся в том же году экономическим кризисом, который наложил свой отпечаток на рабочее движение, сузив его размах.

¹⁾ Батурин. „Очерк развития с.-д. в России“.

²⁾ Дело харьковского охранного отделения 1903 г. о Харьковском комитете РСДРП, т. 2. Копия письма от 25 июля.

³⁾ См. „Сборник 1905 год в Харькове“.

Рабочие опасались за кусок хлеба, их революционное настроение сдерживал систематический нажим на заработную плату, что толкало их на защиту своих экономических интересов. Вот почему в этот период развивает широко свою деятельность „Общество взаимопомощи рабочих ремесленного труда“ — экономическая организация тред'юнионистского характера. Однако и в этот период затишья широкого массового движения Харьков пережил несколько ярких революционных выступлений пролетариата. 1901 год ознаменовался студенческими волнениями, к которым примкнули рабочие. В 1902 г. ярко революционный характер носило выступление 1 мая. 1903 год в этом отношении показывает спад революционной волны. В летних забастовках юга России Харьков почти никакого участия не принимал.

На этом фоне затишья партийная организация переживает период разброда, который приводит к тому, что во время летних забастовок 1903 г. Харьковская организация оказалась неспособной руководить ими. На втором с'езде все делегаты Харькова определяются как меньшевики. Постепенно в Харьковской организации укрепляются нравы, которые, даже по словам приехавших туда меньшевиков, характеризуются как „мерзость запустения“. „В Харькове ни черта буквально нет, проклятые меньшевики сидят в своих ученых креслах около трех лет и не могли даже массу воспитать в политической борьбе...“. Такой итог подводит большевик, очутившийся в Харькове в 1905 г. ¹⁾.

Эта мрачная картина, нарисованная т. Крамером, нам кажется, нуждается в существенных исправлениях. Прежде всего неправ т. Крамер, утверждая, что экономический кризис начала 900-х годов заглушил революционное рабочее движение. Автор не отметил процесса революционизирования рабочих масс именно в условиях назревавшего кризиса и ознаменовавшегося рядом выступлений харьковского пролетариата, о котором сам автор упоминает, не придавая им, однако, значения революционного фактора. „Мерзость запустения“ и решительная победа меньшевизма в Харькове после II с'езда, очевидно, связана не с экономическим кризисом 900-х годов; причины здесь, повидимому, нужно искать в других социально-экономических факторах, имевших место не только в Харькове, а проявившихся в большинстве организаций Украины. Выяснение этого вопроса, однако, выходит за пределы данной статьи.

Равным образом сгущает автор краски, представляя Харьковскую организацию в состоянии полного развала. Правда, в ряде организаций на Украине Харьковская организация не была сильнейшей, однако и она ко II с'езду прошла сложный

¹⁾ Дело № 86, т. I, Ю. В. охр. отд. Цит. по книге т. Крамера.

путь своего идейного и организационного самоопределения и сумела развернуть достаточно широко работу среди рабочих масс.

Любопытные штрихи дает Левицкий в цитированной у нас книге „За четверть века“, который был одним из активнейших руководителей Харьковской организации в 1902 — 03 г. Летом 1902 г. он направляется в Харьков в качестве агента „Искры“ „для завоевания тамошнего партийного комитета, настроенного антиискровски, в пользу „Искры“. „У меня составилось впечатление, пишет он, что Харьковская организация настроена враждебно к „Искре“, и ее направление если не чисто экономическое, то приближается к рабочедельскому“. Состояние организации в этот период, когда другие крупнейшие организации на Украине стояли уже прочно на платформе „Искры“ и организационно оформились в крепкие партийные единицы, в Харькове, по словам Левицкого, было очень тяжелое. Разгромленная арестами организация, почти распалась, связи с районами были в большинстве утрачены, рабочие, напуганные арестами, зачастую отказывались посещать собрания, комитета фактически не существовало. „В сущности,—заключает Левицкий,—все это свидетельствовало о том, насколько слаба была с.- д. организация в Харькове; в других крупных городах никакие разгромы не мешали организациям функционировать бесперебойно, т. к. на место арестованных выдвигались силы, подготовленные предыдущей работой. . .“

В результате длительной упорной работы комитет был восстановлен, и в начале 1903 г. его искровская часть уже проводит резолюцию о присоединении к политической линии „Искры“, выражая готовность поддержать ее начинания по объединению партии и воссозданию ее центральной организации. В делах харьковского охранного отделения за 1903 г. находим сводку листовок Харьковского комитета. Они по содержанию все уже ярко выдержанного искровского политического направления. Накануне с'езда Харьковский комитет изжил в основном свои „рабочедельские“ уклоны и настроения, встав на путь, указанный „Искрой“. При этом, по словам Левицкого, в деле революционного самоопределения харьковских с.- д. решающую роль сыграла брошюра Ленина „Что делать“.

Последнее нашло свое отражение, например, в одной из резолюций X. К.

„Мы, Харьковский Комитет, в качестве представителей с.- д. организации главной своей задачей считаем защиту классовых интересов пролетариата. Всякая деятельность в духе профессиональных „чисто рабочих интересов“ массы, а не класса, а также в духе терроризма затемняет истинный смысл революционного движения и ослабляет его, поэтому попытки такого рода должны вызвать резкий протест с нашей стороны. . . Из этих основных предпосылок ясны наши отношения

к органу „Искра“ : и принципиальность ее позиций, ее резкая критика узкого экономизма и терроризма, ее борьба с кустарничеством, ее стремление об'единить действующие организации около широких политических задач и выработка плана для этого об'единения — все это побудило нас заявить о своей солидарности с „Искрой“ по вопросам принципиальным, тактическим и организационным. . . Харьковский Комитет РСДРП“. Такая резолюция была помещена в „Искре“ (№ 28), указывая на достаточно отчетливое понимание Харьковским комитетом принципов „Искры“ и на полное присоединение к ним.

В описываемый период в Харькове, как остаток кружковщины, существовали, кроме комитета, и другие с.-д. организации. Так, еще в 1902 г. параллельно с комитетом был там „Союз Борьбы“, организовавшийся еще в 900-м году. Это был узкий кружок, занимавшийся исключительно пропагандистской работой, пока в 1903 году он не слился с Харьковским комитетом.

Была в Харькове также организация автономная по отношению комитета — „Южная транспортная группа“. Она стояла вне других с.-д. организаций, имела связь с границей, получала литературу как из-за границы, так и от других с.-д. организаций и распространяла ее на юге России. Она была, по видимому, в дружеских отношениях с группой „Южный Рабочий“, но организационно была от нее независима“ (Левицкий).

Судя даже по этим отрывочным данным, „Южная транспортная группа“ представляла собой одну из с.-д. организаций на Украине, пытавшихся об'единить или во всяком случае обслужить деятельность их в областном масштабе. Когда Харьковский комитет начал переговоры с этой организацией о слиянии, группа отказалась, мотивируя этот отказ „рабочедельством комитета“. Это сообщение наводит на мысль о том, что „Южная транспортная группа“ была одной из тех оппозиционных организаций, которые на протяжении всего искровского периода выделялись в неизживших экономизма организациях, знаменуя собою как бы начало поворота от „экономизма“ к „искровству“.

Любопытно отметить также типичное для того времени явление: увлечение рабочих и отдельных с.-д. боевой тактикой с.-р. Следы такого увлечения находим и в Харькове. „В Харькове большинство рабочих с.-д. направления, но ввиду проявленной ими симпатии к террору, несомненно значительная часть их должна перейти в партию с.-р. Этим обстоятельством в настоящее время озабочен с.-д. комитет и с целью воспрепятствования переходу комитет предположил созвать несколько сходок рабочих, на которых раз'яснить о полном вреде террора для партии и его несостоятельности для политической борьбы. Комитет признает только вооруженные

демонстрации". Таково донесение департамента полиции. По поводу убийства губернатора Богдановича донесение гласит: „Точно так же рабочие с.- д. признают необходимым внести в программу частичный террор. По этому поводу Харьковский комитет высказался отрицательно, за исключением одного члена“¹⁾).

Если даже такую характеристику рабочих настроений приписать испугу охраны перед террором, все же останется несомненным факт, указывающий на то, что в рабочей части партии было увлечение террором. Это было тогда явлением обычным и отражало собою те настроения, которые возникли в момент, когда старые методы и формы работы социал-демократии массу уже не удовлетворяли, а „искровские“ еще не были усвоены.

Быть может, эти дискуссии о терроре присходили и под влиянием группы „Южный Рабочий“, которая, как известно, достаточно отчетливо высказывала свои взгляды по этому вопросу. Судя же по цитированной выше статье т. Крамера, „Харьковская группа“ — „Южный Рабочий“ (организованная Левиным) имела в Харькове преобладающее значение.

Таким образом и Харьковская организация, которая по существу была одной из слабых искровских организаций на Украине, ко II партийному с'езду выступает уже с платформой старой „Искры“.

Вопрос о том, почему, преодолев экономизм, она, как и ряд других украинских организаций, остановилась на полдороге и приняла идеологию и практику меньшевизма, вопрос иной, который мы разберем в другой статье по истории с.- д. организаций на Украине накануне 1905 г.

Таковы основные, наиболее крепкие и обширные с.- д. организации, действовавшие на Украине в период „Искры“. Об остальных организациях сведения очень скудны, и мы, не имея возможности разработать архивных материалов для данной статьи, можем дать о них только беглые отрывочные наброски, рисующие состояние некоторых из этих организаций.

* * *

В Кременчуге первые с.- д. кружки появились во второй половине 90 - х годов и, как упоминалось выше, в описываемый период здесь уже существовал с.- д. комитет. Большой провал 1898 г. надолго разрушил Кременчугскую организацию и привел ее в состояние полного разгрома, который не был ликвидирован до начала 1902 г. Только тогда началась планомерная

---

¹⁾ Дело харьковского охр. отделения, 1903 г., № 21, о Харьковском комитете с.- д., т. 2.

работа по воссозданию комитета, который и был вскоре создан усилиями ряда товарищей.

Обстановка, в которой приходилось работать с. - д., была такова: Кременчуг — сравнительно живой торгово-промышленный город. В нем имелось большое количество ремесленных заведений, где преимущественно работали еврей-рабочие; кроме того, в городе было несколько лесопильных заводов, табачных фабрик и большой паровозостроительный завод в посаде Крюков. Характерно, что с. - д. организация в тот период почти не была связана с фабрично-заводскими рабочими. Главной базой ее были ремесленники-евреи, более культурные и более втянутые в рабочее движение, чем сырая масса русских рабочих.

По словам Левицкого („За четверть века“), с первых же шагов своей деятельности Кременчугский комитет определился как комитет искровский, по крайней мере, он стал в ряд тех организаций, которые тогда еще открыто переходили к массовой политической агитации. Основным лозунгом стал лозунг низвержения самодержавия, а ближайшей задачей — подготовка уличной политической демонстрации. Начал приобретать обычную форму Кременчугский комитет и в организационном отношении. Так, вслед за образованием комитета была организована центральная рабочая группа, состоявшая почти сплошь из еврейских рабочих. Эта группа против планов комитета начать политическую кампанию не возражала, так как кременчугские рабочие не были заражены экономизмом. Но так же, как и в Екатеринославе, внутри организации разгорелась борьба по организационным вопросам, которая показала, что Кременчуг не избежал влияния экономизма. И там возникли острые разногласия между „пришельцами-комитетчиками“ и „рабочей группой“, которая обвиняла комитетчиков в узурпаторстве и захвате власти. Такая постановка несомненно была обычным прикрытием отрицательного отношения к централизму в организации. „Централизм“ или „местничество“ — вот о чем по сути шел спор, так же как и в ряде других организаций того периода, отражая сильное влияние экономизма и указывая на то, что в организациях полностью он еще не был изжит.

Небезынтересно отметить хотя бы в общих чертах историю идейного оформления и состояния Полтавской организации, которая в то время играла значительную роль на Украине. В то время Полтава была довольно значительным политическим центром, что объясняется главным образом тем, что в нее не был запрещен въезд ссыльным. Туда в начале 900-х годов съехалось много как с. - р., так, главным образом, и с. - д. Кроме этого ядра поднадзорных, в Полтаве в 1902 г. существовал комитет, организованный приблизительно в начале года. Туда входила, по словам Левицкого, более молодая, менее опытная группа социал-демократов, т. к. более опытные с. - д. силы

больше интересовались общерусским партийным движением и в той или иной форме были связаны с организациями, бравшими на себя осуществление общерусских задач („Искра“, „Южный Рабочий“). Местная работа среди полтавских рабочих, благодаря малочисленности полтавского пролетариата, представляла для полтавских с.-д., повидимому, мало интереса. Комитет ставил своей целью массовую агитацию, которая по своему предполагала выходить далеко за пределы Полтавского района — посредством издания прокламаций. Для полтавских социал-демократов комитет, во всяком случае, центром не служил. Таким центром, который группировал вокруг себя наиболее „солидную с.-д. публику“, были жившие в Полтаве представители „Южного Рабочего“ (супруги Левины), являвшиеся руководителями и наиболее активными ответственными работниками „Южного Рабочего“. Правда, настоящей организации в Полтаве „Южный Рабочий“ не имел, но несомненно, большая часть литературной работы выполнялась членами его именно в Полтаве.

В Полтаве часто были дискуссии между местными народниками и марксистами по выдвигавшимся на страницах „Искры“ и „Зари“ теоретическим, политическим и тактическим проблемам; кроме того, там устраивались собеседования социал-демократов, в которых принимало участие человек 20 — 25. Судя по воспоминаниям Левицкого, представители „Южного Рабочего“ были в то время горячими сторонниками идей „Искры“ по всем теоретическим, политическим и тактическим вопросам и расходились с ней только в вопросах организационных; в связи с этим они менее нетерпимо относились к рабочедельцам, бундистам и т. д. Это свидетельство лишней раз подтверждает ошибки „Южного Рабочего“ и проливает свет на идеологию его руководителей, которая привела их на II съезде в лагерь меньшевиков.

Не менее остро дискуссировался также вопрос о терроре, который был поднят в связи с возникновением партии социалистов-революционеров.

Наиболее интересной группой в Полтаве была группа действия „Искре“, которой, по словам того же Левицкого, удалось проделать значительную организационную работу, завязать связи с рядом южных с.-д. организаций, принять участие в устройстве тайной типографии для издания „Искры“, собрать немало денег, организовать ее распространение и нанять ей немало сторонников. Во главе этой группы стал Ю. Мартов, его брат Сергей, В. П. Ногин, Л. Н. Радченко, Штессель и др. Группа эта существовала недолго и распалась вместе с отъездом основателей и руководителей ее. В этой группе работал также В. Цедербаум (лето 1902 г.). Вот что рассказывает он о деятельности этой группы: „Работа нашей группы имела очень скромные размеры... Объяснялось это,

главным образом, состоянием, которое переживала в этот период организации „Искры“ в России. После ряда провалов, унесших с собою многих видных ее работников, деятельность ее временно сократилась, сношения между городами уменьшились и роль Полтавы, как промежуточного центра, долженствовавшего служить посредником между городами, естественно сократилось до самых незначительных размеров. Переписка, которую нам приходилось вести, была невелика, нелегальная литература поступала к нам для распространения и распределения в очень небольшом количестве, посещения агентов „Искры“, т. е. представителей ее центральной организации, были не часты... (стр. 105).

Вот, примерно, те отрывочные данные, которые мы имеем относительно с. - д. работы в Полтаве. Наличие группы содействия „Искры“ так же, как и пребывание в Полтаве группы работников „Южного Рабочего“, несмотря на слабость Полтавской организации, ставили Полтаву в ряд важнейших городов на Украине по размаху с. - д. работы, носившей, главным образом, неместный характер.

В Донбассе с. - д. движение развивалось с запозданием, примерно, на 10 лет сравнительно с другими промышленными центрами Украины. Организация здесь образовалась в 900-х годах; непосредственное руководящее и решающее влияние на этот процесс образования оказали Ростовский и Екатеринославский комитеты. Зимой 1901—02 г. из отдельных с. - д. организаций образовался „Горнозаводский союз“, в состав которого вошли Юзовская, Таганрогская, Мариупольская, Бахмутская, Луганская, Щербиновская, Алмазо - Юрьевская группы с центром в Ростове.

Причины запоздания организованной классовой борьбы, вне всякого сомнения, нужно искать в составе рабочего класса в Донбассе, в условиях его труда и той социально - экономической среде, в которых ему приходилось работать. Сказывалось то, что до 88% рабочих были пришлыми крестьянами из центральных губерний, где они были крепко связаны с землей; и работа в Донбассе была для них в большинстве отхожим промыслом, преимущественно на зимний период. Сырая масса рабочих, не порвавшая еще связи с деревней, в условиях Донбасса была, кроме того, раздроблена по отдельным рудникам и заводам и изолирована от культурного влияния крупных городских центров.

На общем политическом и культурном уровне сказывалась также и национальная вражда между местными крестьянами - украинцами и пришлыми русскими рабочими, раз'единяя рабочих еще и по национальному признаку, мешая усвоению и пониманию принципов классовой солидарности в общей революционной борьбе. С точки зрения грамотности и политической сознательности, горнозаводские рабочие стояли значительно

ниже фабрично-заводских рабочих. Вот эти-то причины и были главным препятствием для революционного самоопределения и на несколько лет задержали процесс организации социал-демократии в этом крупнейшем пролетарском центре Украины.

Харечко в своей статье „С.-д. союз горнозаводских рабочих“¹⁾, излагая историю с.-д. в Донбассе, отмечает, что Ростовский и Екатеринославский комитеты работой в Донбассе руководили слабо до организации там самостоятельных кружков, которые начали покрывать густой сетью Донбасс только со второй половины 1900 г. На первое место по времени образования и по мощности и крепости организации выдвинулся кружок Гартманского завода под руководством Норинского и В. А. Шелгунова. К концу 1902 г. он оформился в Луганский комитет под руководством Екатеринославского комитета. В 1901 году под руководством А. Шестакова образовался кружок в Мариуполе на металлургических заводах, который в 1902 г. был уже прочно связан с Ростовом, а в 1902 г. устанавливаются связи с юзовскими ремесленниками, организованными, повидимому, еще в 1900—1901 году. Существовали кружки на Юрьевском заводе „Динамо“, а в 1901 г. значительный кружок возник на Щербиновском и Нелеповском рудниках при участии Г. И. Петровского и П. А. Моисеенко.

По сообщению Харечко, „в основу программы работы, по предложению П. А. Моисеенко и, кажется, Г. И. Петровского, была взята программа екатеринославских марксистов, объединившихся вокруг начавшей выходить в 1900 г. в Екатеринославе газеты „Южный Рабочий“²⁾... Это свидетельство любопытно в том отношении, что показывает, каким путем шло идейное оформление с.-д. групп в Донбассе, а с другой стороны, — указывает и на границы и степень влияния газеты „Южный Рабочий“.

Повидимому, такие кружки существовали и на других шахтах и заводах Донбасса. „На первых порах эти кружки занимались внутренней пропагандистской работой небольшими группами от 5 до 10 человек и только потом, после более или менее твердого с.-д. самоопределения, расширяли свои связи среди рабочих. При этом одни из кружков, как, например, Луганский, Мариупольский, Сулинский, организованные с.-д., имевшими связь с Екатеринославским и Донецким комитетами, быстрее переходили к расширению связей и агитации. А другие, как Юрьевский, возникли из кружков самообразования, руководимых местным учительством, и поэтому медленней самоопределялись. Некоторые же кружки, как Щербиновский,

¹⁾ „Лет. Рев.“, № 3, 1925.

²⁾ „Лет. Рев.“, № 1, 1924 г., стр. 207—208.

хотя и организованные с.-д., испытывали на себе большое культуртрегерское влияние местной интеллигенции¹⁾.

Такой характер кружков в Донбассе на фоне состава рабочих, о котором мы говорили, уже объясняет частично те позиции, которые занял Донецкий комитет на II съезде партии, определившись как меньшевистская организация.

Быстрый рост с.-д. кружков в начале 900-х годов знаменовал собою общую потребность в организации, в условиях кризиса, когда накапливалась революционная энергия, бурно прорвавшаяся в 1903 г. всеобщей забастовкой. С.-д. организации, сетью покрывшие рудники и заводы Донбасса, требовали единого руководства. Еще зимою 1901—02 г. на съезде южных комитетов зародилась идея создания „союза“. В 1902 г. под руководством Донецкого комитета такой „союз“ был организован. В комитет его входили в конце 1902 г. И. Мошницкий, Струмилин, Григоров, Богуцкий и Елена Богуцкая. После ростовской стачки и под ее непосредственным влиянием с.-д. кружки Луганский, Юзовский и Мариупольский были переорганизованы в комитеты и, работая под руководством Екатеринославского комитета, проявили кипучую энергию по выпуску массовой литературы. Особенно широко и плодотворно шла эта работа у Луганского комитета. В накаляющейся атмосфере стихийного революционного движения, особенно бурного на юге б. Российской империи и, в частности, на Украине, „Горнозаводский союз“ успешно развивал массовую агитацию путем выпуска огромного количества листовок. С января по апрель 1903 г. „союз“ издал семь листовок в количестве 30 тысяч экземпляров. Массовая работа с.-д. шла также путем организации стачек - демонстраций, и в этом отношении к 1903 г. „союз“ успел достичь крупных успехов, расширив связи и упрочив свой авторитет.

Попытки празднования первого мая, проводимые „союзом“, были также той кампанией, через которую проводилась массовая работа „союза“.

Как же шло революционное соц. - демократическое самоопределение в Донбассе?

Наиболее показательное отношение к „Искре“. Оказывается, что „союз“ в марте 1903 г. безоговорочно признал инициативу и устав „Организационного Комитета“ по созыву съезда и публично заявил о присоединении к „Искре“ в своем обращении „Ко всем российским с.-д. организациям“.

„Наряду, однако, с категорическими утверждениями, что „пора признать „Искру“ нашим руководящим органом, обращение заканчивается некоторым „но“: „С.-д. союз горнозаводских рабочих, отказываясь впредь до созыва съезда от обсуждения некоторых частных разногласий своих с „Искрой“.

1) Харечко. Цитированная уже статья из „Лет. Рев.“.

воздерживается от критики тех или иных ее недостатков и, приветствуя заявление большинства комитета, присоединившегося к „Искре“, объявляет ее своим руководящим центром“¹⁾.

„Что кроется за этими и частными разногласиями, — пишет Харечко, — обращение умалчивает, но, вероятно, именно эти „частные разногласия“, превратившиеся в общие, привели делегата союза и всю его верхушку в лагерь меньшевизма“. Тут бросается в глаза сходство с позицией „Южного Рабочего“. Мы не знаем, каковы конкретно разногласия, но „союз“, подобно „Ю. Р.“, торопится, признавая „Искру“, отмежеваться от нее, оставляя за собою как бы право критики и свободы действий на предстоящем съезде в отношении к „Искре“.

Харечко приводит ряд фактов, подтверждающих колебания руководителей „союза“, и их половинчатое и неполное признание позиции „Искры“. Он правильно отмечает запоздалость опубликования „обращения“, что безусловно указывает на замедленный процесс идейного оформления. В листовках „союза“, особенно в первых по времени, отсутствует четкость политических требований. Причины этих колебаний, очевидно, нужно искать в сильном влиянии на „союз“ Екатеринославского рабочедельского „комитета рабочей организации“, о котором мы говорили выше. Это подтверждается и полицейскими документами: „В конце марта в центральной группе деятелей союза, — пишет охранное отделение, — заняли первенствующее положение два или три „искровца“, которые приняли все меры к тому, чтобы окончательно разрушить существующую связь с рабочей группой в Екатеринославе, присвоившей себе наименование „Екатеринославского комитета . . .“²⁾. Дальше из этих данных выясняется, что „комитет рабочей организации“ посылал в Донбасс своего представителя, так же как в Николаев, Херсон, Одессу и Воронеж³⁾.

Это заставляет предполагать, что екатеринославская „рабочедельская“ группа, проводя борьбу с искровским комитетом, пыталась установить связи и с другими городами, мобилизуя силы против „Искры“, в целом ряде организаций по Украине. Не без оснований поэтому предполагает Харечко, что еще в начале 1903 г., в комитете „союза“ преобладали „рабочедельцы“, и только во второй половине марта, с изменением состава центра, „союз“ стал определенно на искровскую точку зрения. Очень ярко рисует колебания, шатания и незрелость организаций в Донбассе хотя бы позиция Луганского комитета, который позже других кружков вступил в „союз“. В апрельском „летучем листке“ (1903 г.) комитет призывает

1) „Искра“, № 40, 15 мая 1903 г., цит. по статье Харечко.

2) Дело деп. пол. О. О. № 5, гл. 8, л. К. 1898 г., донесен. екат. охр. отд. за № 889, цит. по статье Харечко.

3) Из донесений екат. охр. отд. от 20 апр. 1903 г.

рабочих к борьбе с капиталистами путем устройства касс взаимопомощи. Призывая рабочих вступать в партию, комитет совсем не по-искровски объясняет ее задачи: „теперь уже в каждом городе есть свой комитет, который организует в кружки рабочих и руководит их развитием“. Такое понимание задач партии накануне всеобщей политической забастовки, в период поднимавшейся все выше и выше революционной волны рабочего движения, показывает, как далеки еще были известные круги с.-д. от понимания революционных задач партии и как сильно еще тяготели экономические тенденции даже в такой крупной организации, как луганская.

„Соединяйтесь в кружки и развивайтесь — писал Луганский комитет — и пусть нас не страшит ни тюрьма, ни Сибирь, ибо иисус христос пролил кровь за ближних и за блага людей и велел нам также проливать нашу кровь за благо людей“¹⁾. Тут отчетливо проскальзывают рабочедельские настроения, да еще с религиозным оттенком.

Такова в общем краткая история с.-д. организаций Донбасса. Они проделали большую эволюцию, в итоге которой накануне II съезда они определились на искровских позициях. Однако приведенные факты показывают, насколько отстал „союз“ в понимании задач революционной социал-демократии, с каким опозданием шло самоопределение, несмотря на чрезвычайно быстрый количественный рост организаций Донбасса. „С.-д. союз горнозаводских рабочих“, являясь крупнейшей и наиболее пролетарской по своему составу организацией, на Украине только формировал еще свои молодые кадры, в то время когда в очагах более раннего с.-д. движения существовали организации с определенными традициями, сложившимися уже в течение 90-х годов.

„Союз“ же отразил на себе всю незрелость рабочего движения в Донбассе и ко II съезду хотя и преодолел в основном экономизм, но никак не может считаться организацией, в которой идеи революционного марксизма были бы переварены, переработаны и с полным пониманием восприняты и усвоены рабочей массой Донбасса. И если „Искра“ была мало понятна киевским рабочим, то, безусловно, она была еще менее доступна пониманию менее развитых и культурных рудничных рабочих Донбасса.

Что касается других с.-д. организаций, существовавших на Украине ко II съезду РСДРП, то отражение их деятельности и сведения о них так скудны и отрывочны, что составить себе представление о них по имеющейся литературе совершенно невозможно.

Судя по сводке департамента полиции, с июля 1903 года стали поступать сведения о развитии с.-д. пропаганды в

¹⁾ Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 8, л. Е, 1898 г.

Херсоне среди фабрично-заводского населения города. „Руководил пропагандой кружок, еще с 1902 г. присвоивший себе название „Херсонского комитета РСДРП“. В состав комитета входит 8 лиц: 6 интеллигентов и два рабочих. Организуемая в рабочей среде кружки, Херсонский комитет устроил кассу для выписки нелегальной литературы, помощи ссыльным и заключенным и стачечный фонд, а также обзавелся собственным гектографом, на котором печатался орган комитета под названием „Летучий Листок“¹⁾

Таким образом очевидно, что уже в 1902 г. в Херсоне существовал комитет, который развил достаточно широкую массовую агитацию.

* * *

Департамент полиции за 1903 г. очень тщательно собирал сведения о с.-д. литературе, констатируя быстрый рост тиража и количества названий. Из этих сводок мы узнаем: 1) о том, что в конце октября 1903 г. в Одессе появилась прокламация за подписью „Одесский союз народная воля“; 2) о листовке за подписью Елисаветградского комитета, декабрь 1902 г.; 3) о листовке Елисаветградского же комитета с призывом организовать борьбу с капиталистами и правительством (март 1903 г.); 4) от 18 января 1903 г. о листовке с сообщением об издании гектографированных воззваний за подписью „Новозыбковская с.-д. группа (18 января 1903 г.)“; 5) о воззваниях за подписью „Бердичевской с.-д. группы русских рабочих“, найденных в августе того же года.

Таким образом, даже судя по этой сводке, которая несомненно, не могла дать полного перечня издаваемой нелегальной литературы, обнаруживается существование ряда организаций даже в сравнительно незначительных центрах рабочего движения. Воспоминания участников революционного движения частично восполняют эти пробелы. В „Летописи Революции“ (№ 4, 1925 г.) т. Черлючакевич кое-что говорит о работе с.-д. организации в Чернигове:

„Первая группа с.-д. образовалась во второй половине 1903 г. Работа группы началась с выпуска гектографированных прокламаций. Одновременно с этим наша группа принялась за марксистскую обработку отдельных рабочих, затронутых с.-р. агитацией, а затем приступила через их посредство к организации кружков из рабочих и ремесленных подмастерий и к агитации среди учащейся молодежи“. Серьезным шагом в сторону оформления и укрепления на Черниговщине группы РСДРП послужило получение нами резолюций, а затем и протоколов II съезда РСДРП“.

¹⁾ Дело № 6 харьковского розыскного отделения, 1902—03 г.

Х. Миронер в своих воспоминаниях так рисует с.-д. движение в Балте. „В широком (относительно, конечно) масштабе развитие с.-д. движения началось лишь с 1903 г. В Балте существовала с.-д. организация, которая называлась „Искра“, небольшая бундовская организация и еще меньшая по числу эсеровская организация. В с.-д. группу входили, кроме значительной группы интеллигенции, рабочие консервных заводов, табачных фабрик и рабочие столярных мастерских¹⁾).

Таким образом с.-д. движение в 900-х годах, мощно развернувшееся во всех крупных промышленных центрах Украины, стало проникать и в глухие медвежьи углы, пробуждая от сна фабрично-заводских и ремесленных рабочих, а также интеллигенцию, знаменуя собою уже выросшую потребность пролетариата в организации, в годы непосредственной подготовки революции 1905 г., в годы, когда пролетариат в условиях кризиса накапливал силы, строил свою партию, втягивая постепенно в борьбу с самодержавием и другие оппозиционные самодержавию слои русского общества.

* * *

Таково было организационное состояние, идейная эволюция и, частично, работа отдельных с.-д. организаций на Украине. Несколько слов об общих выводах.

Необходимо констатировать прежде всего, что с.-д. организации на Украине в период старой „Искры“ (1900—1903) по темпу своего развития, революционного самоопределения и революционному напряжению обгоняют даже такие центры с.-д. движения, как Москва.

Тов. Лепешинский совершенно прав, говоря, что „в связи с быстрым развитием рабочего движения на юге России в период 1900—1903 г.г., достигшим своего апогея в 1903 г., наблюдается тот же темп развития и с.-д. организаций в этом районе. В 1900—1901 г.г. комитеты южных городов отличаются вялостью, склонностью к оппортунизму (напр., Одесский комитет), грешат кустарничеством и идут в хвосте событий. Но, чем дальше, тем они становятся жизненней и полнокровней, доходя в некоторых случаях до такого революционного напряжения сил, какое остается в этот период совершенно недостижимым для сравнительно тихого и спокойного Петербурга, не говоря уже о Москве...“²⁾

Такая „полнокровность“, жизненность и быстрота роста с.-д. организаций на Украине в этот период сказалась и на их участии в общерусском с.-д. движении. Роль их в общерусском „искровском“ движении очень велика; об этом

1) „Лет. Рев.“ № 1, 1926 г. „Из истории рев. движения в Балте“.

2) Протокол II съезда, стр. 121.

достаточно красноречиво говорит то, что на Украине возник ряд организаций, имевших не только местное значение. Так, на юге России работала „группа содействия „Искре“. Группа эта состояла в самой деятельной переписке с редакцией и исполняла ряд самых разнообразных функций: 1) она собирала деньги на „Искру“; с декабря 1900 г. по август 1901 г. ею было собрано 1253 р. 44 к.; 2) она доставала ряд адресов для посылок „Искры“ в конвертах; 3) устроила в своем городе склад искровской литературы и доставала явки, по которым можно было доставлять литературу с оказиями; 4) рассылала и развозила эту литературу по другим городам; 5) посылала корреспонденцию; 6) оказывала „Искре“ услуги в деле устройства транспорта и техники¹⁾ В этом случае речь идет, повидимому, о Полтавской группе, где работал Ю. Мартов, как мы уже упоминали, говоря о Полтавской организации.

Ясно, что группа содействия „Искре“ могла успешно развивать свою деятельность лишь в том районе, где на помощь ей могли прийти достаточно сильные местные организации, что и было налицо на Украине, как мы видели раньше. Из того же доклада узнаем, что при помощи южных групп содействия „Искре“ удалось поставить искровскую типографию, где было напечатано большое количество брошюр и перепечаток из „Искры“ и „Зари“.

Большую роль играла Украина и в постановке транспорта для „Искры“, Так, там в конце 1901 г. была устроена хорошо налаженная переправка литературы: „... Этим путем за период времени до февраля 1902 г. провозится около сорока пудов литературы. Вся эта литература расходуется главным образом на юге. Она распределяется более или менее равномерно между Киевом, Харьковом, Полтавой, Екатеринославом, Одессой. На север отправляются лишь ничтожные остатки, и он все время голодает“²⁾. Эти строки доклада говорят о том, что техника перевозки была сконцентрирована на Украине и что успешность перевозки также связана с достаточной крепостью и силой местных организаций.

Правда, в том же документе находим и другое сообщение, говорящее будто бы за то, что „Искра“ с Украиной связями почти не имела: „На севере, кроме Петербурга, — пишет нам товарищ, о котором ничего не знаю, — дела хороши. Его можно считать об'единенным. На юге — связи лишь с Киевом и Полтавой. Говорят, юг об'единятся вокруг „Южного Рабочего“. Организация опубликовала свое „кредо“, — что вы знаете об этом? Есть ли у вас к ней ходы и нельзя ли сговориться с ними и слиться?“ — Но тут, повидимому, мы имеем дело с корреспонденцией просто недостаточно осведомленного

¹⁾ Докл. ко II съезду — „Организация „Искры“ („Пролет. Рев.“, № 1, 1928 г.).

²⁾ Тот же доклад — „Организация „Искры“.

товарища, который не был достаточно в курсе дела южных организаций.

Однако, оценка т. Лепешинского (протоколы II с'езда) нам кажется наиболее правильной. Именно на Украине мы имеем ряд попыток к объединению, стремление выйти из рамок местной работы, попытки организовать если не в российском, то, во всяком случае, в областном масштабе. В этом отношении деятельность группы „Южный Рабочий“ очень показательна и представляет самую серьезную попытку на Украине. Известно, что заслуги группы „Ю. Р.“ заключаются не только в ее областной работе, но и в той энергичной деятельности, которую развила группа по подготовке II с'езда, входя в состав „Организационного Комитета“. Эти тенденции — стремление перейти от кустарничества и дробности местных организаций к созданию единой централизованной партии — были характерны для с. - д. организаций Украины. В этот именно период „Искра“ вела непримиримую упорную борьбу против местничества за централизм и объединение на идейной почве. Это ставит с. - д. организацию на Украине в рядах тех организаций, где знамя „Искры“ было поднято еще задолго до II с'езда партии.

Потребности объединения и самоопределения были велики, являясь показателем роста южных организаций. В начале 1902 г. была созвана конференция южных социал-демократов в Елисаветграде. „На конференции присутствовали от Екатеринослава Гальберштадт и Краснощеков, из Николаева — Штернберг, из Одессы — от Одесского комитета — Бронштейн и Зборовский, от Одесской группы — Яков Шиф, от Харькова — Ерманский, от „Южного Рабочего“ — Б. Цейтлин и А. Гинзбург (Наумов) и от Кишинева — Кватковский, от Ростова, вследствие провала, никто не приехал“¹⁾. С'езд был созван по инициативе „Ю. Р.“ для установления южнорайонного объединения, на почве общего понимания программных вопросов и единства в тактике. Сведения об этой конференции чрезвычайно скудны. Только тов. Лепешинский в статье к протоколам II с'езда кое-что сообщает нам о направлении и характере работ этой конференции²⁾.

Прежде всего из статьи мы узнаем, что с'езд был созван по инициативе группы „Ю. Р.“ и, следовательно, должен был естественно, отразить ее позиции. Наиболее крупное разногласие на с'езде возникло по вопросу о сущности самодержавия. Этот спор не был единичным — это было отражение споров, которые тогда велись во многих организациях. К примеру, осенью 1901 г. такая дискуссия велась в Одессе. Этот же вопрос стал и на южной конференции, состоявшейся в конце января 1902 г. Тов. Лепешинский приводит следующую выписку

¹⁾ Невский „Ист. РКП“, стр. 207.

²⁾ См. статью т. Манилова, посвященную этой конференции, и сообщение о ней в отделе „Материалов и документов“. — Р е д.

из отчета с'езда¹⁾. „По этому вопросу „Искра“ и „Заря“ не высказывались, в организациях же голоса раздробились на две части. Стороники одного взгляда готовы были утверждать, что русский абсолютизм успел самоопределиваться как особая сила, независимо от господствующих классов. Представители другой точки зрения утверждали, что абсолютизм нельзя рассматривать как внеклассовую надстройку, а как организацию политической власти господствующих в данную эпоху классов. Первая точка зрения на конференции южных комитетов победила. Правда, с'езд признал, что разделение голосов по данному вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах об'единенной организации“.

По вопросу об экономической борьбе резолюция была принята единогласно; признано было необходимым „руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая в то же время от профессионального и т. д. эгоизма и пользуясь ею для революционирования рабочей массы. По вопросу о политической борьбе также особых разногласий не было. С'езд ставил основной задачей „низвержение самодержавия“. И, наконец, резолюция об оппозиционных политических течениях гласит о том, что „необходимо поддерживать и углублять все оппозиционные политические движения рабочего класса, не затрагивая классового характера с - д. движения, и пользоваться этими течениями для развития политического и классового самосознания пролетариата“. Даже короткий перечень этих резолюций освещает идейное выступление южных комитетов в основном, рисуя их как „искровские“, политические организации.

Мы уже выше упоминали о попытках областного об'единения на Украине в связи с историей отдельных организаций. Такими были „Южный револ. союз“ в Одессе, „Южная транспортная группа“ в Харькове; „техническая группа“ в Екатеринославе²⁾. До нас дошли первомайские воззвания ярко выраженного политического содержания за подписью „Центральный Комитет союза южных комитетов и организаций РСДРП“; прокламации, повидимому, относятся к 1902 г. Возможно, что этот комитет был создан в результате упомянутой уже южной конференции. Нам о его деятельности ничего не известно, но важно эту организацию отметить, как одну из организаций, об'единяющих „южных“ с. - д. на платформе политической борьбы. Так же точно в протоколах II с'езда (стр. 19) по докладу о созыве с'езда находим упоминание о „союзе южных комитетов и организаций“, который, как и Екатеринославский комитет, принял участие в первой Белостокской конференции (март 1902 г.), имевшей целью подготовить с'езд.

¹⁾ Дело департамента полиции, № 850, т. 12. „С'езд представителей комитетов и организаций РСДРП, действующих на юге России“.

²⁾ „Лет. Рев.“, № 2, 1923 г.

На созванном вторично Петербургским комитетом с'езде (вернее, конференции) — в конце 1902 г. — от Украины приняли участие Киевский комитет и „Южный рабочий“, при чем представитель группы „Ю. Р.“ заявил, что „союз южных комитетов и организаций не существует“ (стр. 19). Повидимому, дело идет о той же организации, о центральном комитете которой мы упоминали, ссылаясь на изданные им листовки.

Нам неизвестны, к сожалению, практические результаты этого с'езда. Остается неясным, почему этот с'езд южных организаций, на котором собрались представители от всех крупных организаций Украины, не привел к созданию областного объединения.

Факт созыва такого совещания подтверждает наш вывод о той крупной роли, которую играли украинские организации в деле объединения и сплочения партии. Все это говорит уже о том, что молодой пролетариат Украины, рожденный в результате быстрого экономического развития Украины, сумел за этот период 1900 — 1903 г. создать с.-д. классовую организацию, которая, преодолев экономизм, ко второму партийному с'езду идейно оформлялась под влиянием „Искры“ и была организационно настолько сильна, что играла руководящую роль в политической и экономической борьбе украинского пролетариата, а в деле создания партии занимает также не последнее место среди других областей и комитетов России.

О роли с.-д. комитетов и организаций на Украине в общем движении, а также о размахе работы можно судить, между прочим, и по степени продуктивности их издательской деятельности.

По очень приблизительному подсчету, всех изданий в России приблизительно было:

в 1901 г.	около 100
„ 1902 „	„ 140—175
и за первую половину 1903 г.	„ 175—200

(по данным „Искры“ — около 170 с вероятным числом в 350.000 экземпляров).

Из всех этих изданий — газет, листовок, прокламаций — на южный район (почти исключительно на Украину, без Кавказа, но плюс Донской комитет) за рассматриваемый период приходится 57% всех изданий, в 1902 г. — 69%. Из одного этого перечня можно сделать предварительный вывод о том, как в течение 1902—03 г. южный район выдвинулся как „фокус напряжения сил российской с.-д.“¹⁾.

Однако, уже позиции „Южного Рабочего“ и „С.-д. союза горнорабочих“ в отношении к „Искре“, их признание „Искры“ руководящим органом с некоторыми оговорками, а до этого —

¹⁾ Протоколы II с'езда, ст. Лепешинского.

особые позиции Николаевского и Одесского комитетов к искровскому „Орган. Комитету“, наличие в организациях Украины рабочедельских групп, как это было в Екатеринославе и Кременчуге, нечеткость принципиальной линии в Харьковском комитете — предопределили в известной мере позиции украинских организаций и на самом съезде: из 12 делегатов Украины только 5 в итоге примкнуло к большевикам; остальные, в процессе борьбы групп на съезде, перешли на сторону меньшевиков.

* * *

В своей основной работе, посвященной II съезду, Ленин¹⁾, весь состав съезда делил на четыре основные политические группировки: искровцев большинства, искровцев меньшинства, центр и антиискровцев, или иначе: 1) последовательные революционные социал-демократы, 2) оппортунисты маленькие, 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие²⁾. В соответствии с этим определением Ленина, делегаты от Украины разбиваются следующим образом: к искровскому большинству принадлежали делегаты: Киевского комитета — Павлович (П. А. Красиков) и Степанов (Андрей), рабочий, от Екатеринославского комитета — Ленский (Леонов, А. Виленский) и Орлов (Махрин) и от Одесского комитета — Осипов (Залкинд, „Землячка“).

К искровскому меньшинству примкнул делегат Одесского комитета Костич (С. Эборовский) — „центр“ или „болото“, а по определению Ленина — „оппортунисты средние“ преобладали на Украине. Такую позицию заняли делегаты от: 1) Николаевского комитета Махов (Калифати), лидер центра, 2) группа „Южный Рабочий“ — Егоров (Е. Я. Левин), Попов (В. Розанов), 3) Харьковский комитет — Иванов (Е. Левина), Медведев (П. Николаев) и 4) „Союз горнозаводских рабочих“ — Львов (Мошинский). „Центр“ явно возглавлялся представителями от Украины. Повидимому, влияние „Ю. Р.“ было очень велико и оно оказывалось прежде всего на организациях, ближе и теснее всего связанных с ним. Надо сказать, что к центру, кроме перечисленных делегатов, примкнули только два представителя от Донского и Московского комитетов. В лагере антиискровцев представителей от Украины не было.

В деятельности всего съезда Ленин усматривает четыре важнейших момента: 1) инцидент с О. К., 2) дебаты по поводу равноправия языков, 3) дебаты по поводу первого пункта устава и 4) борьба из-за выборов в партийные центры.

1) „Шаг вперед, два шага назад“. Собр. соч., т. V.

2) Весь этот раздел составлен по книге т. Кардашова „Основные исторические этапы ВКП(б)“ и по протоколам II съезда. — В. Л.

По пункту первому — против неустойчивых элементов с'езда шли все искровцы. Против искровской резолюции голосовали 8 антиискровцев, 4 голоса „Ю. Р.“, 2 голоса Махова (Калифати) и еще 2 голоса.

Вопрос шел о том, что „О. К.“ попытался связать своих членов особой дисциплиной, игнорируя роль с'езда, чем по сути воскрешалась психология старой кружковщины, которую и поддержали делегаты „центра“ вместе с антиискровцами.

В ту же кампанию попали делегаты „центра“ по вопросу о „равноправии языков“, с тою только разницей, что к ним уже присоединились и некоторые из „искровцев“, так что, по словам Ленина, на этом вопросе „впервые проявился раскол“.

Самым острым вопросом оказался для с'езда вопрос устава. Как известно, раскол произошел в рядах искровцев по параграфу первому. Мартов против Ленина выдвинул формулировку, которая открывала широко двери для оппортунистических неустойчивых элементов. Немудрено, что за нее ухватилась вся беспринципная часть с'езда, все те, кто почему бы то ни было были несогласны с руководящим ядром „Искры“ — Лениным и Плехановым. По этому вопросу, по словам Ленина, „составилось компактное большинство, но только оно состояло уже из коалиции „мартовцев“ плюс „болото“, плюс компактное меньшинство из „Рабочего Дела“ и Бунда. И это компактное большинство стояло против искровцев“. Разногласия накалили атмосферу до крайности к моменту выборов руководящих центров. Как известно, против искровского ленинского крыла выступало все то же „компактное большинство“, объединив все неустойчивые и колеблющиеся элементы вместе с антиискровцами.

Так самоопределялись различные делегаты по основным вопросам с'езда. Для полноты картины приведем еще ряд моментов, рисующих позиции отдельных представителей организаций Украины. „Первым моментом самоопределения правого крыла с'езда было голосование резолюции по вопросу о Бунде. При голосовании центр (в лице Махова — николаевский делегат) впервые становится на сторону Бунда и „Рабочего Дела“. По поводу занятой Маховым позиции в своей работе „Шаг вперед...“ Ленин с сожалением восклицает: „Два голоса Николаевского комитета, незадолго перед тем выразившего свою солидарность с „Искрой!“¹⁾

Дальше приводим характеристику, данную Лениным (т. IV, стр. 306) представителю Донбасса — Мошинскому: „Делегат от горнопромышленного района высказывался в духе ППС (по нац. вопросу — В. Л.), обнаружив вообще крайнюю спутанность воззрений“.

¹⁾ Цитирую по книге тов. Кардашева — „Основные исторические этапы ВКП(б)“.

Ярко характеризуют также позиции делегатов прения, возникшие на съезде по поводу программы: наиболее яркие и интересные по остроте постановки проявились по вопросу о принципах демократизма и при обсуждении аграрной программы. Известна блестящая речь Плеханова, тогда совершенно отчетливо сформулировавшего один из важнейших принципов большевизма: „каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе,—говорил Плеханов,—а с точки зрения интересов революции“, „успех революции — высший закон“... Это выступление делегат „Ю. Р.“—Егоров—встретил шиканьем. „Раз такие речи вызывают рукоплескания, я обязан шикать“—говорил он, обнаруживая фетишизацию принципа демократизма, так характерную для оппортунистов всех толков.

Такой ответ на наиболее ортодоксальное выступление Плеханова—яркий штрих для понимания идейной физиологии группы „Ю. Р.“. Отдельные несогласия с „Искрой“ оформились на съезде уже в целую систему взглядов, насквозь пропитанную оппортунизмом. Любопытно еще выступление Махова, которое Ленин определил как типичный пример „вульгарного упрощения марксизма“. „Что значит,—спрашивает Махов,—поддерживать оппозиционное и революционное движение? Если это значит способствовать развитию, то я решительно против: у нас единственный революционный класс — пролетариат, остальное — так себе: с боку припека“¹⁾. Идея гегемонии пролетариата, задачи руководителя всем революционным движением в предстоящей революции у Махова заменяются узостью, граничащей с чисто рабочей политикой тред’юнионизма и экономизма.

Такие примеры неустойчивости, шатаний и оппортунизма „центра“ можно было бы продолжить, но и этих достаточно для выяснения их идейных позиций на II съезде. Логика борьбы привела ту группу, которая до самого съезда являлась крупнейшей искровской организацией, в лагерь тех, против кого „Ю. Р.“ неоднократно выступал со всею решительностью.

По этим выступлениям делегатов съезда, правда, судить о позициях всех комитетов полностью нельзя — они императивных мандатов от своих организаций не получали, но в итоге, несомненно, выступления делегатов все же показательны, так как на съезд были делегированы наиболее авторитетные руководители, которые в известной мере, несомненно, отражали мнение большинства своего комитета.

* * *

В заключение остановимся на позициях, занятых отдельными комитетами после II съезда партии. Частично мы упоми-

¹⁾ Протоколы II съезда, стр. 209 — 210.

нали уже о том, какое решение вынес Екатеринославский комитет, заслушав доклады о результатах с'езда. Екатеринославский комитет после с'езда твердо оформился как комитет, принявший платформу большинства с'езда. Эти позиции комитета находят подтверждение в документах охранки: „наблюдением за делегатами ЦК РСДРП — Лидией Гоби и ее подругой... — выяснилось, что она приехала в декабре развить деятельность Екатеринославского комитета и упорядочить в интересах ЦК отношения местных деятелей в центральном партийном учреждении... вместе с тем в деятельности Екатеринославского комитета было замечено оживление, выражавшееся, между прочим, в частых собраниях с организационными целями. Эти собрания привели к полному объединению комитета с другими с. - д. кружками, до сих пор с ними враждовавшими, и к принятию последней комитетской программы, тождественной с программой, выработанной на упомянутом с'езде. Укрепив таким образом связи и увеличив свой личный состав, Екатеринославский комитет решил возобновить свою типографскую деятельность и приступить к печатанию целого ряда нелегальных произведений...“¹⁾.

Екатеринославский комитет, представленный на с'езде двумя большевиками, после с'езда остался верен его решениям. Судя по данным охранки, он ликвидировал все группировки (в первую очередь, повидимому, „Рабочий комитет“, который до с'езда был в оппозиции к нему).

Так же точно на позициях революционного марксизма оформилась после с'езда и Одесская организация, ставшая, как известно, оплотом большевизма на Украине в 1905 г. В подтверждение приведем копию письма из Одессы от 7 октября 1904 г., по которому узнаем, что „на-днях состоялась конференция южных комитетов, на которой присутствовала З-а (повидимому, Землячка — В. Л.)... Одесский комитет на собрании вынес решение сообщить конференции 22 желание его видеть в составе его Р-ого, Ник. Ив. и З-у... Одесса получила письмо от ЦК, в котором он извещает его, что предст суду интернационального бюро З-у, если она будет продолжать настаивать на своем протесте. Страшная угроза. Хорошо бы комитетам, хорошо знающим З-у, вынести резолюции о доверии к ней. Необходимо комитетам вынести резолюции о доверии и поддержании литературной группы Ленина и Бонча“²⁾.

Повидимому, в этом письме, перлюстрированном охранкой, речь идет об одном из руководителей Одесского комитета, известной еще тогда стороннице искровского большинства, т. „Землячке“ - Залкинд, которой примиренческий ЦК в 1904 г.,

1) Дело харьковского охранного отделения 1904 г. „Свод заслуживающих внимания сведений“. Сводка от 22 января 1904 г.

2) Дело Юго-Вост. районн. охр. отд., 1904 г., № 62.

повидимому, угрожает судом за непримиримые большевистские позиции.

Иную картину находим в Киеве и Харькове, которые после с'езда, судя по сохранившимся документам охраны, стали сразу в оппозицию к решениям с'езда и перешли в актив организаций, поднявших борьбу против ленинского большинства партий. Вот факты: Харьковский комитет, выслушав доклады своих делегатов о II с'езде РСДРП, а также сообщение о с'езде особо командированного ЦК лица и одного из членов ЦК, принял резолюцию, в которой высказывает недовольствие по поводу его решения: „Итак и в области терпимости устроительства вообще, и, в частности, в вопросах партийного органа, и в деле разработки насущных вопросов тактики с'езд оказался далеко не на высоте призвания... Харьковский комитет из'являет надежду, что в ближайшем будущем вновь избранные учреждения исправят исправимые пока еще ошибки с'езда. Харьковский комитет РСДРП“¹⁾. Конкретно Х. К. особенно недоволен тем, что не была утверждена старая редакция и доказывает необходимость восстановления „Искры“ в старом составе (как известно требование мартовского меньшинства).

В том же деле сохранилось письмо Х.К РСДРП от 25 ноября 1903 г. в Киев. Вот его текст: „Просим передать начальству. Х. К., обсудив резолюцию К. К. (повидимому, Киевского комитета — В. Л.), постановил сообщить Ц. К., Ц. О., местным комитетам и З. Л. Р.С.Д., что он вполне разделяет изложенные в этой резолюции К. К. мотивы, приведшие К. К. к выражению недоверия Ц. К. и отказу признать Ц. К. своим руководителем, потому считает своим долгом выразить свое недоверие Ц. К. и отказывается признать Ц. К. своим руководителем“. Харьковский комитет, таким образом, представленный на с'езде делегатами, примкнувшими к „центру“, полностью отразил и поддержал после с'езда тот оппортунизм, который был выявлен этой группой на самом с'езде.

Из этого же письма узнаем, что и Киевский комитет занял также враждебные позиции к новым центрам. Этот факт вызывает некоторое удивление, учитывая определенно искровские позиции комитета до с'езда, а также состав делегатов на с'езде. Однако документы охраны не оставляют сомнений, что Киевский комитет после с'езда определился на позициях меньшевизма. В подтверждение только что цитированного письма приведем еще ряд указаний на позиции К. К. „14/XII состоялся не с'езд, а совещание представителей Харьковского и Киевского комитетов при участии члена Ц. К., по вопросу централизации партийной власти. Как известно все комитеты, согласно решения заграничного с'езда, согласились принять в

¹⁾ Дело харьк. охр. отд., № 22, т. 3, 1903 г., о Харьк. ком. РСДРП.

России руководительство Ц. К., за исключением Харьковского и Киевского комитетов, выразивших недоверие Ц. К. и не признавших его право на руководство. Такой конфликт был устранен вчерашним соглашением, в силу которого Харьковский и Киевский комитеты признали централизацию партии... Подполковник Герасимов¹⁾.

Несколько позднее, в 1904 г., в тех же сводках департамента полиции от 8 января находим и объяснение причин недовольства Киевского комитета решениями с'езда. Приведем выдержки из документа, рисующего дело так, как его понимал департамент. „Устройство этого с'езда было делом образовавшегося из членов преступного сообщества „Искры“ и „О. К.“ бюро которого находилось в Киеве, и который поддерживал близкие сношения с Киевским комитетом с.-д. Вследствие этого киевские деятели, естественно, ожидали получить преобладание. Между тем при выработке партийного устава и при выборе членов в центральные партийные учреждения голоса с'езда разделились и в меньшинстве, представленном двадцатью голосами, оказались бывшие деятели О. К... Неудовлетворенные постановлением с'езда названные деятели и единомышленный с ними Киевский комитет преприняли агитацию, клонившуюся к тому, чтобы все комитеты РСДРП выразили недоверие избранному на с'езде Ц.К. Вместе с тем предполагался созыв нового с'езда для пересмотра решений. В противовес этой агитации Ц. К. разослал в местные комитеты своих делегатов...“ Этот документ противоречив и путает факты, но тем не менее отход Киевского комитета от позиции большинства с'езда несомненен. Под влиянием каких причин произошел этот перелом в Киеве — установить не удалось.

Так же точно одним из первых принял меньшевистскую резолюцию комитет Донецкого союза. Она гласит: „Принимая во внимание: 1) что резкие разногласия по организационным вопросам и раскол в редакции „Искры“ не только не содействовали об'единению и усилению партии, но разрушили все ранее сделанное „Искрой“ и О. К., 2) что создавшаяся в это время атмосфера политиканства и недоверия грозит единству и цельности партии, 3) что, благодаря всему происходящему, центральные учреждения осуждены на умаление их авторитета в партии К. С. — ДСГЗР просит эти центральные учреждения принять все меры к улаживанию происходивших разногласий и к восстановлению посредством кооптации выбывших членов редакции в ее прежнем составе“²⁾.

Бешеная кампания, которую после с'езда повели меньшевики за изменение персонального состава редакции Ц. О. и Совета партии, нашла в послес'ездовской внутривнутрипартийной

¹⁾ Дело харьк. окр. отд., № 54. Сводка от 15/ХІІ 1903 г.

²⁾ Н. Шахов. „Борьба за с'езд“. Цит. по статье Харечко. „Лет. Рев.“, № 3, 1925 г.

борьбе полное сочувствие со стороны комитета Донецкого союза. В этой борьбе он занял „ортодоксально“- меньшевистскую позицию. Эта позиция комитета и его делегаты на партийном с'езде получили одобрение на III донецком с'езде союза. По словам Харечко, в одобрении меньшевистской линии союза принимал участие и Луганский комитет. „Повидимому,— говорит он,— Луганская организация, вопреки утверждениям некоторых историков, сама определилась как большевистская гораздо позже, только в 1904 г., когда она, вследствие временной полицейской ликвидации комитета союза, работала под руководством Екатеринославского комитета“.

Таковы итоги трехлетней идейной борьбы, проводившейся в организациях под знаменем „Искры“. Быстрым темпом преодолев экономизм, большинство украинских организаций оказались, однако, еще недостаточно революционно закаленными и теоретически подкованными в духе революционного марксизма, чтобы воспринять теорию и практику искровского большинства. Характер рабочего движения, исторические социально-экономические, бытовые и национальные особенности Украины дали себя знать. Революционный шквал рабочего движения, захлестнувший Украину в 1903 году, вынес на своем гребне победу искровских организаций. Но почва была недостаточно подготовлена для внедрения и укрепления большевистских ленинских принципов. Только три комитета — Одесса, Николаев, Екатеринослав — оказались на стороне большевиков, приняв активное участие вместе с большевистским центром в подготовке III партийного с'езда.

С'ЕЗД ЮЖНЫХ КОМИТЕТОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП

(Январь 1902 года)

В январе 1902 года¹⁾ в Елисаветграде состоялся с'езд, результатом которого было образование „союза южных комитетов и организаций РСДРП“. С'езд этот созван был по инициативе и усилиям группы „Южный Рабочий“, которая к тому времени по своим связям, влиянию и значению издававшейся ею газеты вышла за местные рамки и превратилась в организацию областного значения²⁾. С'езду предшествовала предварительная организационная работа, которая облегчалась тем, что ряд деятелей группы „Ю. Р.“³⁾ в предшествовавшей работе по изданию и распространению газеты был связан с рядом с. - д. организаций Украины. Программа занятий с'езда, состоявшая из ряда тактических и организационных вопросов, как об этом рассказывает в своих воспоминаниях один из его инициаторов — Ерманский, была разработана предварительно. На с'езд прибыли представители следующих организаций: Екатеринославской (Р. С. Гальберштадт и А. Краснощеков); Николаевской (Штернберг); Харьковской (Ерманский), из Кишинева (Квятковский — присутствовал с совещательным голосом); Одесса была представлена двумя организациями: комитетом (Бронштейн, известный впоследствии под псевдонимом Юрий Чацкий, Гарви и Зборовский) и „Южно-русской рев. группой с. - д.“ (Яков Шиф). Группу „Южный Рабочий“ представляли на с'езде А. Гинзбург (Андрей) и Б. Цейтлин. Киев отказался участвовать на с'езде (о причинах этого мы скажем

¹⁾ Точная дата с'езда нами не установлена. Воспоминания участников указывают, что он состоялся в конце декабря — начале января. Мы, однако, считаем, что более близким к действительности нужно считать январь, так как этот месяц (без обозначения чисел) фигурирует в отчете с'езда, о котором мы ниже будем говорить.

²⁾ Мы не останавливаемся на истории „Южного Рабочего“, так как она не входит в задачу нашей статьи. По воспоминаниям А. Гинзбурга с мыслью о создании Южно-русск. областн. орг. еще в 1900 г. носился Екатеринославский К - т.

³⁾ В дальнейшем изложении название „Южный Рабочий“ сокращенно обозначаем: „Ю. Р.“.

ниже), делегат от Ростова не приехал. Таким образом, на съезде были представлены как будто почти все более менее значительные с.-д. организации Украины того времени. (Мы не будем давать характеристику состояниям представленных на съезде с.-д. организаций, так как она не входит в нашу задачу и отчасти дана другими статьями настоящего номера журнала. Персональной характеристики делегатов съезда мы коснемся ниже лишь в той связи, в какой это будет необходимо в плане нашего анализа. Упомянем лишь только, что почти все участники съезда после раскола на II съезде стали меньшевиками).

Съезд продолжался в течение недели; за это время разобрал ряд принципиальных вопросов, принял ряд резолюций и организационных решений, которые сводились к образованию „Союза южных комитетов и организаций РСДРП“, избранию Центр. Комитета этого союза (Ерманский, А. Гинзбург, Б. Цейтлин) и признанию органом „Союза“ газеты „Южный Рабочий“¹⁾.

Существование „союза“ оказалось очень кратковременным и работа его не приняла сколько-нибудь широких размеров. В сущности, единственным практическим актом „союза“ после съезда было издание листовки к 19-му февраля за подписью его ЦК и опубликование отчета о съезде. Из избранных съездом членов ЦК в середине февраля 1902 г. в Елисаветграде были арестованы двое (А. Гинзбург и Б. Цейтлин). Оставшийся на свободе Ерманский участвовал от „Союза южн. ком.“ на Белостокской конференции, по возвращению с которой, 6 апреля 1902 года, также был арестован. С провалом всего Ц. Комитета созданная съездом организация перестала существовать, не успев даже развернуть своей работы. В. Розанов в своих воспоминаниях²⁾ в полуироническом тоне рассказывает: „Объехав весь юг в мае 1902 г., я почти нигде не нашел организации (кроме Киева и Ростова), а, когда я явился за получением наследства южной областной организации, я получил только листов десять зашифрованной рукописи... да пуда 3—4 типографского шрифта...“ Там же мы находим указание, что когда летом 1902 г. группа „Ю. Р.“ постановила присоединиться к организации „Искры“, „было постановлено отказаться от мысли возобновить южный областной союз и все силы употребить на подготовку общего объединения“³⁾.

Вот, в сущности, то небольшое, что можно сказать на основании имеющихся в литературе воспоминаний участников

1) № 8 „Ю. Р.“ от февраля 1902 г. вышел как орган „Союза южн. комит. и орг. РСДРП“.

2) „Наша Заря“ № 6 за 1913 год.

3) Там же.

о внешней истории этого с'езда и судьбе созданного им об'единения¹⁾.

Помимо этих воспоминаний, некоторые резолюции „с'езда комитетов“ в извлечениях приведены в вступительной статье т. Лепешинского к протоколам II с'езда РСДРП²⁾. На основании этих материалов в литературе установился не совсем правильный, с нашей точки зрения, взгляд на с'езд южных комитетов и созданный им „союз“, как на организацию, по своим принципиальным взглядам почти полностью примыкавшую к „Искре“.

Вот почему нам казалось небезынтересным перепечатать подробный отчет о с'езде „южных комитетов“, полностью в нашей истпартовской литературе как будто не опубликованный, и подвергнуть его подробному разбору, которому и посвящаем дальнейшую часть нашей статьи, которая собственно по поводу этого документа и написана³⁾.

* * *

Для историка КП(б)У чрезвычайный интерес представляют попытки об'единения с.-д. организаций, работавших на Украине в период до 1917 г. Но не всякую такую попытку, исходя только лишь из внешне-формальных данных, можно и нужно зачислять в „предисторию“ КП(б)У. При анализе таких попыток для периода после второго с'езда решающим фактором при определении степени их „генеологической“ связи с КП(б)У является факт принадлежности об'единяющихся с.-д. организаций к большевистскому крылу партии, ибо история КП(б)У есть прежде всего история зарождения оформления и развития большевистских с.-д. организаций Украины.

Для периода до 1903 года, когда внешне искровцы выступали единым фронтом, но когда по существу намечались уже очертания двух их крыльев— революционного и оппортунистического, решающим признаком для нас в указанной выше связи может и должна служить большая или меньшая степень близости к одному из намечавшихся крыльев с.-д. движения.

В основе попытки создания „союза южных комитетов“ лежали, несомненно, как это можно видеть из печатаемого нами

¹⁾ Помимо цитированных воспоминаний В. Розанова имеются в сборнике „История Екатеринославской организации“ воспоминания А. Гинзбурга, наиболее полно и правильно излагающие подготовку и работу с'езда. О с'езде упоминает также в своей книге „Из пережитого“ Ерманский. На все эти материалы нам придется ссылаться в дальнейшем изложении.

²⁾ Тов. Лепешинский приводит эти извлечения из отчета о с'езде южн. комитетов, сохранившегося в деле д-та полиции № 850, т. XII („С'езд представителей комитетов и организаций РСДРП, действующих на Юге России“). К сожалению, мы не имели возможности использовать это дело, которое, возможно, дало бы ряд дополнительных интересных подробностей.

³⁾ Документ этот помещаем в виде приложения к нашей статье в настоящей книге журнала. О нем все время идет речь в дальнейшем изложении.

документа, практические задачи растущего с.-д. движения. Создание объединения в масштабе целой области, целого края (по тогдашней терминологии), несомненно, в эпоху кустарничества и разброда означало некоторый шаг вперед по пути преодоления этих основных и решающих недостатков с.-д. движения того периода. Но это опять только внешняя сторона вопроса, которая не может и не должна заслонять от нас его внутренней, и дейной сущности, которая и является решающей при оценке роли и значения данной попытки.

Мотивы объединения „с.-д. организаций „юга“ (по тогдашней терминологии), которые приведены в вступительной речи председателя с'езда, несомненно, характерны своим узким „практицизмом“. Мы не видим в них ничего похожего на ту принципиальную широту, с какой ставились в это время вопросы воссоздания партии „Искрой“. Мы, конечно, не упускаем из виду всей важности чисто практических задач, отмеченных в документе¹⁾ (сношения между отдельными городами, получение литературы, обмен людьми и т. д. и т. п.), игравших важнейшую роль в условиях нелегальной работы. Но ограничиваться только такой постановкой вопроса, не увязывая эти узко-практические задачи с глубоко принципиальными вопросами создания партии, разработки ее программы и тактики, означало отставать от событий, плестись в хвосте и в то же время узаконять и возводить в принцип замкнутость и кустарничество на более широкой территориальной основе (районное объединение).

В качестве довода в пользу создания такого районного объединения с.-д. организаций в документе приводится мысль о том, что аналогичные социал-демократические союзы созданы в целом ряде других районов. Имеется ссылка на Северо-русский с.-д. союз. Однако, принципиальная установка северного и южного с.-д. союзов в корне друг от друга отличаются. „Из всех комитетов партии“, читаем мы в докладе организации „Искры“ II с'езду РСДРП²⁾, „лишь один Северный союз сразу встал к „Искре“ в дружественные отношения. После выхода первого номера „Искры“ Северный союз тотчас же послал своего представителя для переговоров с одним из искряков, условились о сношениях, о доставке литературы и пр.“ (Курсив мой — В. М.).

Таким образом, „Северный Союз“ сразу сочетал создание районной с.-д. организации с деятельностью той газеты, которая не только представляла революционное крыло русской социал-демократии, но разработала и под руководством Ленина

¹⁾ Здесь, как и дальше, речь идет о документе, какой мы даем в приложении к нашей статье.

²⁾ См. „Пролетарская революция“ № 1 (72) за 1928 г.

с железной последовательностью проводила его организационные принципы создания партии.

В рассматриваемый нами период степень революционной значимости того или иного районного с.-д. объединения определялась не только и не столько обоснованием его необходимости, порождаемой особенностью условий данного района, сколько отношением его к „Искре“ и к той сумме принципиально-тактических и организационных взглядов, какие ею развивались.

Всякое объединение, игнорировавшее „Искру“, не заявлявшее с самого же начала о присоединении к ней, могло рассматриваться либо как организационное оформление не вполне с нею согласных, ею недовольных элементов, либо как узаконение принципов „кустарничества“ и „кружковщины“, возведенных лишь в более высокую степень и противопоставляемых той идее партийности, за какую ленинская „Искра“ боролась.

В публикуемом нами документе нет ни одного слова не только о присоединении к „Искре“, нет даже упоминания о ней и ее деятельности. Между тем, ко времени созыва с'езда южных комитетов „Искра“ приобрела уже достаточную популярность, определила достаточно ярко характер представляемого ею направления и, наконец, провела уже при помощи своих агентов большую организационную работу по завоеванию местных комитетов. Этого не могли не знать инициаторы с'езда.

Очень существенными для освещения этого вопроса являются воспоминания одного из руководителей группы „Южный Рабочий“ и инициаторов созыва „с'езда южных с.-д. комитетов“, А. Гинзбурга ¹⁾).

А. Гинзбург подчеркивает, что деятельность искровских агентов в ряде мест „вносила крайнюю нервозность и беспокойство в ряды партийных работников“. Как он поясняет, это недовольство вызывалось тем, что „Искра“ „доводила до крайней степени внутривнутрипартийную борьбу“. Нельзя не сделать вывода из отрывка воспоминаний А. Гинзбурга, которые мы ниже приводим, что в ряде местных комитетов на почве этого „недовольства“ нарастала „оппозиция“, которая отошла в некоторых вопросах от „экономизма“ и присоединилась в ряде пунктов с оговорками к принципиально-тактическим взглядам „Искры“. Решительно возражая наряду с этим против ленинских организационных принципов строительства партии, эта „оппозиция“ представляла собой таким образом некую „трансформировавшуюся“ в меньшевизм группу местных с.-д. практиков.

¹⁾ См. сборник „История Екатеринославской с.-д. организации 1893 — 1903“. Изд. Екатеринославского Истпарта 1923 г.

Вот весьма важный, с этой точки зрения, отрывок из воспоминаний А. Гинзбурга :

„Мы (имеется в виду руководящая группа „Ю. Р.“— В. М.) целиком поддерживали „Искру“, поскольку речь шла об усилении политической агитации и об организации политической борьбы, но мы не разделяли методов партийного строительства, проповедывавшихся „Искрой“ (курсив мой— В. М.). Мы стояли за необходимость сохранения партийного единства (?! В. М.) и за необходимость строить партийные центры из низовых организаций. Мы всячески отстаивали самостоятельность местных комитетов и считали необходимым этапом в деле развития партийного объединения создание областных организаций, которые могли бы уже принять участие, как целое, в восстановлении партии во всероссийском масштабе...“¹⁾

Как видим, судя по воспоминаниям А. Гинзбурга, группа инициаторов съезда (они же— руководящая группа „Южного Рабочего“) была несогласна с методами партийного строительства, применявшимися „Искрой“, и противопоставляла им другой план создания партии, в котором организация областных (районных) объединений занимала очень видное место.

Для того, чтобы еще ярче оттенить происхождение идеи создания этого областного объединения, приведем следующее место из тех же воспоминаний А. Гинзбурга :

„При частых встречах с тогдашним руководителем Ц. К. Бунда“ (речь идет о конце 1899, начале 1900 г.— В. М.) „мы пришли к мысли о необходимости в целях возрождения партии построить ее по типу областных организаций, и нам казалось, что одной из важнейших ступеней в этом деле должно явиться создание областной партийной организации на юге (курсив мой— В. М.)“²⁾.

В связи с известной попыткой группы „Ю. Р.“ созвать II съезд партии, весьма характерно, что и в разработанном А. Гинзбургом „проекте устава партии“ эта идея воссоздания партии через областные организации проведена совершенно четко.

Мы не будем останавливаться на описании попытки созыва весной 1900 г. II съезда партии, предпринятой по инициативе группы „Южный Рабочий“. Она достаточно полно освещена в цитированных уже нами воспоминаниях А. Гинзбурга. Сейчас, благодаря впервые опубликованному т. Б. Н. в № 37 журнала „Каторга и ссылка“ документу, который является „приглашением на съезд 1900 г. и проектом устава партии“ упоминаемом в рассказе А. Гинзбурга, мы можем с гораздо большей точностью проследить историю развития организационных

¹⁾ Цитированный Екатеринославский сборник, стр. 324.

²⁾ Цитированный сборник, стр. 150.

взглядов групи „Ю. Р.“. Разбор соответствующей части этого крайне интересного документа мы считаем крайне необходимым в связи с общим ходом нашего анализа¹⁾.

Во второй части этого документа, представляющей собой, очевидно, проект постановления предполагавшегося с'езда по вопросу об уставе, мы находим в п. 3 цепь рассуждений, которые подвергают критике централистический принцип создания партии. „Не может быть успешной деятельность, централизованная в руках одного ЦК, если чуть ли не в каждом городе существуют своеобразные условия агитации“ (курсив мой—В. М.), читаем мы в документе. Приводя далее ряд практических доказательств этого положения, автор документа рекомендует с'езду такой организационный план воссоздания партии:

„А) Создать окружные районные организации близлежащих городов с конспирацией сношений между этими последними, сношения Ц. К. установить только с районными организациями, а функции Ц. К. сузить (курсив мой—В. М.).

„В) Организация этих районных союзов должна быть такова: крупнейший город с наиболее солидным и прочным движением в данном районе берет на себя обязанность организовать возможно близкие сношения с другими городами своего района. Для этих городов он: 1) издает орган района, 2) доставляет литературу, 3) печатает (в случае необходимости) заметки и прокламации, 4) по возможности распределяет людей...“ и т. д. и т. п.

Приведенный нами отрывок не оставляет и тени сомнения в том, что, делая попытку созыва II с'езда, группа „Ю. Р.“ в основу организационного плана ее воссоздания кляла принцип „областничества“, принцип создания партии в виде „союзной федерации“ (подлинное выражение цитированного документа). В сущности, в узаконении именно такого плана построения партии и видела группа „Ю. Р.“ главнейшую задачу с'езда, результатом которого должно было быть не создание единой, монолитной, централизованной партии, а создание какого-то вольного „федеративного союза“ областных объединений, который бы не только не растворил в единой партии местный сепаратизм, кустарничество, кружковщину, но, напротив, узаконил бы их, возвел бы их в принцип партийного строительства.

Мы оставляем сейчас в стороне вопрос о том, каковы были действительные корни этого „областнического“ организационного плана „Южного Рабочего“. Этого мы коснемся ниже. Здесь же нам важно подчеркнуть, что цитированный документ подтверждает, что созыв с'езда южных комитетов являлся не

¹⁾ Копия этого документа по указанию т. Б. Н. была представлена в его распоряжение Л. П. Меньшиковым. Заголовок его, какой мы в тексте привели в кавычках, в копии отсутствует и проставлен т. Б. Н.

чем иным, как попыткой практической реализации плана воссоздания партии по принципу „областничества“, составлявшего центральное звено организационных взглядов „Ю. Р.“.

Чрезвычайно важно, что мы со слов Гинзбурга имеем свидетельство об отрицательном или уклончивом отношении В. И. Ленина к такому пути создания партии. „В. И. Ленин отнесся к идее с'езда уклончиво“ рассказывает А. Гинзбург, считая, что партия не может быть восстановлена путем объединения существующих комитетов. Эти факты лишний раз подтверждают ту нашу мысль, что инициаторы с'езда южных комитетов настойчиво проводили и пытались осуществить другой, отличный от искровского план восстановления партии, с которым В. И. Ленин не был согласен еще в 1900 году, до выхода „Искры“.

О происхождении этой идеи создания областной организации достаточно ясно говорит А. Гинзбург в цитированном выше отрывке.

На основании этого свидетельства мы можем с большей долей вероятности утверждать, что идея восстановления партии через создание областных организаций на основе широчайшей автономии и местных комитетов была, несомненно, Бундовского происхождения и не только ничего общего с искровскими организационными взглядами не имела, но прямо им противопоставлялась.

Суть дела, конечно, была не столько в том, что создавалась областная организация, сколько в том, как она создавалась, на какой программно-идейной и организационной основе.

По вопросу о программе с'езд южных комитетов принял резолюцию, в которой признал, что „между представленными организациями существует солидарность в общих программных вопросах...“, что солидарность эта доказывается самым фактом участия в с'езде, созванном организацией определенного направления группой „Южного Рабочего“.

Это решение несколько не разъясняет вопроса о том, каково же собственно было направление этой организации. О том, что оно не являлось направлением, отождествлявшим себя с искровским, ясно из того, что упоминания о солидарности с ним и его поддержке нет ни в одной из резолюций с'езда. Нет также упоминания о несогласии с тем направлением в рядах социал-демократии, с которым „Искра“ вела наиболее ожесточенную борьбу.

Постараемся ниже на основе анализа других решений с'езда выяснить, каков же собственно был характер того особого направления, какое пытался в то время представлять „Ю. Р.“. В данной же связи, рассматривая систему организационных взглядов, на базе которых делалась попытка создания областного объединения, нам приходится лишь

констатировать, что его идейная основа отличалась полной неопределенностью и, во всяком случае, с „Искрой“ имела очень мало общего.

Итак, именно то, что ленинская „Искра“ ставила во главу угла своей работы, — воссоздание партии на основе преодоления оппортунистических шатаний в теории и практике с.-д. организаций и сплочение их на идейной основе подлинно революционных взглядов — мы не находим в качестве основного условия объединительных попыток, как они отразились на этом съезде, созванном группой „Ю. Р.“.

Первая часть твердо и неуклонно проводимой Лениным формулы: „сначала размежеваться, а потом объединиться“ совершенно потонула в море благих „демократических“ и „автономистских“ пожеланий устроителей съезда южных комитетов.

Поскольку, по мысли руководителей группы „Ю. Р.“ этого периода, областные организации должны были послужить основной предпосылкой воссоздания партии, постольку мы считаем необходимым дополнить наш анализ организационных взглядов группы разбором соответствующих решений съезда южных комитетов.

Эти решения прежде всего говорят о создании съездом „союза южных с.-д. комитетов и организаций“.

Этот союз должен был представлять из себя объединение до некоторой степени механическое, основанное не на определенной идейно-теоретической платформе, а на почве общности чисто практических задач, без какой бы то ни было ломки тех организационных форм, какие сложились у отдельных составных частей этого объединения, на основе широкой их „автономности“.

В этих крайне расплывчатых и „свободных“ организационных рамках „союза“ допускается сосуществование даже принципиально друг с другом расходящихся организаций. Это видно на примере того, что съезд не счел себя „правомочным“ решать вопрос о необходимости объединения двух одесских с.-д. организаций: „южной группы“ и „комитета“, а придумал такое название районной организации, которое давала бы возможность вхождения в нее и той и другой группы.

В пунктах решений съезда, говорящих о функциях избираемого им центрального комитета, напрасно было бы искать хоть намек на то, что центр. комитет является органом, руководящим работой местных комитетов.

Взаимоотношения его с местами построены на началах „широчайшей“ автономии, превращающей значение этого органа в фикцию и представляющей право каждой местной организации подчиняться или не подчиняться его указаниям. В этом отношении очень характерен пункт, который указывает: „специальные воззвания, призывающие к определенным кон-

кретным действиям, ЦК выпускает после опроса местных организаций и с их согласия... всякий отказ от распространения литературы союза местные организации должны мотивировать" и т. д. и т. п.

В этом организационном плане „союза“ сказался его оппортунистический характер.

Говоря об организационном принципе оппортунистов социал-демократов, Ленин писал: „последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, „демократизм“, доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма“¹⁾.

Именно в тенденции автономизма против централизма видел Ленин одну из характерных черт оппортунизма в организационном вопросе. Идея централизма составляла основное звено ленинского организационного плана, развернутого им в искровский период.

„Пожертвовать всей и всяческой групповой особностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого целого — партии“ — вот к чему неустанно звал Ленин, борясь против всякого кустарничества, против всякого местного сепаратизма и против кружковщины.

Как раз в этом чрезмерном внимании к задачам чисто местной работы видел Ленин основной недостаток движения. „Наше движение последних лет“, писал он, страдает как раз от того, что местные деятели черезчур поглощены местной работой, что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо, что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей и устойчивость нашей местной агитации“²⁾.

Как видим, инициаторы южной конференции упускали из виду эту основную задачу и делали ударение как раз в первую очередь на чисто местных, областных задачах. В свете сделанных нами сопоставлений становится более ясной вся система организационных взглядов „Ю. Р.“ в этот период.

Если проект устава, разработанный А. Гинзбургом, показывает тот основной принцип „областничества“, который рассматривался, как краеугольный камень строительства всей партии, то организационные решения южной конференции ярко говорят о структуре тех „областей“, которые в сумме своей должны это целое, т.-е. партию, составить. Те же отношения широкого „демократизма“, „автономизма“, отсутствие какой бы то ни было руководящей власти у центрального органа, узаконение

1) Т. V, стр. 467.

2) Т. V, „Что делать“ ?

местного сепаратизма и ограниченности, нежелание поступиться интересами части во имя более великого целого, непонимание необходимости „полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса“ (Ленин); не преодоление кустарничества, а создание организационных форм для его узаконения, возведение „федеративности“ в принцип партийного строительства, против которых ленинская „Искра“ боролась, должны были лечь в основу воссоздания партии, прообразом и основной ячейкой которой было это пресловутое „областное“ об'единение.

Мы подвергли рассмотрению всю сумму организационных взглядов группы „Ю. Р.“ и показали, как нам кажется, достаточно ясно коренное их расхождение с организационными идеями ленинской „Искры“. Естественно теперь поставить вопрос о том, для какого же собственно из направлений русской социал-демократии более всего были характерны подобные взгляды.

Выше мы уже говорили об одном из корней этих взглядов — бундовском. Важно отметить, что из трех членов группы „Ю. Р.“, принимавших деятельное участие в подготовке южной конференции, двое, а именно: А. Гинзбург и Б. Цейтлин сами прошли бундовскую школу и, как мы видели выше из приведенных воспоминаний Гинзбурга, поддерживали связь с руководящими бундовскими работниками, так что каналы, по которым влияние бундовских взглядов могло идти, становятся более или менее ясными. Остается остановиться на третьем из этой группы — Ерманском.

Последний играл крупную роль в с.-д. движении Украины этого периода. По своим личным связям и взглядам Ерманский несомненно примыкал к „Рабочему Делу“.

Тов. Б. Н-ский¹⁾, анализируя воспоминания Ерманского „Из пережитого“, в которых последний явно стремится в неверном свете представить свою тогдашнюю политическую позицию, приходит к выводу о связи Ерманского с „Рабочим Делом“, о том, что он связал „Союз русских социал-демократов“ с Тифлисом, устанавливал его связь с „Южным Рабочим“, представлял в нем сочувствовавшее „Рабочему Делу“ крыло²⁾.

Из личной беседы с одним из активных работников группы „Южный Рабочий“ последующего периода, стоявшего в это время в стороне от ее работы, Е. Левиным, у нас создалось впечатление, что главным ее „теоретиком“ в период подготовки созыва южной конференции, был несомненно Ерман-

¹⁾ Очевидно, это то же лицо, которое является автором цитированной нами статьи „Из эпохи, „Искры“ и „Зари“ и скрывается под инициалами „Б. Н.“.

²⁾ „Каторга и Ссылка“, № 37, стр. 220.

ский (А. Гинзбург в этот период больше отдавался непосредственно практической работе).

Таким образом, мы приходим к выводу, что вторым и, пожалуй, наиболее основным влиянием, под давлением которого складывались организационные планы „Южного Рабочего“ в этот период, было „рабочедельское“ влияние, проводником которого являлся Ерманский.

В этом отношении нельзя целиком не согласиться с выводами, к которым приходит автор цитированной уже нами статьи „Из эпохи „Искры“ и „Зари““. Анализируя отношение группы „Освобождения Труда“, „Рабочего Дела“ и „Южного Рабочего“ по вопросу о значении и роли политической борьбы, он приходит к заключению что по существу позиция „Ю. Р.“ совпадает именно с позицией „Рабочего Дела“. „Если что-нибудь и отличает тактическую позицию „Южного Рабочего“ от „Рабочего Дела“, то это не принципиальные основы первой, а яркий политический темперамент, с которым редакция „Южного Рабочего“ эту позицию развертывает“.

Указывая на то, что „Рабочее дело“ не создало своего организационного плана, т. Б. Н. приходит к выводу, что „изучение организационных тенденций „Рабочего Дела“ заставляет думать, что если бы такой план и был построен, то он был бы в основном очень похож на план группы „Южного Рабочего“. О последнем можно и нужно сказать, что он был по духу первой и едва ли не единственной выдержанной попыткой практического применения „рабочедельских“ взглядов в области организационного строительства“. Анализ дальнейшего развития организационных взглядов „Ю. Р.“, нашедших свое выражение в созыве южно-русской конференции и ее организационных решениях, целиком этот вывод подтверждает.

В цитированном уже докладе организации „Искры“ II съезду РСДРП Н. Крупская пишет следующее: „Южане чаще видятся между собой и на одном из таких свиданий приходят к решению образовать южную группу „Искры“. Южная группа предлагает такой план организации: группа вполне самостоятельна в ведении всех практических дел, в ее руках находятся все связи в южном районе“ и т. д. и т. п.

Вряд ли факты, о которых идет здесь речь, относятся к попытке „Южного Рабочего“, хотя по времени они почти совпадают. Но важно не это. Интересен тот ответ, какой дал по этому поводу В. И. Ленин. В этом же докладе приводится выдержка из письма В. И. Ленина одному из товарищей, особенно настаивавших на принятии этого плана. В нем Владимир Ильич, между прочим, пишет: „Надо только, чтобы распорядительный комитет¹⁾ непременно думал о всей России,

¹⁾ Речь шла о комитете, который бы распоряжался всеми „источниками“ литературы.

отнодь не об одном районе, ибо все будущее „Искры“ зависит от того, сумеет ли она побороть местное кустарничество и районную обособленность (курсив мой — В. М.) и стать на деле общерусской газетой“.

В другой выдержке из письма В. И. Ленина от 6-го мая, опубликованной И. Волковичерым¹⁾, мы имеем прямое указание на отрицательное отношение В. И. к „Союзу южных комитетов“. „Теперь наша главная задача—подготовить“, пишет Владимир Ильич, „чтобы вполне свои люди проникли в возможно большее число комитетов и постарались подорвать Ц. К. южных комитетов“ (курсив мой — В. М.). Как видим, Ленин настолько отрицательно расценивал значение этой организации, что предлагал в отношении к ней придерживаться самой решительной тактики—подрыва. Роль же южных с.-д. организаций в деле объединения партии Владимир Ильич ценил так высоко, что писал в другом письме: „Если мы добьемся такой же полной солидарности и полного слияния с югом, то вопрос о фактическом объединении партии подвинется на три четверти к его осуществлению“²⁾ (курсив мой—В. М.). Какой резонанс и оценку получил съезд южных комитетов и его решения в зарубежных кругах социал-демократии, можно видеть из следующего отрывка письма Л. Мартова в редакцию „Южного Рабочего“.

„К сожалению, в течение последнего года (речь идет о 1901 годе—В. М.) наши отношения (ред. „Искры“—В. М.) с „Ю. Р.“ приняли нежелательный характер, благодаря, повидимому, деятельности элементов, не принимавших той постановки партийных задач, которые преследовали мы. Воздействию этих элементов удалось привести к тому, что „Южный Рабочий“—орган, которому мы неоднократно выражали сочувствие и оказывали содействие—сделался в глазах большинства товарищей главным в России антагонистом того направления, которое представляет „Искра“. В заграничной литературе („Рабочее Дело“, „Борьба“) „Ю. Р.“ и группирующаяся около него организация открыто выставлялись как представители направления, враждебного „Искре“, и эти утверждения остались неопровергнутыми, а на партийной конференции (речь идет, вероятно, о Белостокской конф.—В. М.) делегат южной организации (Ерманский—В. М.) выступал как сторонник эклектического направления „Рабочего Дела“. Как торжество того же направления, принят и отчет об южной конференции. Все эти обстоятельства сыграли свою роль в нагромождении препятствий

1) „Каторга и Ссылка“, № 36, стр. 21.

2) См. его статью „В. И. Ленин и собрание партии вокруг старой „Искры“ перепечатанную в сборнике „Ленин и старая „Искра“. ГИЗ, 1926.

для той объединительной работы, которую мы поставили себе главной задачей¹⁾.

Таким образом, это письмо Мартова подчеркивает резкий поворот, зигзаг в характере и направлении „Ю. Р.“, отправным пунктом которого до известной степени являлась конференция южных комитетов. Когда и как этот поворот произошел?

В. И. Ленин в другом письме ред. „Южного Рабочего“ также отмечает этот момент: „из ваших слов, что вы намерены вести дело так, как оно велось до образования союза южных комитетов и организаций (курсив мой — В. М.), мы заключаем, что и состав и направление теперешней редакции „Ю. Р.“ расходятся с составом и направлением той редакции, которая была весной во время конференции“. На основании этих фактов мы можем сделать вывод о том, что персональные изменения в составе редакции „Ю. Р.“ оказали известное влияние на изменение его политической линии и что в его взаимоотношениях с „Искрой“ мы можем наметить по меньшей мере три периода.

Первый период — от организации группы „Ю. Р.“ примерно, до середины 1901 года, когда, постепенно эволюционируя, „Ю. Р.“ все больше приближался к „Искре“.

Второй период начинается, примерно, с осени 1901 г., когда в состав редакционной группы „Ю. Р.“ вошел член Харьковського комитета Ерманский, с приходом которого усилился „рабочедельский уклон“ „Ю. Р.“, завершившийся созывом южной конференции.

Интересные подробности относительно этого второго периода, каким собственно мы и занимаемся в нашей статье, мы находим в письме от 29/VIII 1902 г. редакции „Южного Рабочего“ (письмо относится к „третьему периоду“, о котором мы ниже скажем) „Искре“.

Письмо это приводит в цитированной уже статье И. Волковичер²⁾. Нам удалось при любезном содействии т. Е. Левина установить некоторых лиц, о которых шла речь в этом письме. Это обстоятельство проливает свет на позицию, какую занимали различные члены группы „Ю. Р.“ в той внутренней борьбе, которая характеризует этот „второй период“ ее истории. Авторами этого письма, по воспоминаниям Е. Левина, является он и В. Розанов. Это письмо рисует, примерно, ту же картину, какую мы выше набросали. Аресты и другие обстоятельства вырвали из группы тех товарищей, которые в основном были солидарны с „Искрой“ (Е. Левин, В. Розанов, Лалаянц). Тогда в группу вошло „новое лицо, которое имело большое влияние на дальнейшую судьбу группы“ (выражение автора

1) Там же.

2) См. сборник „Ленин и старая „Искра“, стр. 114 — 118.

письма). Это лицо, названное в письме кличкой „Геноссэ“ и есть — Ерманский. В группе получилось, пишет автор письма, следующее положение: „... с одной стороны Геноссэ (Ерманский) и два примыкающих к нему члена, родственных ему по духу (очевидно, А. Гинзбург и Борис Цейтлин — В. М.), они олицетворяли собой (по крайней мере, „Геноссэ“) оппортунизм и приверженность „Рабочему Делу“. Четвертым членом группы в это время был, очевидно, В. Розанов, представлявший направление, приближавшееся к „Искре“. Между этими двумя неравными частями (3 и 1) шла борьба, которая особенно обострилась к концу 1901 года.

Член редакции, представлявший искровское направление был против созыва с'езда южных комитетов, полагая, что юридическому „об'единению необходимо единство в программных, тактических и организационных вопросах“. Тем не менее, вопреки протесту меньшинства, с'езд южных комитетов все же был созван и на нем участвовали все три члена редакции „Ю. Р.“, составлявшие ее оппортунистическое большинство (А. Гинзбург, Ерманский, Б. Цейтлин). „После конференции пишут авторы письма, не было почти возможности работать сообща с большинством... Пришлось на время устраниваться, но не надолго, так как дело вскоре осталось без руководителей“.

Ряд провалов разрушает основную группу лиц, бывших инициаторами создания южно-русского об'единения („Бумажное об'единение это разлетелось, конечно, как мыльный пузырь, с исчезновением этих трех лиц. Все держалось энергией одного-двух лиц“, читаем мы в этом же письме); к руководству „Южн. Рабочим“ снова приходит временно было отстранившаяся группа сторонников „Искры“ (Е. Левин и его жена, В. Розанов и др.), которая в письме от 14/VIII сообщает редакции „Искры“: „Южно-русская организация, как вам, вероятно, известно провалилась — осталась только редакция „Ю. Р.“, которая решила вести дело в том виде, в каком она вела его до образования „союза южн. комитетов“¹⁾. С этого момента завязывается переписка группы „Ю. Р.“ с Лениным, Мартовым и начинается третий период ее истории, закончившийся признанием „Искры“.

Мы остановились подробно на разборе организационных взглядов группы „Ю. Р.“ в период созыва южного с'езда и на характеристике его решений в этой части. Чтобы закончить с этим разделом, упомянем попутно, что к этому кругу вопросов, затронутых с'ездом, относится также решение об организационных разногласиях между двумя одесскими группами (одесским комитетом и оппозиционной ему „южно-русской группой революционных социал-демократов“). Несмотря на то, что недопустимость их параллельного существования, как указывает

¹⁾ Цитированная ст. И. Волковичера.

составитель отчета съезда, была совершенно ясна, принято было все же компромиссное решение, „узаконившее“ их раздельное существование и предлагавшее этим двум организациям лишь координировать свои действия при выпуске листков и распространении литературы. Такое решение целиком совпадало с общей линией организационных решений съезда, для которого вопросы предварительного размежевания с оппортунистическими и колеблющимися элементами не являлись непременным условием объединительного процесса. В этом смысле весьма характерно объяснение, какое дает Ерманский в своих воспоминаниях по поводу названия, принятого съездом для областного объединения: „название это, говорит он, было неизбежным, поскольку областное объединение рассчитывало охватить и комитеты и другие соц.-дем. организации без насильственного подавления одних другими“¹⁾ (курсив мой—В. М.). Организационный эклектизм и примиренчество руководителей съезда как нельзя лучше подтверждаются этими словами, находившимися в полном противоречии с той резкой и решительной линией, какую в этом вопросе вела „Искра“.

* * *

Помимо организационных, съезд рассмотрел ряд принципиально-тактических вопросов и принял по ним определенные резолюции. Вопросы эти следующие: 1) о сущности самодержавия, 2) о частных политических правах и самодержавном режиме, 3) об экономической борьбе, 4) о политической борьбе, 5) об отношении к оппозиционным политическим течениям. 6) о терроре.

Если судить по отчету о съезде, ниже нами публикуемом, то разногласия среди его участников выявились только вокруг двух вопросов: „о сущности самодержавия“ и „о терроре“. Первый вопрос был, несомненно, центральным пунктом разногласий и в связи с его обсуждением наметились на съезде две точки зрения: большинство и меньшинство. При голосовании резолюции о терроре снова наметились две группы: одна голосовала за формулу: „для настоящего времени мы признаем террористическую борьбу целесообразной“, другая из нее исключала слова „для настоящего времени“.

Факт наличия известной борьбы на съезде подтверждается также воспоминаниями Ерманского. „На конференции“— пишет он—„в глухом неоформленном виде велась борьба искровцев и неискровцев. Главный принципиальный пункт, вокруг которого развернулись дебаты, неожиданно для некоторых был вопрос о роли русской крупной буржуазии в предстоящей политической революции. Я, будучи выбран председателем конференции,

¹⁾ Ерманский. „Из пережитого“. Москва, ГИЗ, 1927 г.

дал ярко развернуться этим прениям и сам отстаивал ту позицию, что при наших социально-политических условиях русская промышленная буржуазия... не может быть ни активным борцом за политическую свободу, ни даже сторонницей буржуазной демократии и что реальные исторически сложившиеся и теперь оформившиеся условия русской действительности осудили нашу буржуазию на чисто консервативную, а то и реакционную роль. Это мною толковалось в том смысле, что при таких условиях пролетариату суждена гегемония в предстоящей российской буржуазной революции. Это точка зрения в конце концов и восторжествовала на конференции, которая приняла внесенную мною резолюцию в этом смысле...¹⁾ (курсив мой — В. М.).

Мы нарочно привели эту довольно большую выдержку из мемуаров Ерманского, изданных в 1927 году, чтобы поставить вопрос, когда был более прав Ерманский — в 1927 году, когда он писал свои воспоминания, или в 1902 году, когда он составлял отчет о съезде южных комитетов²⁾.

Достаточно внимательно просмотреть публикуемый нами отчет, чтобы убедиться в том, насколько „неточен“ в своих воспоминаниях т. Ерманский. Несомненно, что отчет о съезде, написанный им в 1902 году под свежим впечатлением событий, гораздо лучше отражает действительную суть того, что происходило на съезде. На основании отчета никак нельзя прийти к заключению, что „главным принципиальным пунктом, вокруг которого развернулись дебаты, был вопрос о роли русской крупной буржуазии в предстоящей революции“. Главным спорным пунктом на съезде был вопрос об оценке сущности самодержавия. Несомненно, что в связи с оживленными дебатами по этому пункту повестки съезда попутно затрагивался вопрос о роли и значении в революции отдельных классов. Но это было, так сказать, побочным продуктом обсуждения основного вопроса.

Материалы съезда дают некоторое указание на то, что все его участники сходились на признании того, что „самодержавный режим — крупная сила, для ниспровержения которой необходима также серьезная общественная сила, что эта сила должна быть создана, источником этой силы должны быть социальное положение и историческая миссия определенного класса, что этим классом в России в настоящее время является класс пролетариев“³⁾.

Несомненно, что эта позиция приближается к постановке вопроса о гегемонии пролетариата. Это показывает лишь,

1) Ерманский „Из пережитого“. Москва, ГИЗ, 1927 г.

2) В цитированной книге Е-го есть прямое указание, что отчет о съезде был составлен им.

3) См. отчет о съезде стр. 217 — 229.

что зародыши правильных мыслей, приближавшихся в отдельных вопросах к „искровским“, „бродили“ в головах участников с'езда. Но у нас на основе анализа документа нет никаких решительно данных утверждать, как это делает в своих воспоминаниях Ерманский, что участники с'езда сошлись на признании „консервативной и реакционной роли русской буржуазии“. Возможно, что в прениях такие мысли и высказывались, но в решениях с'езда они своего отражения не нашли. А Ерманский ведь решительно утверждает, что якобы „эта точка зрения (именно в вопросе о роли русской буржуазии — В. М.) восторжествовала на конференции“, принявшей внесенную им „в этом духе“ резолюцию.

Кто внимательно ознакомится с резолюциями, тот убедится, что подобное утверждение можно отнести, по меньшей мере, за счет „забывчивости“ автора воспоминаний, усиленно старающегося представить свою тогдашнюю позицию в очень „радикальном“ свете. Достаточно для характеристики действительной тогдашней позиции Ерманского прочесть заключительную часть публикуемого нами документа, чтобы убедиться в том, что именно Ерманский в своей итоговой речи на с'езде призывал к „смягчению“ конфликта, к компромиссам, приводя для подкрепления своей точки зрения пример из истории германской социал-демократии¹⁾.

Мы не будем вдаваться в анализ и оценку наметившихся на с'езде разногласий по вопросу об оценке сущности самодержавия. Отметим только, что инициаторами постановки на обсуждение этого вопроса были обе Одесские группы, между которыми аналогичный спор шел на протяжении 1901 года. Основные формулировки по этому вопросу, какие выявились на с'езде, почти полностью совпадают с ранее наметившимися в одесских спорах. В этом легко убедиться, если сопоставить выдержку из письма одесского корреспондента „Искры“ осенью 1901 года, в котором он описывает эти точки зрения, с аналогичными мнениями „большинства“ и „меньшинства“ на с'езде южных комитетов²⁾.

Нам хотелось бы только подчеркнуть, что и точка зрения „большинства“ и „меньшинства“ с'езда южных комитетов по вопросу о сущности самодержавия отличаются достаточной путанностью и неопределенностью. При явно оппортунистическом утверждении „большинства“, что „всякое правительство по своему содержанию является в общем равнодействующей классовых сил данного общества“, заключительные слова его формулировки

1) См. заключительную речь председателя с'езда.

2) Выдержки и сопоставления эти с формулировками вопроса о сущности самодержавия на с'езде южн. ком. приведены в вступительной статье т. Лепешинского к протоколам II с'езда партии (изд. „Прибой“, Ленинград, 1924 г., стр. 8—18). Там же дан подробный разбор этого вопроса и анализ его с точки зрения „Искры“.

о том, что сохранение самодержавия „находится в резком антагонизме с интересами рабочего класса“, выгодно отличаются от „формулы“, меньшинства, где подобная резкая постановка вопроса отсутствует.

Подобного рода факты лишній раз подчеркивают, насколько неопределенными, неоформленными, неустоявшимися были политические и теоретические воззрения участников с'езда, отражавшие подчас эклектическое сочетание „рабочедельства“ с приближением в отдельных вопросах к взглядам „Искры“.

Участники с'езда отражали, конечно, настроение целого слоя практиков - социал - демократов, сознание которых находилось в этот период в состоянии „брожения“, в состоянии переходном от экономизма к искровству. В этом смысле мы можем целиком согласиться с приведенной выше оценкой Ерманского о том, что на с'езде южн. комитетов в „глухом, неоформленном виде велась борьба искровцев и неискровцев“.

Эта неоформленность в том и сказывалась, что с'езд, собиравшийся на организационной платформе „рабочедельства“, не порывал еще окончательно с его взглядами и по целому ряду других вопросов.

В этом отношении наиболее показательной является резолюция с'езда по вопросу об экономической борьбе. Обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что и мотивировка этого вопроса в отчете и текст самой резолюции является наиболее обстоятельным и обширным. В этом чисто количественном отношении вопрос об экономической борьбе относительно занимает гораздо большее место, чем все другие вопросы. Это обстоятельство, конечно, не случайно, так как в тогдашних дискуссиях вопрос о роли и значении экономической борьбы занимал одно из центральных мест. Однако дело не только в „количестве“. В целом ряде случаев аргументация по вопросу об экономической борьбе, развитая в прениях, носит ясно выраженный рабочедельский характер. Приведем для образца следующее место из „отчета“:

„Наконец, указывалось еще на необходимость того, чтобы сама жизнь, удовлетворение самых насущных потребностей, наталкивала рабочего на необходимость политической свободы, а такой именно результат неизбежно имеет при наших условиях экономическая борьба, в которой рабочий наиболее осязательно наталкивается на факт своего политического бесправия.

Для сравнения приведем другую цитату: „Экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством, кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии“.

Достаточно сравнить выделенные нами в обеих цитатах фразы, чтобы убедиться в том, что не только по смыслу, но почти буквально они друг с другом совпадают. А между тем вторая цитата есть не что иное, как выдержка из статьи одного из лидеров „рабочедельства“ Мартынова, в которой, как указывал В. И. Ленин, выражена „в кратком и ясном положении вся суть экономизма“¹⁾.

Как известно позиция „рабочедельцев“ характерна вовсе не тем что они вообще отрицали политическую борьбу, а тем, как они оценивали ее значение и как к ней подходили.

Они считали, что политическая борьба все время разро-стается непосредственно на почве экономической борьбы рабочего класса и что „политическая борьба рабочего класса есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы“²⁾.

Критикуя эту точку зрения, Ленин указывал, что за формулой Мартынова „придать самой экономической борьбе политический характер“, которая „звучит ужасно глубокомысленно и революционно, прячется в сущности, традиционное стремление при низить социал-демократическую политику до политики тред-юнионистской“³⁾.

Этой формуле он противопоставлял указание на то, что революционная социал-демократия пользуется экономической агитацией не только для пред'явления правительству „требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством; кроме того, она считает своей обязанностью пред'являть правительству это требование не только на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни“.

Нетрудно видеть, что в самой резолюции по этому вопросу, принятой съездом, главным ее стержнем является мысль о том, что экономическая борьба есть главное средство революционирования рабочего класса („отделение политической борьбы от экономической в значительной мере парализовало бы борьбу партии за политическую свободу“).

Эти колебания между данью „рабочедельству“, ярко поступающему в вопросе „об экономической борьбе“ и стихийным приближением к позиции „Искры“ особенно заметны при сопоставлении с резолюцией о „политической борьбе“, и „об отношении к оппозиционным течениям“.

Но зародыши правильных мыслей даны здесь в таком туманном и неофомленном виде, так переплетаются с „рабочедельскими“ аргументами, что их подчас очень трудно уловить.

1) Т. V, стр. 170.

2) „Рабочее Дело“, № 1.

3) „Что делать?“ т. V, стр. 1. 8.

От экономизма еще не ушли, а к „Искре“ еще не пристали—вот та формула, какая невольно приходит в голову при разборе этих решений съезда.

Любопытно, что и в вопросе об отношении к террору обнаружались при голосовании характерные нюансы.

Половина участников съезда голосовала за формулу: „для настоящего времени мы признаем террористическую борьбу нецелесообразной“ безоговорочно, остальная часть голосовала с исключением слов „для настоящего времени“. Таким образом, часть съезда подчеркиванием слов „для настоящего времени“ выявляла свое отрицательное отношение к террору очень условно, давая основание думать, что она считает это средство борьбы при других условиях приемлемым.

Это очень любопытный нюанс, особенно если вспомнить, что Ленин, несмотря на кажущуюся, как он говорил, парадоксальность этого взгляда, устанавливал, что „у экономистов и современных террористов есть один общий корень... преклонение перед стихийностью, с тем только различием, что „экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения“¹⁾.

Как видим, и в этом случае, в очень, правда, затухавшей форме, основное существо экономизма выступало в воззрениях определенной части съезда.

Разобрав основное содержание решений съезда южных комитетов, мы можем подвести некоторые итоги.

Участники съезда южных комитетов объединились на единой организационной платформе. Эта платформа ничего общего с „искровской“ не имела. Напротив, она находилась с ней в резком противоречии. В этом смысле с известным основанием можно сказать, что съезд южных комитетов являлся попыткой объединения тех элементов местных с.-д. организаций, которые были недовольны и несогласны с методами партийного строительства, какие неуклонно проводила в жизнь ленинская „Искра“. Недовольство это заключалось не только в том, что организаторы съезда были сторонниками „областного“ принципа воссоздания партии, строительства ее „снизу вверх“, а не „сверху вниз“, но также и в том, что они были противниками создания крепкой дисциплинированной, централизованной партии представляя себе ее, как механическое соединение местных комитетов, федерацию областных организаций, при отсутствии крепко сколоченного авторитетного руководящего партийного центра, при сохранении широкой „демократии“ и „выборности“ и, что самое главное, при мирном сожительстве внутри партии с явно оппортунистиче-

¹⁾ Т. V, стр. 179 „Что делать?“.

скими элементами (случай с Одесскими группами). В этом смысле характерным является отказ от участия в съезде Киевской организации, который объясняется тем, что руководящую роль в ней в это время играли определенно искровские элементы, не только декларативно признавшие ее принципы, но находившиеся с нею в систематической организационной связи, осуществлявшие работу по укреплению ее связей с целым рядом местных организаций и предпринявшие почти одновременно с съездом южных комитетов созыв совещания, имевшего своей целью сплочение подлинно искровских элементов, создание общероссийской искровской организации.

Не случайно также, в связи с этим, и то обстоятельство, что на южный съезд „не была приглашена ни одна группа „искровцев“, ни один агент „Искры“, „с которым южане имели дело“¹⁾.

Следовательно, съезд этот не может рассматриваться иначе, как попытка сплочения неискровских с.-д. организаций с целью использования естественно назревшего в них стремления к объединению не для перехода движения на высшую ступень, а для консолидации его на платформе организационных принципов „рабочедельства“ с налетом бундовских влияний. Не случайно с этой точки зрения, что в качестве представителей Екатеринославской организации участвовали на съезде товарищи, представлявшие по существу „рабочедельское“ (по своим организационным взглядам) руководство Екатеринославской организации, пришедшее „к власти“ в результате „переворота“ осенью 1901 г.²⁾.

Следовательно, и съезд и создание союза „южных с.-д. комитетов и организаций“, поскольку их объединяла обрисованная выше организационная платформа, не только не могли сыграть какой-нибудь положительной роли в той объединительной работе, какую проводила „Искра“, но, напротив, — в случае более длительного существования „союза южных комитетов“ могли бы ее только тормозить. Отсюда — понятна приведенная нами выше директива Ленина: „подорвать“ ЦК южных комитетов.

В сущности, именно организационная платформа съезда и созданного им союза является решающей для определения его „лица“ и значения.

---

1) Из письма Мартова ред. „Ю. Р“, опубликованного в цитированной статье И. Волковичера (единственным, пожалуй, исключением была Одесская южно-русская рев. группа).

2) Подробнее об этом смотри цитированный сборник „История Екатеринославской организации“.

Нашу характеристику нельзя, однако, в полной мере применить к тем принципиально - тактическим решениям с'езда, какие мы выше подвергали критическому разбору. Э к л е к т и з м : смесь „рабочедельства“ с элементами „искризма“ — вот наиболее приближающееся к истине их определение. В этом смысле на них лежит определенная печать „переходного периода“, влияние отдельных групп социал - демократов - практиков стихийно тянувшихся к „Искре“, но не разделавшихся еще с наследием, с духом „третьего периода“ истории русской социал - демократии. } Возможно, что эти зародыши правильных взглядов, какие несомненно имеются в решениях с'езда, получили бы более четкое оформление и скорее подтолкнули бы к „Искре“ колебавшиеся элементы, если бы руководство его работами было в руках более „искровски“ настроенных социал - демократов, теоретически более выдержанных, чем те, кто фактически во главе его оказался.

* * *

Созданный с'ездом союз южных комитетов и организаций практически не сыграл почти никакой роли и вскоре распался. К руководству „Южным Рабочим“ снова пришли временно отстранившиеся от работы деятели, которые признали „Искру“ и наряду с ней сыграли известную роль в подготовке II с'езда ¹⁾.

---

¹⁾ Мы этим не хотим, понятно, сказать, что у „Ю. Р.“ с „Искрой“ не было никаких разногласий. Нельзя не согласиться целиком с следующей характеристикой, какую дает Н. К. Крупская „Южному Рабочему“: „Южный Рабочий“, примкнув организационно к „Искре“, был недоволен резкостью полемики „Искры“ с либералами и не придавал значения крестьянскому движению. Таким образом по существу дела „Южный Рабочий“ еще в сентябре 1902 г. представлял то течение, которое на С'езде оформилось как меньшевистское. Если мы учтем те организационные связи, которые были у „Южного Рабочего“, нам станет понятна его роль на С'езде. Доклад ко II с'езду организации „Искры“ демонстрирует излишнюю доверчивость, проявленную организацией „Искры“ к „Южному Рабочему“. Необходимой настороженности не было, а она была совершенно необходима, как показали последующие события“ (Н. Крупская „Предисловие к докладу организации „Искры“ II с'езду („Пролетарская Рев.“ № 1 (72) за 1928 г.).

Но анализ этого третьего периода истории „Ю. Р.“ выходит за рамки нашей статьи. Впрочем, сказанное нами достаточно ясно показывает гораздо более ранние корни будущего меньшевизма группы „Ю. Р.“. (В. М.)

З ЕПОХИ РОЗЛАМУ РСДРП 1903 — 1904 р.

„Раскол искряков был одним из главных политических результатов с'езда, и желающему ознакомиться с делом, надо обратить поэтому особенное внимание на все эти эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом“.

Так писав Володимир Ілліч під свіжим вражінням щойно закінченого другого з'їзду у своїм „Рассказе“ про нього, призначенім для малого кола однодумців. „Рассказ“ Ілліча це уважигідний історичний пам'ятник про дні жорстокої середпартійної боротьби, що точилася на з'їзді і яку з непослабленою впертістю розпалювала поз'їздівська опозиція. Тим-то нема нічого дивного, що просякнений живими яскравими фактами, перейнятий вістрям глибокої і тонкої аналізи, цей „Рассказ“ Володимира Ілліча швидко став відомим і в колі його закордонних однодумців, і супротивників. Розуміється, супротивники прийняли „Рассказ“, клацаючи зубами (див. передмову до листа Дана „Приложения“ документ № 6). Навпаки, для друзів Ілліча його „Рассказ“ про II з'їзд становить цілком вірогідне джерело, що висвітлює правдивий стан всього того, що відбувалося на самому з'їзді і по з'їзді.

Середпартійна боротьба по з'їзді загострилася надзвичайно. „Північний клімат“ був шкідливий для меншовиків, і вони рушили добувати південь (Україну, Крим, Кавказ). „Война об'явлена — пише Володимир Ілліч Крижановському і Носкову — и они Люба (Л. Н. Радченко), Костя (Р. С. Гольберштам) і Єрема (А. А. Шеєрзон), едут уже воевать в Россию. Готовтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе. Надо непременно занять своими людьми места во всех комитетах без исключения. Надо обратить особое внимание на Харьков, Екатеринослав и Ростов. Правда ли, что Киевский комитет принял резолюцию за меньшинство? Возможно ли это? Отчего мы не знаем раньше?“

Скільки тривоги і турбот про долю партії чути в цих живих рядках Володимира Ілліча, якою титанічною силою і волею до боротьби з дезорганізаторами партії пашить кожна фраза.

Одеса, великий морський і торговий центр, мавши великі можливості для того, щоб налагодити звязки з закордоном, стає за цитаделю більшовизму на Україні.

Уже напередодні з'їзду Д. Б. Рязанов, розвинувши в Одесі досить широку діяльність на платформі своєї окремої групи „Борьба“, зазнає від іскровців поразки. Одеський комітет, що він його завоював, знову відвойовують „іскряки“. Мандат, виданий Д. Б. Рязанову на II з'їзд, як представникові Одеського комітету, анульовано, і на з'їзд посилають двох іскровців: Землячку і С. Зборовського.

Майже неодмінний член Одеського комітету (з кінця 1903 р. до 1904 року), К. О. Левицький був один з тих, що піднесли Володимирі Іллічу мандат на III-й з'їзд партії. Другий, вельми активний член того самого комітету, Землячка, незабаром по з'їзді увійшла до складу Центрального Комітету партії. І. Х. Лалаянц, третій член Одеського Комітету, 1904 року належавши до складу більшовицької групи на II з'їзді Закордонної Ліги, як учасник цього з'їзду — найправдоподібніше робив одну з перших інформаційних доповідей Одеському комітетові про стан речей в партії. Ім'я Лалаянца було настільки одіозне для департаменту царської поліції, що він (департамент), перелякавшись, починає бачити те, чого справді не було: у секретному рапорті директора департаменту поліції з 18 грудня 1903 року на ім'я „Одесского охранного отделения“ про І. Х. Лалаянца згадується як про учасника II з'їзду партії.

Перебуваючи в Одесі, щоб зберегти найліпшу конспірацію, під видом перського підданого, Лалаянц був спочатку 1904 р. в дуже близьких стосунках з видатним закордонним діячем „більшости“ — В. В. Воровським, з яким, повернувшись з Швейцарії, організує в Одесі „Южное бюро комитетов большинства“. Потім того, як Володимир Ілліч на січневім засіданні Ради партії рішуче висловився за те, щоб скликати III з'їзд партії, Одеський комітет один з перших підхоплює це гасло і провадить енергійну пропаганду за його скликання. Перше, як винести відповідну резолюцію, І. Х. Лалаянц вважає за потрібне особисто бачитися з Володимиром Іллічем. У своїх споминах І. Х. Лалаянц згадує, що з доручення Одеського комітету він для цього на початку 1904 року виїздить до Швейцарії, щоб зробити доповідь про стан речей у південних комітетах і обміркувати спільно з Іллічем і закордонними представниками ЦК проекти резолюції Одеського комітету за скликання III з'їзду. По тому, як проекти резолюції ухвалено, І. Х. Лалаянц повертається до Одеси, щоб провадити систематичну кампанію за скликання з'їзду. До того часу він укупі з т. Воровським і т. Левицьким зорганізував „Южное бюро комитетов большинства“.

„Бюро южных комитетов большинства“, куди належали В. В. Воровський, К. О. Левицький і І. Х. Лалаянц, допомагало збирати й об'єднувати більшовицькі сили всього півдня Росії, — теперішньої України. До сфери впливу цього „Бюро“ належали три великих пролетарських центри України — Одеса,

Миколаїв і Катеринослав. За секретаря „Южного бюро“ до арешту 8 червня 1904 року була Ш. І. Куляпко (Інсарова), — „Мышь“, яка уникла щасливо арешту тим, що їй своєчасно вдалось втекти з Одеси. Відомості І. Х. Лалаянца про те, що на півдні Росії (Україні) існувало на початку 1904 року „Южное бюро комитетов большинства“, мавши Одесу за центральну базу широкої своєї організаційної і агітаційно-пропагандистської діяльності, потверджують і інші джерела.

Ми маємо на оці спогади М. Лядова „Из жизни партии в 1903—07 году“ (стор. 54), а також „Письмо к товарищам“ члена „Бюро“ И. А. ¹⁾, поміщеного серед інших документів в брошурі В. В. Воровського (Шахова) „Борьба за съезд“ (Женева, 1904 г.), що вийшла за редакцією В. І. Леніна.

У своїм „Письме“ член „Бюро“ И. А. зазначає, що „Бюро“ засновано на початку лютого 1904 року, щез-то якраз на початку енергійної кампанії за скликання III з'їзду, яку провадили більшовицькі комітети на місцях в зв'язку з виступом Леніна 28 січня 1904 року на пленумі ради партії. (На цьому пленумі, як відомо, Володимир Ілліч вперше викинув гасло боротьби за III з'їзд). Визначаючи низку труднощів, що їх довелось подолати „Южному бюро“ на початку своєї діяльності (слабий зв'язок з ЦК, брак літератури, видаваної в Женеві, то-що), И. А. проте констатує великі організаційні досягнення „Южного бюро“. „Нам удалось, — пише він, — об'єднать три более крупных комитета и целый ряд организаций; установились живые связи и чисто товарищеские отношения, значительно облегчавшие работу на местах“.

Відомості, що їх подав автор „Письма“, про те, що „Южному бюро комитетов большинства“ пощастило об'єднати три великих комітети всього півдня Росії (України), належать до того шестимісячного періоду боротьби за III з'їзд (до липневої декларації ЦК), що ним відкривається новий етап у розвитку розламу РСДРП, починаючи з січневого виступу Володимира Ілліча на пленумі ради. „Три великих комітети“, об'єднані в „Бюро“, що про них говорить автор „Письма“, — це Одеса, Миколаїв і Катеринослав.

Боротьба за об'єднання більшовицьких комітетів півдня Росії (України) не припинилась і тоді, коли розпущено „Южное бюро“ згідно з директивами липневої декларації ЦК, бо воно стало на „примиринницьку“ путь. „За наши принципы мы будем бороться до конца“, — такими словами закінчується лист члена „Южного бюро“ — И. А. Справді, через чотири місяці Володимир Ілліч пише Літвінову: „... Между тем, Одесса, Николаев, Екатеринослав уже спелись и поручили „22-м“ назначить организационный комитет“. Мы ответили рекомендацией

¹⁾ Є підстава припускати, що ініціали И. А. належать самому В. В. Воровському, що тоді мав псевдонім „Жозефина“. (Див. дві останні голосівки цього псевдоніма — И. А.

названия „Бюро комитетов большинства“ и семерки кандидатов : Русалка (М. Н. Лядов), Феликс (Литвинов), Землячка, Павлович, Гусев, Алексеев, Барон (Э. Э. Эссен); пишем об этом в Одессу и Петербург...“

Отже, перед всеросійським об'єднанням женеvських більшовиків у „Бюро комитетов большинства“ відбувся довгий піврічний процес попереднього організаційного і ідейного збирання і скупчення більшовицьких сил навколо обширних районних центрів; одним з них на півдні була Одеса. Крім цього південного краевого центру, існували ще два: північний (на чолі з Петербургом) і кавказький (на чолі з Баку). Саме на цих трьох конференціях (північній, пвденній і кавказькій) остаточно сформовано всеросійське об'єднання більшовиків у „Бюро комитетов большинства“.

Ми можемо з цілковитою певністю твердити, що „Южное бюро комитетов большинства“, працюючи в дружнім контактi з Одеським комітетом, виконало одно з почесних завдань — об'єднуючи більшовицькі комітети всього півдня Росії (України) і приготавляючи їх до скликання III з'їзду партії.

„Южное бюро“, крім організаційного завдання в цьому напрямі, виконало також і велику агітаційно-пропагандистську роботу, що мала своїм завданням роз'яснити комітетам, які належали до сфери його впливу, суть розбіжностей, що виявилися на II з'їзді, і всіма сторонами мотивувати потребу великої боротьби з меншовиками-дезорганізаторами за єдиний достойний вихід з розбіжностей — скликання III з'їзду. Навіть ідейні супротивники більшовиків змушені були похвально висловитись про зроблену „Южным бюро“ в контактi з Одеським комітетом роботу.

У замітці з Одеси, за підписом „Товарищ — рабочий“¹⁾, поміщеній в № 64 „Искры“, агітаційно-пропагандистську діяльність Одеського комітету схарактеризовано так:

„Нужно отдать справедливость“, — пишет автор заметки, „что касается агитации печатной, Одесский комитет действовал довольно сносно. До сих пор были выпущены следующие листки: 1) „Японцы ли наши действительные враги“, 2) „Кто наш враг“, 3) „Последний козырь самодержавия“, 4) „Рабочие и война“. Были изданы также: листок о 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г., брошюра о податях и налогах, листок к рабочим о еврейском погроме — в общей сложности, около 70 тысяч экземпляров. Почти все эти прокламации изданы в собственной типографии комитета и напечатаны довольно чисто“²⁾.

У брошурі В. В. Воровського (Шахова) теж надруковано чимало документів, що яскравими барвами характеризують

¹⁾ Цей підпис фіктивний.

²⁾ Усі згадані тут листівки зберігаються в справах „Одесского охранного отделения“ (Одеський архів).

енергійну літературно-пропагандистську діяльність „Южного бюро“, яку воно розвинуло у спілці з Одеським комітетом. Цю серію документів, що ілюструють зародкові моменти, формування перших кадрів більшовицької партії, можна тепер доповнити новими матеріалами.

Отже, в історії середпартійного розламу „Южное бюро комитетов большинства“ разом з Одеським комітетом відіграло велику роль, твердо і вперто охороняючи позиції революційного марксизму від опортуністичних і ревізіоністських зазіхань, втягуючи в орбіту свого ідейного й організаційного впливу для об'єднання більшовицьких комітетів обширну територію всього півдня Росії (України).

КИЕВСКАЯ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯ В 1902—1904 г.г.¹⁾

1902 год в работе Киевского комитета был отмечен переходом от пропаганды к массовым формам агитации. В начале 1902 г., после ростовской вооруженной демонстрации, Киевский с.-д. комитет организовал уличную демонстрацию на Крещатике (между Фундуклеевской и Бибикивским бульваром). В издательстве также был взят курс на массовое распространение злободневных листков, освещающих местную жизнь с точки зрения основных принципов революционной социал-демократии.

От нелегального журнала-тетради типа „Вперед“, выходящего 3—4 раза в год и лишенного поэтому возможности откликаться на злобу дня, комитет перешел к более злободневным листкам (поллиста писчей бумаги с двух сторон), посвященным преимущественно событиям киевской жизни („Зубатов в Киеве“, „Ценные признания генерала Драгомирова“ — его секретные приказы — и т. п.) и выходящим еженедельно.

Что же касается 1903 года, то он прошел под знаком июльской всеобщей забастовки. С этими днями была связана наиболее напряженная работа Киевского комитета, в которой приняли наиболее активное участие два новых члена комитета: подпольный работник, живший по подложному паспорту, т. Ишуф („Александр“) и известный в настоящее время литератор и профессор русской литературы, Василий Львович Львов-Рогачевский.

К 1902 году относится вступление в Киевский комитет Александра Григорьевича Шлихтера. С расколом партии на Лондонском съезде в 1903 году, в Киевском комитете также произошло разделение на фракции, при чем к большевикам примкнули: Шлихтер, Мельницкий („Будущий“), Карпов, Пономарев и я.

В дальнейшем история комитета свелась к следующему: в январе 1904 года большая часть членов была арестована. В Лукьяновке очутились: Львов-Рогачевский, Ишуф, Пономарев, Мельницкий, Дижур и др.

Шлихтер каким-то чудом уцелел. Я уцелел только потому, что в это время был за границей, в Женеве, куда я по

¹⁾ Печатаемые воспоминания являются отрывком из очерков т. Вакара о революционной работе в Киеве, написанных им перед смертью. — Р е д.

поручению комитета перевез все материалы об июльской забастовке 1903 года, где и написал о ней брошюру, напечатанную „Искрой“.

Мое пребывание за границей ознаменовалось кратковременным знакомством с Владимиром Ильичем Лениным и Н. К. Крупской (которые мною также подробно описаны в брошюре „Накануне 1905 года в Киеве“).

После разгрома комитета жандармы нанесли Киевской организации еще один удар: 30 апреля 1904 года была арестована на Столыпинской улице, в доме № 54, типография Киевского комитета, проработавшая свыше двух лет.

Вместе с типографией была арестована и Анна Николаевна Пригоровская, которая работала в этой типографии, устроенной в ее квартире, мужем ее сестры, Яковом Григорьевичем Френкель („Дед“).

Вместе с типографией был арестован и полный комплект всех изданий Киевского комитета, печатавшихся в этой типографии.

Анна Николаевна Пригоровская, скромная работница революции, старавшаяся быть незаметной, самоотверженно жертвовала собой и оказала неоценимые услуги рабочему движению. По профессии сельская учительница, она давно оставила свою профессиональную работу и давно уже, чуть ли не с 1897 года, работала подпольно в рядах с.-д. партии.

Судьба ее замечательна по той настойчивости и упорству, которые она проявила в деле служения социализму.

Будучи арестована с типографией, она просидела в киевской тюрьме с 30 апреля 1904 года до революции 1905 года. По освобождении из тюрьмы она переехала в Москву, где за участие в с.-д. партии была приговорена в 1907 году судебной палатой к заключению в крепости на 3 года. Отбыв это трехлетнее заключение, А. Н. Пригоровская опять переезжает в Киев и здесь принимает участие в с.-д. работе в Подольском районе. В 1911 году ее опять арестовывают, держат продолжительное время в тюрьме и по приговору судебной палаты (по делу Евгении Бош, Георгия Пятакова и др.) приговаривают к ссылке на поселение в Сибирь. Из ссылки ее освобождает только февральская революция в 1917 году.

В одном из дел охранного отделения встречается указание на то, что, по мнению Центрального Комитета партии, Киевский комитет того времени был очень богат литературными силами. Отчасти это было верно: среди комитетчиков было несколько человек либо профессиональных литераторов (Львов-Рогачевский, Мельницкий („Будущий“), Пономарев), либо свободно владевших пером и даже время от времени выступавших на литературном поприще (Шлихтер, Дижур, Ишурф и др.). Все же работа складывалась таким образом, что для требуемой работы наличных сил оказывалось недостаточно и что для

отдельных тем необходимо было привлечение литераторов со стороны хотя и нечленов партии, но стоящих на марксистской платформе. Произведения их после редактировались и им в случае надобности придавался более боевой характер.

Такую литературную помощь с. - д. комитету не раз оказывал известный литератор Василий Васильевич Водовозов, тогда марксист, впоследствии трудовик, очутившийся теперь, по слухам, в белой эмиграции.

В пропаганде марксистских идей в Киеве в те годы у В. В. Водовозова имеются несомненно большие заслуги. Идеи эти он пропагандировал как рефератами на частных квартирах (один из них — „антисемитизм в Австрии“ — был устроен в нашей гостиной), так и впоследствии в открытых публичных лекциях, докладах в зале литературно-артистического общества.

Таких рефератов - докладов в то время устраивалось очень много при участии Водовозова, Ратнера, Бердяева и приват-доцента Тарле. Все они проходили очень оживленно, привлекая массу слушателей. В виду того, что все докладчики исходили из начал марксизма, этот вольный передвижной марксистский „университет“ сыграл в деле подготовки будущих социал-демократов весьма положительную роль.

Одна из таких лекций, на частной квартире, об Ибсене, которую должен был прочесть приват-доцент Тарле, закончилась для всех участников арестом: нагрянула полиция, всех участников собрания окружили кольцом городских и погнали в Лукьяновскую тюрьму...

Возникло так называемое „дело ибсенистов“...

Как я упоминал выше, В. Водовозов никогда не отказывался от написания листка для комитета. Я припоминаю, например, две удачные прокламации его: одна о восстании декабристов, приуроченная к какому-то юбилею этого события, а другая — о русско-японской войне. Прокламации получились очень удачные и имели в массе большой успех. Иногда прокламации писались приезжими соц.-дем. литераторами, например: М. С. Балабановым, жившим в этот период в Ростове и работавшим в ростовском социал-демократическом комитете.

Влияние В. В. Водовозова в то время на молодежь было очень сильно. Он был как бы местным лидером марксизма. К его квартирке, в глубине сада на Трехсвятительском переулке, тянуло молодежь, там она получала разрешение своих теоретических сомнений. От жандармерии не укрылось это большое революционизирующее влияние, которое исходило от В. В. Водовозова, и поэтому жандармы не без основания неоднократно подвергали В. В. Водовозова обыскам и арестам, которые однако не производили на него никакого впечатления и встречались всегда со смехом и шутками.

Каждую весну перед первым мая в Киеве, как и в других городах царской России, обязательно происходили массо-

вые аресты и обязательно в числе арестованных на прогулочном дворе Лукьяновской тюрьмы появлялась небольшая фигура В. В. Водовозова, типичного русского социалиста по внешнему виду — в очках, с длинными волосами до плеч, в косоворотке...

В один из первых арестов группы лиц, в которых жандармы подозревали состав с.-д. комитета, к ним на дворе Лукьяновской тюрьмы обратился генерал-губернатор Драгомиров со следующим нравоучением: „Жизнь развивается органически и вы напрасно хотите перепрыгнуть через ее неизбежные законы“... Что бы сказал наш генерал-философ, считавший себя единственным представителем процесса органического развития общества, в настоящее время, после великого Октября, когда пролетарская революция по своему перекроила „незыблемые законы жизни“?..

* * *

Строгого разделения труда в комитете у нас не было, и каждый делал то, что нужно было в данный момент. На мне лежали преимущественно литературно-редакционные обязанности: я входил в состав литературной комиссии (Шлихтер, Дижур и я); на моей обязанности лежало распределять между товарищами темы, поддерживать сношения с тайной типографией т.-е. передавать туда рукописи, корректировать первые отгиски и получать готовые издания.

Все это было очень кропотливо и требовало особой конспиративности, частой перемены квартир для встреч и т. п. Иногда квартир не было, и тогда приходилось назначать встречи с „техникой“ на парадных лестницах многоэтажных домов; при переноске изданий приходилось либо „фаршировать“ себя, запихивая кучи прокламаций под жилет и т. п., либо прибегать к таким хитростям: носить с собой деревянный футляр от скрипки и заполнять этот гробик доверху нелегальщиной...

Одно время весьма большую подпольную работу проводил в Киеве Владимир Михайлович Сапежко, присяжный поверенный, брат известного профессора-хирурга, которому товарищи дали шутовское прозвище „великий конспиратор“.

Мне очень часто приходилось встречаться с ним по всяким конспиративным делам, но не могу ясно представить его отношение к комитету в это время. Помнится, что параллельно с комитетом существовала одно время (кажется, в 1902 году) организация „Искры“, и вот т. Сапежко был участником и активным работником этой организации.

Однажды нужно было получить с товарной станции два громадных ящика „Искры“, этак пудиков 8—10 весом. Организовал это дело т. Сапежко и привлек к нему меня. Опасную роль по получению этого груза смело приняла на себя

т. Ланда - Безверхова. План поездки на вокзал, перегрузки на новых извозчиков в каком-то проходном дворе на Мало-Васильковской улице „для заметания следов“ был составлен т. Сапезко, который в этом деле, что называется, перемудрил. Все же доставка произошла благополучно. Конечным пунктом для складов был избран политехнический институт — лаборатория профессора Тихвинского, где я должен был принять этот груз. При проезде через еврейский базар все дело чуть не погибло: один из ящиков с треском свалился на мостовую, но к счастью, укупорка была прочная, и этот инцидент не дал никаких последствий. „Великий конспиратор“ наблюдал за этой сценой из дверей парадного входа.

Тов. Сапезко жил в одной квартире с Тарасевичем, который также принимал участие в организации „Искры“.

К концу 1904 года и к началу 1905 года фракционные разногласия в комитете очень обострились, особенно с появлением меньшевика т. Сашина. Было одно время, в 1903 году и в начале 1904 года, когда большинство в комитете принадлежало к большевикам. Однако мы не „злоупотребляли“ нашим перевесом и при кооптации новых членов комитета руководствовались деловыми соображениями, хотя бы это и были меньшевики. Помимо этого ряд случайных обстоятельств (отъезды, аресты и т. п.) были причиной того, что количество большевиков уменьшилось, а пополнение происходило из фракции меньшевиков.

Еще во время преобладания в комитете большевиков у нас возникало опасение, что меньшевики или „рабочедельцы“, как мы еще их называли по старой памяти, совершат „переворот“, как я писал в моих письмах-отчетах Владимиру Ильичу, копии которых найдены мною теперь в делах охраны.

„Переворот“ представлялся возможным тогда в следующем виде: поговаривали о том, что на районных рабочих собраниях комитет будет объявлен низложенным, и меньшевики проведут демократическую систему выборности, проведя в комитет путем выбора половину рабочих.

Здесь, надо сознаться, было слабое место большевистской части комитета. В принципе, конечно, большевистская фракция стояла за включение в наш чисто „интеллигентский“ комитет рабочих, но только путем кооптации, без всяких выборов, исходя из провозглашенных Лениным принципов — крепкой конспиративной организации „заговорщицкого“, как говорили тогда меньшевики, типа.

Но подходящих для работы в комитете кандидатов рабочих-большевиков почему-то тогда не находилось. Меньшевики же, имевшие в то время более сильные связи в рабочей массе, могли смело рассчитывать на проведение своих сторонников из рабочей среды путем выборов. Поэтому опасность такого переворота была, насколько помню, вполне реальна.

Но вскоре, как я отметил это выше, состав комитета сам собою изменился: большевики понемногу растаяли, а количество меньшевиков увеличилось. Когда большинство перешло к меньшевикам, то оставшимся большевикам стало очень трудно работать. Вынужден был уйти из комитета А. Г. Шлихтер, я еще некоторое время оставался, но после и я должен был оставить комитет, так как совместная работа не спорилась, и в результате к 1905 году Киевский комитет РСДРП был уже чисто меньшевистский.

Когда в конце 1904 года выяснилась невозможность совместной работы, большевики образовали отдельную группу, в состав которой вошли: Шлихтер, Малышев, Скорняков, Елагин, Козеренко и автор этих строк. Но работа этой группы — вне ее самой — как - то ничем реальным не проявлялась: группа считала, что она не имеет права нарушать принцип партийного единства и вести работу в массах. Поэтому группа почти не имела связи с рабочими, не имела и не пыталась даже поставить самостоятельной типографии. Деятельность группы сводилась к совместному обсуждению различных принципиальных вопросов, вызывающих расхождение в партии, к взаимной информации, в частности о всякого рода новостях из деятельности большевиков за границей, к получению и распространению большевистского „Вперед“ и т. п.

Все почти члены группы уже были сильно скомпрометированы в политическом отношении и имели за своими плечами годы ссылки и тюремного заключения.

Это вызывало необходимость известной осторожности, а также лишало возможности развернуть сколько - нибудь широкую работу.

А что имело наибольшее значение, так это то, что среди участников группы не было ни одного настоящего „профессионального революционера“, т. - е. подпольщика, живущего по подложному паспорту, всецело отдавшегося этой работе, который мог бы использовать все связи, организовать районные коллегии пропагандистов и вообще наладить всю работу. Такого человека у нас не было. Все мы были легальными, и естественно, что работа поэтому не могла развиваться.

Между тем в меньшевистском комитете все время были такие „освобожденные от работ“ профессионалы - революционеры, которые налаживали и вели всю работу. Таким был т. Ишуф (организатор июльской стачки 1903 года), а после него т. Сашин, т. Локерман, которому за участие в ростовской демонстрации угрожала смертная казнь, а после т. Хинчук и его жена, Колокольникова (видный профработник в Москве) и др. С приездом т. Хинчука и его жены и с началом их деятельности в Киеве необходимо констатировать значительный подъем социал - демократической работы. Можно смело сказать, что это был один из лучших организаторов, лучших

подпольных работников, которых я наблюдал за все время моего участия в работе Киевской с.-д. организации.

Тов. Хинчук сразу проявил себя как блестящий организатор, сразу с его приездом выросли районы, сразу усилились коллегии пропагандистов, сразу закипела работа... Все элементы этой работы имелись налицо и до его приезда, но понадобился его организационный талант, чтобы связать их воедино, завести машину коллективного сотрудничества.

А жена т. Хинчука вносила в работу массу неподдельного энтузиазма, массу жизни...

Тов. Хинчук выступал с большим успехом и публично, как представитель социал-демократии, а также на модных тогда банкетах.

Работа т. Хинчука в Киеве продолжалась с конца 1904 г. до начала или, может быть, середины 1905 года, но в момент событий 1905 года т. Хинчука уже в Киеве не было.

К периоду 1903—1905 года относятся также частые приезды в Киев со всякими конспиративными поручениями центра товарища Красикова (Игнат Павлович) и товарища Ленгника.

Хотя в то время я и состоял в комитете и был в курсе всех дел, по которым они приезжали в Киев для переговоров с комитетом, но я затрудняюсь теперь более или менее точно перечислить круг этих вопросов. Товарищ Ленгник был избран на втором Лондонском съезде в 1903 году членом ЦК. Другим членом ЦК был Глеб Максимилианович Кржижановский (тогда инженер—заведывающий лабораторией ЮЗА).

Приезды тов. Ленгника были скорее всего связаны с заседаниями ЦК, но попутно он имел сношения с Киевским комитетом по отдельным вопросам текущего момента.

Цель приезда товарища Красикова (ныне состоящего членом коллегии НКЮ РСФСР) для меня менее ясна, равно и характер выполнявшихся им поручений. Насколько я себе это представлял, т. Красиков был близок к Владимиру Ильичу: с первых же дней раскола с меньшевиками товарищ Красиков стал горячо поддерживать за границей, где он тогда находился, товарища Ленина и вообще позицию большинства. Красиков при этом, помню, всегда чрезвычайно интересовался всеми комбинациями соотношения сил „меньшинства“ и „большинства“ как среди эмигрантов, так и в самой России и всецело был поглощен этой внутренней межфракционной борьбой. Этой борьбе он посвятил тогда небольшую полемическую брошюрку, выпущенную „большинством“ за границей после раскола.

Многим большевикам-примиренцам—на местах преобладало тогда такое настроение и отношение к расколу—казалось, что раскол—это большое несчастье для партии, казалось, что партийное единство надо сохранить во что бы то ни стало, мелкобуржуазная природа меньшевизма была неясна, казалось,

что причина раскола лежит в разном понимании организационных принципов и что никакой глубокой идеологической почвы для расхождения нет. В то же время казалось, что на первом плане должна быть активная положительная работа по пропаганде социализма в массах, для чего должен быть единый фронт всех революционных социал-демократов без различия фракций, раскол же считался вредным и навеянным эмигрантскими настроениями.

Так в то время рассуждали многие большевики на местах, относя причины раскола преимущественно к „эмигрантским настроениям“. Конечно, рассуждения эти были ошибочны, глубокие идеологические причины расхождения, коренящиеся в классовой природе разных слоев населения, сначала совершенно неясные, вскрылись лишь позднее и окончательно обнаружались, может быть, только после Октябрьской революции. Невозможность же действительной совместной работы большевиков с меньшевиками скоро обнаружилась и на местах, что видно хотя бы на примере Киевского комитета. Однако в первый период самый раскол и причины его были еще недостаточно ясны и совместная работа с меньшевиками, среди которых было много профессиональных революционеров, казалась вполне возможной...

Товарищ Красиков сразу занял непримиримую позицию к меньшевикам и, обладая большим полемическим задором, не только не пытался сглаживать и примирять противоречия между двумя фракциями для налаживания совместной работы, но всегда стремился заострить и углубить спорные вопросы.

Должен сказать, что тогда многие киевские большевики были сторонниками такой примиренческой тактики, и даже член ЦК т. Кржижановский, отличаясь большой терпимостью, тоже не мог быть причислен к числу так называемых тогда „твердокаменных“ большевиков и стремился к внутривнутрипартийному миру.

Товарищ Красиков внутривнутрипартийного мира не признавал и, приезжая в Киев, действовал определенно, как представитель левого „твердокаменного“ крыла большевизма, стремившегося к тому, чтобы поставить все точки над „і“, чтобы выяснить истинную природу меньшевизма и расколоть в случае надобности партию надвое.

В сущности говоря, дальнейшее развитие событий и, в особенности, Октябрьская революция и связанное с ней разложение меньшевизма полностью оправдали эту непримиримость. Но тогда казалось, что такая позиция еще не своевременна, что она недостаточно обоснована и понятна. И в Киеве, например, в 1905 году большевики работали с меньшевиками в коалиционном комитете, а после этого попытки к совместному сотрудничеству большевиков с меньшевиками продолжались до 1907 года, когда совместными усилиями литераторов

обоих направлений издавался легальный с.-д. еженедельник „Друг Народа“, сыгравший несомненно известную роль в деле политического развития рабочих масс.

Тов. Ленгника я чаще всего встречал в политехническом институте на квартире у профессора Тихвинского, оказавшего большие услуги нашей партии. Известная всем нам близость товарища Ленгника к Владимиру Ильичу делала его особенно авторитетным и в глазах членов комитета. Но целью его приезда в Киев были, кажется, не столько связь с комитетом, сколько преимущественно участие в заседаниях ЦК вместе с тов Г. М. Кржижановским.

Так протекала работа Киевского с.-д. комитета в описываемый период, вернее, ее отдельные моменты, характеризующие партийную работу и внутрипартийную борьбу в период до и после II съезда РСДРП.

З ЖИТТЯ КАТЕРИНОСЛАВСЬКОЇ ТА МИКОЛА- ЇВСЬКОЇ С.-Д. ОРГАНІЗАЦІЇ

(Підпільні друкарні 1903 — 1904 р.).

I

1. В КАТЕРИНОСЛАВІ

З 1900 року я працював у м. Катеринославі. Того року Катеринослав палав революційним рухом. Ідеї соціалізму та марксизму вже тоді глибоко поширились серед пролетаріату цього промислового міста. В центрі уваги був за тих часів „бунт“, як звали його урядовці самодержавства на Брянському заводі.

Сталось це так, що незадоволення робітників цього заводу з того, що їм зле жилося, що їх грабували, виформувалося в „пряму дію“. На думку робітників, все зло виходило з заводської контори, з заводської крамниці („лавки“), тому весь гнів рушився на ці установи, тому вони й накинулися їх громити.

До Катеринославської організації РСДРП належали: Брянський завод із близькими до нього районами (були й інші заводи там) — це один осередок; район Чичелівки та Амура (заводське передмістя Катеринославу) — другий осередок; третій осередок обслуговував саме місто, тоб-то робітників кустарних майстерень, що були в місті. Останній осередок називався міською організацією. Не зважаючи на нелегальне становище, міська організація мала досить добру організаційну побудову. Інтелігентних сил у міській організації зовсім не було.

По цехах нам доводилося провадити не тільки організаційну, але й пропагандистську роботу. Знання добувати доводилося самотужки. Що до практичної роботи, то центральна сходка, де сходилися всі товариші з чималим організаційним досвідом, давала в цій галузі дуже багато.

Через деякий час мені з тов. Костюшко-Волеженцем, що приїхав вступити до Катеринославського гірничого інституту, вдалося утворити гурток із міських товаришів. До гуртка належали: Абрам — робітник-оправник на прізвище Чорний, один мій товариш з Кременчуцької організації, тесляр Іван Федорович, і ще декілька товаришів.

Моя участь в організаційній роботі почалася після знайомства з тов. Білявським, робітником - оправником, що тоді недавно прибув із Швейцарії. Від нього, між іншим, я дізнався про настрої в емігрантських колах нашої партії, про новий курс партійної роботи то - що. Головною темою наших розмов було питання про організацію самостійної групи, яка охопила б ліву течію в організації. Ми навіть стали розробляти статут, визначаючи цілі і завдання нашої групи. Але скоро до місцевої організації почали прибувати нові сили. Приїхав тов. Шелгунов, один із найстаріших пітерських передових робітників.

Нові товариші взялися реорганізувати соціал - демократичну організацію за новими принципами й розпочали велику роботу проти старого типу структури організації за професійним (цеховим) принципом. Головною причиною „проголошення війни“ старим формам побудови організації була небезпека, щоб потім за таких форм роботи робітничий рух не виро-дился — на зразок англійського тред - юніонізму. Багато списів на цьому поламано, але все ж нова течія перемогла.

Цехові організації реорганізувалися на ядрові гуртки, що складалися з товаришів різних професій, але близьких своїм культурним рівнем. Комітет організації розпочав перемови з нашою групою (керував нею Білявський і я) про злиття.

Нам було ясно, що після реорганізації місцевого парт-об'єднання відпала будь - яка потреба залишити нашу групу окремою. Нам було видко, що новий комітет відбиватиме настрої маси — і ми з охотою згодилися на „капітуляцію“.

Організаційні хвилювання не так швидко ущухли, дискусії ще довго точилися, відбувалися бурхливі дебати. Особливо запам'яталися мені збори, де головував тов. Борис (Н. Я. Коган, учасник романівської історії в Якутську 1904 року). Ці збори почалися в суботу о 10 годині ранку й скінчилися лише о 10—12 год. вночі. Саме продовження зборів уже доволі свідчить про пристрасність, з якою сперечалися прихильники нової й старої течії.

Підчас мого першого перебування в Катеринославі робота організації відбувалась тихо, бо не було фракційних суперечок, але зате, коли я в другий раз приїхав, мені довелося переконатися в тому, що атмосфера насичується. За рік свідомість робітничих мас зросла на багато, і коли раніш питання політики вважалося ледве не за ересь серед робітників, то тепер вони посідали значно більше місця в їхньому житті.

1902 року після мого від'їзду я повернувся до Катеринославу, маючи певний намір попрацювати сезон, заробити грошей і виїхати до Швейцарії, де перебували головні теоретичні сили партії, щоб там повчитися.

Але мою думку виїхати за кордон підвищувати знання довелося залишити, бо організаційна робота забрала мене

цілком. Починався страйковий рух, в якому доводилось брати за дорученням організації активну участь.

На початку 1903 року мені запропоновано від імени комітету піти працювати в нелегальній друкарні. Я цю пропозицію прийняв. По-перше, ця робота само собою мене дуже цікавила: я вважав, що вона дуже важлива для партії, про таку роботу я давно мріяв. По-друге, я гадав, що на такій роботі я „двох зайців уб'ю“: крім роботи в друкарні, зумію приділити трохи часу для самоосвітньої роботи.

20 січня 1903 року ми разом із Манею Єфроїмович (робітницею - кравчихою, що приїхала з Вільни для конспіративної роботи) і складачем Гінзбургом розпочали працю. Друкарня, що ми її організували, перебувала на Новоселівській вулиці в дворі єврея - пекаря.

На друкарській роботі я ще не був обізнаний. Але я порівняно швидко обізнався на ній. Проте, коли робота складача потребувала тільки певної навички, то саме друкування було для мене „пекельною“ роботою.

Справа в тому, що „технічний рівень“ нашої друкарні мало відповідав досягненням ХХ століття. Наш друкарський варстат був примітивніший, ніж гутенбергівський. Він складався із дзеркального скла в дерев'яній рямці. На скло ставилися складовину, вальцем накатували фарбу, накладали аркуш паперу, прикривали щільно дерев'яною покришкою, що закривала весь „станок“, і через покришку натискували сухим вальцем, що щільно притискував аркуш паперу до складовини. Натискувати через покришку треба що є сили. Після цього, знявши покришку, виймали готовий відбиток.

В такий спосіб удавалося видрукувати до 500 і навіть більше примірників на день. Той, хто хоч трохи знає таку роботу, має знати, яке буває після цього виснаження в людини.

Але яка радість була, коли ми бачили, як один по одному виходили з - під наших рук ці „запретні“ листівки. Свідомість ця наповняла нас гордістю, вона надавала нам енергії в такій важкій роботі.

Спочатку ми випустили № 8 періодичної літучої листівки Катеринославського Комітету РСДРП. Потім ми друкували одну по одній усякі відозви.

Мої надії на самоосвіту не справдилися: не було жодної вільної хвилини. Ми скорочували час нашого спочинку до мінімуму, треба було встигнути скільки можна й якомога більше. Що - хвилини нас могли накрити й заарештувати. Свій відпочинок ми відкладали до в'язниці. За шість тижнів випустили щось 40.000 різних відбитків.

Але раптом сталося щось дивне. Від комітету організації нам, людям, що відірвані були з конспіративних міркувань, перестала прибувати робота. Ми вже думали, що стався арешт організації. Коли з'явився до приміщення друкарні представник

Комітету, ми заявили, що не працювати ми вважаємо за неможливе ні з якого погляду.

Він нам розповів про те, що сталося у партії взагалі й Катеринославській організації зокрема. А стався розкол партії. В Катеринославі це визначало, крім усього, розкол між прихильниками „Искри“ й вірними прихильниками старого „Южного Рабочего“, що не могли по суті порвати з багатьма з елементів економізму.

В Катеринославській організації розкол відбувся бурхливо. Робітничий осередок міської організації на чолі з товаришам Ароном Білявським, Давидом Брагинським та Гришею - Шевцем стали в опозиції до комітету, що офіційно прилучився до групи „Искра“.

Цей осередок відмовився розповсюджувати літературу, що її випускав Комітет.

Чимало з нас пристало до погляду Комітету, до Ленінового погляду запровадження централізму в партії, зважаючи на скрутні конспіративні обставини й утворення кадру професіоналів - революціонерів, які ставили цю революційну роботу як професію.

Ознайомившись із питанням, ми, „друкарі“, схвалили позицію Комітету та його роботу.

2. В МИКОЛАЄВІ

Це було проти нового 1904 року. Кременчуцька організація влаштувала вечірку під новий рік, де мені довелося робити доповідь про робітничий рух за двадцятиріччя (1883—1903).

Саме в розпалі зборів нас усіх поліцаї „застукали“. Всі тікали.

6 січня 1904 року, тікаючи з Кременчука від жандарів, що розшукували мене вже кілька днів, я прибув до Миколаєва.

Приїхавши до Миколаєва, я цього самого дня пішов до своїх старих товаришів по партійній роботі, подружжя Бовшоверів.

З'ясувавши причини мого від'їзду з Кременчука, я запропонував свої послуги для роботи в Миколаївському Комітеті партії. Підчас бесіди виявилось, що Миколаївська організація перебуває в тяжкому стані через відсутність нелегальної друкарні.

Незадовго перед цим тут працювала велика, добре устаткована „друкарня“, що обслуговувала не лише Миколаїв, але й багато інших місць „півдня“, але арешти робітників поклали край її роботі.

Тому стояло питання про устаткування нової друкарні. Доки ще питання остаточно не розв'язано, доручено мені ознайомитись з містом.

Після побачення з Бовшоверами я завітав до відомої тоді родини соціал - демократів Соколовських¹⁾.

Трохи пізніше я знайшов і посаду з моєї професії в кравця.

Протягом трьох тижнів я чекав на остаточне полагодження справи з партійною друкарнею.

27 січня саме вийшло оповіщення про війну з Японією, а після цього відбулася мобілізація запасу.

Ці обставини змусили Комітет вжити негайних заходів, щоб розгорнути роботу й у першу чергу поставити власну друкарню. Запропоновано мені зорганізувати її в що - найкоротший термін.

За вісім день підшукано квартиру в робітничому районі на розі Другої Слобідської та Кузнячої. З конспіративних міркувань дуже зручним нам здавалося те, що двір мав хід із двох вулиць. Квартира ж була дуже зручна. Лише одна стіна виходила до житлового приміщення, а, крім того, в квартирі на дві кімнати й кухню було два коридори. Господар був теж добродушний й чемний старик.

Гірша справа була з моїм паспортом, якого в мене не було після арешту в Кремнечуді. Маючи фальшивого паспорта, я зареєструвався в дворовій книзі під прізвиськом Волинський. Паспорт був прострочений, але іншого виходу не було.

Таким чином 6 лютого все було готове, щоб розпочати роботу.

Першу працю приніс нам тов. Радус - Зенькович (він же Федякін²⁾), який був тоді за представника нашої друкарні в Комітеті. Це була відозва „Ко всем рабочим и работницам“, де говорилося про ставлення й погляди РСДРП на війну на Далекому Сході.

Друга праця була невеличка листівка - відозва до заводських робітників „Протестуйте против грабежа“, де організація закликала до протесту й бойкоту „сборов“ серед миколаївських робітників на будівництво міноносця.

І третя праця була відозва до всіх робітників міста такого самого змісту, але з приводу війни.

Через кілька день після того, як ми почали працювати, в сусідню квартиру зайшов „околоточний надзиратель“. Ми спочатку гадали, що він просто зайшов у своїх справах, але потім дізналися, що він живе тут на квартирі в митного урядовця. Це змусило вже бути особливо обережним й стежити за тим, щоб не попасти. „Образ жизни“, як кажуть, вели такий, що жодних підозр не спричинити не міг. Лише з паспортом було дуже зле. Реєструючи його, нам відзначили, що його треба обов'язково перемінити в найближчому часі.

1) За винятком двох стариків, вся родина з чотирьох чоловіків були члени партії.

2) Працює тепер в ЦКК ВКП(б) — М. К.

Одного вечора, коли ми працювали „в поті чола“ над прокламаціями, коли вся кімната завалена була аркушами паперу, фарбами, до нас хтось постукав. Хоч-не-хоч, а довелося двері відчинити. Моя дружина вийшла назустріч. Мене запрошував „домохазяїн“ до „околоточного надзирателя“ знову ж таки в справі паспорта. Дружина з великими труднощами заспокоїла „надзирателя“ й пообіцяла подати в скорому часу новий паспорт.

Спокійно працювати після цього випадку ми не могли й тому 7 березня працю припинили, закінчивши 6 березня звіт про роботу Комітету організації за останні два місяці.

За увесь час нашої праці ми випустили 1200 відбитків усяких назов й увесь видрукований матеріял перенесли до міста.

Далі залишитися на цій квартирі без паспорта не можна було. Та до того ми стали примічати, що наш „хазяїн“, якого ми жартома називали „старым народовольцем“, почав раз-у-раз заглядати у вікна нашої квартири й взагалі стежити за нами. 6 березня увечері ми справді почули, що під нашими вікнами хтось ходить і підслушує; обміркувавши такий факт, другого дня вирішили вибратися звідци й пошукати іншої квартири.

7 березня в неділю ми лише встигли поснідати, як увійшов у квартиру зовсім несподівано непроханий гість — помічник пристава, а за ним господар нашого приміщення. Розмова почалася з приводу паспорта. Я всіляко переконував їх у тому, що вжив усіх заходів, щоб одержати нового паспорта, але завдяки недбайливого ставлення міської управи, — говорив я їм, — у мене нового документу ще немає.

Далі розмова перейшла до того, де я служу й що роблю. В паспорті я був за прикажчика з професії, тому, недовго думаючи, я назвав прізвище одного крамаря в Миколаєві, що мав кілька крамниць. Я знав, що перевірка моїх свідчень путящого мені не дала б, але, бачучи, що нас „накрили“, важливо було за всяку ціну „відволікати“ час. Поліцай самими розпитами не задовольнився. Він став нишпорити в шухляді письмового стола, де під сукном ми сховали „архів“ — по два відбитки всіх праць, що їх ми випустили з нашої друкарні. І знайшов, зовсім цього не сподівавшись, бо причина його до нас „візити“ була інша: нас запідозрювали, що ми фальшивомонетники¹⁾.

Поліцай, знайшовши листівки, запитав, де їх узяв. „Таких листівок хто тільки не знайде, та ще за останній час“ — відповів я.

Трохи подумавши, поліцай запропонував мені піти за ним до участку. Я з охотою погодився на це, будши певний того,

¹⁾ Причиною такого підозріння, як дізналися опісля, була наша акуратність у виплаті в термін господареві грошей і завжди дзвінками, про що він (господар) заявив 6 березня приставу.

що тимчасом дружина й товариш, що працював з нами, встигнуть утекти й забрати з собою „устаткування“ друкарні. Але не так сталося. Помічник пристава спочатку через господаря закликав „городових“, які й стали на воротях.

Як тільки помічник пристава повернувся, я витягнув з-під ліжка саморобного варстата й ударив його об підлогу. Поліцей з обуренням кинувся на мене й закричав: „Що ви робите?“ „Не лякайтеся, — кажу я йому — це не бомба, а друкарня. До того вона вам однаково не годиться, бо вашу „літературу“ друкують у краших“.

Неспокійний поліцей нагнувся і, взявши „лопатки“, почав збирати складовину.

Коли поліції стало відомо, що вона знайшла, повторюю, несподівано „крамольну“ друкарню, негайно ж сповіщено всьому начальству, прокуророві, жандарській владі й у першу чергу градоначальникові, адміралові Енксвітові. Той, прибувши на місце „преступлення“, глибокодумно висловився: „Как видно, придется арестовать“. Зовсім так ніби можна було розраховувати на щось краще. Поліція, знайшовши „архів“, цим не задовольнилася й провадила трус далі... Особливо їм бажалося знайти печатку Комітету.

Зразу ми боялися, щоб хто-небудь із наших товаришів не задумав зайти. Але натовп „публіки“, що зібрався біля нашої квартири, унеможлилював це — і ми були спокійні.

Поліція знайшла поламаний варстат, 3 пуди різного шрифту та дві прокламації. Заарештовано мене, дружину й товариша Ясногородського, що працював з нами й невдало пробував тікати через вікно в кухні.

Над вечір мене з товаришем відпровадили в арештантські роти, а дружину — до міської в'язниці.

Виходячи з двору, я перед натовпом голосно закричав про арешт соціал-демократичної друкарні.

Цього було досить, щоб чутки рознеслися по всьому місту й сповістили наших товаришів.

Прибувши в арештантські роти, нас приміщено у великій камері корпусу лікарні. Другого дня по обіді до того приміщення, де нас посаджено, підійшла група людей. Відчинили двері і на наш подив уводять: Радус-Зеньковича (кличка Петро Микитович Федякін), Віктора Павловича Ногіна (працював під псевдонімом Миколая Миколайовича Соколова), Марка Ароновича Бовшоверова, Г. Соколовського, братів Маркарових, робітників 'Юрноморського заводу, та ще, здається, двох товаришів.

Одно слово, сталося так, що розгромили одночасно з нашою друкарнею й усю верхівку організації.

Настрій був жакний. В той момент, коли перед нами непочатий край роботи, Комітет, друкарня й найпоступовіші робітники з заводів сіли до в'язниці.

Днів через два — допити. Мене викликали першого. Допит тривав дуже недовго. На допиті, крім свого визнання підчас арешту про належність до соціал - демократичної партії, іншого нічого не сказав і на дальші запити відповідати відмовився. Так само зробили й усі інші товариші.

Наприкінці березня до нас у камеру заходить помічник начальника й питає, чия дружина мала була родити. Коли на його репліку озвався я, він мене привітав із народженням сина. Але ж на моє прохання дозволити побачення з своєю дружиною мені відмовлено. Лише на шостий чи сьомий день підчас прогулянки я дізнався, що сина родила не моя дружина, а Бовшоверова. Коли родився таки мій син, ми всі гуртом з пропозиції тов. Коцюбинського на знак швидкої перемоги російської революції дали синові ім'я — Виктор.

З травня викликано шістьох чоловіка в контору: Ногіна, Коцюбинського, одного з братів Макарових, Соколовського, Бовшоверова й мене. Нам заявлено, щоб ми збиралися в дорогу. З Миколаєва переводять нас до інших міст.

Швидко підїхав обладнаний спеціально для нас закритий фаєтон із збільшеним пішим і верховим конвоем. За годину ми склали все своє „майно“ і, попрощавшись з товаришами, виїхали, покинувши їх.

Коли запропонували нам сісти в фаєтони, ми відмовилися, доводячи тим, що вони закриті. Охотою ми не сіли і нам пішли на поступки.

Дорогою нам розповів конвоїр про те, куди посилають. Трьох (Ногіна, Бовшовера й Макарова) відряджено до Ломжі (Польща), останніх — до Воронежа.

Привівши на вокзал, нас посаджено до арештантського вагону, і „кукушка“ завезла за місто. О 10 годині ввечері того дня вагон перевели на станцію й причепили до потяга, що прямував на Харків. На ст. Знаменці знову нас роз'їдали: Ногіна, Бовшовера та Макарова повезено одним шляхом, останніх — іншим.

В Полтаві до нашого вагону „всів“ ще один політичний — старий народоволець Орлов. Як небезпечного елемента, якому в свій час дано смертний вирок, замінивши останній на каторгу, його через обставини воєнного часу начальство на всякий випадок вирішило відпровадити на три роки до Архангельської губернії.

Хоч його з нас ніхто не знав, але зустріч була тепла, з належною шанобою, як старому ветеранові революції й членові партії „Народня Воля“, що відіграла не малу роль в історії російської революції.

З бесіди, яка розпочалася поміж нами, ми побачили, що людина зовсім була зневірена в перемогу над самодержавством. Старик Орлов зовсім заперечував близькість перемоги революції. „Ви, товариші, молоді, кров кипить у вас, і вам

здається, що вже тепер переможете. Нам теж,— говорив він,— всім здавалося за 80-х років, що перемога близько. А ось, бачите, пройшло чимало часу, а що ми ще маємо—ви сами знаєте“.

Бувши тоді хоч і молодим робітником, я все-таки бачив, що старик Орлов робить велику помилку, порівнюючи революційний рух 900-х років із рухом 70-х та 80-х років. Він не міг зважати того, що „Народня Воля“ не вела за собою яких-будь широких мас, селянство її не розуміло, а пролетаріят за класу, що становила нову силу, якій у майбутньому малося відограти головну ролю, вона не визнавала. Ось чому й думки такої був Орлов.

Уже в Харкові ми по-дружньому, так тепло розпрощалися й побажали йому швидкої перемоги революції—хоча б на те, щоб він спокійно міг дожити свій вік.

8 травня о 9 годині ми входили до нової „господи“—воронізької в'язниці.

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЕЛИСАВЕТГРАДЕ

В юности, в 80-х г.г., я увлекался модным тогда учением Л. Н. Толстого, с одной стороны, и секстантским движением на Херсонщине — с другой. Я искал разрешения „проклятых вопросов“ — о социальном неравенстве в христианском учении.

Однако начавшееся на юге России в 90-х г.г. революционное движение захватило меня. Я стал революционером, а затем и политическим ссыльным, каковым я прибыл в 1898 г. из Харькова на свою родину в г. Елисаветград.

За время моего десятилетнего отсутствия многое в нем изменилось. От прежних толстовских и иных сектантских, а равно народнических течений почти не осталось и следа.

Из ремесленно-кустарнического городка, каким был Елисаветград, он стал промышленным городом. Рядом с прежними мелкими кустарными мастерскими выросли крупные заводы и мельницы. Особенно развился завод сельскохозяйственных машин „Эльворти“, на котором раньше работало около 1000 человек, а в 1898 г. уже свыше 2000. Не менее значительные успехи сделало мукомольное производство. Прежде слабое, оно к концу 90-х г.г. насчитывало уже 9 паровых мельниц с крупным производством огромного количества экспортной муки.

Наряду с этим развивалась и торговля, особенно мануфактурой. В общем к концу 90-х годов Елисаветград стал промышленным городом с 5000-м пролетариатом, стонавшим от тяжелой эксплуатации нарождавшейся буржуазии. Почва для революционной работы в Елисаветграде была, таким образом, большая.

По прибытии в Елисаветград я застал разгромленную организацию РСДРП, которая незадолго до провала наладила свою работу среди городских рабочих.

Пионерами этой первой организации были одесские выходцы. Из них первым прибыл в Елисаветград в марте 1897 г. тов. Ц. Х. Даргольц, ныне член ВКП, положивший основу некоторым рабочим кружкам, для чего он поступил в одну из крупных мельниц в качестве столяра. Но ему долго не пришлось проработать, так как он скоро был арестован одесскими жандармами, следившими за ним, как за неблагонадежным по одесским делам.

Однако скоро его сменил другой одесский работник — тов. Гринштейн. Последнему удалось организовать значительную группу заводских рабочих и привлечь к работе некоторых интеллигентов — Л. Лещинского, Ю. Грайсман и др. Работа пошла интенсивным путем, главным образом, в кружковых занятиях с рабочими. Активными пропагандистами на заводах выступали следующие товарищи рабочие: Лева Каменецкий (столляр), Нудельман, Файнлейб, Вельтер, Гопнер, Краснобродский, Мильман, Даревский, М. Таратута, Лихтман, Маня Каменецкая (швея) и другие. Последняя часто руководила работой кружков у себя на квартире.

Помимо неблагоприятных полицейских условий, характерных для провинциальных городов, ускорению разгрома содействовали и чисто внутренние причины. Дело в том, что пропагандисты-рабочие вводили в кружки товарищей рабочих без достаточного изучения последних со стороны верности, выдержанности и преданности рабочему делу.

И вот в самый разгар работы один из привлеченных рабочих завода Яскульского — некий К. Кедрус (слесарь), довольно аккуратно посещавший кружковые занятия и, следовательно, знавший всех активных работников, неизвестно по какой причине, добровольно или недобровольно, донес обо всем охранному отделению. В результате, по его указанию были арестованы следующие рабочие: Л. Каменецкий, М. Каменецкий, М. Нудельман, Б. Гринштейн (оба из Одессы), С. Файнлейб, А. Вельтер, С. Гопнер, Иф. Краснобродский, А. Мильман, В. Даревский и интеллигенты: Л. Лещинский, Ю. Гройсман, А. Гройсман, А. Таратута и Лехтман. Этим провалом закончился первый период работы РСДРП в г. Елисаветграде (1897 — 98 г. г.).

Характерно, что одно из крупнейших в городе предприятий — завод Эльворти (около 2000 рабочих) за этот период не дал почти ни одного революционера-рабочего. Упомянутые выше агитаторы-рабочие проникали только на мелкие заводы, как, например, Бургардта, Шкловского, Антона Гольча, Яскульского, Клячко, Кеселера и др. с числом рабочих от 100 до 500, которые были доступнее, чем завод Эльворти. На этих заводах условия труда и оплаты были более тяжелыми и потому почва для революционной работы была несколько благоприятней.

Этого нельзя сказать относительно завода Эльворти, где были введены усовершенствованные машины и широкая механизация оборудования для массового производства с.-х. машин, потребность в которых в 90-х г. г., в связи с развитием сельского хозяйства, приняла огромные размеры. Успехи Эльворти были колоссальны: машины, особенно сеялки, молотилки и т. п., получили большое распространение по всему югу и Сибири, благодаря чему доходы Эльворти достигли

огромных размеров. В связи с этим Эльворти ввел сравнительно повышенную оплату и лучшие условия труда, конечно, не из добрых чувств к рабочим, а для того, чтобы закабалить их еще более не только материально, но и духовно; чтобы окончательно приручить рабочих к заводу, Эльворти построил целый городок вокруг своего завода. Домики с палисадниками и проч. раздавались рабочим на условиях выплаты на десятки лет. Понятно, что при таких условиях проникновение революционного настроения в рабочую среду этого завода было затруднено.

Влияние завода Эльворти на хозяйственную жизнь города тоже было огромно. С одной стороны, он поглощал значительную массу пролетаризировавшейся крестьянской и городской бедноты, а с другой — завод вызывал к жизни целый ряд новых производств разного сырья, необходимого для его все более расширявшейся деятельности.

Рабочие Эльворти считались „аристократами пролетариата“. Такими они слыли среди населения. В то же время за эльвортовцами скоро установилась не совсем почетная слава. Этим впоследствии, особенно во время войны 1904 г., пользовались реакционные элементы, с поповской кликой во главе, и идеологически завладели большинством рабочих завода, сделав их своим орудием против развившегося на других заводах революционного движения.

Чтобы поддерживать в эльвортовцах антиреволюционные настроения, монархисты повели организованную пропаганду в виде устройства на заводе частых молебнов по тому или иному „святому“ случаю с выступлениями ораторов, говоривших на политические темы и кончавших призывом к борьбе с „красной“ и „жидами“.

Кроме этого, в Елисаветграде был еще один оплот реакции — кавалерийское юнкерское училище. Эти два „столпа“ реакции действовали дружно, особенно во время погромов. Когда в 1881 г. народовольцы казнили Александра II, то по распоряжению министра внутренних дел, графа Игнатьева, в Елисаветграде был устроен еврейский погром.

Погромное антисемитское настроение особенно остро ощущалось в Елисаветграде. Понятно, что революционные идеи прежде всего находили благоприятную почву среди еврейских рабочих и интеллигенции. Но работа при такой атмосфере, в черносотенном окружении, была крайне затруднена и потому часто прерывалась провалами.

* * *

После разгрома организации в 1898 г. казалось, что работа приостановится, так как некому было заменить выбывших из строя революционеров. Надо было ждать обычного

появления новых сил из тех же городов — Одессы, Николаева либо Киева. Но надежды не оправдались, так как этот момент совпал с послес'ездовскими арестами партийных центров. И елисаветградцам пришлось довольствоваться оставшимися одиночками рабочими-агитаторами или случайно наезжавшими товарищами. Такое положение продолжалось вплоть до 1901 года.

В это время появился видный работник — доктор Социн, стоявший на позициях „Искры“.

До его появления (1898—1900 г. г.) Елисаветградская организация идеологически разделяла точку зрения большинства южных организаций конца 90-х годов, как, например, Одесской, Харьковской, Киевской, т. е. стояла на почве „экономизма“, отодвигая по существу политическую борьбу в отдаленное будущее.

С появлением „Искры“ и искровской литературы Елисаветградская организация, состоявшая в основном ядре из рабочих-активистов, восприняла вначале искровские идеи почти без всякой борьбы. Наоборот, в лице „Искры“ организация, особенно ее рабочая часть, нашла верного выразителя своих настроений и надежд и безоговорочно проводила все ее директивы на практике. Наиболее активным проводником идей „Искры“ в Елисаветграде был т. Социн, пришедший на смену провалившейся организации конца 90-х годов.

Для полноты характеристики Елисаветградской организации периода II с'езда я должен здесь прибавить, что вообще Елисаветград, помимо прочих условий, в отношении строительства своей организации был на особом положении. Не имея собственных интеллигентных сил, он должен был пользоваться теми случайными работниками, которые попадали в город по тем или иным причинам из близлежащих к нему крупных центров: Одессы, Харькова, Киева, Екатеринослава. В связи с этим в Елисаветградской организации идеологической преемственности в работе не было. Этот недостаток в идейном руководстве вначале восполнила „Искра“ с первого же дня своего появления на нашем горизонте. С этого же момента Елисаветградская организация тесно связывается через Социна с „Искрой“, давая корреспонденции и отчеты о событиях, сопровождавшихся выступлениями рабочих.

Таким образом, в Елисаветграде с 1900 до 1903 года среди членов комитета преобладало искровское направление.

Когда появились некоторые вести о происшедшем на II с'езде партии расколе на „большинство“ и „меньшинство“, Елисаветградская организация в первое время оставалась в выжидательном положении¹⁾. Рабочая часть организации была

¹⁾ Елисаветградская организация на втором с'езде РСДРП представлена не была вследствие пережитого незадолго до с'езда разгрома, оторванности от своих центров и малочисленности своих рядов в тот период.

недовольна расколом, считая его плодом „интеллигентских за-тей“, говоря, что этот раскол срывает единство настроений рабочих масс в отношении партии. Вскоре, однако, организа-ция в общем и целом заняла позиции меньшевиков, правда, достаточно неопределенно и „болотисто“.

В начале 1904 года, когда большевистская часть партии начала активно проводить свою работу на местах, в Елисаветград прибыл тов. Артем, бывший тогда уже большевиком. Характерно отметить, что он не связался с нашей организа-цией, как меньшевистской, и помимо нашей организации при-ступил к работе среди заводских рабочих. Тов. Артему, од-нако, долго не пришлось поработать, так как благодаря попу-лярности, которую он приобрел в Елисаветграде, его вскоре арестовали.

Это было первое появление в Елисаветграде представи-теля большевистского направления после II съезда партии.

Несмотря на свое кратковременное пребывание в Елиса-ветграде, тов. Артем успел все же организовать небольшую группу большевиков из рабочих, в которую вошли рабочие: Я. Фиш и Я. Сазонов из Николаева. Эти последние долго в Елисаветграде также не удержались и переехали в Харьков к освобожденному вскоре Артему (где при их помощи была организована подпольная большевистская типография).

После II съезда партии, в 1904—05 г. г., вследствие ряда специфических условий и, главным образом, благодаря приезду работников определенного идейного направления, Елисаветградская организация окончательно утвердилась на меньшевистских позициях.

О подготовке III съезда РСДРП в 1904 г. и о борьбе за него между большевиками и меньшевиками мы знали лишь из сообщений отдельных товарищей и в самом съезде участия не принимали по причинам, вполне понятным...

* * *

С появлением в организации доктора Сошина сызнова поднята была прерванная арестами работа среди учащихся и рабочих. Вокруг него сгруппировались остатки местных сил и работа среди городской интеллигенции и заводских рабочих опять возобновилась. Одновременно организация получила но-вое подкрепление в лице издательства „Южного Рабочего“, которое переехало в Елисаветград для печатания своей га-зеты. Редакция последней состояла из видных работников: студента Абрама Моисеевича Гинзбурга-Наумова, Бовшове-ровых (мужа и жены), студента Б. Цейтлина и Н. Тасина (Когана).

В отношении установления своей техники „Южному Ра-бочему“ удалось устроиться на квартире частного учителя

Л. Гершковича, который славя „благонадежным“, лучшим образом конспирировал типографию. Таким образом „Южный Рабочий“ благополучно выходил и распространялся как в городе, так и по всему югу и другим рабочим центрам. Для быстрой доставки газеты и литературы на места потребовался специальный работник, раз'ездной перевозчик нелегальной литературы, который и был вызван из западных губерний — М. Шляхтер.

Таким образом со второй половины 1901 года все шло благополучно. Но в ночь на 1 марта 1902 г. был задержан приезжий товарищ (фамилии не помню), у которого был найден адрес Федора Янкелевича, на квартире которого в эту ночь случайно заночевали Гинзбург с остальными членами редакции „Южного Рабочего“. В ту же ночь к нему нагрянула жандармерия и застала на квартире, за исключением Тасина (Когана), почти всю редакцию и свежий номер „Южного Рабочего“.

Провал „Южного Рабочего“ и его организаторов очень тяжело отразился на работе социал-демократии по всему югу. „Южный Рабочий“, являясь одним из лучших марксистских органов, стоял в общем и целом на позициях „Искры“ и проводил в это время большую работу по подготовке созыва II съезда партии, по борьбе с „экономизмом“ и другими уклонами в рабочем движении. В ту же ночь был арестован и Сощин, у которого при обыске найдена была нелегальная литература и шрифт. К счастью, низовые партийные организации на этот раз не были затронуты.

Поскольку елисаветградская тюрьма не была приспособлена для политических (одиночек не было), то всех арестованных: Гинзбурга, Ф. Янкелевича, Сощина и Цейтлина и др. отправили в Одессу, откуда они, отсидев два года, были сосланы в Восточную Сибирь на три года.

Несмотря на эту тяжелую утрату, Елисаветградская организация на этот раз могла продолжать свою работу без особых перебоев, так как проделанная работа Сощиным и группой „Южного Рабочего“ с 1901 по 1902 г. дала огромные результаты. Так, например, к моменту ареста „Южного Рабочего“ мы имели уже большой актив, который вел самостоятельную работу на всех заводах и организовывал массовки исключительно среди рабочих тех заводов, на которых этот актив сам работал. Из числа актива известны были рабочие М. Олинский, Гр. Иванов, М. Стеценко, Д. Гончаров, Хар. Соснюк, Иосиф Раскин (токарь), Х. Цехновицер, Воронин, Яша Фиш, Ихель Фельдман (пекарь) и другие. Оставалось только возглавить этот актив новой головкой — комитетом.

В 1903 году таковой сорганизовался. Этому поспособствовало наличие в городе ссыльно-политических студентов и рабочих.

Помню, что в организацию входили: студенты Лева, Ганз, Сарра Краминская, Яша Бухбиндер, Я. М. Гликин, М. Басист. Из рабочих, кроме упомянутых выше, входили: Шпилька, Талалаев, Э. Спивак, В. Подольский, Любарова, Шабадаш, Черномазов (впоследствии оказавшийся провокатором) и целый ряд других, фамилии которых не помню.

Как ни велико было влияние с.-д. организации на рабочую массу вообще, однако, на заводе „Эльворти“ оно мало проявлялось. Все попытки завладеть этим заводом долго не удавались. Лишь в 1903 г. под руководством комитета РСДРП на нем удалось организовать первый кружок из нескольких верных и преданных революции рабочих, каковыми были: Я. Лебедев, Руденко, Шпилька, Гр. Иванов, Стеценко, Сытник, Попов, Гладков, Талалаев и др. Однако, положение их на заводе было крайне шаткое и тяжелое. Малейшее проявление активности грозило изгнанием из завода.

Так оно и случилось. Когда упомянутые товарищи взялись было за работу среди молодняка, черные элементы, вдохновляемые попами, подняли вой, что на заводе завелась крамольники. Повлияв на темную массу, они собрали около 800 подписей под петицией к администрации об увольнении из завода вышеупомянутых товарищей, как крамольников.

Но благодаря либеральному директору завода, англичанину Девису, который заявил петиционерам, что „в Англии таких рабочих, борющихся за интересы рабочего класса, уважают“, они были оставлены на заводе. За такое отношение к революционерам Девис потом был устранен с завода.

Таким образом, эта цидатель монархистов оставалась неразрушенной, являя собой постоянную угрозу революционным выступлениям остальной части пролетариата.

Все же, несмотря ни на какие трудности, „осада“ этого завода со стороны организации не прекращалась. Вскоре даже удалось завербовать двух работников из административного персонала — инженера Майша и заведующего коммерческой частью А. Я. Генеля.

Для более полного завоевания влияния над эльвортовцами у организации оставалась надежда лишь на всеобщий подъем рабочего движения.

Впервые революционные волны подхватили эльвортовцев лишь в период Февральской революции.

* * *

В открытую борьбу с самодержавием и своими эксплуататорами елисаветградские рабочие выступили лишь во время „южно-русской забастовки“, разразившейся на всем юге в июле 1903 г. и проходившей в Одессе, Николаеве, Киеве и других южных городах.

Подготовка к этой забастовке началась в Елисаветграде еще задолго до ее начала. В загородных местах устраивались летучие массовки в 100—200 чел. Одна из таких массовок, устроенная накануне забастовки за городом в пустовавшем саду „Альгамбра“, бывш. Лайера, была выслежена полицией, но собравшиеся успели во время разойтись.

На этих массовках были выработаны требования не только экономического характера, но и политического, как, например, требования свободы союзов, собраний, печати и т. д. Накануне забастовки местная с.-д. организация выпустила прокламацию ко всем рабочим.

3-го июля городские и заводские рабочие, дружно бросив работу, вышли на улицу с тем, чтобы пойти по заводам снимать тех, кто еще не примкнул к забастовке. Так как завод Эльворти менее всего склонен был к самостоятельному выступлению, то к нему - то, главным образом, „на помощь“ двигалась огромная толпа...

Но завод Эльворти не присоединился. Администрация распорядилась запереть ворота и не пускать никого из забастовщиков внутрь.

Сами же рабочие не проявили ни малейшего желания примкнуть к стачке.

Толпа ушла не солоно хлебавши в город для снятия рабочих мелких заводов.

Конечно, охранка и полиция подняли на ноги все свои темные силы и выжидали, когда можно будет напасть на безоружную массу. И вот, воспользовавшись моментом, когда толпа остановилась на банной площади и открыла митинг, казачий отряд врезался в толпу и попытался арестовать оратора т. „Глеба“ и разогнать митинг... Рабочие вступили с ними в бой, забрасывая их камнями. Однако, под напором нагаек толпа вынуждена была отступить и бросилась к центру, к Перспективной улице и Сенной площади, окруженной лесными складами и крепостными валами, где можно было либо вооружиться, либо скрыться от преследования.

Добравшись сюда, демонстранты устроили летучее совещание с представителями организации. Решено было не сдаваться. Малочисленный отряд казаков, получив подкрепление, окружил демонстрантов и снова пустил в ход нагайки. Здесь произошел вторичный бой. С обеих сторон были раненые. В результате казакам удалось захватить человек 500, которых повели в старую тюрьму.

При вводе в тюрьму арестованных стали избивать. Не вытерпев этого издевательства, рабочие прорвали цепь, и половина арестованных скрылась. В тюрьме осталось около 250 человек. Через несколько дней большинство рабочих было освобождено, но наиболее „подозрительные“ были оставлены до окончания следствия.

Так закончилась июльская забастовка в 1903 года в Елисаветграде, не давшая никаких результатов в экономическом отношении. Но зато в политическом отношении она послужила для рабочих огромным толчком в сторону воспитания классового самосознания. Ненависть рабочих масс к самодержавию стала расти весьма заметным темпом. На этом примере рабочие получили урок „политики“.

По мере развития своей дальнейшей борьбы рабочие, естественно, все чаще и чаще сталкивались с своими политическими врагами в лице полицейско-жандармской власти, которая становилась на сторону эксплуататоров.

Агитаторы-рабочие на заводах к этому времени вели уже работу по подготовке рабочих к борьбе и на политическом фронте. Эту работу комитет РСДРП проводил еще и путем распространения среди рабочих листовок, а то и брошюр, печатавшихся в собственной подпольной технике. Выпускались листовки на злободневные политические темы, а также брошюровочная литература, как, напр., „Пауки и мухи“. Листовки эти пользовались большим успехом. Особенный успех имела брошюрка „Пауки и мухи“, вышедшая в 2000 экз. Но технике не долго пришлось существовать: жандармы пронюхали, что техника находится в городе, началась слежка, и пришлось ее вскоре из Елисаветграда вывезти в местечко Голту. Но при перевозке на ст. Елисаветград она была случайно захвачена жандармами с ее двумя проводниками — А. Кульчицким (переплетчик) и М. Заславским (наборщик). Причина была очень простая. Чемодан со шрифтом оказался слишком тяжелым. При посадке в вагон жандармы обратили внимание, что два пассажира уж очень возятся с каким-то чемоданом и не могут его втащить в вагон... Конечно, „рабов божьих“ забрали.

Однако вскоре в той же Голте была организована другая техника, которая просуществовала там около трех месяцев и успела выпустить несколько тысяч разных прокламаций „преступного содержания“, как выражается протокол начальника охранного отделения Ламзина. Эта техника уже не была захвачена: ее во-время увезли в г. Елисаветград при первых тревожных признаках слежки, где и спрятали до поры до времени. Работали в этой технике Краснобродский и другой товарищ под кличкой „Лева“...

* * *

Параллельно с работой в городе проводилась также известная по всему уезду работа среди крестьянства. „Крамольные“ микробы попали на хорошую почву. Выведенные из терпения крестьяне стихийно восставали против помещиков, прибегая к поджогам барских имений и потравам, покосам помещичьих земель. Для борьбы с крестьянским террором помещики

прибегали к введению военной охраны — стражников, которыми правительство наводило все уезды Херсонской губернии.

Приблизительно в этот же период крестьянство постепенно начинает выделять из своей среды революционеров, которые быстро связываются с городом, с организацией РСДРП, откуда получают регулярное подкрепление литературой и людьми.

Работавшая в Елисаветграде рядом с эсдеками небольшая группка эсеров среди широких масс рабочих особенным успехом не пользовалась. Их влияние распространялось, главным образом, на буржуазную интеллигенцию и отчасти на крестьянство в уезде, где они конкурировали с эсдеками. Но в виду их малочисленности и организационной слабости эсдеки и в этой области превосходили их.

Систематическая с.- д. работа среди крестьянства началась с 1901 г. Начало было положено в Иваново-Булацеловке Николаем Бондаренко, который был выслан из Киева на родину. Бондаренко занимался главным образом тем, что читал нелегальщину крестьянской молодежи. Одновременно в Петрополье при содействии семьи врача Гара, (женой его Розалией Климентьевной, дочерью Женей и сыном Шурой) крестьянином Степаном Алексеевым и Василием Кузьменко, учеником с.- х. училища, была организована группа крестьян для пропаганды среди населения соседних деревень.

Вскоре эта группа организовала большой актив крестьян, в который вошли следующие крестьяне: Роман Шевченко, Никифор Шевченко, Герасим Шевченко, Осип Добровольский, Федот Добровольский, Максим Добровольский, Никифор Шевченко, семья Подпруженковых, остальные четверо братьев Степана Алексева — Даниил, Иван, Александр и Василий и другие. Так организация распространила свое влияние на окружные деревни: Аникеевку, Семеновство, Богдановку, Дворянскую, Захарьевку, Стаяново и другие села.

Разраставшееся движение в уезде вызвало тревогу среди властей и помещиков. Для охраны и успокоения деревни были посланы на помощь стражникам еще казачьи отряды. В 1900—1901 г.г., когда неурожай охватил всю Херсонщину, на селе стало еще беспокойнее. Тогда губернатор, князь Оболенский, ввел в губернии усиленную охрану для борьбы... с голодом, часто самолично об'езжая уезды с целью рассеяния „слухов“, якобы распространяемых неблагонадежными элементами об охватившем Елисаветградский уезд голоде. И ему это очень легко удавалось.

Приехав, например, в какую-либо деревню, Оболенский вызывал старосту, которому поручал созвать состоятельных „мужичков“ для опроса насчет голода... Конечно, ответы получались благоприятные для начальства. После такого „обследования“ губернатор об'являл, что слухи о голоде в уезде распространяются только „крамольниками“, что никакого голода

нет, в доказательство чего на „неблагонадежные“ элементы сыпались репрессии вплоть до арестов и высылки.

Но, чем больше власти пытались этими мерами внести „успокоение“ в деревнях, тем сильнее крестьянство революционизировалось и на репрессии отвечало новыми поджогами барских имений, зерна, покосами трав и т. п. В связи с этим, конечно, аресты, избиения крестьян не прекращались... Карательные отряды каждый раз приводили в тюрьму пачками арестованных крестьян.

Такова была обстановка работы в Елисаветграде в период подготовки II съезда партии во второй половине 1903 года.

* * *

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война еще более обострила положение и в городе и в деревне. Аресты следовали за арестами. Черная печать—суворинское „Новое Время“ и другие газеты—повели кампанию по поднятию казенного патриотического настроения среди населения. Одна за другой следовали мобилизации, наполнявшие город толпами крестьян. Каждую неделю две отправлялись маршевые роты.

Вслед за этим стали прибывать эшелоны раненых.

В массах все больше зрело чувство протеста.

Буржуазные и дворянские сынки пристраивались в нестроевых частях, государственных учреждениях, а то и заводах в качестве работающих на „оборону“.

Удушение всякой общественности шло гигантскими шагами. Подавленное настроение рабочей массы в начале войны не давало возможности широко развить работу. Но потом, оправившись, рабочие начали активнее реагировать на события дня.

Неудачи на фронтах, казнокрадство подорвали авторитет правительства в глазах всего населения. Все это подготовляло благоприятную почву для агитации против войны.

В связи с этим местная организация выпустила ряд листов к крестьянам и рабочим. Охранка набросилась на организацию с повальными арестами и обысками и нанесла организации крупный урон. Техника была обнаружена в доме Коваленко по Солдатской улице. При ней были взяты рабочий Сазонов, Глезерман и его „фиктивная“ жена, при чем взята была литература в виде готовых воззваний: „Правда о войне“ и др. и печать Елисаветградского Комитета РСДРП. Кроме этих товарищей в городе были арестованы: С. Кричевская, Р. Вильвовская, И. Рабинович, Иосиф Бронштейн и Х. Литис.

В этот период в Елисаветграде работал как профессиональный революционер и тов. Артем. Его работа протекала главным образом среди заводских рабочих. Популярность его быстро распространилась среди массы и также быстро дошла до жандармов. Он вскоре был арестован. Но в виду того, что против

него у жандармов особых улик не было, его скоро освободили, после чего он уехал в Харьков...

С объявлением, в половине июня 1904 г. так называемой „весны Святополк-Мирского“, пришедшего на смену Плеве, с.-д. организация повела широкую агитацию среди рабочих масс. Либералы из общества заговорили на банкетах о конституции и прочих свободах для народа. На одном из таких банкетов в дворянском клубе выступили наши товарищи с революционными речами. Конечно, после таких речей банкет был полицеймейстером закрыт.

Таким образом, часть 1904 г. прошла под знаком либеральных речей радикальных элементов общества на общественных собраниях, банкетах и проч., благо что власти не препятствовали этому.

Наступил 1905 год.

На расстрел 9 января организация РСДРП намеревалась отозваться целым рядом прокламаций к рабочим и работницам. Однако не успели они наладить работу, как техника была накрыта жандармами, при чем при личном обыске арестованного тов. Г. Духовного у него взяты были оригиналы прокламации „В бой за свободу“, воззвание свящ. Гапона и шифрованные письма, а в типографском станке был обнаружен готовый набор прокламации.

Вслед за этим организация начала готовиться к празднованию 1 мая, но не по закоулкам, а на открытом месте, в центре города. И вот в день 1 мая 1905 г. все организованные рабочие по намеченному плану начали одиночками собираться на главной улице — Дворцовой, около дома Бородкиных, откуда двинулись в центр города, на Б. Перспективную, с пением революционных песен и криками „долой самодержавие“. По пути присоединились некоторые учащиеся и сочувствующая интеллигенция, образовав группу до 400 человек.

Полиция сначала не препятствовала движению, ограничившись сопровождением демонстрантов. Но затем, когда появилась рота солдат, полицейские и агенты охраны, приободрившись, напали на демонстрантов и начали их избивать. Демонстранты успели пройти Дворцовую и часть Перспективной.

Здесь рота солдат преградила им путь, став в боевой порядок. В ответ на избиение из рядов демонстрантов раздались выстрелы, одним из которых был ранен в руку пристав 2-й части Бузе. Стрелял из браунинга рабочий Я. Фиш, не вытерпевший избиения женщин. К нему бросились полицейские, но ему удалось скрыться. После холостого залпа демонстранты рассеялись. Арестованных оказалось около 20 человек, в том числе несколько женщин.

Еще в начале 1905 года, после „из'ятия“ многих членов организации, состав комитета пришлось пополнить свежими силами. В него вошли: Я. М. Гликин (юрист), М. Басист

(студент), инженер Майш, работавший на заводе „Эльворти“, студент Г. Тартаковский, наборщик Б. К. Линцер и николаевский рабочий Андрей Гмырев (он же Афанасий Гмырев, он же и Андрей Дикий¹⁾).

Обновленный комитет, располагая литературными силами, решил выпустить рабочую газету под названием „Голос Рабочего“. В связи с этим были предприняты меры к организации хорошей техники. Шрифт легко можно было достать на месте через своего человека.

Я тогда состоял заведующим технической частью типографии газеты „Голос Юга“, издававшейся нотариусом Селевиным (как потом оказалось, он был по существу монархистом-черносотенцем, но принял по поручению охранки личину либерала-кадета для того, чтобы вылавливать крамолу). Воспользовавшись своим положением, я дал возможность вынести из типографии все необходимое кроме станка. Станок был добыт в другом месте и иным способом (подробных обстоятельств приобретения последнего — не помню). Для техники нужны были надежные люди и совершенно „чистые“, которые должны были служить ширмой благонадежности, семейственности и проч. В Одессе в нелегальной технике работал Володя Резницкий²⁾ 19 лет, парень надежный, энергичный, прошедший школу харьковской конспирации. Он-то и был приглашен на работу в технику.

Типография помещалась на углу Успенской и Карабинерной улиц, в районе завода Бургардта. В начале августа вышел первый номер, размером в восемь страниц, произведший среди рабочих фурор, а жандармов приведший в бешенство.

Когда из типографии мною был выдан шрифт, это оказалось уж очень заметным. Редактор заявил о краже шрифта жандармам. Я подпал под подозрение, как политически неблагонадежный. Когда вышел первый номер „Голоса Рабочего“ и при сличении шрифта он оказался тождественным со шрифтом типографии газеты „Голос Юга“, подозрение жандармов усилилось и они начали зорко следить за мною и другими товарищами.

Тем не менее наша газета „Голос Рабочего“ печаталась в нашей технике новеньким шрифтом из „Голоса Юга“...

В середине августа 1905 года вышел второй номер, а 3 сентября третий и в ту же ночь на 4 сентября произошли массовые обыски и аресты. Арестованными оказались: Я. Гликин, М. Басист и я.

¹⁾ Под последним псевдонимом он писал свои неплохие стихотворения революционного содержания. Этот самый Гмырев почему-то не был арестован вместе с нами, чем вызвал к себе подозрение. Когда мы уже сидели в тюрьме, с воли нам передали, что наш арест — дело его рук. И действительно, в 1917 году он оказался в списке провокаторов.

²⁾ Умер на 22 году от приобретенного на работе в подпольных типографиях туберкулеза в 1907 году в Кременчуге, где и похоронен.

С арестом головки комитета и отъездом некоторых работников из города работа ослабела. Необходимо было, с одной стороны, доказать жандармам, что мы не члены комитета, а с другой — поддержать уверенность в рабочей среде, что комитет продолжает работать. На воле остались технические работники нашей типографии и С. Линцер, которая одна непосредственно была связана с техникой. Надо было во что бы то ни стало выпустить следующий номер газеты. В виду того, что по конспиративным условиям ей не были известны оставшиеся члены комитета, она обратилась к недавно вернувшемуся из ссылки по делу „Южного Рабочего“ тов. Федору Янкелевичу. Тов. Федор установил связь с остальными членами комитета и таким образом продолжение издания нашего „Голоса Рабочего“ было обеспечено, при чем материал для газеты доставлялся также и нами из тюрьмы.

Вскоре после нашего ареста вышел четвертый номер „Голоса Рабочего“, который был немедленно доставлен жандармскому полковнику Ламзину. Производили выпуск этого номера газеты рабочий Федор Янкелевич, студент Гр. Тартаковский, В. Резницкий, главный техник, и С. Линцер. Связь с техникой поддерживал Янкелевич через С. Линцер. Он доставлял материал, бумагу, деньги и проч. и получал готовые номера газеты. Способ доставления бумаги был следующий: покупая бумагу, Федор оставлял ее у женщины-врача Ан. Тальновской-Гомберг, куда приходила работница „Дуня“ и обворачивала ее вокруг ног, прикрепив ее резиновыми подвязками.

Литературный материал из тюрьмы нами доставлялся так: сидели мы в земском арестном доме, что на Пермской ул., на втором этаже, окна которого выходили в жилой переулок. Двор был окружен деревянным забором, граничившим с этим переулком. Наружную охрану нес вместо, часового — городской. Через коридорное окно можно было свободно переговариваться и видеть проходящих по переулку. И вот под видом переулочных жителей туда приходили наши жены с кошелками, якобы с базара, и садились на скамейке. В это время мы заворачивали материал в черный хлеб и шариком выбрасывали через окно. Много раз нам удачно это сходило, но в конце концов наши жены были арестованы городовой. После этого пришлось найти другой способ.

К нам был приставлен новый, молодой, из только что демобилизованных солдат, надзиратель Будяк из крестьян. Мы осторожно взяли его в работу. Парень стал серьезно прислушиваться к нашим разговорам. Стал хмурить лоб свой. На пробу дали пустячную записку домой исполнил. Проверку сделали над ним с более ответственным поручением — выполнил добросовестно. Потом дали для газеты материал — доставил честь-честью... Парень начал прочитывать книжечки,

прокламації. А потом, бывало, подходит к нашему „волчку“ побеседовать и часто при этом с ноткой горечи говорил нам: „А деревня ще спить“...

Так мы вновь устроили связь с внешним миром...

На воле работа ширилась. Число арестованных увеличилось. Из трех нас стало девять. В связи с этим организовался „Красный Крест“ для оказания помощи заключенным и их семьям.

Тем временем к нам с воли стали доходить кое-какие вести о революционном движении. Революция 1905 года приближалась... Мы ожидали взрыва... Самодержавие с своей стороны, чувствуя приближение революции, стало готовиться к борьбе с нею, подготавливая по всей России кадры погромщиков в виде „союза русского народа“.

Подобная черная сотня начала функционировать в 1905 году и в г. Елисаветграде. Возглавляли эту черную сотню присяжный поверенный Иванов, известный в нашем уезде помещик - дворянин, и земский начальник Сиротинский; членами ее были все помещики, вся полиция, военные власти, чиновники высшего ранга судебного ведомства и „святые отцы“ церкви.

18 октября в городе получился „виттевский манифест“. С раннего утра, как мы узнали через надзирателей, рабочие мелких мастерских и заводов побросали работу и пошли снимать других. К ним присоединилась интеллигенция и просто обыватели. Вся эта толпа с красным знаменем двинулась к заводу Эльворти. Почему-то у всех была уверенность в том, что на этот раз эльвортовцы присоединятся к демонстрации.

Когда демонстранты подошли к открытым воротам и часть из них вошла во двор завода позвать рабочих на демонстрацию, в этот момент ворота закрыли... Из заводских мастерских выскочила группа черносотенцев и набросилась на вошедших с криками: „бей жидов“. В ход были пущены заводские ломы, железные концы и проч. Ломались головы, руки, ноги. Заводской двор обagrился братской кровью таких же рабочих.

Кто-то догадался открыть ворота и оставшиеся в живых выскочили на улицу с криками: „спасайтесь, бьют, убивают“...

Демонстранты в панике бежали в город, преследуемые убийцами. Но здесь, на улице, за воротами завода повторилась та же картина. К тому еще на помощь эльвортовцам пришли из города переодетые городовые, жандармы и члены „союза русского народа“.

Больница „Красного Креста“ переполнилась ранеными. Там погибли: студент Тальновский, наборщик Острогов, один молодой рабочий завода Эльворти, который осмелился выступить в защиту избиваемых, и др. В общем убитых оказалось 11 человек, число же раненых установить не удалось.

Покончив с „крамольниками“, эльвортовцы двинулись в город во главе с попами, хоругвями и портретом Николая II получить от церкви благословение на новый подвиг. Отслужив молебен, эльвортовцы, а вместе с ними вся темная масса, как городская, так и деревенская, начали грабить и убивать, главным образом, бедное еврейское население, ибо богатое за большую мзду охранялось полицией и войсками...

Три дня и ночи продолжался погром и только лишь на четвертый день был отдан приказ о прекращении.

Во время погрома особо отличались своей жестокостью члены союза русского народа, заводские парни Прохоров и Петька Смелый. Они постоянно еще и до погрома преследовали евреев - революционеров, а во время погрома, не найдя последних, громили их семьи. Как и многие другие хулиганы, они разошлись до того, что ослушались приказа о прекращении погрома. Поэтому их начали арестовывать и рассаживать по участкам, а одного из них — Прохорова — привели к нам в тюрьму и поместили в так называемую одиночку — „собачку“, предназначенную для провокаторов, и таким образом, изолировали его от нас и других арестованных, чтобы спасти от грозившей ему жестокой расправы.

Вскоре нас выпустили из тюрьмы. Мне и другим товарищам пришлось уехать в Харьков¹⁾, так как елисаветградская черная сотня стремилась с нами расправиться в „частном порядке“.

Революционное движение в Елисаветграде получило, таким образом, чувствительный удар, от которого не легко было оправиться.

Несмотря на сравнительно сильную с.-д. организацию, движение в Елисаветграде тормозилось наличием контр-революционно настроенных рабочих (речь идет, конечно, не обо всех рабочих, а о большинстве) завода Эльворти. Рабочие остальных мелких и средних предприятий города постоянно оказывались бессильными перед хорошо организованной черной сотней, имевшей всегда мощную поддержку на Эльворти.

Но социал-демократическая работа даром не пропадала. Несмотря на частые провалы и жестокие удары, ряды организации постоянно пополнялись новыми членами, главным образом — рабочими...

---

¹⁾ Проработав в Харькове около двух месяцев, я был арестован по делу „агитации среди типографских рабочих“.

Из харьковской тюрьмы я был затребован елисаветградской охранкой по делам Елисаветградской организации, откуда и был сослан на поселение в Архангельскую губернию.

I

CTATTI

І-й З'їзд КП(б)У

(Кінець)

ОРГАНІЗАЦІЙНІ ПРОБЛЕМИ

Другою групою питань, що навколо них точилася боротьба, були організаційні проблеми — питання партбудівництва: питання про створення партії і її внутрішнє впорядкування.

Як і тактичні проблеми, постановка на першому з'їзді організаційних проблем була дальшим продовженням і розвитком обговорення цих проблем на Таганрозькій нараді. Як і на Таганрозькій нараді, в центрі обговорення організаційних питань на першому з'їзді було питання про створення комуністичної партії України та її зв'язку з РКП. На відміну від Таганрозької наради, на першому з'їзді вже не було суперечок про назву цієї партії. Якщо в Таганрозі точилася боротьба навколо трьох пропозицій — назов КП(б)У, РКП на Україні, УКП, — то на першому з'їзді не було ні трьох пропозицій, ні боротьби навколо них. В Таганрозі було ухвалено назву — комуністична партія (більшовиків) України — і це не викликало вже само по собі суперечок та протестів. І в цьому питанні, як і в низці інших питань, „праві“, безперечно, проробили певну еволюцію в бік розуміння та визнання потреби всеукраїнського партійного об'єднання. В питанні про назву партії, повторюємо, суперечок не було. Зате на першому з'їзді виникли нові організаційні питання. По тому, як остаточно ухвалено принципову постанову про утворення КП(б)У, виникли конкретно-організаційні питання, питання внутрішньої організації цієї партії. Постанова цих питань та ухвала певних постанов що до них відбувались поруч, як побачимо далі, досить лютої боротьби.

Основній організаційній проблемі — бути чи не бути партії і якою їй бути: автономною в межах РКП, чи цілком самостійною, були присвячені два закриті засідання з'їзду. Неправильно було б собі уявляти, що питання про створення партії дістало своє остаточне і фактичне завершення в Таганрозі і що першому з'їздові довелося лише розв'язувати питання про взаємини КП(б)У і РКП(б). Неправильно, по-перше, тому, що обидва ці питання в той період були щільно зв'язані, а по-друге,

бо ще на першому з'їзді точилася боротьба, і доволі люта боротьба, навколо питання про створення партії. Вирішальну перемогу, безперечно, ідея створення партії мала на Таганрозькій нараді. Але остаточно цю перемогу було закріплено на першому з'їзді КП(б)У.

З приводу цього основного організаційного питання на першому з'їзді, як і в Таганрозі, боролися два погляди. Один погляд — створення автономної партії, яка входить до РКП, — захищали „праві“. Другий — створення самостійної партії, зв'язаної з РКП через III Інтернаціонал — „ліві“ і „центр“. Захист потреби створити самостійну партію не був однодушним. На різних мотивах ґрунтувались і різні оборонці цієї самостійності¹⁾.

Аргументація на захист осібної партії у доповідача т. Скрипника була така: ми тепер будуємо заново партійні організації, при чому будуємо в нових, змінених умовах. По-перше, сталося державне відокремлення України від Росії за Берестейським миром. По-друге, соціальні політичні умови діяльності наших організацій в Росії та на Україні не тільки різні, але й протилежні: в Росії — диктатура пролетаріату, на Україні — диктатура буржуазії. По-третє, різні завдання, що стоять перед партійними організаціями: в Росії — дальше соціалістичне будівництво, на Україні — організація повстання та повалення влади заможних клас. По-четверте, ми в Росії маємо широку масову організацію, на Україні — підпільну. Отже, перед комуністами України інші тактичні завдання й інші організаційні шляхи. В цьому відміна КП(б)У від РКП, але „партії в III Інтернаціоналі і відрізняються між собою іншою організаційною побудовою та відмінною тактикою“, в той час як „в II Інтернаціоналі вони відрізнялись і програмами“. „Всі комуністи цілого світу є фактично одна партія“. „Партії є для нас лише загонами однієї й тієї самої партії, які відрізняються організаційними формами, і, відповідно до умов, фактично діють по-різному“. Підкреслюючи наявність української держави, доповідач указував, що „нам доводиться відповідно до цього будувати свої лави“. Крім того, зазначав доповідач, не слід перекладати політичну відповідальність за всю нашу діяльність на плечі РКП.

Як бачимо, в основі міркувань доповідача були міркування тактичні, що впливали з державного відокремлення України від Росії за Берестейським миром. Що це так, доводить і заперечення т. Скрипника Квірінгові, який вказував, що в такому разі і комуністи Грузії мусили були б організувати свою самостійну грузинську партію. У відповідь на цю вказівку Квірінга, Скрипник сказав, що „між Грузією і

¹⁾ Викладаючи далі боротьбу про створення партії, ми користуємося з матеріалів секретних засідань першого з'їзду КП(б)У, що їх переховується в архіві Істпарту.

Україною є ріжниця, яка сходить до того, що відокремлення Грузії Росія не визнає і Берестейський договір не змушує до такого визнання. А відокремлення України Росія змушена визнати“.

Але, безперечно, у значної частини „лівих“ були інші міркування—бажання позбутися керівництва ЦК РКП, дістати базу для своєї ліво-комуністичної політики. Цілком одверто про це „ліві“ ніде не кажуть, але в дискусії це в них проривається. „Керівництво ЦК на роботі в партії на Україні позначилось негативно... Зв'язок наш з ЦК був, кінець-кінцем, фікцією, ... інтереси руху на Україні і міжнародня обстановка диктують потребу виділитись... У нас (з РКП М. В.) загальні тільки міжнародні завдання“ — такий лейт-мотив промов низки керівничих „лівих“.

Що одні оборонці створення самостійної партії ґрунтувалися на тактичних міркуваннях, а інші—на лівокомуністичних з бажання позбавитись „опортуністичного“ Ленінового керівництва, видно із протоколів засідання Оргбюро ще 8 червня, щєб-то за кілька тижнів до з'їзду. На цьому засіданні тов. П'ятаков був заявив, що він вважає неприпустимим, що тов. Скрипник, репрезентуючи на цій нараді¹⁾ Оргбюро, заявив на ній, що він може на з'їзді висловитися проти виділення з РКП комуністів (більшовиків) України в самостійну партію в разі, якщо на з'їзді лівих комуністів буде більшість²⁾. У відповідь на заяву П'ятакова, „тов. Скрипник пояснює, що він свої заяви робив, підреслюючи, що це лише його особиста думка; тов. Скрипник вважає, що питання про виділення комуністів України в окрему партію він ніколи не брав поза умовами. Можливо, що на з'їзді потрібно буде інакше дивитись на виділення в окрему партію — це буде, наприклад, в разі, якщо зміняться політичні умови. Може виникнути потреба в цьому й тоді, якщо на з'їзді утвориться лівокомуністична більшість, яка буде намагатися це виділення в окрему партію зробити засобом боротьби з російською комуністичною партією та її політикою“³⁾. Цю саму думку тов. Скрипник був підкреслив ще раз на цій нараді, що мала досить бурхливий характер, заявивши, „що коли на з'їзді буде більшість лівокомуністична, вона може бути різна, може підчас виділення піти шляхом боротьби з РКП, від чого вже тепер треба відмежуватись“⁴⁾.

Як бачимо, тов. Скрипник, обстоюючи потребу самостійної партії, базувався на певних міркуваннях, що нічого

1) Мова йде про нараду представників Оргбюро з представниками Донецько-Криворізького крайкому та більшовицької фракції Румчерода. Детальніше про цю нараду див. нашу статтю в „Літопису Революції“, № 3.

2) „Коммунист“. 1918 р. № 1 — 2, ст. 25.

3) Там само.

4) Там само.

спільного не мали з лівокомуністичними; в останніх він геть і не без підстави підозрював вождів українських „лівих“. Засідання Оргбюро 8 червня потверджує міркування, що ми його були висловили, про різні мотиви у різних прихильників самостійної КП(б)У.

„Праві“ гостро заперечували проти створення окремої партії, звязаної з РКП через III Інтернаціонал. Вони гадали, „що: 1) різниця умов боротьби недостатня для виділення; 2) виділення РКП не потребує; 3) окупація України, безперечно, тимчасова, і з'єднання України з Росією в єдину Радянську Республіку — неминучий факт протягом соціальної революції, що організувати самостійну партію на кілька місяців немає абсолютно жодного значіння“. Ось чому вони й міркували, що „комуністична партія України, безперечно, має право й мусить організувати, об'єднати всі комуністичні організації на Україні, але ці організації аж ніяк не мусять виділятися зовсім з російської комуністичної партії... Росія і Україна надто щільно звязані, і тому - то і партія наша має бути звязана, і партія українська може бути тільки партією автономною в складі РКП із спільною програмою та з упідлегленням в справах загальнополітичного характеру Всеросійському Центральному Комітетові Партії“. Питання про автономність КП(б)У „праві“ ставили ультимативно. „Справа в тому — заявив був у дискусії Яковлев — що частина наших товаришів не хоче скоритися ЦК, які у виборах брали участь (мова, як видно, іде про ЦК РКП, що його був обрав 7-й партз'їзд — М. В.). Якщо ви хочете будувати самостійну партію, то ви це зробите без нас. Ми в цьому участі не будемо брати і залишимося в РКП“. А перед голосуванням „праві“ подали були відповідну заяву¹⁾.

Не встигнувши ще остаточно зміцнити та оформитись, партія стояла перед загрозою розколу. По тому, як більшість з'їзду відхилила пропозицію Скрипникову — „голосувати спочатку за ту частину резолюції тов. Квірінга, що не покриває резолюції тов. Скрипника“, — тов. Скрипник свою резолюцію зняв з голосування. „Ліві“ перед голосуванням були подали таку заяву.

„Вважаючи, що 1) організація комуністичної партії України має величезне позитивне значіння в розумінні встановлення єдиної, певної лінії боротьби пролетаріату проти загального ворога, який зорганізувався в окрему державу,

що 2) своєрідні умови боротьби на Україні не можуть дозволити ЦК РКП справді керувати боротьбою комуністів на Україні,

що 3) має бути встановлений найщільніший практичний зв'язок з ЦК РКП, але збережена формальна незалежність

¹⁾ На жаль, тексту цієї заяви досі не знайдено.

КПУ від РКП аж до моменту державного об'єднання України з Росією,— частина з'їзду вважає потрібним утворити формально незалежну від ЦК РКП КПУ, як частину всесвітньої комуністичної партії.

Але, зважаючи на те, що вирішальне значіння має об'єднання всіх комуністичних організацій на території України із створенням свого ЦК і своїх з'їздів, що брак формального зв'язку з РКП переважного значіння не має, що частина з'їзду ставить це питання в ультимативній формі в розумінні відколу її на випадок ухвали резолюції про створення КПУ, формально незалежної від РКП, згадана частина з'їзду, бажаючи хоч би що уникнути розколу, заявляє, що голосуватиме за створення окремої КПУ, із своїми з'їздами, із своїм ЦК, але підчас голосування питання про збереження формального упідлеглення РКП, в особі її з'їздів і ЦК, буде утримуватись від голосування.

З доручення групи товаришів Г. П'ятаков“.

З'їзд був ухвалив резолюцію Квірінгову більшістю 33 проти 5, при 16, хто утримався. Основною думкою в резолюції було об'єднати партійні комуністичні організації України в автономну (що до місцевих справ) комуністичну партію України із своїм центральним комітетом, із своїми з'їздами, але яка входить в єдину російську комуністичну партію з упідлегленням що до питань програми загальним з'їздам російської комуністичної партії, а в питаннях загальнополітичних — ЦК РКП. Частина делегатів, які весь час ішли за „лівими“, голосувала за цю резолюцію. Принципову постанову було ухвалено.

Треба було розв'язати низку організаційних питань внутрішнього впорядкування та життя партії. І тут знову була спалахнула боротьба, знову залунали погрози розколу та уходу із з'їзду. Що до питань конкретно-організаційних, то суперечки особливо були загострились навколо двох питань— про кількість „областей“ і про створення краєвих бюро за межами України. „Ліві“ наполягали на організації чотирьох „областей“ — Одеської, Харківської, Київської та Катеринославської, а також на тому, щоб розпустити всі закордонні краєві бюро, які чинні по-за межами України, та створити єдине закордонне представництво партії — Закордонне Бюро ЦК КП(б)У. Безперечно, що в значній мірі останню пропозицію „лівих“ (про ліквідацію закордонних краєвих представництв) пояснювалось їхнім прагненням організаційно закріпити ухвалену постанову про утворення партії, положити край спробам краєвого сепаратизму, децентралізації та відбіжним тенденціям. Але цілком зрозуміти цієї пропозиції не можна, а то більше першої (про організацію 4 областей), якщо не взяти до уваги фракційної боротьби на з'їзді. „Ліві“, які пе-

ремогли, намагались її організаційно закріпити. Звідси впливала їхня спроба розбити основну цитадель „правих“ — Донецько-Криворізьку область — на дві: Харківську та Катеринославську, що, безперечно, мусило було ослабити надалі позиції „правих“. Звідси впливала люта боротьба „правих“ за права краєвих організацій, що спричинилося до їхньої заяви, що „коли з'їзд стане на шлях придушення краєвих організацій, то частина з'їзду піде іншим шляхом. Для неї бо звязок з українською партією зовсім не такий істотний, як з руською“¹⁾. Проте, всі пропозиції „лівих“ з організаційного питання були ухвалені — разом з компромісною поправкою, що вони сами її були подали — замість категоричної пропозиції 4 „областей“, рекомендувати організувати їх.

„Праві“ були тоді зробили останню спробу, якщо не зірвати з'їзд, то зменшити його авторитетність і загальну обов'язковість його постанов. На тому самому засіданні з'їзду „праві“ (члени мандатної комісії) подали заяву, де вони констатують, що „найменше репрезентовано на з'їзді саме низку тих районів, що мають стати великими центрами пролетарських організацій на Україні, а саме: Донецький і Криворізький басейни та ті місцевості, що є близько них“. Крім того, вони зазначають, що „з усіх мандатів, поданих з'їздові на затвердження, не затверджено, переважно, делегатів робітничих районів“. Все це змушує їх пропонувати „дану нараду назвати конференцією“²⁾. А по тому, як з'їзд ухвалив постанову, — з'їзд назвати: „перший з'їзд комуністичної партії (більшовиків) України“ — „праві“, кількістю 20 чол., подають нову заяву, де ставлять всі крапки над і. Підкреслюючи, що вони обстоюють платформу ЦК РКП та обвинувачуючи в „пристрастній поведінці більшість з'їзду, що голосував із суто-фракційних міркувань підчас затвердження цього чи того мандату“, „праві“ пропонують „переглянути питання про назву даної наради. Вона має бути названа конференцією, а не з'їздом. З'їздом ми її визнати не можемо“³⁾. І цю пропозицію „правих“ більшість з'їзду була відкинула.

В такий спосіб у процесі лютої боротьби, лютішої, ніж підчас обговорення тактичних питань, були розв'язані всі основні організаційні проблеми. Безперечно, що в питанні про взаємини КП(б)У і РКП(б) правда була на стороні „правих“. Але не менш безперечно, що „праві“, які були зробили не один крок уперед проти своїх таганрозьких постановок і формуловок, все ще не досить розуміли та оцінювали все значіння створення всеукраїнського партійного об'єднання, створення партії.

1) Протоколи I с'їзда КП(б)У, ст. 176.

2) Протоколи I с'їзда КП(б)У, ст. 174.

3) Там само. Ст. 177 — 178.

Партія була створена і остаточно оформлена. Проте, аналіза конституювання та оформлення партії, що ми їх подали, була б невичерпна й недостатня, якщо б ми не зазначили ще однієї постанови, що мала велике принципове значіння, постанови з'їзду про входження в партію українських соціал-демократів.

Історія відколу від українських соціал-демократів групи, яка дістала назву „лівих“ українських соціал-демократів“, та повільного зближення їх з більшовиками, на жаль, ще досі не опрацьована, не вивчена й не досліджена. Процес диференціації всередині УСДРП, що його було намічено ще до Жовтня, по Жовтневому перевороті прискорено і загострено. Від УСДРП відокремлюється ліве крило, яке де-далі щільніше зв'язує свою долю з долею пролетарської революції на Україні та де-далі зближується на практичній роботі з більшовиками. Ліві беруть безпосередню участь у будівництві радянської влади та в боротьбі з націоналістичною контр-революцією.

В лютому 1918 року вони оформлюють себе політично, видрукувавши декларацію - платформу¹⁾. Дальші місяці спільної роботи були місяцями дальшого зближення. Межі між лівими і більшовиками почали стиратись. Суперечки меншають і зникають. В Таганрозі ухвалюється постанову — „почати переговори з лівими українськими соціал-демократами в справі про об'єднання. Після Таганрогу в підпіллі відбувається процес зближення і навіть зрощування. В низці міст, зокрема в Києві, ліві входять до більшовицької організації ще до з'їзду. З'їздові залишалось тільки офіційально оформити об'єднання на місцях, що фактично сталося до з'їзду. В цьому була одна із своєрідних відмін процесу приєднання лівих УСД до КП(б)У, порівнюючи з процесом приєднання інших партій. В усіх інших випадках раніш ухвалював певні постанови з'їзд КП(б)У, далі відбувалося приєднання до КП(б)У, входження в місцеві організації. Тут справа фактично стояла навпаки. З'їздові довелося лише констатувати, „що українські ліві соціал-демократи працюють разом з комуністами, злившись в одну організацію... що, отже, окремої від комуністичної партії ЛУСД не існує“ і „визнати об'єднання з лівими незалежними УСД, що воно сталося“.

Постанова про об'єднання з ЛУСД, не зважаючи на те, що група ця була невелика, мала велике принципове політичне значіння. По-перше, це зміцнювало партію українськими елементами; по-друге, це знаменувало собою початок переходу на сторону КП(б)У кращих елементів дрібнобуржуазних партій.

¹⁾ Цю декларацію, вміщену в № 26, §20 (7) лютого „Вестника Украинской Народной Республики“, оскільки нам відомо, ніхто ніде досі ще не оголошував. Оскільки вона має велике значіння для історії утворення лівих УСД та їхнього повільного зближення з більшовиками, що закінчилось входженням лівих до КП(б)У, подаємо її цілком наприкінці статті.

РЕШТА ПИТАНЬ

Створити партію та визначити її політичні завдання— таке було коло питань, що навколо них точилася боротьба, яка часом набирала доволі бурхливого і лютого характеру. Що до решти питань з'їздівського порядку денного, то боротьби або зовсім, або майже не було. При чому ухвалено на початку доволі велику повістку денну вже на другому засіданні з'їзду скорочується. Знімається з обговорення програмові питання, зокрема національне, питання про профспілки і репрезентаційні установи. Залишається питання про взаємини України й Росії, про ставлення до інших партій і про ради.

З'їздові не довелося безпосередньо цілком зайнятись національним питанням. В резолюції, ухваленій в питанні про взаємини України й Росії, підкреслювалося потребу „революційного об'єднання України з Росією на началах пролетарського централізму в межах Російської Радянської Соціалістичної Республіки, на шляху до створення всесвітньої пролетарської комуні“¹⁾. Приймаючи цю резолюцію, з'їзд ґрунтувався на щільному економічному звязку України і Росії та на єдності боротьби пролетаріату обох цих країн. Як бачимо, національне питання в цій резолюції аж ніяк не відбилось. Вступивши на шлях практичного будівництва української пролетарської державности, зробивши не один крок на цьому шляху від грудневої конференції 1917 року до I з'їзду, парторганізації України все ще недооцінювали значіння національного питання на Україні та звязку його з пролетарською революцією.

Ця недооцінка однаково, але по-різному, була властива обом течіям— „правих“ і „лівих“, які боролися між собою. Більша частина вождів „лівих“, які до Жовтня були люксембургіянцями, залишилися такими й на першому з'їзді. Цю свою люксембургіянську позицію вони були досить виразно виявили незадовго до з'їзду. Вмістивши в „Коммунисте“ статтю Радека, де він запевняв, що „так само, як ми поховали гасло установчих зборів, поставивши на його місце гасло диктатури пролетаріату, так само гасло самовизначення національностей має відступити місце гаслові міжнародньої пролетарської революції“,— редакція („ліва“) супроводила її таким характеристичним зауваженням: „Редакція цілком поділяє погляд, висловлений в нижченадрукованій статті т. К. Радека“²⁾.

А на самому з'їзді, виступаючи в диспуті в питанні про „Україну і Росію“ та погоджуючись з резолюцією доповідача Квірінга, П'ятаков був заявив, що історія довела правдивість його постановки в національному питанні на квітневій конференції і що „тепер таки офіційний погляд безболізно здається

¹⁾ I - й с'їзд КП(б)У, ст. 136.

²⁾ „Коммунист“, 1918 р. № 1, 2, стаття К. Радека. „Судьбы национального вопроса в войне и революции“, ст. 8 — 9.

в архів“¹⁾. Так „ліві“, захищаючи неправильну теоретичну позицію в національному питанні, всією практикою своєї боротьби за всеукраїнське партійне і радянське об'єднання били по своїй таки теорії.

На відміну від „лівих“, „праві“ були близькі до ленінської постанови національного питання. На тому ж таки першому з'їзді Епштейн (Яковлев) заявив, що гасло „право нації на самовизначення... в теперішню революцію відіграло революційну роль, бо сприяло зростати революційному рухові серед цілої низки національностей окраїн Росії і залишило в рішучу для пролетаріату, який виступив, хвилину — уряд Керенського без допомоги дрібної буржуазії Фінляндії та України“²⁾. Так „праві“, займаючи правильнішу теоретичну позицію в національному питанні, всією практикою свого опору створити всеукраїнське партійне і радянське об'єднання били по цій позиції.

Певний інтерес являють ці суперечки, що розгоралися навколо доповіді тов. Затонського про ставлення до інших партій. Основні думки цієї доповіді сходили ось до чого. Цілком ясне і зрозуміле наше ставлення до всіх правих партій, так російських, як і українських (в тому числі і до українських есерів, які оголосили себе лівими) — з ними нам не по дорозі і ні про яке погодження з ними не може бути й мови. Значну складність являє питання про російських лівих есерів. Але тепер, після заколоту лівих есерів в Росії і на Україні, до них треба підходити так само. Більше за те, „на Україні наш розрив з лівими есерами має бути куди гостріший“, ніж у Росії. Гострішим і цілковитішим він має бути тому, що „ліві есери на Україні не мають такого впливу, як у Росії. Партія лівих есерів „прохідна контора“ — в процесі революції селянські маси розколюються, пролетарські і напівпролетарські йдуть за нами, куркульські — не за лівими, а за правими есерами. Ліві есери у нас впливу не мають, і „організувати цю контору для нас жодної рації немає“. „Хоч як трудно нам тепер узяти тягар всієї відповідальності на свої плечі, але принаймні, я — заявляв тов. Затонський — іншого виходу не бачу“. Цю саму думку, ще гостріше, він був підкреслив у своєму прикінцевому слові, відповідаючи на заперечення: „Я цілком серйозно ставлю питання про те, що ми цілком підходимо до диктатури нашої партії. Може бути, це на перший погляд може буде чудним представникам і крайньої лівої, і крайньої правої течії, але, в кожному разі, створювати штучно нові партії немає жодної рації... Ми так звикли співробітничати з іншими партіями, не примирилися ще з цілковитою своєю самотністю, що, може бути, більшість з'їзду буде проти такої постановки питання.

1) Первый съезд КП(б)У, ст. 137.

2) Первый съезд КП(б)У, ст. 139.

але я певен, що життя приведе вас, кінець кінцем, до цього, і краще раніш, аніж пізніш, бо якщо ви матимете тепер спільників, то ці спільники будуть фікцією, ілюзією, і дуже шкідливою ілюзією“¹⁾. Звідси тов. Затонський зробив висновок, що ні з якими партіями в цілому, як такими, ми доходити згоди не можемо і не мусимо. Допустимі тільки персональні погодження, притягнення персонально того чи цього лівого есера, який заслуговує на довір'я, до співробітництва, до спільної роботи у воєнно-революційних комітетах.

На таку загострену постановку, що переоцінювала темп перетворення КП(б)У на єдиного керівника не тільки робітничих, але й селянських мас, нападали так „праві“, як і „ліві“. Мавши рацію що до практичної постановки на найближчий час питання про потребу співробітничати з тими партіями, за якими йде і може піти селянство, вони, проте, робили помилку, намагаючись заперечувати Затонському від „теорії“. Так, наприклад, Епштейн заперечував у такий спосіб: „Нам зовсім не треба втягувати дрібнобуржуазні елементи в комуністичну партію. Куди краще, якщо в них буде своя партія“²⁾. Так само казав і Пятаков: „Матимемо те (якщо ми станемо на шлях „знищення“ всіх інших партій)... що наша партія, партія пролетаріату, партія комуністів, перестане бути такою, бо за того кількісного співвідношення сил, що його маємо на Україні, наша партія буде затоплена середнім селянством; а тому, через те що практично куди вигідніше завше, щоб усяке співробітництво, погодження чи технічна погодженість двох соціально різних клас та елементів відбувалися не в спосіб тимчасового злиття цих елементів в одну й ту саму революційну політичну партію, а в спосіб погодження між двома партіями, що виявляють інтереси так одного шару, як і іншого, то політично для нас ліпше, щоб середнє селянство мало свою окрему партію. Це очевидно“³⁾.

Цікаво тут зазначити, загалом практична суперечка сходила на питання про ставлення до російських лівих есерів. Тільки Скрипник, який виступав у дискусії, був вказав, що „питання ускладняється тим, що ми маємо справу не з російськими лівими есерами, які виступили проти радянської влади, а з українськими“⁴⁾.

В ухваленій резолюції з'їзд підкреслив, що „ніякі погодження з есерами, меншовиками, бундистами, українськими есерами, українськими соціал-демократами неприпустимі“, і вказав, що „з авантюристами з партії лівих есерів ніяких погоджень бути не може. Що ж до нової партії лівих есерів, яка нині

1) Первый съезд КП(б), ст. 169.

2) Там само, ст. 166.

3) Там само, ст. 166 — 167. Підкреслено в протоколах з'їзду.

4) Там само, ст. 167.

формується, то встановити форми взаємовідносин з нею доручити обраному на з'їзді Центральному Комітетові¹⁾.

І цілком майже без заперечень пройшла резолюція „про ставлення до так званих рад“. Гостро висловлюючись проти „радянських ілюзій“, цеб-то легальних рад, як „засобів збити пролетаріят з революційного шляху збройного повстання“, в резолюції цій пропонується відкликати представників компартії із псевдо-рад та забороняється членам партії брати будь-яку участь в них і рекомендується „всюди, де тільки буде змога, утворювати справжні Революційні Ради Робітничих і Селянських Депутатів, не спиняючись перед межами легальности²⁾“.

Ось цей останній пункт і спричинився до деяких заперечень, що нелегальні ради непотрібні, бо є воєнно-революційні комітети. Такі постанови першого з'їзду КП(б)У.

ЗАГАЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА БОРОТЬБИ НА З'ЇЗДІ

Перший з'їзд КП(б)У був за арену досить гострої та бурхливої боротьби між двома основними течіями більшовицьких організацій України того періоду, боротьби, що в ній цілком зійшла на нівель третя течія — „центр“. В процесі цієї боротьби з'їзд в основному був виявив себе, як лівий, в більшості своїй, що-правда, незначній, голосувавши за найголовніші резолюції „лівих“. Перемогу лівих на з'їзді був закріпив і склад Центрального Комітету, що його обрав перший з'їзд³⁾.

Перше питання, що постає перед нами, це — в'яснити кількісний склад обох груп, які боролись. Анкета, що її були заповнили делегати, дає таку відповідь на це питання⁴⁾:

Область	Переважає в організації течія			
	Права	Ліва	Центр	Не визначена
Київська	—	7	—	3
Одеська	—	3	—	2
Катеринославська .	2	2	5	—
Харківська	4	1	2	—
Разом	6	13	7	5

1) Там само, ст. 179.

2) Там само, ст. 142.

3) Відомості, що їх ми маємо в літературі, досить яскраво характеризують те, як ми знаємо історію КП(б)У. До ЦК було обрано 15 членів і 6 кандидатів. Персональний склад членів ЦК оголошено в „Літопису Революції“, № 1 за 1927 р. В списку ж членів ЦК, що їх у своїх нарисах подають Равіч-Черкаський і Попов, пропущено т. Косіора Ст. Склад кандидатів цілком ще досі невідомий.

Кажучи про склад ЦК, Равіч-Черкаський характеризує його як переважно лівої групи, при чому в ЦК „представники цієї групи були пропорційно куди в більшому числі, ніж їх мусіло б бути за числом їх на самому з'їзді. Попов висловлюється ще певніше, називаючи цифри — 2 „правих“ і решта (цеб-то 13) „лівих“. Тимчасом, як видно з оголошення в „Літопису Революції“ списку, в складі ЦК було 8 „лівих“ і 7 „правих“.

4) Первый с'їзд КП(б)У, ст. 184. З репрезентованих на з'їзді 45 організацій відповідь дала 31 організація, цеб-то близько 69⁰/₁₀₀.

Відповідь цілком недостатня, вона не дає правильного уявлення про кількісні співвідношення на самому з'їзді Куди більше що до цього дають дані про голосування резолюцій з'їзду¹⁾. Якщо проаналізувати наслідки поіменних голосувань²⁾ і врахувати, що частина делегатів, як видно, під кінець з'їзду роз'їхались, то матимемо такі цифри, що характеризують боротьбу: на з'їзді було 24—28 „правих“ і 20—21 „лівих“. Мова в даному разі йде про тих делегатів, які весь час у всіх голосуваннях підтримували одну з груп, так би мовити, про організованих прихильників цієї чи тієї течії. Як бачимо, до кінця послідовних „правих“ було більше, ніж стільки само послідовних „лівих“, а перемогли „ліві“ на з'їзді, бо здебільша за ними йшли хисткі елементи з'їзду і більшість центру³⁾. Більшість делегатів з міст, будучи під певним впливом де-далі більшої революційної боротьби, підтримувала курс, що його проголосили були „ліві“, на повстання та перетворила його на загальнопартійне гасло.

В чім же була сутя тодішніх розходжень між „лівими“ і між „правими“ і хто правильніш визначав перспективи революції та завдання партії?

Протягом цілої боротьби „правих“ і „лівих“—од Таганрозької наради до 3-го з'їзду в 1918 році—конкретні питання розходжень мінялись. Але в основі цієї боротьби залишались одні й ті самі проблеми—оцінка перспектив в та рушійних сил революції на Україні, в першу чергу, і, найголовніше, селянства. Ставленням до селянства значно (але не виключно) визначалось обидві концепції, що склалися під впливом цілої низки чинників і умов. Звідси випливало і те, що „ліві“, не зважаючи на цілу низку теоретичних помилок і практичних промахів, загалом і в цілому правильно ставили та розв'язували основні проблеми української революції. Тому то й не мав рації т. Квірінг, коли він, виступаючи вже не як безпосередній борець за свою платформу, а історик, заявляв: „Ми мусимо визнати низку помилок „правих“ і „лівих“, але разом з тим зафіксувати, що історична правда на боці „правих“⁴⁾. І має рацію тому-то тов. Яковлев, другий керівник „правих“, коли він теж, уже як історик, був визнав, що „історична правда“ була „на боці „лівих“. Не можна не погодитись в основному з характеристикою обох груп, які боролися на з'їзді, саме з характеристикою, що її був подав т. Яковлев. Ось як він характеризує „правих“.

1) Поіменних голосувань було 4. Два голосування резолюцій з поточного моменту і завдання партії, одно голосування резолюції про Народній Секретаріат, одно голосування резолюції про самостійність партії.

2) Див. додану наприкінці таблицю голосувань.

3) В інших якщо брати наслідки голосування його єдиної резолюції, було 8 чол. В інших голосуваннях більшість центру (5 чол.) підтримувала „лівих“, меншість (2—3 чол.)— „правих“.

4) Первый съезд КП(б)У. Стаття Квірінга „Наши разногласия“, ст. 12

„Правак“ Донецького Басейну і Катеринославщини, — який не вірить у селянську революційність, той, хто прийняв Берестейський мир та орієнтується підчас гетьманщини більше на німецьку революцію і допомогу РСФРР, ніж на чернігівського, київського і полтавського повстанця, водночас недостатньо розуміє свою роль на Правобережжі і той звязок Правобережжя і Лівобережжя, що робить жовте чи біле Правобережжя джерелом величезного розкладу і для радянського Лівобережжя“¹⁾.

А „лівих“ він характеризує так:

„Лівак“ Правобережжя, — який покладає свої надії на селянську стихію, пробує та намагається своїми силами з'їсти ворога, водночас правильніше ставить загальне завдання усталення радянської влади на території України, хоч водночас він недооцінює можливої ролі в цьому лівобережного пролетаря“²⁾.

Загалом і в цілому з цими характеристиками можна погодитись. Але саме „загалом і в цілому“.

В характеристиці Яковлева „правих“ недосить підкреслено властиві їм недооцінку селянства і загальний ухил в бік опортунізму. Звичайно, не можна запевняти, подібно до Равич-Черкаського, що „квірінгівці нічим не відрізнялись од меншовиків“³⁾. І цілком має рацію Попов, заявляючи, що „між „квірінгівцями“ і самими лівими меншовиками була безодня, але деякий ухил до опортунізму і деяка схожа з меншовизмом недооцінка селянського та національного моменту в українській революції з боку „правих“, безперечно, була“⁴⁾.

Недостатня також і характеристика „лівих“, що її був подав Яковлев. В ній ми зовсім не находимо відповіді на питання про звязок „лівих“ з російським „лівим комунізмом“. На це питання ми маємо різні відповіді. Одні переоцінюють роль „лівого комунізму“ в тодішній середпартійній боротьбі в організаціях України. Так, наприклад, тов. Квірінг пише: „Група т. т. П'ятакова - Бубнова намагалася провадити бухаринський ліво-комунізм в українській організації, що його був відкинув Всеросійський З'їзд Партії. Саме це було в основі всіх розходжень „правих“ і „лівих“ перших місяців збирання партії України. Ми, „праві“, намагалися всіма силами провадити загальнопартійну політику на Україні. „Ліві“ намагалися геть усяко, аж до виділення української організації в самостійну партію, звязану в РКП через Комінтерн, провадити свій лівий, бухаринський комунізм“⁵⁾. Це твердження

1) Яковлев. „На переломе“, ст. в органі ЦК КП(б)У „Коммунист“ за 1920 рік, № 4.

2) Там само.

3) Равич - Черкаський. Історія КП(б)У, ст. 60.

4) Попов. Очерк історії КП(б)У, ст. 174—175.

5) Первий с'їзд КП(б)У. Стаття Квірінга „Наши разногласия“, ст. 9.

спростовує сам т. Квірінг, на підставі аналізу деяких голосувань на з'їзді, будши змушений заявити, що „до кінця послідовних“ бухаринців „на з'їзді було небагато, коли питання ставилось одкрито в площі російських розхождень“¹⁾).

Але не можна також вважати, що значіння „лівого комунізму“ сходило тільки на те, що частина вождів українських „лівих“ була, одночасно, і „лівими комуністами“. Таке твердження є недооцінка ролі „лівого комунізму“. Правильно, що українські „ліві“ це не зовсім те саме, що російські „ліві комуністи“. І не тільки тому, що частина українських „лівих“ підтримувала Берестейський мир. Але також правильно, що українські „ліві“ мали чимало спільного з „лівим комунізмом“. І не тільки тому, що частина українських „лівих“ висловлювалась проти Берестейського миру. В політичній методології українських „лівих“ було багато від російського „лівого комунізму“. Перші, подібно до других, ґрунтувалися на теорію „підштовхування“ світової революції, перші, подібно до других, заперечували революційну роль РСФРР, переоцінювали революційність ситуації і темп назрівання революції; нарешті, перші, подібно до других, переоцінювали значіння стихійних моментів і недооцінювали ролю організації. Все це в українських „лівих“ було від „лівого комунізму“. Не врахувавши всього цього, не можна і зрозуміти ставлення Леніна до боротьби „лівих“ і „правих“ на з'їзді, який радив з'їздові ухвалити тези „правих“. Але в одному, і дуже присутньому, пункті вони розходилися з „лівим комунізмом“. Їм не була, подібно до „лівого комунізму“, властива недооцінка селянства.

Розхождень були досить серйозні і глибокі, боротьба часто досить бурхлива і люта. Але неправильно і помилково було б, слідом за Равич-Черкаським, перебільшувати ступінь і глибину розхождень²⁾).

Які ж історичні причини і соціально-політичні корені цієї боротьби, утворення та оформлення в українських організаціях на початку революції двох течій — „правих“ і „лівих“? Чому ці течії головно локалізувалися в певних районах — „ліві“ на Правобережжі, „праві“ — на Лівобережжі?

На ці питання ми не маємо однієї відповіді та певної думки. Одні шукають пояснення в обстанові 1918 року, в умовах боротьби того періоду. Так, наприклад, тов. Квірінг вважає, що через те, що наприкінці 1917 й на початку 1918 року „у різних районів був різний ворог“ (у киян—Центральна Рада, катеринославців і харківчан—Донська козацька контр-революція), то й неможливо було в той час „об'єднати під єдиним керівництвом боротьбу пролетаріату на Україні“³⁾). Інакше підходить до питання тов. Затонський, який вважає, що „розгром

1) Там само, ст. 8.

2) Див. Равич-Черкаський. История КП(б)У.

3) Квірінг. „Наши розногласия“.

пролетарського руху, брак віри у власні сили серед робітничих мас, поруч інтенсивного зростання революційних настроїв селянства, які лише після кризи революції зрозуміли, що вони втратили надію на землю, — ось що визначало характер з'їзду та його поділ на фракції¹⁾. Зайва річ додавати, що з цього погляду „праві“ виявляли собою в значній мірі пролетарську втому, підупад того періоду²⁾, а „ліві“, мабуть, виявляли собою чи відбивали „інтенсивне зростання революційних настроїв селянства“. Деяка частка істини є так в одному, як і в другому твердженні, але не можна обмежуватись тільки поясненнями від „обстанови 1918 року“. Поділ на „правих“ і „лівих“ та боротьба між ними мали глибокі корені.

Інтересну спробу аналізувати „глибші“ історичні корені, був зробив в 1920 році т. Яковлев, що його довгий витяг ми подаємо нижче. „Економіка“ Донецького району сотнями ниток звязувала Донбас з Централь'ю Росією. „Економіка“ визначала Правобережжя і Лівобережжя, як господарчі райони, що в наслідок сотень історично даних економічних звязків паралельно один до одного тягнуть до центру, але що не „тягнуться“ один до одного.

Ця „економіка“ затінювала основне політичне й організаційне завдання робітників Лівобережжя — оволодіти Правобережжям, тим паче що незвичайне зростання національної свідомости в селянських масах та інтелігенції Правобережжя в 1917 році ще не докотилось до основного робітничого району України (Харків, Катеринослав, Луганське).

Здійснити це саме завдання тоді заважали і загальні відбіжні тенденції початкового періоду революції, що були створили Казанську, Костромську й такі інші республіки на Півночі, а Румчеродську, Донецьку, Катеринославську — в нас...

Тут була певна розбіжність між тим завданням, що його ставилось, як основне завдання буття радянської влади перед робітниками пролетарського Лівобережжя — оволодіти селянством в межах всієї даної, національно-єдиної території України, і тією економічною спорідненістю що тягла вугільний та металевий північно-схід України до півночі.

Ця розбіжність проходить через усю історію української революції, дуже багато дечого пояснюючи в історії, зокрема нашої комуністичної партії.

Зокрема, ця розбіжність визначає ті основні поділи партії на „правих“ і „лівих“, що їх виживалося куди болізніше, ніж російський лівий комунізм 1918 р.³⁾

1) Там само, ст. Затонського. „К пятилетию КП(б)У“, ст. 14.

2) Там само, ст. 15.

3) Яковлев „На переломе“. Стаття в органі ЦК КП(б)У „Коммунист“ за 1920 рік, № 4. Підкреслив Яковлев.

В цій безперечно інтересній аналізі є зерно істини. Тільки воно не в тому, що на Україні ми маємо два райони, „що паралельно один до одного тягнуть до центру, але що не „тягнуться“ — один до одного“. Україна являла собою не тільки національно-територіальну єдність, але й певне економічно єдине ціле. Суть була в тому, що Україна являла собою певну цілість, що всередині неї були дві гостро різні складні частини—Правобережжя й Лівобережжя, які відрізнялись одна від одної характером розвитку самого капіталізму, і класовою структурою цих частин, і складом робітничої класи, відрізнялись вони одна від одної і по лінії більшої чи меншої русифікації. Ця особливість історичного розвитку України до 1917 року не могла не вплинути і на історію комуністичної партії, зокрема на процес утворення краєвих партійних організацій (Київ і Харків—Катеринослав), на їхній характер та фізіономію і на боротьбу між собою. Тим же напрямом, до певної міри, діяли і умови розвитку революції на Україні протягом 1917—1918 року. До цього приєднувались „суб'єктивні помилки“ і „логіка фракційної боротьби“. Такі основні і другорядні, історичні і безпосередні причини появи—правих“ і „лівих“ та боротьби їх між собою. Тільки поволі, в процесі боротьби за пролетарську революцію на Україні, згоріли колишні розходження та зникли „праві“ і „ліві“.

ЗНАЧІННЯ З'ЇЗДУ

Перший з'їзд КП(б)У закінчує собою один період у розвитку пролетарської революції і комуністичної партії на Україні та починає другий¹⁾.

В розвитку пролетарської революції на Україні було багато особливостей і відмін, порівняно з розвитком пролетарської революції в Росії. Ось короткий і побіжний перелік цих особливостей та відмін: перед революцією весь час в гострій формі стояла національна проблема, при чому ми мали низку спроб контр-революції використати національне питання в боротьбі з пролетарською революцією; дужчими і частішими були хитання українського селянства; в складнішій формі стояла проблема про єднання пролетаріату з селянством; дужчий був опір куркульства; було багато спроб перетворити Україну на об'єкт і плацдарм міжнародньої і російської контр-революції; тут часто мінялася влада і режим; тут були найгостріші і найлютіші форми громадянської війни. Загалом процес переростання буржуазно-демократичної революції на Україні на революцію пролетарську можна і треба характеризувати, як довший і складніший процес, ніж у Росії.

¹⁾ у раїнський Жовтень був частиною Жовтня на всій території колишньої російської імперії, але частиною, що мала свої осібні і своєрідні шляхи розвитку.

Одною з головніших особливостей початкового періоду розвитку пролетарської революції на Україні були: розпорошеність революційного руху, брак єдиного керівничого центру, відсутність комуністичної партії, цеб-то відсутність одної з основних передумов перемоги революції. Тільки поволі, в процесі боротьби створено було цю передумову перемоги.

Період од жовтня 1917 року до 1 з'їзду КП(б)У може бути названий періодом боротьби за партію, боротьби за всеукраїнське партійне об'єднання. Три етапи пережила була ця боротьба.

Перший — Всеукраїнська Партійна Конференція в грудні 1917 року в Києві. Перша Всеукраїнська Партконференція була ухвалила постанову про створення всеукраїнського партійного об'єднання, про назву цього об'єднання — „РСДРП — Соціал - Демократія України“ і обрала перший всеукраїнський партійний центр. Тим самим конференція була першим кроком на шляху створення КП(б)У.

Другий — Таганрозька нарада у квітні 1918 року. В Таганрозі ухвалюється постанову про створення КП(б)У і виділяється практичний орган реалізувати цю постанову, перевести її в життя. Тим самим нарада була вирішальним етапом на шляху створення партії.

Третій — Перший З'їзд КП(б)У. Що було ухвалено низку постанов, цим з'їзд заклав міцні підвалини КП(б)У. Але з'їзд не обмежився тільки цим. Він дав відповідь на основні питання революційної боротьби і тактики підпільних організацій, проголосивши курс на повстання. З'їзд був поставив перед собою і розв'язав не тільки внутрішні проблеми української революції. З'їзд розв'язав і проблеми взаємин України і радянської Росії, підкресливши потребу „боротись за революційне об'єднання України з Росією.

Перший з'їзд КП(б)У поклав край суперечкам на тему „потрібна чи не потрібна КП(б)У“. До 1-го з'їзду ми маємо окремі, порізнені більшовицькі організації на Україні. Після 1-го з'їзду в нас виникла пролетарська партія — комуністична партія (більшовиків) України, яка ідейно й організаційно була сконсолідувалась. Тим самим була створена одна з основних передумов перемоги пролетарської революції на Україні. В цьому історичне значіння та „історичний зміст“ першого з'їзду КП(б)У.

Додаток № 1 до статті „I-й з'їзд КП(б)У“

ДЕКЛАРАЦІЯ ОРГАНІЗАЦІЙНОГО КОМІТЕТУ УКРАЇНСЬКОЇ СОЦ.-ДЕМ. РОБІТНИЧОЇ ПАРТІЇ (ЛВІВ)

Соціалістична революція на Україні, непоривно зв'язана з переходом влади до рад Р. С. і С. Депутатів, відбувається за

допомогою озброєної сили братських трудових клас та інших країн і націй Російської Республіки.

Це конечний наслідок об'єктивних умов господарчої і соціальної структури країни з кволо розвинутою промисловістю та широкою базою сільського господарства, з нечисленною робітничою класою та численним дрібновласницьким селянством.

Низка спроб показала українським робітникам неможливість власними силами повалити буржуазну владу Ц. Ради. Ця влада йшла за гаслами національної виключності. Під керівництвом партійних верхів офіційної УСДРП, в наслідок цієї національно-державної виключності, — вона одірвалась від робітничих мас України і стала класовим ворогом цих мас.

Братерська рука з Великої Росії помогла підвестись українському пролетаріатові, пригніченому Ц. Радою, і повалити цього ворога, — а в загальноросійському масштабі — знищити одну з найдужчих баз буржуазної опозиції.

Слава братерству робітників, кров'ю закріпленому на вулицях Києва!

Вказані об'єктивні умови в межах абсолютно незайманого національного самовизначення остаточно встановлювали на довгий час парламентсько-буржуазну республіку на Україні, отже і капіталістичний лад, що тепер, в час „прологу світової соціальної революції“ цілком суперечить класовій диктатурі пролетаріату та найбіднішого селянства.

Крім цього, ці умови дуже гальмували встановлення вказаної диктатури на Україні своїми силами, якщо взяти до того ж до уваги, що уряд Центральної Ради робив усе, щоб запламувати широкі робітничі маси на Україні, роблячи винятки тільки небагатьом гурткам своїх національних улюбленців. Сюди належить:

1) Оголошення прихильників радянської влади на Україні „зрадниками рідної країни, перекінчиками і шпиками“ (офіційна промова Винниченка на 8 сесії Ц. Р.).

2) Обеззброєння робітничої Червоної Гвардії розгон Ради Р. і С. Депутатів і, разом з тим, озброєння до зубів так званого „вільного козацтва“ з робітників і тим знищення класової єдності пролетаріату та сіяння серед нього національної ворожнечі.

3) „Наскоки“ на органи робітничої преси і затвердження такого ладу своєю бездіяльністю.

4) Прокламування скрізь і всюди пролетарської партії більшовиків та Ради Народніх Комісарів грабіжниками і насильниками.

5) Проголошення самостійності виключно з метою ізолювати трудящі маси від іскор соціальної революції, що так густо були почали залітати з Росії, та підписання сепаратного

миру з центральними державами і цим відокремлення України на поїд німецькому імперіялізмові.

6) Розпалювання шовінізму та прикривання його ніби - то національним самовизначенням і ганебним нацькуванням мас на більшовизм, як на явище, ніби то суто - московське.

7) Завершення всього цього дикими розстрілами беззбройних робітників, що спричинило хвилю гострої національної ворожнечі до українців з боку визволеного революційного війська і т. інш.

Таким чином, національне самовизначення була порушила сама Центральна Рада, бо вона повела його проти робітничої класи.

А тому ми не можемо ані хвилини залишатися в партії, від якої залишилися самі щепки, від якої з почуттям огиди одвернулись робітничі маси України.

Ми твердо стоїмо на ґрунті позитивних національних придбань революції на Україні, а саме:

1) Усталення території Української Народньої Республіки за III Універсалом Центральної Ради.

2) Федерація Української Соціалістичної Республіки з рештою радянських республік Росії, а в дальшому процесі революції — таких самих республік Європи і цілого світу.

3) Збереження національних форм у всіх духовних первоосновах соціалістичної культури краю і, передовсім, по школах.

Але ці надбання будемо використовувати з метою, протилежною національному розмежуванню пролетаріату, — з метою:

1) Зміцнити радянську владу в Українській Республіці.

2) Посилити братерську спілку міжнароднього пролетаріату.

3) Розвинути світову соціяльну революцію.

4) Розвинути національні форми пролетарської культури на Україні.

Для цього ми засновуємо окрему УСДРП (лівих) і делегуємо своїх представників до всіх органів радянської влади на Україні для найактивнішої роботи в них.

За нами, робітники України!

Геть шовіністичний намул!

Хай живе Українська Народня Республіка Рад! Хай живе міжнародня соціалістична революція!

Організаційний Комітет УСДРП (лівих)

Додаток № 2 до статті „I-й з'їзд КП(б)У“
ТАБЛИЦЯ ГОЛОСОВАНЬ НА 1-му З'їзді КП(б)У

Яке засі-дання	Дата	Яка пропозиція	Голосувало		
			За	Проти	Утри-мал.
1	5/VII	Об'єднаний проєкт Скрипника та Епштейна в п'яній про виступ лівого есера Александрова на 5-му з'їзді рад	43	6	3
3	8/VII	Проект відозви до робітників і селян Росії з приводу виступу лівих есерів (пропозиція Квірінга) . . .	32	—	25
4	9/VII	Проект резолюції з поточного момен-ту, що його був запропонував П'ятаков	31	31	2
4	9/VII	Проект резолюції з поточного момен-ту, що його були запропонували Квірінг і Епштейн	29	35	—
4	9/VII	Проект резолюції про „політичне стано-вище і завдання партії“, що його запропонував був Скрипник	8	51	5
4	9/VII	Резолюція про Народній Секретаріят, запроп. Мулахін („лівий“)	22	33	7
4	9/VII	Резолюція про Народній Секретаріят, запроп. Епштейн	34	28	2
4	9/VII	Друге голосування резолюції П'ятакова з поточного моменту	33	32	—
4	9/VII	Проект резолюції про збройне повстання, запроп. Бубнов	31	30	—
4	9/VII	Проект резолюції про збройне повстання, запроп. Квірінг	30	31	—
5	10/VII	Резолюція про „Україну і Росію“, запроп. Квірінг	50	—	7
6	11/VII	Остаточне голосування резолюції П'ятакова з поточного моменту. . .	32	18	2
6	11/VII	Остаточне голосування резолюції Бубнова про збройне повстання . .	27	18	—
6	11/VII	Переголосування резолюції про Народній Секретаріят (пропоз. „лівих“ ¹⁾)	23	—	—
6	11/VII	Проект резолюції про ставлення до інших партій, запроп. Затонський . .	22	10	—

¹⁾ Решта утрималась од голосування. В протоколах з'їзду вказано, що 23 чол. не брало участі в голосуванні. Очевидно, це помилка, бо інакше пропозиція „лівих“ не могла б пройти.

Яке засідання	Дата	Яка пропозиція	Голосувало		
			За	Проти	Утримал.
6	11/VII	Резолюція про автономію партії, запроп. Квірінг	33	5	16
7	12/VII	Проект резолюції з організаційного питання, запроп. Скрипник.	22	17	—
7	12/VII	Остаточне голосування резолюції Скрипника з організаційного питання	32	12	2
7	12/VII	З питання про назву з'їзду „з'їздом“, а не конференцією.	26	12	9
7	12/VII	Остаточне голосування резолюції Затонського про ставлення до інших партій ¹⁾	Одногосно	—	4

¹⁾ В таблиці не подано голосування резолюції „про ставлення до так званих „рад“ (в протоколах з'їзду сказано — „резолюцію в цілому ухвалюється“) і численних голосувань по доповіді мандатної комісії та підчас обговорення резолюції з приводу окремих поправок до них.

ТАГАНРОЗЬКА НАРАДА¹⁾

III. БОРОТЬБА ТЕЧІЙ НА II ВСЕУКРАЇНСЬКОМУ З'ЇЗДІ РАД

1900 роками, борючись за організацію партії на єдиній платформі, яку захищала „Искра“, Ленін твердив, що „раніш, як об'єднатися, ми повинні спочатку рішуче і виразно розмежуватися“. Ленін мав на оці не формальне об'єднання існуючих соціал-демократичних організацій, що були розпорошені і працювали здебільшого кожна на свою відповідальність і риск, а об'єднання організацій, що стояли у важніших справах на єдиній ідейній базі. „Искра“, як відомо, викувала і оформила свою ідейну платформу, ідейну базу, об'єднала навколо неї важніші соціал-демократичні організації і щойно тоді вирішила скликати з'їзд.

Перед українськими соціал-демократичними більшовицькими організаціями 1918 року теж стояли, як ми вже згадували, аналогічні питання — утворення партії і опрацювання для неї програми, а також і тактики на найближчий період. Безперечно, було б хибно порівнювати всіма сторонами період до II-го з'їзду — для РСДРП з періодом до Таганрозької наради — для КП(б)У. Це порівняння можна робити тільки дуже умовно, з цілою низкою серйозних застережень. Основна відміна це те, що більшовицькі організації України об'єднувало, по-перше, спільне перебування в єдиній партії РСДРП(б), по-друге, багатющий спільний для всіх їх минулий досвід боротьби за більшовизм, на ґрунті якого вони вирости, і, по-третє, спільне з усією партією установлення на пролетарську революцію і на оборону Жовтня. Це ґрунтовно міняє становище. Не випадково, наприклад, програми на Таганрозькій нараді і після неї опрацювати не довелось, хоч це питання і стояло на порядку денному наради. Але була і друга відміна. Це — різні обставини у ці періоди — у першому разі по суті готування до революції, у другому — безпосередні бої.

Спільність же до певної міри й при тому, головним чином, з зовнішнього боку, була в тому, що місцеві організації України були відокремлені одна від одної, від них дхнуло „кустар-

¹⁾ Далі. Див. „Літопис Революції“, № 4, 1928 р.

ництвом“, не було жодного загально визнаного проводу, не було партії—з одного боку, і зовсім не було спільної лінії, спільної тактики, єдиної ідейної платформи, ідейної єдності (у боротьбі на Україні),—з другого боку, не кажучи вже про єдність дій і акцій.

Що до першого питання (утворення партії), то більшовицькі організації України були, до Таганрозької наради, більш-менш приготовлені до цього кроку попередньою боротьбою за всеукраїнське партійне об'єднання, цілою низкою спроб організувати це об'єднання: до революції, як краєву організацію РСДРП(б), після—як більшовицьку партію на Україні (наприклад, груднева конференція 1917 р. у Києві). У цій справі було досить виразне розмежування, що змінилося під впливом обставин об'єднанням. Навіть самі з найсерйозніших супротивників останнього—„католинослави“—на Таганрозькій нараді проти всеукраїнського об'єднання, як ми бачили, вже не виступали.

Що до другого—що до опрацювання єдиної ідейної платформи для української революції загалом і тактики на найближчий період її (революції) зокрема,— становище було інше. І тут було розмежування, але розмежування, так мовити, стихійне, неорганізоване. Майже не було спроб в'яснити і визначити різні погляди як на основні питання української революції, як і на питання тактичні в той або той її період. У цій справі майже не було дискусії, не було „бійки“ між різними організаціями, майже не було спроб знайти і зафіксувати спільні й відмінні моменти в їхніх позиціях (окрім двох-трьох випадків). Це, звичайно, пояснюється (але ніяк не оправдується) тими умовами, що в них точилася революція на Україні—різні обставини в окремих районах України, недооцінювання і по суті ігнорування, м'яко висловлюючись, національного питання, то-що (про ці умови ми уже побіжно згадували, говорячи про причини різних позицій „лівобережців“ і „правобережців“). Надто кепсько стояла справа з опрацюванням тактичних питань, бо обставини, швидко змінюючись, вимагали швидких вирішень, нового орієнтування і висували нові завдання та проблеми.

Це не могло не спричинитися до того, що в той момент, коли треба було діяти на основі єдиної ідейної платформи¹⁾ й єдиної тактичної лінії, серед більшовицьких організацій зіткнулись одна з одною три течії (ліва, права, центр), виявивши ґрунтовні розбіжності між собою. Виявились ці розбіжності повною мірою на Таганрозькій нараді, що на думку її організаторів, повинна була, зорганізувавши партію, дати їй єдину програму й тактику.

¹⁾ Ми маємо, звичайно, тут, як і вище, на увазі платформу в справах української революції, бо загальну ідейну платформу більшовицькі організації на Україні мали, а саме—більшовизм.

Але і до наради бували, як то кажуть, у всеукраїнським масштабі окремі „сутички“ основних в проблемах української революції, як і в тактичних питаннях. Ці „сутички“ мали до певної міри випадковий характер, що цілком відповідало умовам 1917—18 років на Україні. „Сторони супротивні“ приходили до випадкової згоди, яка нікого ні до чого не примушувала, приневолені до цього тими або тими обставинами, а не в наслідок боротьби й систематичної роботи над опрацюванням ідейної бази для об'єднання. Так було, приміром, у період I Всеукраїнського з'їзду рад у грудні 1917 року, так було і в період II Всеукраїнського з'їзду рад у березні 1918 року. Найбільший інтерес для нас являє собою II з'їзд, бо тут за місяць до Таганрозької наради, в обставинах, майже аналогічних квітневим, уперше найповніше (порівняно, бо все ж недостатньо) виявилися розбіжності в більшовицьких організаціях України. Ці розбіжності дальше розвинулись і оформились в Таганрозі. Але в основному — в нових обставинах німецької окупації, повернення Центральної Ради, то-що — вони виявились на другому з'їзді.

Ось чому для вияснення, хоч би часткового, їх розвитку до Таганрозької наради ми спинимося на розбіжностях серед більшовиків на II з'їзді рад.

* * *

До Таганрозької наради тактичні питання й розбіжності, що виникали за нової ситуації — окупація України, повернення Центральної Ради то-що — найобширніше й найґрунтовніше (порівняно) обговорювано, як ми казали, на фракції II Всеукраїнського з'їзду рад (17—19 березня 1918 р.), на самому з'їзді й на засіданнях Народнього Секретаріату у цей період.

Розбіжності в період з'їзду хоч і виявились досить різко й виразно, проте вони ще не набрали гостро й певно окреслених форм, не вилились у струнку, продуману систему поглядів, як це було згодом¹⁾. Три лінії зіткнулися тоді — лінія „правих“, лівобережців, яку репрезентували т. Квірінг і інші „католино-славці“, лінія більшості Народнього Секретаріату, лінія „право-

¹⁾ Ми розглядаємо тут різні позиції серед більшовиків у період II з'їзду лише стільки, скільки це потрібно для зв'язку і розуміння боротьби, що відбувалася на Таганрозькій нараді. Тим-то ми не даємо детальної аналізи позицій, їх варіацій і маневрів більшовиків у процесі боротьби у фракції і на з'їзді, наприклад, брак вимоги вивести австро-німецькі війська в проєкті більшовицької резолюції (є в резолюції з'їзду), пом'якшення формуловки про Центральну Раду в резолюції з'їзду проти більшовицького проєкту то-що.

При цьому нам прийдеться користуватися лише деякими спогадами й тим, що говорилось про II з'їзд рад на I з'їзді КП(б)У і тільки, бо ніяких інших матеріалів ми досі ще не маємо. Можливо, що вони є в приватних архівах?

бережців“, лінія „ленінської групи“ (за висловом т. Затонського¹), якою керував т. Скрипник; ядро цієї другої групи становили головню „кияни“, представники правобережних організацій, Полтавщини й Чернігівщини, які відступали під натиском німців; і лінія, так би мовити, ультра-лівих, які дивилися з погляду лівих комуністів.

Про те, що серед більшовиків на II з'їзді було саме три течії, свідчить і т. Скрипник²) і т. Затонський³). „Більшовицька фракція з'їзду,— пише т. Скрипник,— по кількості делегатів розпадалася майже рівно на згадані вже три течії: лівих, центру і правих — „катеринославців“⁴).

Нам здається, що краще було б все ж таки не називати прихильників лівого комунізму, які були на II з'їзді, „лівими“. Ми звикли називати „лівими“, протиставляючи їх правим та центрові, тих, що фігурували під цією назвою, наприклад, на Таганрозькій нараді, на I з'їзді КП(б)У, на II її з'їзді, то-що. Але серед них були, як відомо, не тільки ліві комуністи (в загальному розумінні). Тому правильніше, на наш погляд, ту частину більшовицької фракції II з'їзду, що відрізнялася від основної групи фракції, від „центру“ своїм лівим комунізмом, було б називати „ультра-лівими“.

На жаль нам не вдалося встановити їх представників на з'їзді. Тов. Скрипник, говорячи про лівих комуністів на II з'їзді, згадує Пятакова, Бубнова, Ст. Косіора, що в той час приїхали на Україну, як ліві комуністи. Але він не говорить прямо про присутність будь-кого з них на з'їзді⁵). Не видно цього також і з справоздання про з'їзд, що надруковане в „Вістнику УНР“ за ті часи. Тов. Бош, що II з'їздові взагалі присвячує тільки декілька рядків, про згадану групу товарищів, особливо про Пятакова, говорить лише в звязку з боротьбою на фронті й з Таганрозькою нарадою, минаючи, таким чином, II з'їзд⁶).

„Ленінській групі“ II з'їзду, центрові, довелось боротися за свою лінію на два фронти: 1) проти „правих“, „катеринославців“ за політику боротьби з Центральною Радою і німецькою окупацією, й 2) проти спроб комуністів зірвати Берестейський мир.

„На фракції,— пише т. Затонський,— т. Скрипник, що керував ленінською групою, спритно використав становище і, розбивши в спілці з лівими комуністами невелику групу т. зв. „катеринославців“, які добалакалися до визнання влади Центральної Ради (зважали факт), зумів, спираючись на „катеринославців“, відбити атаку лівих комуністів на берестейську політику

¹) Див. В. Затонський. „До II з'їзду рад“. „Літ. Рев.“, № 2, 1928 р.

²) Див. М. Скрипник. „Історія пролетарської революції на Україні“. „Червоний Шлях“. 1923 р., стор. 65 — 66.

³) Див. згадану статтю т. Затонського.

⁴) М. Скрипник Там само, стор. 66.

⁵) Там само, стор. 65.

⁶) Евг. Бош. „Год борьбы“. ГИЗ. 1925 р., стор. 217 і попередні.

Раднаркому РСФРР“¹⁾. Про те ж пише й т. Скрипник: „Тут (на більшовицькій фракції. Д. Ф.) ліва комуністична течія проти берестейської лінії російських більшовиків зустріла спільний відпір і з боку центру і з боку прихильників катеринославського погляду, а ліквідаторські погляди т. т. Квірінга й Богуславського величезною більшістю було відкинута“²⁾.

Характерні риси лінії „центру“ були: тверде установлення на боротьбу за радянську Україну проти Центральної Ради й німецького імперіялізму, але водночас тверда воля та к боротися, щоб не перешкодити і не підірвати берестейську політику РСФРР.

І проект резолюції про політичний момент, поданий від фракції більшовиків, і поправки більшовицької фракції до резолюції лівих есерів³⁾, і ухвалена від з'їзду резолюція⁴⁾ — не засуджували берестейського миру, а навпаки — виправдували його. Одночасно в резолюції висловлено пряму згоду підписати з Німеччиною той самий мир, що підписала Центральна Рада, але з умовою — ліквідувати німецько-австрійську окупацію.

При цьому підхреслено конечність провадити боротьбу з внутрішньою контр-революцією, — боротьбу рішучу і без компромісів.

„Для того, щоб зберегти можливість вільно розвивати здобутки соціалістичної революції, — заявляв II з'їзд, — трудящі маси України на своїм II з'їзді рад перед усім світом заявляють, що вони ладні підписати навіть ті тяжкі умови, що їх накидає Україні мирний договір Центральної Ради з Австро-Німеччиною, але з обов'язковою умовою цілковитого невтручання Австро-Німеччини у внутрішнє життя України і вивода австро-німецьких військ з усіх зайнятих частин України“⁵⁾.

В такій поставі питання відбилась ленінська лінія про ставлення до війни й миру, так би мовити, ленінська методологія, пристосована до українських умов. Тут у своєрідній формі, яку визначували конкретні українські обставини (уже довершена окупація, уже складений мир Центральної Ради з Австро-Німеччиною то-що), відбилось загальне установлення, загальна політика „перепочинку“ і боротьба з лівою фразою, з безпідставним лівим авантюризмом лівих есерів, а також і лівих комуністів.

Загальні розбіжності між прихильниками й супротивниками Берестейського миру на II з'їзді виявились і в тому, що ті

1) Згадана стаття.

2) Згадана стаття, стор. 66.

3) Див. „Літопис Революції“, стор. 274, прим. 4.

4) „Вестник УНР“, № 44, 19(6). III, 1918 р.

5) „Вестник УНР“, № 44, 19(6). III, 1918 р.

й ті різно підходили до характеру й метод боротьби за радянську владу. Супротивники Берестейського миру непохитно підкреслювали, що річ іде й повинна іти про „війну“ з німецькими військами й Центральною Радою¹⁾, а прихильники Берестейського миру з цілком зрозумілих причин говорили про „повстання“ трудящих, про боротьбу партизанську, з допомогою страйків, то що²⁾. Характерне до цього те, що прихильники Берестейського миру — більшість більшовицької фракції (крім „катеринославців“) роблять наголос на боротьбу з внутрішньою буржуазією, з внутрішньою контр-революцією³⁾, не ставлячи поки різко й прямо питання про боротьбу з австро-німцями, бо декларовано готовість скласти українське Берестя, а супротивники Берестейського миру з усією рішучістю підкреслювали війну — насамперед з австро-німцями і „почасти з Центральною Радою“⁴⁾. Перемогли, як ми зазначали, більшовики, а серед більшовиків — прихильники Берестя, перемогли, хоч опір чинили ліво-комуністичні елементи в більшовицькій фракції і ліві есери на з'їзді.

Ще напередодні I з'їзду КП(б)У влітку 1918 р. в „Коммунисте“ товариші з ліво-комуністичними тенденціями писали, що Народній Секретаріят і більшовицька фракція II з'їзду жадали миру не тільки з Німеччиною, але і з Центральною Радою.

„Ці негативні впливи, — твердив „Коммунист“, — посилювалися ще тим, що в центральних органах радянської влади на Україні до цих питань у питанні про війну і мир прилучились ще хитання у бік угоди з дрібно-буржуазною Київською Радою“⁵⁾.

¹⁾ Див., наприклад, п. 2. проекту резолюції лівих есерів про війну і мир: „Війна, що її провадить радянська влада з німецькими військами і почасті з Центральною Радою... війна з українською буржуазією і австро-німецькими імперіалістами“... („Вестник УНР“, № 45, 20/III. 1918 р.).

²⁾ Див., наприклад, п. „б.“ проекту резолюції більшовицької фракції: „З'їзд закликає всіх робітників і селян, всіх трудящих України повстати зі зброєю проти контр-революційної Центральної Ради, що намагається силою німецьких багнетів“... і далі: „Партизанською боротьбою трудящі маси України... захистять здобутки“ і т. д. („Вестник УНР“, № 47). Або див. п. 7 резолюції з'їзду, де проголошено, що „трудящі України... не визнають у своїй країні буржуазної влади... і будуть боротися за відновлення влади рад... партизанською боротьбою, страйками“ то що. („Вестник УНР“, № 44).

³⁾ Див. наведені витяги з проекту більшовицької резолюції і резолюції з'їзду.

⁴⁾ Див. наведений витяг з проекту резолюції лівих есерів. Приблизно такої ж думки додержувались й ліві комуністи, що видно не тільки із спогадів, але й з статті в „Коммунисте“ № 3 — 4. 1/VII. 1918 р. (див. нижче про позицію ультра-лівих).

⁵⁾ „Коммунист“ (Орган Оргбюро) № 3 — 4. 1/VII. 1918 р. — „Мирная политика и военные поражения“.

Одначе це останнє твердження не відповідає дійсності. Більшовицька фракція (опріч „катеринославців“) у цій справі, як ми бачили, не виявляла ані хитань, ані вагань, а навпаки — вона була того погляду, що треба провадити боротьбу „за відновлення влади рад проти буржуазної влади в центрі і на місцях“, боротьбу — „з українською буржуазією в особі контр-революційної Центральної Ради і всіх, хто її підтримує“, і закликала „... повстати із зброєю проти контр-революційної Центральної Ради“... і „... партизанською боротьбою... захистити здобутки робітничо-селянської революції“. (Див. проект резолюції, поданий від фракції більшовиків¹). Це ухвалено вже при спротиві „катеринославців“, що зрікалися всякої збройної боротьби в той момент не тільки з німецьким імперіялізмом, але і з внутрішньою контр-революцією, з Центральною Радою (до розгляду їх позиції ми ще вернемося). Отже, лінія більшості Народнього Секретаріату й фракції II з'їзду по суті продовжувала лінію I Всеукраїнського з'їзду рад, що ступив на путь рішучої боротьби за радянську Україну проти української буржуазної і дрібнобуржуазної контр-революції. Авжеж, в період II з'їзду цю лінію довелося прикласти до конкретних обставин, до нової ситуації, за умов вимушеної берестейської політики РСФРР, коли долучився новий ворог — австро-німецький імперіялізм. Ця політика у своєму дальшому розвитку розгалужується вже на Таганрозькій нараді, як ми побачимо, на дві лінії — лінію „лівих“ і лінію „центру“ з відповідними додатками і змінами, з точнішими і виразнішими окресленнями.

На II з'їзді вона ще не має певної та ясної виразності, їй бракує конкретних вказівок і директив, вона пересякла загальними принципіальними постановками, що дають тільки загальні контури накресленої тактики. Приміром: у важливій справі про тактику, про форми й методи боротьби з окупантами, проект резолюції більшовицької фракції „закликає... повстати із зброєю...“, щоб „... партизанською боротьбою, організацією загонів червоної соціалістичної армії... захистити здобутки“ і т. ін.²). Жодних організаційних форм, жодних заходів, кроків, щоб справдити цю загальну директиву, не намічено. Це повною мірою відбивало і пояснювалось тогочасним становищем, що в основному характеризувалось катастрофічно бистрою окупацією України, спустошенням місцевих партійних організацій, браком всеукраїнського партійного об'єднання і єдиного партійного центру, а одночасно ще виникла потреба боротися за всеукраїнське радянське об'єднання, — більше ще, за просте об'єднання революційних сил проти ворога. З цього випливала певна розгубленість перед подіями,

1) „В. УНР“, № 47. Див. також резолюцію II з'їзду про політичний момент, „В. УНР“, № 44.

2) „Вестник УНР“, № 47.

що швидко насувалися і розвивалися за надто несприятливих обставин, конечно потреба попереду з'єдинити сили проти ворога, орієнтуватися в становищі, викрити його суть і витичити загальні, основні директиви, геральну лінію. З цього походила і неможливість детально розвинути загальну лінію, брак потрібних даних і передпоилок для того, щоб випрацювати більш-менш конкретні практичні директиви й накреслити заходи (організаційні то-що) для запровадження цих директив у життя.

Усе це головню характеризувало лінію більшости Народнього Секретаріату, лінію киян, правобережців, центру і всіх, хто був з ними на з'їзді й по з'їзді.

За рішучу і безкомпромісну боротьбу за Радянську Україну проти внутрішньої контр-революції, проти внутрішньої буржуазії, за збройну боротьбу, за повстання проти буржуазії, Центральної Ради і „всіх, хто її підтримує“, одночасно намагаючись прийти до згоди вимушеними поступками з німецьким імперіалізмом, домогтися перепочинку, не зриваючи берестейської політики РСФРР, — така була загальна лінія основної групи більшовиків, лінія центру на II з'їзді.

Лінія лівих комуністів, ультра-лівих, відрізнялась від лінії, що ми її розглянули, головню своїм ліво-комуністичним характером. Прихильники її не могли примиритися з берестейським миром і намагалися на Україні стягтися з німецьким імперіалізмом, який, на їх думку, буде намагатися знищити пролетарську революцію й на Україні й в Росії. Нема чога й казати, що вони були рішуче проти українського Берестя. Ультра-ліва лінія, проте, збігалася з лінією центру в другому основному питанні, це в питанні про боротьбу з внутрішньою буржуазією. Але й тут, цілком природно, була різниця — центр був за боротьбу, але таку, яка б не зривала Берестейської угоди РСФРР, а ультра-ліві до цього ставилися, звичайно, м'яко висловлюючись, досить легко.

Ще через півроку, у липні, коли становище значно змінилось, уже за гетьманщини, товариші з ліво-комуністичними тенденціями різко критикували цю політику Народнього Секретаріату й більшости більшовицької фракції другого з'їзду рад, — політику, що відповідала загальній ленінській політиці про Берестейський мир.

„Існування ухилу, — писали вони, — до позиції „курсу на мир“ до і по Катеринославським з'їзді не могло не відбитися на організації оборони“... „Війна точиться, але з оглядом на мир; проголошують боротьбу проти імперіалістів усього світу; але одночасно висловлюють готовість підписати архи-вимушений мир з австро-німецькими імперіалістами“¹⁾.

¹⁾ „Коммунист“, № 3 — 4. 1/VII. 1918 г. „Мирная политика и военные поражения“.

Отже, тут досить яскраво висловлена згода з позицією лівих комуністів (ультра-лівих) на II з'їзді рад і незгода з позицією центру. З цього яскраво видно, що вони (ультра-ліві) були на II з'їзді проти Українського й Російського Берестя, за війну з австро-німецьким імперіалізмом.

Ось як пригадує т. Скрипник основні риси позиції лівих комуністів, ультра-лівих, на II з'їзді рад: „ця... течія... в ті часи мала, приблизно, такий зміст: Берестейський договір є помилка. В Росії він прийнятий. Але тут на Україні треба його фактично поправити. Значіння має лише озброєна боротьба... яку... треба... проти германського імперіалізму... почати на Україні, а потім в Росії... не рахуючись з тим, який це вплив буде мати на зносини Росії з Германією... Українське робітництво й селянство зовсім не зв'язані в своїй боротьбі Берестейським договором і будуть вести боротьбу за владу всіма... шляхами до остаточної перемоги як на території України, так і далі на всьому фронті революції...“¹⁾ Ми навели таку довгу цитату, бо це майже єдиний матеріал, звідки більш-менш досконало видно позицію ультра-лівих на з'їзді.

Отже, маємо тут спробу пристосувати політику й, мовляв, методологію лівого комунізму до України. „Революційна війна“ навіть ціною загублення радянської влади; проти перепочинку, який був би потрібний для урятування й зміцнення влади рад, щоб-то проти Українського Берестя, а також проти обережної тактики на Україні що до Російського Берестя—така була лінія лівих комуністів, ультра-лівих, на II Всеукраїнському з'їзді рад.

Іншу політику захищали так звані „катеринославці“.

Вони спочатку, як відомо, були загалом проти всеукраїнського радянського об'єднання, а за те, щоб Лівобережна Україна—Донбас належала до РСФРР, давши „дрібнобуржуазну“ й „шовіністичну“ решту України на волю своєї долі в боротьбі проти буржуазної і дрібнобуржуазної контр-революції, проти Центральної Ради. Коли під натиском дійсності вони змушені були здати ці позиції й від політики „заперечування“ України прийти до політики її „визнання“, перед ними враз постало питання про необхідність боротися за радянську Україну. Але до цього вони були зовсім не приготвлені всією своєю минувшиною, усіма тими обставинами, що про них ми згадували вгорі (див. розд. II).

Ось через що перед новими обставинами вони стерялись більше, як хто інший. Тому-то на засіданнях Народнього Секретаріату, що відбувалися 16 і 17 березня 1918 року напередодні II з'їзду, представники „правих“ запропонували почати мирні перемови з Центральною Радою і припинити

¹⁾ М. Скрипник. Там само.

боротьбу з нею, тимчасово відмовившись від радянської влади на Україні, щоб зберегти безвладні ради і легалізувати більшовицьку партію в умовах німецької окупації й під владою Ц. Ради.

17/III 1918 р. т. Квірінг подав був на засіданні Народнього Секретаріату таку резолюцію:

„Призначити необхідним боротьбу з УЦР (Українською Центральною Радою. Наша прим.). Признати, що радянська влада в сучасний мент не має під собою ніякого ґрунту. Увійти з УЦР в згоду на таких умовах:

1) щоб ради робочих депутатів були залишені, як осередки організації робочих мас;

2) щоб не було ніякого переслідування більшовиків і була забезпечена легальна можливість їхньої діяльності“¹⁾.

На I з'їзді КП(б)У позиція „правих“ на II з'їзді рад знову була зачеплена й знову таки в звязку з наведеною резолюцією, що її внесли „... товариші: Ліпшиц, Лугановський і Квірінг, і де після довгої передмови було сказано: для того, щоб не було даремного пролиття крові, ми вважаємо за потрібне заявити, що ми відмовляємося від влади рад на Україні. Цю резолюцію було пропонувано внести на фракцію більшовиків II з'їзду рад і від імені з'їзду рад оголосити на весь світ“ (Скрипник)²⁾. А за день перед цим (16/III) т. Квірінг підтримав резолюцію т. Нероновича, яка говорила: „Для того, щоб зберегти ради, треба увійти в перемови з Центральною Радою...“³⁾.

Ми розглянемо нижче заперечення т. Квірінга проти такого тлумачення лінії „правих“ у період II з'їзду рад, а тепер відмітимо, що, стоячи на твердій позиції в справі про Берестейський мир, вони були проти всяких ризикованих авантурних кроків, що могли б перешкодити берестейській політиці РСФРР і становищу РСФРР загалом.

Але завдяки цій загальній (відміченій вгорі — див. I і II розділи) „антиукраїнській“ позиції і взагалі всій системі поглядів, що ми їх розберемо детально в звязку з Таганрозькою нарадою, „праві“ не вміли проявити ту політичну гнучкість, прозорливість і потрібну революційність, яку проявив центр. Зрікаючись збройної боротьби (і війни, і повстання) з австро-німецькими військами, вони, продовжуючи свою давню лінію, зреклися і збройної боротьби (в той період) з українською контр-революцією, з Центральною Радою. У новій ситуації вони підкрепили свою позицію тільки новим аргументом. Раніш один з важніших їхніх аргументів було твердження, що пролетарські райони повинні всі сили віддати на зміцнення РСФРР і не манити себе даремною боротьбою за відвойовання

1) М. Скрипник. Там само, стор. 66. Цю резолюцію наведено в лапках, як дійсну резолюцію, а не як переказ її.

2) „I с'їзд КП(б)У. Статті и протоколи“. ГИУ. 1923 р., стор. 92.

3) Там само.

для влади рад селянсько-націоналістичної України. А тепер вони взяли собі в голову ще й те, що всяка боротьба за Україну, навіть збройна боротьба і повстання робітничо-селянських мас її проти своєї буржуазії підірве Берестейський мир і може згубити РСФРР.

Про це досить ясно говорить, наприклад, т. Квірінг в 1923 р., заявляючи, що основна думка, яка зародилася в ньому в період II з'їзду, — це допомогти „... зміцнитися радянській владі у центральній федерації...“, допомогти „їй використати перепоchinoк“¹⁾. Але шлях до цього „праві“ товариші бачили в тому, щоб відмовитися від збройної боротьби робітничо-селянських мас за радянську владу на Україні і перейти на мирні рейки, мирні методи органічної роботи. І це тоді, коли палахкотливим полум'ям займалася світова революція (займалася, але, правда, ще не зайнялася) і коли на Україні панував гетьмансько-німецький окупаційний режим! Оцю своєрідну форму допомоги РСФРР можна пояснити, звичайно, не тільки тим, що „праві“ боялись зірвати Берестейський мир. Супротивники „каторинославців“ були такі самі прихильники берестейської політики, як і вони, а проте не зрікалися революційної боротьби за радянську Україну. Цей аргумент (збереження Берестя), безумовно, використовували „праві“ (може, цілком щиро) для того, щоб заспокоїти інших і себе, щоб виправдати свою позицію що до боротьби на Україні. А суть їхніх позицій, як і раніш, була не віра й недооцінка внутрішніх сил української пролетарської революції.

Тов. Квірінг 1923 року в передмові до звіту про з'їзд КП(б)У протестує проти твердження, що він пропонував „відмовитися від радянської влади“, „помиритися з Центральною Радою“ то-що²⁾. Він запевняє, що він пропонував відмовитися від одвертих воєнних дій з Радою (а не миритися з нею) і розпочати з нею перемови, щоб з'ясувати, „на яких умовах можна припинити воєнні дії“³⁾. Що правда, тов. Квірінг визнає, що „ця пропозиція, коли б прийшло до офіційних декларацій, була б політично шкідлива“⁴⁾.

А втім, сути це не міняє. Що означає від радянської влади не відмовлятися, але почати перемови з ЦР? Про що? Про те, щоб ЦР сама добровільно капітулювала і вигнала німців? Тут видима неув'язка.

Та більше. Тов. Квірінг заявляє, що він „відмовився тоді від даремної війни, мирився з тим, що тимчасово радянську владу переможено, і шукав нових шляхів для революційної роботи на Україні“. Те, що тов. Квірінг „шукав нових шляхів

1) Е. Квірінг. „Наши разногласия“. „I с'езд КП(б)У“, стор. 10.

2) Там само.

3) Там само.

4) Там само.

для революційної роботи на Україні“, безперечно відповідає дійсності. Але уся сила в тім, що ці нові шляхи т. Квірінг бачив, як він сам пише, у перемових з Центральною Радою про припинення дій, цеб-то в якійсь угоді з нею. А угода з Центральною Радою, яка шойно повалила з допомогою німецьких багнетів радянську владу, могла означати у кращому разі легальне існування більшовицької партії на Україні (а не капітулювання Центральної Ради!) — і це в той час, коли Україна перебувала під владою німецького імперіялізму і дрібнобуржуазної контр-революції, — а також збереження „безвладних“ рад... (резолуція, запропонована на засіданні Народнього Секретаріату 16/III від Нероновича й підтримана від Квірінга і резолюція з 17/III Квірінга).

Авжеж, це не значить, що т. Квірінг відмовився від радянської влади на Україні загалом і назавжди. Не в цім річ. Це значить, що Квірінг відмовився від радянської влади „тимчасово“, цеб-то відмовився в цей момент від революційної боротьби за радянську владу проти Центральної Ради і німецького імперіялізму.

Тов. Скрипник так пригадує основні аргументи „правих“: „Треба робити всі висновки з берестейської лінії нашої партії. Україна — відрізаний шматок радянської території. Ми від неї відмовилися і чим скорше ми залишимо на ній боротьбу, тим ліпше... Українські працюючі маси ще не дозріли до радянської революції. Треба... признати російський Берестейський договір не лише для Росії, а також для України, треба припинити боротьбу, що немає ніякої доцільности... Приходиться визнати УЦР урядом України і в її межах вести державну діяльність, щоб потім, в разі розвинення робочого руху і приєднання до нього селянства, далі боротися за соціалістичну революцію“¹⁾.

Таким чином, всі дані — резолюція, спогади, балачки на I з'їзді КП(б)У — все це підтверджує наведену нами позицію „правих“. Отож спроби т. Квірінга заднім числом витлумачити позицію „правих“ у березні 1918 року є хибні. Це була відмова від радянської влади тих, хто „мирився з тим, що тимчасово радянську владу переможено“, це була відмова від збройної боротьби за радянську владу і шукання „нових шляхів“ не на революційних основах, а в напрямі угоди й фактичного припинення боротьби за пролетарську революцію на Україні; це був перехід на мирні рейки „органічної“ роботи; це було — вичікування допомоги з зовні і абсолютна невіра у внутрішні сили революції на Україні.

Тов. Квірінг пише, що цю пропозицію він подав „за свій страх і ні з ким з „катеринославців“ не радився й не говорив“²⁾. Тов. Аверін у своїх спогадах теж пробує довести, що

¹⁾ М. Скрипник. Там само, стор. 65.

²⁾ Е. Квірінг. „Наши разногласия“.

ця позиція Квірінга була його особиста позиція, а не думка „правих“. Але, по-перше, 17 березня на засіданні Народнього Секретаріату резолюцію подав не сам Квірінг, а разом з Ліпшицом і Лугановським. По-друге, ця обставина загалом мало по суті важить. Можливо, і навіть річ певна, що т. Квірінг був найправіший з „правих“; цілком правдоподібно, що, як пише т. Аверін, низові організації і робітники так далеко не йшли. Але це не вадить тому, що позиція Квірінгова зо всією виразністю та яскравістю і в найзагостренішій формі відбила загальне устанавлення, відбила „філософію“ ідеології, політики і тактики „правих“. Розгубленість викликала оцю крайню поставу питання, але загалом ця пропозиція (угода з Центральною Радою, тимчасова відома від боротьби за революційну радянську Україну то-що) безперечно краще, ніж щось інше, викрила суть позиції „правих“; у цій пропозиції вони договорили те, що було недоговорене, викрили те, що дипломатично замовчували, довели свою лінію до її логічного кінця.

Але і лінія „правих“ хибувала на те саме, що і лінія „лівих“— не виразність і загальні місця. Однакові причини (загальні політичні обставини), на яких ми спинялися вгорі, викликали і однакові наслідки... До того наслідки подвоювались ще тою розгубленістю, що була характерна для поведінки „правих“ товаришів на II з'їзді.

* * *

Отже, основна більшовицька група на II всеукраїнському з'їзді рад намічала дві перспективи. Одна полягала в тому, що в разі згоди Австро-Німеччини на мир, радянська влада пристає на українське Берестя, іде на „перепочинок“, щоб повалити Центральну Раду, устанавити та зміцнити на Україні владу рад і зорганізувати сили до майбутніх спільно з РСФРР боїв за міжнародню революцію. А друга перспектива, перспектива „на кепський кінець“, полягала в тому, щоб провадити боротьбу не тільки проти внутрішньої, але і проти зовнішньої контр-революції збройним повстанням українських робітничо-селянських мас.

Обидві ці перспективи були скеровані і проти „ультра-лівих“— супротивників Берестейського миру, і проти „католинославіців“. Перша загострена, головно, проти „ультра-лівих“ (у справі—про Берестя) і не відповідає устанавленню „правих“ на мир з Центральною Радою. А друга перспектива загострена переважно проти „правих“, „католинославіців“ (у справі про збройну боротьбу з внутрішньою буржуазією і австро-німецьким імперіялізмом) і не відповідає устанавленню супротивників Берестейського миру, яке полягало у війні з австро-німецьким імперіялізмом, а не в повстанні проти нього.

Значить, цю лінію проведено наслідком боротьби на два фронти — наліво — проти ультра-лівизни і „революційного“ авантуризму лівих комуністів у більшовицькій фракції і лівих есерів — на з'їзді, і направо — проти одвертого угодовства, явного і неприхованого опортунізму „катеринославців“. Виходить, що ця лінія, яку підтримували головни кияни, правобережці, була на II з'їзді лінією центру.

Ті течії, що боролись на II з'їзді, зустрілися і на Таганрозькій нараді, коли обставини вимагали вже не тільки загальної лінії, але і на її підставі конкретних і точних вирішень та директив.

IV. ОСНОВНІ ПИТАННЯ СТРАТЕГІЇ й ТАКТИКИ КП(б)У НА ТАГАНРОЗЬКІЙ НАРАДІ

Таганрозька нарада відбулась через місяць по II з'їзді.

Ми вже дали (в I і II розділах) характеристику загальним обставинам, серед яких вона відбувалась. Від обставин II з'їзду вони відрізнялись хіба тільки більшою виразністю всіх тих процесів і явищ, що намітились або були у початковім стані вже в березні.

Міжнародні обставини були ті самі: Берестейський мир остаточно закріплено; Україну майже всю окуповано; партійні організації були зруйновані і спустошені, а одночасно режим німецького імперіялізму й Центральної Ради вже встиг виявитись, викликавши низку спротивів, заворушень і навіть повстань. Ці обставини вимагали, щоб більшовицькі організації перед тим, як вийти з України, не тільки злучилися й об'єдналися у всеукраїнському масштабі, не тільки утворили партію, але й випрацювали єдину лінію роботи, єдність поглядів, спільну ідейну платформу і спільну тактику.

Як ми вже відмічали, на нараді боролись три течії — „ліві“, „центр“ і „праві“. Коли в справі про утворення КП(б)У було дві сторони — „ліві“ і „центр“, з одного боку, — і „праві“ з другого, — то в справі про стратегію і тактику революційної боротьби на Україні фігурували вже три погляди, три лінії¹⁾.

¹⁾ Розглядаючи внутрішню боротьбу на Таганрозькій нараді, ми заздалегідь обмежуємося виключно тією стадією її, що відповідала нараді. Ми цілком не будемо згадувати про дальший її розвиток і про ті матеріали, що стосуються періоду по Таганрозькій нараді, не дивлячись на щільний зв'язок між характером і перебігом боротьби на нараді і по нараді (до першого з'їзду КП(б)У і на самому з'їзді). Це, звичайно, обмежує можливість вяснити сузь супротивних поглядів у всьому обсязі. Тим більше, що дальша боротьба (після Таганрогу) дав значно більший матеріал для характеристики лінії „лівих“, „правих“ і „центру“ (наприклад, „Коммунист“, 1918 р., звіт про I з'їзд то-що), ніж Таганрозька нарада, про яку майже нема ніяких матеріалів. Але вивчити цю боротьбу в Таганрозі, коли вона в перше набрала таких гострих форм, треба для того, щоб зрозуміти її дальший розвиток.

Найтрудніше визначити і точно вяснити позицію „правих“ („катеринославці“, представники робітничих районів — Донбас, Харків і інші місця Лівобережжя).

Коли про Таганрозьку нараду не маємо ні стенографічного, ні звичайного звіту, ні навіть репортерських заміток або газетних викладів¹⁾, то „ліві“ і центр лишили принаймні свої тези, а „праві“ не лишили і цього. Але про все це вони, як стверджують певні дані—спогади, звіт І з'їзду то - що, висловили у дискусіях досить ясно свою думку²⁾. Про їхню позицію в Таганрозі можна судити, тільки на підставі посередніх даних³⁾.

Ця позиція полягала передусім у виразній позиції за Берестейський мир. Було цілком ясно, що тов. Квірінг і інші дальшу боротьбу з австро-німецьким імперіялізмом вважають за даремну й ризиковану для самого існування Жовтневої революції — на тій стадії розвитку міжнародної революції, що склалась на той час. Пролетарську революцію на Україні вони узалежнювали від визволення України з австро-німецького ярма, а саме визволення від революції Австрії і Німеччини. Вони шукали перепочинку для України.

„Я отказывался тогда от бесполезной войны, мирился с тем, что временно советская власть оказывается побежденной, и искал новых путей революционной работы на Украине“⁴⁾,

писав тов. Квірінг про свою позицію в період II з'їзду рад⁵⁾.

Що до взаємовідносин української і російської революції, то тут теж ясно і чітко ставлено пи-

1) „Повідомлення про скликання конференції парторганізації комуністів - більшовиків України“, видане Оргбюро, де поміщено протокол Таганрозької наради, як і повідомлення про „нараду українських комуністів“, поміщене в органі російських „лівих“ комуністів, („Коммунист“, № 3 за 1918 р.) нічого не дають про суть поглядів, що боролись на нараді. Окремі спогади про цю нараду теж майже нічого не дають. Нарада, що відбувалась надто швидко (2 дні), не лишила виразних і чітких спогадів про себе, тим більше, що дальша боротьба тих самих поглядів була конкретніша і виразніша. Отже, для вивчення боротьби течій ми примушені використовувати лише посередні дані (промови на I з'їзді КП(б)У про Т. н., статті в „Коммунисте“ 1918 р. то - що) та спогади, що безумовно обмежує кількість питань та їх аналізи.

2) Див. М. Скрипник. „Історія пролетарської революції на Україні“, — Равіч - Черкаський, „Історія КП(б)У“, спогади М. Майорова, „Л. Р.“, № 4. 1928 р., Д. Ерде. „Революция на Украине“ то - що.

3) Равіч - Черкаський, говорить про 3—4 твердження правих досить коротко, поверхово і загальними фразами, не зазначаючи свого джерела.

4) Е. Квірінг. „Наши разногласия“, стор. 10. („I С'езд КП(б)У. Статті и Протоколы.“ ГИУ. 1923 р.)

5) Ми наведемо деякі речі, які мають безпосереднє відношення до II з'їзду рад, як характерні й для позиції „правих“ на Таганрозькій нараді, тому що загалом і в цілому по суті позиція правих в часи II з'їзду рад і Таганрозької наради була однаковою. Див., наприклад, „I з'їзд КП(б)У. Протоколи“, стор. 92, 94, 98.

тання про повну залежність і „підлеглість“ української революції революції російській. Тов. Квірінг, пояснюючи цю свою березневу позицію, прямо писав, що:

„...судьба пролетарської революції (на Україні. Д. Ф.) решається не тем, що ми ще місяць будем изображати кочующее советское правительство Украины, отступающее со своими разложенными частями в условиях почти полного охлаждения к нему крестьянства, а тем, что мы поможем укрепиться советской власти центральной федерации, поможем ей использовать передышку“. (Курсив наш, Д. Ф.¹).

Саме в цьому бачили „праві“ основне завдання української революції супроти російської.

Намагаючись прикласти до України ленінську позицію про Берестя, вони переносили загальну лінію на Україну механічно, не беручи до уваги окремих умовин України загалом і конкретних, своєрідних обставин, що склались на Україні у той час зокрема. Бувши проти дальшої війни з Німеччиною, вони тим самим висловлювались і проти боротьби з нею на Україні, вимовляючись можливістю підірвати Берестейський мир РСФРР з центральними державами. Отже, вони не брали до уваги суперечностей, що тоді постали і полягали в тому, що Ленін згодився на Берестя, щоб урятувати базу для розвитку пролетарської революції — РСФРР, пожертвував „українними“ територіями, і що боротьба робітників і селян України, оголошеної Берестейським миром самостійною, не може пошкодити РСФРР, яка, як база, в цьому разі все одно зберіглася б. „Праві“ механічно переносили на Україну ідею „перепочинку“, вони не зрозуміли, що Росія мала можливість використати свій „перепочинок“, маючи могутню територіальну базу для цього; на Україні ж треба було тільки боротися за таку базу. Вони не брали до уваги різниці в становищі Радянської Росії, де існувала радянська влада, й України, яку окупували німці і яка перебувала під владою внутрішньої дрібнобуржуазної контр-революції в особі Центральної Ради.

Самий розвиток революції на Україні вони, як ми бачили, узалежнювали від революції в центральних державах і від збільшення „військових сил Радянської Росії“. Цілком слушно ставлячи залежність української революції від міжнародної і російської, вони і цю залежність розуміли не діалектично, а механічно і надто спрощено, не уявляючи собі найщільнішого органічного звязку революцій — міжнародної, російської і української. Одна революція починається, друга чекає і потім починається своєю чергою, доставши військову підтримку...; вони припускали, що українській революції нічого не зосталося, як чекати, поки вибухне революція на заході і поки Радянська

1) Е. Квірінг. „Наши разногласия“, стор. 10.

Росія зможе дати військову поміч. Тов. Квірінг по суті того і не заперечує. „Левые“,— писав він 1923 року,— эту нашу позицію трактовали, как отказ от революционных действий, как политику: „сиди у моря и жди погодки“ (курсив наш¹). І тов. Квірінг у відповідь на це зауважує... „левые“ не хотели мириться с тем, что процес организации сил в условиях подполья требует, по крайней мере, месяцев“²). Цим тов. Квірінг не заперечує „обвинувачення“, навпаки, тут слаба і невдала спроба цю позицію виправдати „об'єктивними“ умовами.

Ця позиція „правих“ має щільний зв'язок з їхнім ставленням до рушійних сил української революції. Внутрішні сили української пролетарської революції більш - менш ясно „оцінили“ „праві“ уже до Таганрозької наради. Коли повною мірою свій погляд на це питання вони розвинули в період I з'їзду КП(б)У й опісля, то основні лінії цього погляду виявились геть раніше. Вважаючи за основну внутрішню силу пролетаріят, „праві“ не покладали майже ніяких надій на селянство. „Центральная Рада сумеет, по их мнению, удовлетворить частично крестьянство, оно успокоится и борется за советскую власть на Украине не будет“³). Їхня думка була та, що українське селянство нездатне підтримати пролетарську революцію до кінця; навпаки, дрібнобуржуазне селянство може революцію пролетаріяту тільки поглинути й, кінець - кінцем, забезпечити перемогу контр-революції, зрадивши на певнім етапі революцію. Це видно, хоч би із всієї позиції „правих“ до правобережної України, а також із завсідних обвинувачень „лівих“ у дрібнобуржуазних селянських ухилах, коли „ліві“ зняли голос про революційну роль селянства.

Тов. Квірінг ще 1923 року щиро заявив, що радянська влада на Україні „перемогла... не внутрішніми силами“ (курсив наш. Д. Ф.⁴).

Оцінюючи „стан“ внутрішніх сил революції, „праві“ в період Таганрозької наради і загалом в перший період австро-німецької окупації, до гетьманського перевороту, стояли теж на особливій позиції... Вони вважали, що пролетаріят на Україні (на всій Україні, у тому числі й правобережній) самостійно не може провадити революції загалом, тим більше у даний період,— коли він досить знесилився, коли його дезорганізовано й почасти деморалізовано,— після жорстоких боїв за Жовтень, за умов руїни і „весняної“ перемоги контр-революції. А селянство, за висловом Квірінга, ставилось до справи революції, до справи пролетаріяту, надто „холодно.“

1) Е. Квірінг. „Наши разногласия“, стор. 11.

2) Там само.

3) Спогади М. Майорова, „Л. Р.“, № 4 за 1928 р. „На путях к I с'їзду“.

4) Е. Квірінг, там само.

Отож, тут цілком виявлено на Таганрозькій нараді недооцінку рушійних сил української революції, нерозуміння їх революційної сили, їх ролі і їх значіння. Виходячи з того, що українська революція — частина міжнародної і російської і їм сповна „підлегла“, „праві“, як ми бачили, фактично не надавали ніякого значіння внутрішнім силам української революції (ми підкреслюємо вдруге, що мова мовиться про період Таганрозької наради). Для них характерна теж недооцінка революційних можливостей селянського руху на Україні, майже цілковите ігнорування його розвитку і недостатня увага боротьби за опанування його. Це все виявилось у загальній їхній позиції на Таганрозькій нараді¹⁾. Як „праві“ ставились до рушійних сил української революції, це чітко і одверто стверджують формуловки їхніх представників на II з'їзді КП(б)У в жовтні 1918 р. Якщо, Таганрозька нарада відбувалась, як кажуть, у коли ки гетьманської контр-революції на Україні 1918 року, то II з'їзд КП(б)У зібрався в період її упадку. На II з'їзді річ ішла вже не тільки про передбачення, не тільки про перспективи, але і про конкретну політику сьгоднішнього і завтрашнього дня. Звичайно, позиції супротивних течій виявились точніше, виразніше.

„Дорога к Києву, — казав т. Каменев, захищаючи лінію „правих“, — и утверждению там советской власти лежит сейчас не через Стародуб, не через Нежин; дорога к восстановлению на Украине советской власти лежит через Ростов“²⁾.

Не „Стародуб“ і „Нижень“, не боротьба українських робітників і селян приведе до відновлення радянської влади на Україні а військові сили РСФРР, що, подолавши контр-революцію на Дону, „через Ростов“ прийдуть „до Києва“. Характерна річ, що тут навіть нема спроби ув'язати „Стародуб“ і „Нижень“ з „Ростовом“, зазначивши, що дорога до Києва веде не тільки через „Стародуб“, але й через „Ростов“. Цю думку — про рішаюче і виключне значіння для перемоги української пролетарської революції „зовнішніх“ сил, сил міжнародної і російської революції — ще ясніше висловив тов. Каменев у тій же промові:

„... наша политика должна быть политикой революционных клещей... одна часть которых будет находиться среди революционных войск — Австрии, а другая — в революционной армии, подвигающейся к Ростову“³⁾.

¹⁾ Див. наприклад, спогади т. Майорова („Л. Р.“ № 4. 1928 р.). Конкретних даних про те, як ставились „праві“ до селянства на Т. н., крім спогадів, нема.

²⁾ „II съезд КП(б)У „Протоколы“. Видання 1927 р., стор. 46. Курсив, як і далі, наш. Д. Ф.

³⁾ Там само, стор. 47.

Отже, революційною боротьбою на Україні, революційним повстанням за радянську владу „праві“ фактично нехтували. Що це не випадковість, доводить витяг із статті Квірінга, написаної 1923 року :

„Победила советская власть на Украине не внутренними силами, а только при помощи окрепшей Советской России и в момент разложения германской армии“¹⁾.

Так підсумовував тов. Квірінг боротьбу „правих“ і „лівих“.

Тут маємо по суті теж категоричне його твердження, що не „Стародуб“, не внутрішні сили, а тільки „Ростов“, тільки сили революційних армій Австрії і Німеччини і РСФРР можуть привести і приведуть до перемоги пролетарську революцію на Україні.

Отже, і в справі про рушійні сили української пролетарської революції, як і у зв'язаній з нею справі про взаємини революції української з міжнародною і російською, „праві“ не збагнули діалектичного зв'язку між внутрішніми силами української пролетарської революції та силами революції міжнародної і російської. Вони міркували: так — так, ні — ні, або — або. Або революцію на Україні роблять внутрішні сили, або „зовнішні“. Для них революція на Україні перемогла „тільки“ за допомогою зовнішніх сил. Взаємин їхніх вони собі не уявляли. Вони не розуміли, що тимчасове послаблення внутрішніх сил української революції, погодженість їх з загальними міжнародними і внутрішніми обставинами, з розвитком революції міжнародної і з можливістю допомоги революційного пролетаріату Росії, — що це ані трохи не усуває з арени боротьби за пролетарську революцію її внутрішні сили на Україні.

Разом з тим, за тих міжнародних обставин, що склалися, коли пролетаріат тимчасово знесилився і коли, як думали „праві“, селянство вороже ставиться до пролетарської революції, „праві“, як видно з їхнього ставлення до цих питань, були переконані, що дрібнобуржуазна контр-революція в особі Центральної Ради вкорінилась глибоко і міцно. Наскільки вони переоцінювали сили реакції, сили контр-революції, — видно із всієї їхньої концепції, із всієї системи їхніх поглядів. Як ставились „праві“ до сил контр-революції, яскраво виявив т. Епштейн (Яковлев) знов таки на II з'їзді КП(б)У.

„... Такие города, как Киев, — казал вѣн, — нам придется уничтожить для того, чтобы их взять“¹⁾.

1) Е. Квірінг, „Наши разногласия“, стор. 14.

2) „II с'їзд КП(б)У. Протоколи“, стор. 142.

Оця оцінка сил революції і реакції відбивала радше паніку і одчай, як тверезий облік реальних обставин. Такий самий по суті „настрій“ був опанував „правих“ і в період Таганрозької наради.

Уся ця концепція і в галузі міжнародній, і внутрішній, — слабкі сили революції, могутні сили контр-революції і неможливість довгий час рахувати на допомогу революції міжнародної і російської, — призвели правих до того, що вони стали орієнтуватися на довгий період панування австро-німецького імперіялізму і реакції, на довгий „перепочинок“, але перепочинок зовсім іншого характеру¹⁾. Огож, вони рішуче відмовились розглядати тодішню ситуацію, як революційну, заперечуючи водночас на довший період і революційні перспективи. Оцінюючи минулі позиції „правих“, тов. Квірінг виразно писав про те, що коли стояло питання про потребу збирати сили, про потребу довгої підготовки то-що, то „левые“ не хотели мириться с тем, что процесс организации сил в условиях подполья требует, по крайней мере, месяцев“²⁾. Забігаючи вперед, вкажемо й на те, що „праві“ були проти повстання між іншим і тому, що заперечували революційні обставини і революційні перспективи на довгий час.

Що „праві“ хибно, помилково і недалекозоро оцінювали загальне становище в період Таганрозької наради, видно з того, що вони зовсім не передбачали дальшого розвитку контр-революції. Вони вважали, що дрібнобуржуазна контр-революція в особі Центральної Ради вкорінилась сильно і надовго, і не передбачали неминучої перемоги поміщицько-буржуазної реакції. Не маючи для цього твердження, як і для низки інших питань, певних даних, ми проте можемо робити висновок про це з дискусії, що розвинулась на I з'їзді КП(б)У в справі про повстання. У цій дискусії „ліві“ і центр вказували „правим“ зовсім ясно, що вони накресливали свою тактику в Таганрозі, не передбачивши гетьманського перевороту, якого вони не брали до уваги, і примушені були тому міняти свою тактику в наслідок перевороту. А „праві“, потверджуючи цю свою лінію, виправдували її конечністю пристосувати тактику й гасло до нових обставин³⁾.

„Основные разногласия сводились к тому, — писав т. Квірінг 1923 р., — может ли украинский пролетариат и крестьянство своими внутренними силами победить империалистскую армию, а отсюда разный подход к методам работы и разный расчет темпа развертывания революции“, і далі: „Мы,

¹⁾ Див., наприклад, промову Пятакова на I з'їзді КП(б)У, де він, викладаючи позицію „правих“ в Таганрозі, говорить „о длительности“ тодішніх перспектив „правих“, а представники „правих“ цього не заперечували.

²⁾ Е. Квірінг. „Наша розгласия“, стор. 11.

³⁾ Див. „I с'їзд КП(б)У. Протоколи“, стор. 94, 98, 99, 118. (Промови т. Крипника й ін.).

правые, полагаем, и история нас оправдала, что восстание может быть успешным, если оно будет согласовано с революционным движением в Германии и Австрии и ростом военных сил советской России". (Курсив наш. Д. Ф.)¹⁾.

У цих двох твердженнях міститься суть поглядів „правих“ на ролю внутрішніх сил української революції, на перспективи її розвитку і на зв'язок української революції з революцією міжнародною й російською. А як ми бачили, на перші два питання „праві“ давали „негативну“ відповідь, а на другі два—різко „позитивну“.

Отож слушність мав тов. Затонський, коли, фомулюючи позицію „правих“, зауважив:

„Весь расчет был на длительный период реакции, от которой можно будет избавиться с помощью либо мирозой революции, либо российской Красной армии, но никак не внутренними силами“²⁾.

* * *

З поглядів „правих“ на основні проблеми, основні питання української пролетарської революції, з їх „стратегії“ послідовно випливала і їх тактика, яку вони енергійно захищали проти „лівих“ і центру в період Таганрозької наради.

У цій справі основним змістом дискусії і внутрішньої боротьби було питання про повстання.

Виходячи із своєї загальної оцінки становища, з оцінки рушійних сил революції і їхнього стану, „праві“ рішуче відмовлялись ставити питання про повстання, як про найближче чергове завдання. Вони відмовлялись розглядати повстання, як завдання, якому все повинно бути підпорядковане, як ударне, основне „звено цепи“ революційної боротьби. Вони прямо висловлювались проти повстання на довший період часу, відсуваючи його на невизначений час і рішуче відкидаючи потребу до нього негайно і безпосередньо готуватись. Тов. Квірінг на I з'їзді у цій справі ясно говорив, що в період Таганрогу... „мы организацию восстания не считали первейшей задачей нашей партии“³⁾.

Поспіх повстання „праві“ прямо узалежнювали від того, наскільки воно „будет согласовано с революционным движением в Германии и Австрии и ростом военных сил советской России“. (Е. Квірінг. „Наши разногласия“). Усяке інше ставлення питання про повстання вони вважали за авантюру, за вияв ліво-комуністичних тенденцій то-що. Тов. Пятаков на I з'їзді КП(б)У обвинувачував „правих“ у тому, що в період Таганрогу вони, відкидаючи можливість у найближчий час

1) Е. Квірінг. „Наши разногласия“, стор. 11.

2) В. Затонський. „К пятилетию КП(б)У“, „I с'езд КП(б)У. Протоколы“, стор. 15.

3) „I с'езд КП(б)У. Протоколы“, стор. 125.

відбудувати радянську владу на Україні, говорили „что вооруженное восстание на Украине, вооруженное восстание против германского империализма есть в думка, авантюра и т.п...“¹⁾. Про це говорив і тов. Скрипник, закидаючи „правим“ твердження, що „восстание на Украине при наличности германско-австрийской оккупации есть авантюра“, заявляючи, що „апрельские речи тов. Эпштейна (Яковлева), есть речи ликвидаторства по отношению к восстанию на Украине“, що „...в апреле, на Таганрогском совещании .. тов. Квиринг в своей речи тогда заявил: в настоящее время восстание на Украине было бы вредной, бессмысленной авантюрой эту задачу партия ставить не может“²⁾. „Праві“ по суті не заперечували і не спростовували такого викладу їхньої позиції у Таганрозі. Навпаки, вони виправдували цю позицію, заявляючи, що вона цілком відповідала квітневим обставинам і тому була цілком правдива³⁾. Нема чого говорити, що „праві“ рішуче висловлювались проти будь-якої партизанської боротьби.

З цим питанням було щільно зв'язане і друге питання, а саме — про Військово-Революційні Комітети. „Праві“ виступали проти цих комітетів, будучи проти повстання в цей період і боячись, що Військово-Революційні Комітети можуть замінити собою партійні організації. Про це прямо говорив т. Скрипник на I з'їзді КП(б)У:

„Сторонниками крайнего правого течения одно время отрицались Военно-Револуционные Комитеты Я припоминаю апрельское совещание, где т. т. Квиринг, Эпштейн и др. категорически заявляли: это ненужная, это вредная вещь“⁴⁾.

Тов. Епштейн (Яковлев) теж це підтверджував, пояснюючи тільки позицію „Правих“, як і в справі про повстання, „квітневими обставинами“.

Яка ж була основна тактична лінія „правих“? З їхнього погляду, революційні сили були тоді цілком знеможені, ослаблені й дезорганізовані, ситуація для революції була несприятлива, бо не було на довший час революційних перспектив, — тим-то в основу своєї тактичної лінії вони поставили збирання революційних сил. Оце збирання революційних сил мало об'єднати навколо партії насамперед пролетаріят, отже й спонукати до органічної роботи серед пролетаріату в його організаціях — профспілках, кооперативах то-що. Але попереду треба було відбудувати зруйновані, спустошені і дезорганізовані партійні організації. Оце й виставили „праві“ на Таганрозькій нараді, як основне завдання революційної роботи на Україні, як основну „ланку“, без якої неможливо ставити

1) „I с'їзд КП(б)У. Протоколы“ стор. 61. (Курсив скрізь наш. Д. Ф.).

2) „I с'їзд КП(б)У. Протоколы“. стор. 91.

3) Там само, стор. 98, промова Епштейна (Яковлева), а також стор. 125 — промова Квиринга.

4) Там само, стор. 80.

якихось інших завдань — у тому числі приготування до повстання. Тов. Квірінг у повній згоді з тим, що він говорив на I з'їзді КП(б)У 1918 року, писав 1923 року:

„Правые“ еще в Таганроге выдвинули первой предварительной задачей восстановление местных партийных организаций, разгромленных эвакуацией, чтобы вокруг этих организаций и через них вести всю революционную работу в том числе и организацию востания“,

заявляючи, що

„... тогда (в Таганрози. Д. Ф.)... ми организацию востания не считали первейшей задачей нашей партии, а ставили этой задачей воссоздание партийной организации, чтобы можно было что нибудь делать в дальнейшем“¹⁾.

Отакі були погляди „правих“ на основні питання української революції, на її зв'язок з революцією міжнародною і російською, на її рушійні сили; отакі їхня оцінка революційної ситуації і їхня тактична лінія, що з цього всього випливала у квітневій період, у період перед гетьманським переворотом.

Отже, на Таганрозькій нараді „праві“ рішуче відкидали на довший період всяку перспективу на збройну боротьбу з Центральною Радою і австро-німецькою окупацією. Як короткозора і хибна була ця політика, видно хоч би з того, що по гетьманському перевороті, який стався через десять днів після Таганрозької наради, „праві“ висловились за повстання і за Військово-Революційні Комітети²⁾. Їхні супротивники — і „ліві“ і центр — на I з'їзді КП(б)У не без іронії нагадували про таганрозьку позицію „правих“ у цій справі. Приміром, тов. Скрипник говорив:

„Вы только после гетманского переворота поняли, что перед нами стоит революция... Это есть позиция хвостизма, — плестись у движения сзади, в хвосте, подхватывать его лозунги, когда вполне выяснится положение... Для товарищей Квиринга и Эпштейна 20 апреля восстание было невозможной и вредной авантюрой, и нужно было пройти 9 дням, чтобы 29 произошел гетманский переворот, для того, чтобы они поняли, наконец, что предстоит неизбежно революция и восстание трудящихся масс на Украине“³⁾. Те саме констатував і т. Бубнов, заявляючи, що „товарищи Квиринг и Эпштейн высказались за восстание только после переворота 29 апреля“⁴⁾. А самі „праві“ цього і не заперечували, заявляючи устами тов. Квірінга, що повстання на Україні стало можливе тільки по гетьманському перевороті. Тов. Епштейн

¹⁾ „I с'езд КП(б)У“, стор. 12 і 125.

²⁾ Що правда, їхня позиція по суті не змінилась; але характеристика розвитку „правих“ по гетьманському перевороті до нашого завдання тепер не належить.

³⁾ „I с'езд КП(б)У. Протоколи“, стор. 94.

⁴⁾ Там само, стор. 118.

пояснював цю зміну позиції не хвостизмом, а конечністю пристосувати гасла до нових обставин. Він казав:

„Если мы с месяца на месяц, учитывая изменившиеся условия, и соответственно к изменению условий меняем также свою тактику, это не значит, что мы плетемся в хвосте масс, это не значит подражать меньшевикам“¹⁾.

Тов. Епштейн при цьому порівнював лавірування і зміну гасел з тим, як наша партія у липні 1917 року міняла гасла про владу радам.

Річ очевидна, що це порівнання є хибне. Року 1917 у липні партія тимчасово знімає гасло про мирний перехід влади до даних меншовицько-есерівських рад (які одверто перейшли на позицію контр-революції) для того, щоб знову це гасло виставити, коли склад і політичне обличчя рад стали мінятися. Тут маємо справжню зміну конкретних умов, а це вимагало відповідно змінити і тактику. А в період Таганрогу і по гетьманському перевороті даних для того, щоб ґрунтовно й корінно перемінити тактику і змінити гасла, не було. По-перше, і в тім, і в тім разі ми маємо німецьку окупацію, якої характер і завдання zostались однакові; по-друге, дрібнобуржуазна контр-революція (Центральна Рада до гетьманщини) і поміщицько-буржуазна реакція (гетьманщина), кінець-кінцем, однаково вороже ставились до широких робітничо-селянських мас та до їхніх інтересів і нездатні були розв'язати основні питання революції (що зо всією ясністю і очевидністю довів період 1917—1919 р. р.), отже вони неминуче створювали за цих обставин революційну ситуацію; і, по-третє, правдиво оцінюючи усе становище на Україні і перспективи розвитку контр-революції і революції та беручи до уваги принаймні увесь досвід 1917—18 р. р., коли дрібнобуржуазна контр-революція, переплітаючись з поміщицько-буржуазною реакцією, раз-у-раз в неї „переростала“ — марксистини повинні були обов'язково передбачити перемогу поміщицько-буржуазної контр-революції над Центральною Радою, особливо, коли була така третя „постійна“ й пануюча величина, як австро-німецький імперіалізм.

Отож, річ була не в зміні гасел відповідно до обставин, а в нерозумінні обставин і перспектив революційної боротьби, з чого випливала і хибна тактика в справі про повстання.

Разом з тим, „праві“ зо всією енергією домагались скупити і зосередити всі сили та увагу на тому, щоб відновити і відбудувати партійну організацію, щоб провадити роботу серед пролетаріату. І це все було за умов, коли більшовицькі організації були майже цілковито зруйновані, спустошені і сплюндровані, коли відбувалася бистра евакуація, коли не було жодного зв'язку між партійними організаціями та їхніми крайовими центрами. Знеможена і втомлена у тяжкій боротьбі з

¹⁾ „I с'езд КП(б)У Протоколи“, стор. 98.

контр-революційними силами 1917—18 р.р. (Центральна Рада, Дін, австро-німецька окупація), робітничка класа, зазнавши після перемоги поразки і почасти розчарувавшись в період „першої“ радянської влади на Україні, що не встигла укріпитися і придбати певний авторитет, — була дезорганізована і почасти декласована. Якщо зважити це все, то стане ясно, що ця частина пропозицій „правих“ була цілком своєчасна й необхідна.

Але помилка їхня була та, що вони це завдання ставили, як ми бачили, не в звязку з тим, щоб опанувати і приготувати збройну боротьбу широких робітничих і селянських мас, — боротьбу, що неминуче мусила розвинути у найближчий час, — не в звязку з неминучими революційними обставинами, а орієнтуючись на відсутність революційних умов, на довгий „органічний“ період розвитку контр-революції, яка, на їхню думку, була для цього досить дужа і міцна, а сили революції були надто малі. З цього випливало не тільки самообмеження цими завданнями; з цього випливала і та хибна, кінець-кінцем, установка на те, щоб відновити і відбудувати партійні організації та скупчити округ них пролетаріат на ґрунті довгої реакції для довгого збирання сил, для поступового вкорінення та завойовання професійних організацій і кооперативів, для повсякденної органічної роботи, що відповідала добі *відступу*, замість розвивати цю роботу на ґрунті революційної ситуації, щоб приготувати, опанувати і стати на чолі збройного повстання робітничих і селянських мас, щоб підготувати і керувати *наступом*.

Позиція „правих“ в Таганрозі загалом і цілком відповідала їхній позиції в період II Всеукраїнського з'їзду рад. Приміром, тов. Скрипник, виклавши на I з'їзді партії позицію „правих“ у березні на II з'їзді рад, що полягала в тому, щоб відмовитись від радянської влади на Україні і прийти до згоди з Центральною Радою, провадив далі:

„И только гетманский переворот научил вас, т. т. Эпштейн, Квириг и другие екатеринославцы, и заставил вас сойти с вашей прежней определенно ликвидаторской позиции“¹⁾.

Або у другому місці: „Вы только после гетманского переворота поняли, что перед нами стоит революция“²⁾. І загалом, критикуючи „правих“ на I з'їзді КП(б)У, їх критики говорили про їхню позицію до гетьманського перевороту і по гетьманському перевороті. Попри це, кажучи про їхні пропозиції у березні на Катеринославському з'їзді рад, не робили жодних застережень що до зміни їхньої позиції у квітні на Таганрозькій нараді, що відбулась до гетьманського перево-

1) „I с'езд КП(б)У. Протоколы“, стор. 92.

2) Там само, стор. 94.

роту. А самі катеринославці теж не заперечували цих тверджень¹). Але твердити, що на Таганрозькій нараді „праві“ цілковито повторили свої березневі пропозиції, трудно, бо безпосередніх даних для цього нема.

Правда, т. Майоров про Таганрозьку нараду пише, що „правые в развитие своей общей точки зрения предлагали признать возможным временно, до пролетарской революции на Западе, отказаться от лозунга „власть Советам на Украине“, пойти в украинское Учредительное собрание, созываемое Петлюрой, легализоваться, как оппозиционная партия в стране, иметь свою фракцию в парламенте (так выступил, например, Квиринг в период II Всеукраинского съезда советов“⁴). Також і в протоколі наради зазначено, що тому, що „праві“ не подали своїх тез, до протокола, як матеріал було прикладено резолюцію Квирінга, що він вносив її на II з'їзді рад. Але, як бачимо, й тут, як і в промовах на I з'їзді, нема прямого твердження, що ці пропозиції внесли праві на Таганрозькій нараді. Цілком ясно, що коли б вони їх повторили в Таганрозі, це було б відмічено й на I з'їзді і в спогадах, і в такому разі не довелось би весь час посылатись в цьому питанні тільки на II з'їзд рад.

Навпаки, як можна зробити висновок з даних про позицію „правих“, вони в Таганрозі не повторили літерально пропозиції про угоду з Центральною радою, — пропозиції, що її подала на другому з'їзді рад у березні група товаришів на чолі з тов. Квирінгом. У квітні вони вже не сподівались на угоду з Центральною Радою, але, як і в березні, пропонували вичікуючи сприятливої для революції ситуації і допомоги від міжнародного і російського пролетаріату, — розвивати органічну роботу для збирання революційних сил, пристосовуючись до існуючого стану речей і рахуючись з ними як з фактом. Нема ніякого сумніву, що загальна їхня концепція у квітні і березні, в Таганрозі і Катеринославі, була однакова. Суть квітневих і березневих пропозицій та сама: у основі їх — та сама система погляду, яку ми й постарались „відновити“ та проаналізувати з уривкових і посередніх даних, взятих з нечисленних матеріалів.

Але треба зазначити, що в Таганрозі вже чувається значно менша розгубленість. Загальна оцінка становища, стратегія та тактика „правих“ в Таганрозі вже певніші, виразніші й чіткіші, як на II з'їзді. В Таганрозі „праві“ вже знають, чого вони хочуть.

Але й в цих питаннях, як і в питаннях організаційних, „праві“ більшості не одержали. Як ми вже зазначали вище, вони

¹) Див. промову т. Епштейна на I з'їзді КП(б)У. Протоколи, стор. 98.

²) М. Майоров. „На путях к I съезду КП(б)У“. „ЛФ“, № 4, 1928 р.

(їх ядро) пішли з наради після своєї невдачі в організаційних питаннях ¹⁾.

Отже, основна орієнтація не на внутрішні сили української пролетарської революції, а на сили революції міжнародної (насамперед австрійської і німецької) і російської (військова підтримка з її боку) при неминучій довгочасній реакції на Україні і загальній пасивності робітників та „байдужості“ селянських мас — оце стратегічна лінія „правих“ на Таганрозькій нараді.

Не повстання, не Військово - Революційні Комітети, цеб-то і не підготовка повстання на протязі довгого часу, а вперта, пильна, повсякденна робота, агітація і пропаганда, розрахована на довге панування реакції; відновлення знищених партійних організацій, орієнтуючись не на збройну боротьбу у найближчий час, а на повільне вкорінення комуністичного впливу серед робітничих мас, на повільне збирання пролетаріату округ партії, на будування і завойовання робітничих організацій, професійних, кооперативних то-що, — на повільне збирання революційних сил для акції в разі сприятливішої ситуації в будучині, — оце тактична лінія „правих“ на Таганрозькій нараді.

Не діалектичний, а механічний, через те помилковий і хибний підхід до проблеми взаємин української пролетарської революції з революцією міжнародною і російською; приписання першій тільки залежної і „підлеглої“ ролі; недооцінка рушійних сил української революції, особливо недооцінка революційної ролі селянства; переоцінка сил контр-революції і деяка розгубленість перед нею; загальна антиукраїнська, яскраво-російська орієнтація й явне нерозуміння національного питання на Україні; не діалектична, а механічна, через те неправильна, короткозора і песимістична оцінка ситуації так, як вона склалась, а не в її розвитку; і врешті, пасивна, а не активна тактика, тактика відступу, а не тактика підготовки і переходу до наступу, — оце загальна характеристика лінії і позиції „правих“ в питаннях стратегії і тактики КП(б)У на Таганрозькій нараді.

Все це пояснює, чому мали рацію ті, що в обстановці революційної ситуації вимагали, щоб партія різко відмежувалась „от меньшевистско-соглашательских тенденцій, признающих

¹⁾ В протоколі Т. наради про те зазначено так: „На втором заседании были предложены две резолюции: 1) тов. Н. Скрыпника и 2) тов. Пятакова, Бубнова, Ст. Косіора, к которой присоединились т.т. Иванов и Коцюбинский. Представители третьей точки зрения, от имени которых на первом заседании выступали т.т. Квиринг и Липшиць, тезисов своих не представили, в виду своего спешного отъезда, но в качестве материала к протоколу была приложена, наряду с резолюциями Пятакова, Скрыпника и др., также резолюция, вносившаяся т.т. Квирингом и Липшицем во время II Всеукраинского съезда советов в Екатеринославе“.

соціальну революцію на Україні ліквідованою і пропонує політично встати на шлях роботи в межах буржуазного парламентаризма, а організаційно: поставити своєю задачею виключно поточну роботу по організації агітації і пропаганди, яка на крайній випадок тільки в майбутньому приведе до революції"¹). Як ми бачили, вся позиція „правих“ на Таганрозькій нараді в цілому давала багато даних для такої характеристики.

Стратегія „правих“ в Таганрозі, це стратегія знесилля, розгубленості і невіри в свої власні сили, стратегія періоду довготривалої реакції й занепаду революційного руху. Тактика „правих“, це тактика угодовства, топтання на місці, тактика нерішучості й млявості. Стратегія й тактика „правих“ в той період, в період Таганрозької наради, це стратегія й тактика опортунізму.

(Далі буде)

---

¹) Тезиси „центра“ (т. Скрипника), п. 6. „КП(б)У в резолюціях ее с'ездов и конференцій“. „Пролетарий“, 1927 г., стор. 10.

ДО ІСТОРІЇ ВСЕУКРАЇНСЬКОГО ЗАЛІЗНИЧОГО СТРАЙКУ 1918 РОКУ

І. ПОПЕРЕДНІ ЗАМІТКИ

Минають десяти роковини славетного всеукраїнського залізничного страйку, що влітку 1918 року могутньою хвилею перекотився по всіх залізницях України, що злився в єдине полум'я з стихією селянських повстань і що здригнув сталеву броню німецьких багнетів.

Його безпосередньою причиною було панування австро-германської реакції, що кров'ю та залізом розправлялася з усім робітництвом України, а також — і з залізничним пролетаріатом, що його вона біла двічі: і як влада, і як господар. Вона біла його в усіх напрямках. Не зважаючи на невпинне зростання дорожнечі, заробітна плата залізничників не лише не підвищувалася, але й зменшувалася. Грошей не виплачувалося по півроку й навіть більше, бо весь тягар постійної фінансової кризи влада хотіла цілком перекласти на плечі робітникам. Робітничий день фактично збільшувався. Штати скорочувалися. „Підозрілих“ викидувано на вулицю. А поряд із тим влада наступала й по політичній лінії.

Професійні організації ставилися в такі умови, що профробота ставала неможлива. Робітників їх заарештовувано. Спроби влаштувати збори й мітинги ліквідувалося збройною силою австро-німецького війська. „Дисципліну“ встановлювано з нечуваною жорстокістю: влада загрожувала всім „сму́т'янам“ військово-польовим судом, розстрілом, „підвішуванням“. „Агітаторів“ розстрілювано. Й саме те, що в особі держави об'єднувалися для залізничників два вороги — і сам капіталіст, і політична влада, — саме це сприяло загостренню конфліктів і переходові їх на політичний ґрунт. Отже, цей страйк знаменував собою великий крок у революціонізуванні українського пролетаріату.

Але не можна сказати, що цей значний стан у виспіванні соціалістичної революції на Україні притягав до себе достатню увагу дослідників та що його вивчено як слід. Є про нього дуже короткі згадки в Майорова¹⁾, — звичайно, не

¹⁾ Майорова. Из истории революционной борьбы на Украине. 1922.

дослідження історії страйку, є лише свідoctва політичного діяча, свідoctва дуже цінні й цікаві. Є спеціальна стаття Безсонова — „Железнодорожная забастовка 1918 г. в Одессе“¹⁾. Це — поєднання двох елементів: з одного боку, спогади безпосереднього активного учасника подій, з другого — взято й деякі архівні матеріали. На превеликий жаль, не всюди відзначено, де в своїх твердженнях автор спирається на архівний матеріал і де — лише на свою пам'ять. Високу цінність мають прикладені до статті бюлетені Одеського страйкового комітету.

Є безліч окремих натяків, фактів та дрібниць, що розкидані по інших роботах, присвячених цій добі. Вони часто густо суперечать один одному й розбігаються навіть із безперечним документальним матеріалом, навіть тоді, коли є наслідком колективної роботи і взаємної перевірки. Так, напр., група харківців констатує, ніби - то страйк розпочався 2 липня й тривав щось 8 день²⁾, в той самий час тов. Грязев говорить про півтора тижні³⁾, а газетні дані встановлюють початок страйку для Харкова не 2, а 22 липня⁴⁾.

Такі суперечності — неминуча риса мемуарного матеріалу. Задля того, щоб вивірити цей матеріал, потрібна широка взаємна перевірка та порівняння багатьох спогадів. Зробити це тепер поки - що немає достатньої можливості, через те що самий матеріал не досить широкий. Так, істпрофтран ЦК залізничників, як і окремі Допрофспілки зібрали силу мемуарного матеріалу, але він ще так само не досить і не цілком перевірений та невидрукований. Це позбавляє можливості з нього користуватися.

Головним чином на підставі такого матеріалу написано й найбільшу роботу, присвячену історії страйку залізничників — книжку Дашкевича „Железнодорожники в период австро-германской оккупации Украины 1918 г.“⁵⁾. Ця робота відбиває всі позитивні й негативні сторони мемуарного матеріалу і до того ж, оскільки сам автор працював у керівній „верхівці“, дає замало даних про масовий рух. Цю - правда, її в значній мірі написано на підставі не тільки власних спогадів тов. Дашкевича, але й на підставі тогочасних документів. Але те, що ці документи ще й досі (як можна судити на підставі самої книжки) перебувають у власному розпорядженні тов. Дашкевича, позбавляє можливості перевірити ідентичність їх та поставитися до них, як до справжнього архівного документу.

¹⁾ Бессонов. Железнодорожная забастовка 1918 г. в Одессе. „Лет. Рев.“, № 3, 1927.

²⁾ Сербиченко, Бунякин, Плиско, Иванов, Клименко. На Харьковском ж.-д. узле 1917 г. в Харькове. Х., 1927, стор. 108.

³⁾ Грязев. Железнодорожники в революционном подпольи 1918 г. „Лет. Рев.“, 1925. № 2, стор. 30.

⁴⁾ „Южный Край“ № 81 (газ.) стор. 3, 1918, Харків.

⁵⁾ Д а ш к е в и ч. Железнодорожники в период австро - германской оккупации Украины 1918, М., 1925.

Проте є підстави гадати, що сам тов. Дашкевич не завжди однаково критично ставився до своїх джерел. Так, він видає за ідентичний текст одної резолюції міністра шляхів Бутенка текст, що, за власними словами Дашкевича, він узяв із кадетсько-есерівської газети „Киевская Жизнь“ 1918 року й що зміст його явно запозичений з арсеналу поганеньких обивательських анекдотів¹⁾.

Що ж дає й чого не дає той видрукований матеріал, що з'явився досі, які чергові завдання стоять перед дослідниками історії страйку? Автори, здебільшого активні діячі організації залізничників тієї доби, дали вже досить правильну загальну картину виникнення страйку, його перебігу та ліквідації. Обмежуватись тепер цією стороною справи не можна. Треба звернути увагу на те, що найменше та найгірше висвітлено в них усіх, а передусім у Дашкевича, що намагався дати вичерпний опис страйку. Перед нами стоїть загальне завдання — зібрати й розробити найдетальніший матеріал про хід страйку на місцях, про місцеві керівні органи страйку, про участь маси в цьому реальному ході боротьби. Бо саму участь маси, масове життя, боротьбу її, етапи її розвитку висвітлено дуже недостатньо. Притягти газетний, масовий, мемуарний та передусім архівний матеріал стає черговим завданням. Але виконати це завдання цілковито на сьогоднішній день ще неможливо, бо цей матеріал так само зібрано ще в дуже недостатній мірі.

Що можна сподіватися взяти з газетного матеріалу, з матеріалу легальної преси гетьманських часів? — Майже виключно деякі дані про ставлення окремих партій та партійних напрямків до страйку. В перші бо дні страйку в тій чи іншій мірі в газетах все ж трапляються дані і про хід страйку, і про резолюції окремих груп залізничників то-що. Але далі всі ці відомості абсолютно зникають із шпальтів газет: немов немає на Україні ніякого залізничного страйку, і взагалі все гаразд. Лише з однієї „позапартійної“ газети ми дізнаємося про причини цього.

Виявляється, що 24 липня німецька військова влада просто заборонила друкувати будь-які відомості про страйк, крім офіційних повідомлень, що виходитимуть безпосередньо від німецького військового командування. Більшість газет скорилася цьому наказові. Ті, що не скорилися б, були закриті вже раніш.

Про масовий мемуарний матеріал ми вже згадували. Він чекає на перевірку, а передовсім — на створення. Лишається архівний матеріал. Що до нього — становище аж ніяк не можна визнати за задовільне. Архівний матеріал низових місцевих організацій, оскільки він зберігся, переховується в значній мірі в окремих товаришів, що колись брали участь у рухові, і роботу що до збирання в них матеріалу розпочато лише

¹⁾ Д а ш к е в и ч. Железнодорожники в период австро-германской оккупации Украины 1918 г. М., 1925, стор. 80 — 89.

нещодавно; а те, що збереглося по архівах організацій, лише в незначній мірі сконцентровано по центральних архівах, в основному ж розпорошено по тих пунктах, що були центрами організації страйку 1918 року. З цього матеріалу ми для даної роботи не мали змоги користуватися.

Порівняно краще стоять справи з архівами ворожого табору. Ми маємо дуже цікавий архів департаменту Державної Варти гетьманських часів, що виконував функції не лише царської поліції, але й царського охоронного відділу. Що правда, і цей архів зберігся не цілком. Так, наприклад, є в ньому найцікавіша для нашої мети справа — „Дело с перепиской о профессиональном союзе служащих, мастеровых и рабочих железных дорог Украины“. Але з цієї справи збереглася лише частина I, „Киевский район“, і ми навіть не маємо можливості встановити, чи були в цій справі ще й інші частини, бо іноді в цій „Ч. I“ трапляються випадкові дані і про Одесу, і про Катеринослав, і про Харків, що аж ніяк не можна залічити до „Киевского района“ у властивому розумінні.

Крім цієї папки, що її цілком присвячено тому питанню, що отут нас цікавить, є розірвані дані про рух залізничників і в інших справах цього фонду: передовсім — у справах „со списками“ та „с перепиской об арестованных“ по окремих губернях і в справах „про СДРП большевиков“. (Державна Варта, хоч і йшла „в ногу з історією“, не зважала на перейменування партії на VII з'їзді).

Що ж ми маємо в усіх цих використуваних нами справах про ту тему, що її ми опрацьовуємо? В основному матеріал можна розбити на три типи.

1. „Донесення“ агентів Державної Варти. Їхня вартість прямо пропорційна якостям цих агентів. Ця якість невисока. Лише в деяких окремих пунктах (до того ж не основних) пощастило департаментові посадити людей не лише „с усердием“, але й з розумом. А втім, навіть „усердия“ було небагато. Регулярні дописи підчас страйку одержував департамент лише з декількох окремих місць — знов таки не з основних. Розробляючи цей матеріал, треба вважати на можливість, що „усердные“ іноді дописували й таке, чого й не було насправді, решта ж просто „одписувалася“.

2. Листування департаменту з іншими установами. Найцікавіше для нас листування з „Особим відділом штабу гетьмана України“, бо за всіма ворожими для німецької влади та гетьмана явищами та течіями стежили однаково і в Державній Варті, і в Особому відділі.

3. Прокламації й матеріали робітничих професійних та партійних організацій. Ця частина для нас найцікавіша, але її подано з найменшою повнотою. Провідні організації, навіть у Києві, були добре законспіровані. Що ж до їхніх прокламацій, їх приставлялося до департаменту дуже часто, але збереглася

з них лише незначна частина. Здається, їх передавалося до рук німецької влади, що взагалі департамент вважав за свій святий обов'язок інформувати її про все те, що здобула його власна агентура.

Отже, на підставі всіх тих матеріалів, що є на сьогоднішній день у нашому розпорядженні, утворити вичерпну картину страйку абсолютно неможливо. Бракує основного матеріалу — матеріалу про участь маси. Завдання ускладнюється тим, що самі залізничі — організм надзвичайно складний та диференційований, і встановити навіть найелементарніші твердження про страйк для нього значно важче, ніж для будь-якого іншого підприємства. Треба навести декілька прикладів і дати найзагальніші риси страйку, щоб показати, в якій мірі це складне та запутане явище.

Насамперед, не слід уявляти собі всю справу так, ніби - то всі залізничі України стали в один день. Окремі залізничі, навіть окремі станції починали страйкувати не разом. Цікаво те, що першими застрайкували не основні вузли українських залізниць, не ті центри, що весь час вели перед у рухові залізничників.

Першими пунктами, що були охоплені страйком, були вузли Правобережної, як її тоді звалось, залізничі, — Коростень, Здовбунове й Сарни, що застрайкували 15 липня. 16 липня страйк охопив ще декілька станцій Правобережної залізничі й захопив Одесу. 17 липня поруч із дальшим поширенням страйку по станціях Правобережжя починається страйк на Київському вузлі. Стає ясно, що це вже не місцевий конфлікт, що його значіння обмежується вузьким районом, але явище далеко ширшого, всеукраїнського значіння. Початок 20-х чисел липня — це момент, коли страйк стає справді всеукраїнським. Поволі вступають інші залізничі. З самого ж початку до страйкарів приєднується Лівобережна (Моск. - Київ. - Вор.) залізничя.

22 липня починається страйк Харківського вузла. Ці дні — це момент найвищого напруження страйку. Але те, що страйк починався не за закликм центру, а за ініціативою окремих пунктів, дуже ускладняє проблему про основні гасла страйку, бо кожен пункт висував свої. Щоб достеменно встановити гасла основні, треба порівняти й вивчити масовий місцевий матеріал. А такого саме й бракує.

Нам доведеться ще повернутися до питання, через що страйк почався не в місцях найбільшої концентрації залізничного пролетаріату, а на глухих станціях Правобережжя. Тепер треба констатувати, що, починаючи з моменту вступу в страйк основних вузлів залізниць, починає чітко відчуватися їхній велетенський вплив на всю залізничну мережу. Утворюються головні страйкові комітети, що поволі починають брати під свій вплив увесь хід страйку на залізничях. Починає відчуватися вплив основних пролетарських центрів залізниць — головних майстерень,

депо, найбільших станцій. Що яснішим стає те, що швидкої перемоги страйку чекати не можна, то чіткішою стає диференціяція проміж самих залізничників, то різче відсуваються тривалі, загартовані пролетарські елементи від нестійких та хистких груп.

З самого ж початку управління залізниць дуже несміливо розпочинали страйк, не знаючи, чого їм більше боятися — чи утиску „начальства“, чи навалу робітничої маси. Київське управління застрайкувало лише 19 липня, та й то не все: головна бухгалтерія та бухгалтерія служби тяги так і не приєдналися до страйку. „Но, — додає документ Державної Варти, — настроение у небастующих подавленное, и являющиеся на службу стараются поскорее уйти домой“¹⁾.

Навіть серед самих робітників немало було елементів, що вагалися під тиском збройної сили німців. Так, на ст. Козятин 20 липня, коли німецька влада почала вже активно втручатися в справу ліквідації страйку і перший страйковий комітет заарештовано, відбулися загальні збори. „На собрании, — пише агент Державної Варти, — выступали слесарь Закревский, конторщик Краснов и машинист Васьковский с возбуждающими речами. На этом же собрании присутствовал немецкий комендант, который заявил, что второй комитет будет распущен, а третий расстрелян. Тогда машинист Абаревич заявил, что в виду такого об'явления коменданта он слагает с себя звание члена комитета, не желая рисковать жизнью, слесарь же Кутин выступил с большой речью, обвиняя Абаревича в малодушии, трусости и нежелании постоять за общее дело, чем поднял дух собрания. Раздались возгласы „правильно!“ от большинства, часть же меньшая примкнула к Абаревичу“²⁾.

Треба додати, що сам Абаревич (або ж Обаревич) од руху не відійшов, у страйковому комітеті залишився й 6 серпня був німецькою владою висланий у Брест; але ці розходження проміж самими страйкарями, що почалися вже від перших днів страйку, тривали й поглиблювалися що-дня далі. Це відбивалося на самому переведенні страйку. Орган Одеського Комітету КП(б)У в серпні писав:

„Если благодаря штрейкбрехерству части движенцев — машинистов и проводников — удалось наладить далеко не полное движение в некоторых узлах, то ось всего железнодорожного дела — мастерские и депо — не работают почти нигде. Точно так же нет товарного движения. Чиновники, высшие служащие, так называемая „интеллигенция“ работает, испугавшись угроз немцев и админи-

1) „Архів революції“. Фонд Державної Варти. Справа № 40. „Дело с перепиской о профессиональном союзе служащих мастеровых и рабочих железных дорог Украины. Часть I. Киевский район“. Стор. 151.

2) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 170.

страции, рабочие же держатся стойко, зная, что только победив они улучшат свое невыносимо тяжелое положение“¹⁾.

Таким чином, „вісь“ усієї залізничної справи — депо й майстерні — були й „віссю“ всього залізничного страйку. Тут утворювалися страйкові комітети, звідси розсилалося заклики до непохитності інструкції що до поведінки, тут обиралося нових членів комітетів замість заарештованих, тут зосереджувалося політичну активність мас залізничного пролетаріату.

Вичерпне вивчення страйку, таким чином, означає глибоке вивчення взаємодії між цими центрами й залізничною мережею. І саме через те, що залізниця — організм надто складний та розкиданий, дуже важко встановити навіть те, коли ж саме закінчився й скільки тривав всеукраїнський залізничний страйк. Бо окремі ланки залізничного механізму вступали й виступали з страйку не разом, а кожна окремо, в свій час. От, наприклад, спогади харківських товаришів кажуть, що страйк на харківському вузлі тривав щось півтора тижня (див. вище); і цей факт заперечувати важко. Але в той самий час із газетних відомостей ми знаємо, що Слобожанська (Південна) залізниця мало що не останньою припинила страйк, тоді як інші залізниці вже працювали, і що прояви її активності тривали в усякім разі далеко довше, ніж півтора тижні²⁾. Вважати на підставі даних одного лише Харківського вузла, ніби - то страйк тривав лише 10 день, ніяк не можна.

Навіть дату початку страйку важко встановити. За день його початку вважають 15 липня. Але треба пам'ятати, що страйкували окремі залізничні пункти вже й перед тим; так, за 5 день до Здобунового застрайкувала товарна станція Таганрог³⁾. Також і такий величезного значіння факт, як те, що одеські головні майстерні страйкували цілий місяць⁴⁾, не дозволяє говорити про страйк, як про явище десятиох день.

Треба уточнити й періодизацію подій самого страйку. Дашкевич говорить про дві хвилі піднесення залізничного страйку: одну вищу — на початку його; другу нижчу — в серпні місяці, звязану з переходом до підривної тактики. Нам така періодизація здавалася б не досить (поки-що) обґрунтованою фактичним матеріалом, бо сам Дашкевич такого матеріалу наводить замало, а той, що наводить, належить майже виключно Правобережній залізниці. Треба, до того як давати суцільну

1) Там саме. Справа № 78. „По переписке о Социал - Демократической Партии большевиков по Херсонской губ.“ Стор. 527.

2) „Відродження“ № 14, 13 вересня 1918. Київ.

3) „Вперед“, № 33, 10 липня 1918. Орган Катеринославського К-ту РСДРП. І.

4) Бессонов. Железнодорожная забастовка в Одессе. „Лет. Рев.“ № 3, 1927, стор. 84.

картину всього перебігу подій, детально вивчити (а значить і зібрати) місцевий матеріал. Треба на підставі цього ясно відзначити основні центри руху, шляхи його поширення, організаційну структуру, склад та роботу його керівних органів, не лише центрострайкомів, але й страйкомів на місцях, і основне — зібрати достатній матеріал про масовий рух, що був основою всього страйку.

А проте ми не маємо такого про Лівобережну залізницю, а про Слобожанську та Запорізьку (Катерининську) залізницю знаємо замало. Отже спроба дати вичерпну картину страйку була б на сьогоднішній день передчасною, бо навіть найелементарніші твердження про страйк не можна встановити й обґрунтувати з достатньою достеменністю. Отже, такого завдання ми собі не ставимо.

Але деякі окремі (хоч і дуже важливі) проблеми можна поставити вже й тепер, і не тільки поставити, але й дати досить обґрунтовану спробу їх розв'язати. До таких проблем належать у першу чергу: проблема ролі профорганізацій в підготовці до страйку; проблема організації (чи реорганізації) керівництва підчас страйку; питання про ролу в страйку українських національних організацій; проблема організації боротьби проти страйку; питання про політичні тенденції й загальну оцінку страйку. Ми спробуємо дати тут загальний начерк для шляхів, що на їх треба шукати розв'язання цих проблем. Всі ці проблеми дуже щільно пов'язані. Ми навмисно не беремо тут окремо питання про вплив більшовиків — саме через те, що основною політичною тенденцією страйку й був, як ми то гадаємо показати, перехід основної маси пролетаріату й селянства України під провід комуністичної партії. Саме цим і пов'язуються всі тут намічені проблеми. Всі вони спрямовані до з'ясування одної центральної проблеми: залізничний страйк як крок до виспівання соціалістичної революції на Україні.

II. РОЛЯ ПРОФОРГАНІЗАЦІЙ У ПІДГОТУВАННІ СТРАЙКУ

Не може бути армія переможною без штабу. Це — не лише аксіома, але й трюїзм.

Чи був же такий штаб в армії залізничників України 1918 року?

Треба сказати правду, що урядовці гетьманської Державної Варти, даючи назву одній із справ свого департаменту „Дело о профессиональном союзе служащих, мастеровых и рабочих железных дорог Украины“, виявляли передчасну прозорливість. Бо тоді, коли заводилося цю справу, в квітні-травні 1918 року, такого союзу не було, і, мабуть, ніхто серйозно не вірив у можливість його існування. По розриві бо державних зв'язків із Росією, по виході своєму із складу

всеросійської спілки залізничників, залізничники України zostалися розпорощеними по окремих залізницях, без єдиного представництва. Черговим етапом було створення спілок по окремих залізницях: Південно-Західній (Правобережній), Київ-Во-Воронізькій (Лівобережній), Південній (Слобожанській), Катерининській (Запорізькій), Донецькій. Саме на цьому ступені об'єднання й застав залізничників України гетьманський переворот.

Про це не слід забувати, вивчаючи історію залізничного страйку. Фактично у видрукованих матеріалах, і передусім у Дашкевича, розроблено майже виключно історію спілки залізничників Південно-Західніх залізниць. Це становить лише одну п'яту частину всього руху залізничників. Про решту головних комітетів ми не знаємо майже нічого. Увагу дослідників має бути звернено на ці сторони справи. Того матеріалу, що є в нашому розпорядженні, поки - що замало.

Отже, всеукраїнського центру не було. Але силою всіх обставин Головний Комітет Правобережної залізниці став за той центр (не організації звичайно, а лише уваги), що своїми вчинками ніби виступав іменем всього залізничного пролетаріату України. До цього спричинялося багато різних обставин. Передусім те, що Головний Комітет Правобережної залізниці був у Києві, в центрі гетьманської влади. Це накладало на нього обов'язок як - найшвидше відкликатися на всі її виступи, стати за носія ідеї професійної організації залізничників. По - друге, тут впливало й те, що саме регулярна робота правобережних залізниць була найважливішою для німецького уряду та його слухняного агента — гетьмана; бо саме цими шляхами здійснювалося основне завдання німецької окупації України — експорт збіжжя до Німеччини. Через це й об'єктивно стан речей на Правобережній залізниці відігравав значно більшу роль в політичному житті країни, ніж на інших залізницях.

Звідси ясно, по - перше, те, що історія спілки Правобережної залізниці аж ніяк не може заступати історію професійного руху залізничників цілої України, але, по - друге, ясно й те, що діяльність та політичне обличчя профцентру правобережників справді відігравали велику роль в житті всіх українських залізниць 1918 року. Тому великий інтерес являє собою проблема: яку ж роль відіграв оцей центр у підготованні страйку? В нашій літературі, до речі, дуже поширена думка, ніби - то страйк вибухнув „несподівано“ для керівників. Ми зараз побачимо, оскільки обґрунтований такий погляд, і зосередимо нашу увагу навколо цієї проблеми. Це має тим більше значіння, що дальша еволюція найсумнінішої частини членів цього комітету до більшовизму може заступити перед нами справжній характер цього центру в той період.

Насамперед: хто стояв на чолі залізничників Правобережної залізниці? Хто керував їхнім рухом? Хоч історію

Головного Комітету й розроблялося дуже уважно, але достеменною відповіді на це питання дати не можна¹⁾. Однак, політична фізіономія діячів руху абсолютно ясна. Серед сімох членів Головного Комітету, що їх перелічує офіційний протокол „засідання Совета Проф. Союза служащих, мастерових и рабочих Правобережных (Ю.-З.) жел. дор.“ 14—16 червня 1918 р., ми маємо 3 меншовиків, 1 соціяліста-революціонера, 2, що про їхню партійність в той час ми не маємо точних відомостей, та 1 „позапартійного“ — голову Сосновського. Цей голова, за довідкою, що її дав адресний стіл Державній Варти, службовець управління Південно-Західньої залізниці, „потомственный дворянин Нижегородской губернии“²⁾. Один із соціал-демократів, Сакало - Поповський, за даними протоколу допиту в Державній Варті, — теж дворянин, хоч і служить машиністом на Південно-Західній залізниці³⁾.

Але всі ці дані стають значними лише в світлі всієї діяльності Головного Комітету. У нас поширена думка, ніби - то делегатський з'їзд залізничників, що обрав Головний Комітет, розігнано⁴⁾. Це правильно. Але мало хто знає, що розігнав його, власно, не гетьманський уряд, що тільки-но народився підчас делегатського з'їзду, а сам Головний Комітет. Про це цікаво розповідає тов. Дашкевич⁵⁾, що сам належав тоді до меншости й був проти завчасного розпуску з'їзду. Це було першою акцією нового провідного органу залізничників. Зроблено це було так уміло, що лише потім розібралися, що та як: на одному з засідань голова говорить, що обставини, мовляв, склалися в країні так, що це от ми розходимось та й не знаємо, коли зустрінемося знову. Згодом Головний Комітет надав цій гнучкій формулі такого тлумачення, що з'їзд з огляду на об'єктивні обставини припинив свою роботу — і делегати мають їхати додому; і на цій підставі відмовлено влаштувати ще хоч одно пленарне засідання з'їзду.

Дальші виступи цього нового „з'являючого боротьби“, яким мусив бути Головний Комітет, були логічним розвитком його першого кроку. З'їзд доручив Комітетові в першу чергу юридично оформити саме існування Спілки й затвердити її статут

1) Є кілька списків членів Головного Комітету, що не сходяться. Так, тов. Дашкевич подає один список (див. стор. 82); протокол Головного Комітету 14 червня, що є в архіві Державної Варти, дає другий список (див. Архів Революції, справа № 40, стор. 285), що налічує 7 чол.; лист Бутенка 8 липня з вимогою заарештувати всіх членів Головного Комітету називає 13 чол., що серед них, без сумніву, є й не члени Комітету (те саме, стор. 107); кінець - кінцем газетні кореспонденції, що сповіщали про вибори комітету, називали 12 прізвищ („Наш Юг“, Харків, 4 жовтня), налічуючи серед них 6 есдеків, 4 есерів, 2 укр. фракції й не називаючи серед них ані Сосновського — голову комітету, ані Лева — заступника голови.

2) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 121.

3) Там само, стор. 101.

4) Бессонов... Стор. 72, примітка.

5) Дашкевич... Стор. 79—80.

(що був в основному затверджений з'їздом) в належних судових інстанціях. Це він і перевів у червні місяці через Київський округовий суд. Але через кілька днів по затвердженні цього „статуту“ міністерство шляхів зняло галас навколо нього, вбачаючи в окремих його пактах загрозу для „громадського порядку й безпеки“, і заявило, що воно спілки, що існуватиме на таких основах, не визнає й не визнаватиме.

В найширших колах робітництва залізниць почався широкий рух протесту. Головний Комітет відкликнувся на цей масовий рух. Він завів широке листування з міністерством шляхів, дав на місця інструкцію — не йти за наказами комісарів міністерства, а провадити свою лінію, і нарешті, коли міністр шляхів Бутенко призначив останній термін для перереєстрації спілки, він зібрав засідання поширеного „совета професіонального союзу“ саме в ті дні, коли кінчався термін його перереєстрації.

З протоколів цього „совета“ передусім видно, що у вирішальний мент Головний Комітет свої позиції здав. Він приймає всі вимоги міністерства, що навколо їх увесь час точилася боротьба. Було спірним питанням — хто має оплачувати робітників спілки; кінець-кінцем Головний Комітет взяв це на себе цілком. Головний Комітет зобов'язався всю професійну роботу провадити виключно в неробочий час і лише в приміщеннях, що не належать адміністрації, „не оспаривая права адміністрации на пользование и распоряжение служебными помещениями“. Він відмовився від дисциплінарних судів. Він визнав за припустиме передання адміністрацією частини спілкових грошей „Українській Культурно-Просвітній організації“, що її спеціально підтримувало міністерство (про цю організацію в нас буде мова в дальшому розділі). Нарешті, здавши всі свої основні позиції й ставши в позу переможця, „Главный Дорожный Комитет заявляет, что дальнейшая его деятельность будет попрежнему оставаться в границах правовой защиты профессиональных интересов Союза“. І далі, Головний Комітет недвозначно пояснює, що він розуміє під „выходом за границы правовой защиты“. „Забастовка.— пише він далі,— как средство борьбы, в условиях переживаемой действительности безусловно недопустима, в виду неизбежности тяжелых разрушительных последствий для организованного профессионального строительства¹⁾.

„Позапартійний“ Сосновський провадив чітку й послідовну лінію. Він залізною рукою придушив спробу Градова-Матвеева поставити першим пунктом порядку денного питання про „текущий момент“. Він (та й не один ще він, звичайно) держав курс на „организованное профессиональное строительство“ в рямцях гетьманської легальності, він був за легальну —

¹⁾ „Архів Революції“, Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 281—283.

і виключно легальну — роботу за всяку ціну. Він бо не уявляв собі можливості вийти за межі цієї легальності. Чи ж можна ставити ці гасла поруч із гаслами комуністичної партії, що (через шість тижнів після цієї постанови) в прокламації від 1 серпня закликала ставитися обережно до всіх виступів, щоб зберегти свої сили для дня рішучого революційного наступу на ворога?

А коли Головний Комітет навіть і закликав — уже безпосередньо напередодні страйку під натиском робітничих мас — до непокори гетьманським агентам, він це теж мотивував так, що це могло вносити лише розлад у революційну свідомість робітництва: „Вимоги комісарів міністерства шляхів не тільки суперечать законові, а й §§ 7 і 13 тимчасової інструкції від 27 травня 1918 року... згідно якої комісари повинні підтримувати всі без винятку професійні організації, а тому такі вимоги комісарів ні в якому разі не належать до виконання...“¹⁾.

Не тому треба повставати проти вчинків міністерських комісарів, що вони — представники ворожої класи, а тому, що ці вчинки суперечать таким-ось пунктам інструкції. Виступати перед робітничою класою в ролі її захисника і принижувати її свідомість, фетишизувати за доби революції легальні форми, затримувати піднесення робітничої активності й виховувати в робітництві парламентарні ілюзії підчас громадянської війни — от основна лінія провідної групи, групи що поруч із нею, як ми згадували, вже напередодні страйку існувала ліва опозиція, — поки - що незначна, неактивна й несмілива.

Але на весь свій зріст, як льокаї войовничого імперіалізму, стають перед нами постаті „проводирів“ спілки в протоколах допитів, що їх робилося в Особому відділі штабу гетьмана України. В червні за пропозицією голови ради міністрів зроблено туси й заарештовано кількох проводирів спілки залізничників, серед них — двох соціал-демократів. Протоколи допитів їх, що збереглися в архіві департаменту Державної Варти, варті того, щоб їх передрукувати в значних витягах.

От, наприклад, основне з показів заступника голови Головного Комітету, соціал-демократа Лева:

„С 13 мая с. г. я состою тов. председателя Главного Комитета Профессионального Союза служащих, мастеровых и рабочих Ю.-З. ж. д., ныне Правобережных ж. д. Со дня моего вступления в исполнение обязанностей тов. председателя названного Комитета я не помню такого дня, когда бы в комитет не являлись одна или две делегации с различных станций, уполномоченные служащими таких на ходатайство об уплате причитающихся за прошлые месяцы невыданного жалованья, при чем названными делегациями заявлялись ходатайства, как в устной форме, так и в форме письменных наказов, постановляемых

¹⁾ „Робітничя Газета“, 16/VII, № 318. Орган УСДРП. Київ, 1918.

различными железнодорожными организациями за подписями членов таковых... Эти указы хранятся при делах Главного Комитета.

„Некоторыми из являвшихся в Главный Комитет делегаций заявлялись также еще ходатайства о сохранении окладов в прежних размерах, в виду дороговизны жизни, а в то же время иногда указывалось теми же делегациями на крайне повышенное, грозящее эксцессами настроение служащих, поставленных отсутствием продуктов и денежных знаков в крайне безвыходное материальное положение. Ко времени вступления моего в должность тов. председателя Главного Комитета служащим и рабочим, как и поныне, не уплачено жалованье за март и апрель месяцы, а также не уплачена разница в окладах за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1917 года, а точнее — надбавка жалованья. Упомянутые ходатайства поступали с разных мест и по телеграфу на имя начальника дорог, которому немедленно председателем Главного Комитета докладывались поступившие в Комитет ходатайства и заявления, но безрезультатно.

„Под влиянием неудовольствия рабочие были склонны прибегнуть даже к забастовке и если воздержались от таковой, то главным образом благодаря предупреждениям Главного Комитета о нерациональности забастовок, с одной стороны — в виду имеющихся у германцев наготове железнодорожных отрядов, а с другой — безуспешности самого протеста, так как денежный кризис неизбежен вплоть до середины июня месяца, пока не получится транспорт денежных знаков с г. Лейпцига, о чем нас предупреждал и сам начальник дорог Кириллович.

Накануне моего ареста, т.-е. 8 сего июня, из г. Одессы прибыла делегация, сообщившая, что там уже началась частичная забастовка, так как, кажется, рабочие участка службы пути не вышли на работы. Об этом я дважды пытался доложить начальнику дорог, но он отсутствовал, будучи на заседаниях немецких властей, как это было мне объяснено правителем канцелярии начальника дорог.

В союзе в настоящее время имеется около миллиона рублей процентных отчислений, которые предназначены на культурно-просветительные цели, содержание канцелярии Комитета, оплату суточных членам организаций и прочие нужды, предусмотренные и утвержденные IV Делегатским Съездом Союза, при чем названные денежные суммы хранятся у администрации дорог и затребываются по мере надобности особыми требовательными письмами на имя начальника дорог“¹⁾.

1) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 93 — 96.

Що видно з цього протоколу? Передусім те, що соціал-демократ Леве вважає для себе за можливе виправдуватися перед агентом німецького капіталізму, вихваляючись, що тільки завдяки його та його товаришів роботі ще й досі немає загального страйку на залізницях. По-друге, те, що він одверто визнає свою ролю, як агітатора уряду перед масами, агітатора, що доводить масам неможливість для „хазяїна“ платити більше й регулярніше, ніж він платить; те, що він цю свою, свого роду „производственную пропаганду навыворот“, ставить собі як великий плюс і пишається з неї. По-третє, те, що він запевняє слідчого, що ті гроші, які є в розпорядженні спілки, аж ніяк не можна обернути на допомогу страйкарям, вони бо призначені на „культурно - освітні“ потреби й що - раз видаються самим начальником.

З цього видно, що страйк не був для профробітників несподіваним, що вони його добре передбачали й робили все, щоб його уникнути.

З цього видно, що на місцях активно й уперто готувалися до страйку: маса мобілізувалася, збиралася на битву, чекала її, її не боялася. Низові професійні організації, що щільно приєднувалися до маси залізничників, були виразниками їх настроїв і собі під натиском маси висували й формулювали її вимоги. Але ця революційна енергія, що безпосередньо виникала з беспорядного економічного стану залізничників, лишалася розпорошеною по окремих пунктах — по депо, майстернях, станціях. Центр, що мусив би об'єднати цю енергію задля об'єднаної революційної акції в масштабі України, абож, принаймні, всієї залізниці, свідомо перешкоджав цьому об'єднанню, не роблячи ніяких кроків що до нього і, навпаки, провадячи активну антистрайкову агітацію.

Ще вищим типом свідомого зрадника, що просто видає прізвища своїх же, трішечки лівіших од нього товаришів, виступає перед нами дворянин - машиніст Сакало - Поповський. Ось витяги з його свідчення:

„Я служу машиністом на Ю.-З. ж. д. и в то же время состою членом Главного Комитета Союза служащих Ю.-З. ж. д., как таковой я присутствовал на собраниях нашего комитета, а также на состоявшихся делегатских с'ездах нашей дороги и на всеукраинских с'ездах, при чем последний с'езд всероссийский, состоявшийся 15 декабря 1917 года, я не прослушал полностью, ввиду происшедшего раскола всех с'ехавшихся на большевиков и правых. И вот, я, как примкнувший вместе с Леве и Чухманенко к правой части, за месяц до окончания с'езда таковой вместе с названными покинул. На с'ездах и собраниях я никогда не выступал с речами, так как, не обладая даром слова, я работал больше в трудовой комиссии.

Что касается найденных у меня двух брошюр — речи Спиридоновой и „Наш Путь“, то таковые были привезены нашими делегатами, остававшимися на левой части с'езда в Петрограде и взятых мною для прочтения, но я их так и не разрезал. Фамилии этих депутатов — Жук, Браун, а третий слесарь из Бородинки, его фамилии я не помню.

„В роли агитатора я никогда и негде не выступал, да и вообще какая-либо противозаконная агитация за последнее время среди служащих не велась, да и Главный Комитет стоял на страже недопущения таковой, принимая неустанно всевозможные меры к искоренению недовольства служащих по поводу неуплат следуемого им за истекшее время жалованья. За последнее время в Главный Комитет очень часто являлись с различных линий делегации с жалобами и свидетельствами критического материального положения служащих, доведенных до разорения. Мы же, члены Главного Комитета, желая доказать делегациям, что неуплата жалованья не есть результаты предвзятого давления администрации дорог, а, наоборот, вследствие временного недостатка денежных знаков, каковой мотив нами постоянно указывался в доказательство и нерациональности, и неосновательности всяких забастовок, немедленно отправляли делегации обратно, не допуская их, во избежание всяких беспокойств, к высшему начальству, с которым предпочитали сноситься, ввиду нашего полного доверия, без всяких делегаций. Эта тактика Комитета неоднократно вызвала соответствующую благодарность и признательность начальства. Больше добавить не имею. Показание мне прочитано. Илья Сакало - Поповский“¹⁾. (Підкреслення моє — М. Р.).

Справді, додати нічого. Сакало - Поповський не став мудувати, як той Лева, а „брязнув“ прямо: ми за вас робимо, щоб вам „беспокойства“ не було,— ви вже нам довіртеся, ми не видамо. І гетьманська влада довірилася їм. Коли вже зовсім напередодні страйку, 8 липня, гетьманський „твердолобий“ міністр шляхів Бутенко вимагав негайного арешту всього Головного Комітету, директор департаменту Державної Варти Аккерман просто не звернув на це ніякісенької уваги²⁾). Коли вдруге Бутенко 2 серпня писав прямо міністрові внутрішніх справ Кистяківському, що страйк, який тепер провадиться на залізницях України, виник... „безумовно завдяки агітації так званого Головного Дор. К-ту цієї дороги, котрий, хоча й скасований мною, як інституція цілком антидержавна, все-таки

¹⁾ „Архів революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 4), стор. 101 — 102 і 105.

²⁾ Там само, стор. 107.

існував нелегально й підпільно боровся проти залізничного уряду, хоч він і писав, що „не зважаючи на мої прохання перед міністерством внутрішніх справ про арешти членів Гол. К-ту, вони все-таки залишалися на волі і провадили свою шкідливу роботу“, і, значить, треба їх заарештувати хоч тепер¹⁾, все було даремно.

Репутація Головного Комітету стояла в Державній Варті надто високо, щоб записочка Бутенка змогла її заплямувати. Бо ще 22 липня, саме підчас найвищого піднесення страйкової хвилі, Аккерман писав в Особий відділ: „В отношении Сосновского — не чисто профессионал, а с политическим уклоном. Как он, так и остальные члены Комитета жел. дор. союза — люди безусловно честные. В местном стачечном комитете играет значительную роль стрелочник Милюченко“²⁾.

Таким чином, „стрелочник“ оказався воістину винний. Не Сосновский, не Лева, не „машинист во дворянстве“ Сакало-Поповський були винні у виникненні страйку. Він виник всупереч усіх їхніх прагнень, не зважаючи на їхню „сумлінну“ й „безумовно честну“ що до гетьманського уряду „роботу“. В тій атмосфері, яка панувала в Головному Комітеті, коли він залишався на самоті, без догляду маси, цілком природним був і такий випадок, коли підчас арешту двох членів його один із тих членів Головного Комітету, що залишалися на волі, 11 червня звернувся до „п. міністра народньої освіти“ (!) з проханням, де писав: „Я покорнейше прошу Вашего просвещенного содействия освобождению из-под ареста указанных лиц, в высшей степени лояльных в политическом отношении“³⁾. Як дивно, літерально збігаються думки гетьманського „шефа жандармів“ про членів комітету з їхніми власними думками про себе самих.

Отже, політичне обличчя провідної більшості Головного Комітету напередодні страйку абсолютно ясне. Треба взяти до уваги одне: не можна цю характеристику механічно переносити на всі головні комітети всіх залізниць України. Ми не маємо, як уже зазначалося, поки-що докладних та достовірних відомостей про їхню поведінку. Але ті розірвані дані, що є в нашому розпорядженні вже тепер, промовляють, що їхня лінія була не цілковитим повторенням лінії Головного Комітету Правобережної залізниці.

Так, за свідомством тов. Дашкевича, представники Головного Комітету Слобідської залізниці розійшлися з Головним Комітетом П.-З. залізниць у питанні про те, як слід реагувати на вимоги міністерства шляхів що до змін статуту спілки й скасування пільг профробітникам. В той час, як правобереж-

1) „Архів революції“ Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 239.

2) Там само, 151.

3) Там само, справа № 56 „Со списками арестованных по политическим делам по г. Киеву“. Стор. 16.

ники обстоювали гасло „легальність за всяку ціну“ та йшли назустріч вимогам уряду, представники Південних (Слобідської) не додержувалися такого погляду. На жаль, докладніших відомостей у нас поки немає.

Так само є деякі уривчасті матеріяли, що вказують, що лінія поведінки Головного Комітету лівобережної (МКВ) залізниці теж де в чому відрізнялася від лінії правобережників. Так, у документах, що були взяті підчас трусу 3 серпня у службовця станції Дарниця, є дані, що вказують на наявність звязків із Курськом, правда, звязків досить старих (матеріяли про організацію в Курську в січні — лютому 1918 року страйкового комітету¹⁾. Ці звязки були зовсім природними для цієї лінії.

За даними таємної агентури департаменту, 26 червня відбувся в Конотопі з'їзд службовців Києво - Воронізької залізниці, що ніби ухвалив таку постанову: „Добиваться поставленных задач всеми средствами и способами, не останавливаясь перед забастовкой по линии и проводя эту забастовку со всей строгостью“²⁾. Якщо дійсно такий з'їзд був, ця резолюція визначала б значне розходження між офіційними лініями профспілок Києво - Воронізької та Південно - Західніх залізниць.

Через кілька сторінок у тій самій справі Державної Варти ми надібуємо резолюцію, що її ухвалено теж у Конотопі й теж 26 червня, але не „з'їздом службовців“, а лише загальними зборами робітників ст. Конотоп. „Мы,— сказано в цій резолюції,— во всякий момент готовы поддержать его (Головний Комітет), и когда он найдет нужным призвать нас к забастовке, мы все как один человек оставим работу и не побоимся никаких лишений“³⁾. (Підкреслення моє — М. Р.). Сама резолюція не являє собою нічого дивного. Цікаве те, що вона була прийнята на доповідь Головного Комітету й поклала на нього надії, що він може проголосити страйк. Очевидно, його лінія була не такою чіткою та послідовною що до витриманого угодовства, як лінія Головного Комітету Правобережної.

А проте, не треба перебільшувати цих розходжень між комітетами. Через кілька день до початку страйку, той самий Головний Комітет Лівобережної залізниці посилає одвертого листа до „управляющего“ залізницею⁴⁾, де пише, що „вибухнув“ проти волі Головного Комітету стихійний страйк. „Головний Комітет знає, що наслідки цього страйку однаково згубні так для держави, як і для залізничників, а тому, ставлячись до нього, як і раніш, негативно, все-таки визнає, що економічні й професійні домагання страйкарів є зовсім справедливі й дійсні“ (підкреслення моє — М. Р.).

1) „Архів революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 56, стор. 186.

2) Там само, 139.

3) „Архів революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 56, стор., 144.

4) „Робітничая Газета“. № 323, стор. 4, 1918, Київ.

Отже, ті вказівки, що ми їх уже наводили, не можуть нас спантеличити. В усіх головних комітетах провідним елементом у той час були угодовські партії. Але це нагадує нам, що в цей час самі ці партії перебували в процесі розкладу, виділяючи на одному полюсі свідомих реакціонерів та обивателів, другим же полюсом поступовно наближаючись до революційної лінії. Саме це примушує нас вважати за чергове завдання уважне вивчення роботи найменш відомих організацій, надто ж організацій Катерининської та Донецької залізниць, що про їх у наших матеріалах зовсім нічого немає. Страйк, як ми вже відзначали, не був несподіваним для реформістських провідників залізничних профорганізацій. Вони провадили активну роботу ще до нього. Але ця робота була не в мобілізації мас, не в підготовленні перемоги робітників, а в деморалізації робітничої маси, в роззброєнні її, в політичній дезорганізації. Підготовку до страйку провадила сама маса, розпорошена по окремих станціях і майстернях, всупереч прагненням реформістських організацій.

III. РЕОРГАНІЗАЦІЯ КЕРІВНИЦТВА ПІДЧАС СТРАЙКУ

Розклад угодовських організацій стимулювався й прискорювався ходом подій, що розкривали перед масою суть угодовства, виховували маси й сприяли їхній революціонізації. Що далі поглиблювалася боротьба, то чіткіше ставала роль угодовства, як системи.

Провідна група Головного Комітету Правобережних залізниць, що зберегла свою попередню позицію й підчас страйку, еволюціонувала й далі в тому самому напрямку. Своє завдання вона вбачала не в тому, щоб сприяти перемозі робітників, а в тому, щоб як - найшвидше та як - найкраще ліквідувати страйк. От що ухвалено на засіданні Головного Комітету другого дня по виникненні страйку, тоб - то 17 липня.

„Слушали:

Сообщения забастовавших районов.

Доклад председателя Комитета о положении дел и предпринимаемых Главным Комитетом мерах к удовлетворению бастующих и прекращению вспыхнувшей стихийно забастовки.

Постановили:

Опасения, высказанные Главным Дорожным Комитетом в докладе Председателю Совета Министров 10 июля текущего года, сбылись.

Материальная нужда и поправление элементарных прав членов Союза как граждан на участие в здоровой и профессиональной общественной жизни вынудили массы же-

лезнодорожників действовать вне и помимо руководящих указаний Главного Дорожного Комитета. Из рассмотрения постановлений районных комитетов забастовавших районов экономические профессиональные требования, по убеждению Главного Дорожного Комитета, как общие в данное время всем железнодорожникам, своевременны, справедливы и насущны.

Не имея возможности остановить или предупредить забастовку вследствие исключительного противодействия Комитету Министра Путей Сообщения, Бутенко, Главный Комитет считает, что усвоенная министром система угроз и репрессий, выраженная и в телеграмме его от 16 июля, может лишь усилить массовые волнения.

Главный Дорожный Комитет просит членов Союза предупредить всякие эксцессы и насилия и облегчить Главному Комитету спокойным отношением к событиям и распоряжениям администрации возможность правовой защиты и удовлетворения насущных экономических интересов Союза согласно воле его членов¹⁾. (Підкреслення моє — М. Р.).

Що маємо ми тут? Головний Комітет не лише виправдується, підкреслюючи, що страйк вибухнув без його волі, він не лише мріє — в умовах імперіялістичної військової диктатури — про „здорове професійне громадське життя“, — він дає прямі поради міністерству що до найкращого способу ліквідації страйку. І треба сказати, що страйк був фатальним для цієї угодовської організації. Починаючи з моменту проголошення страйку, роля старих центральних професійних організацій залізничників України поступовно сходить на нівець. Натомість виступають нові органи, що народилися й викувалися в процесі самої боротьби.

В тому - то й уся справа, що не можна механічно протиставити стихійність та організованість. Без сумніву, ніяка професійна організація, ніякий єдиний керівничий центр не готував страйку заздалегідь, не організував однастайности й погоджености вчинків армії залізничників. Отже, говорити про організованість страйку без дальших зауважень неможливо. В той самий час не можна вважати весь страйк за стихійний. Бо в процесі його, починаючи з найперших його початків, уже почала виспівати нова, вища, бойова організація залізничників. Але надто помилковою була б така концепція: страйк почався стихійно, але відбувався організовано. Бо суть справи є не в переході маси від стихійности до організованости, а в переході її від організації реформістської до організації революційної.

¹⁾ „Архів революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 131.

Основне в тому, що реформістська організація з самого ж початку намагалася] забезпечити свій вплив та своє керівництво страйковим рухом, хоч він і виник всупереч її прагненням. Тов. Дашкевич говорить, що перший страйковий комітет висунено безпосередньо на зборах представництв страйкарів Київського вузла, але в той самий момент його поповнено представниками від усіх угодівських партій та Головного Комітету, хоч цей останній офіційно ніякої участі в страйку не брав¹⁾).

Реформістам пощастило завоювати собі величезний вплив у цьому першому комітеті. Представника комуністичної партії не допущено навіть на початку до участі в страйковому комітеті. Офіційно це було мотивовано тим, що взагалі представників політичних партій у страйкомі не має бути, бо страйк суто економічний²⁾, хоч це й була чиста брехня; неофіційно говорилося, буцім-то пускати більшовиків не можна через те, що скажуть, що це агентура Москви³⁾. Певне одне: що шляхом такого „нажиму“ Головному Комітетові Правобережної пощастило створити собі щирю агентуру в особі першого страйкового комітету.

Яскравим доказом цього є прокламація, що з нею виступив страйковий комітет на першому тижні своєї роботи й що більшу її половину присвячено викладові й захистові вчинків Головного Дорожнього Комітету. 21 липня надруковано по всіх газетах урядове повідомлення про страйк, де зазначалося, ніби основними вимогами страйкарів є вимоги політично-професійного характеру. У відповідь на це страйком виступає з декларацією, де й пише:

„С т а ч к о м вынужден дать объективный ответ на прavitельственное сообщение . . .

Главный Комитет Союза служащих, мастеровых и рабочих Правобережной (Юго-Западных) ж. д. был избран IV Делегатским Съездом по „деловому“ принципу, что является очевидным доказательством желанія железнодорожников продолжать профессиональное строительство вне какой бы то не было политики.

Зарегистрированный Устав, который служит единственным руководством к деятельности органов союза, не только не содержит в себе ничего незаконного (иначе он не был бы зарегистрирован в суде), но, наоборот, при сочувственном к Союзу отношении давал бы возможность администрации безболезненно выходить из самых тяжелых экономических и финансовых затруднений переживаемого

1) Д а ш к е в и ч . . . Стор. 143, 144.

2) М а й о р о в . . . Стор. 88.

3) Д а ш к е в и ч . . . Стор. 143, 144.

момента. Устав не тільки не содержить намеков на політичні притязання залізничників, але навіть виключає „забастовку“ як засіб економічної боротьби. Будь-хто, хто бажає перевірити вищевикладені положення, може переконатися в цьому, ознайомившись детально з Уставом. В наші часи, коли залізничники втратили всяку надію отримати від Міністерства Путей Сообщення заробітчані гроші, бачачи з боку Уряду повне ігнорування їх законних потреб, коли дійсний голод затемнив здорове і об'єктивне судження про застосування такого відчайдушного заходу, як залізнична забастовка, єдиний залізничний союз в особу своїх законних органів міг би багато допомогти Уряду для встановлення порядку і спокою.

Але Уряд забув уроки історії і пішов шляхом диких репресій. Цим своїм кроком Уряд безумовно провокує залізничників на шлях політичної дії.

Стачкою заявляє, що він використає всі сили, щоб не допустити стихійно виниклого руху в стадії політичної боротьби, вважаючи це катастрофічним для всього робітничого класу, чреватим негативними наслідками для незалежності молодої Української Держави. Благодя Уставу Головний Комітет знаходиться сьогодні з боку забастовки і немігнє нічого предприняти для її ліквідації. Крім того, з ним Уряд повсе і не бажає рахуватися.

Стачечний Комітет заявляє, що щирість економічних і професійних вимог залізничників легко могла бути доведена задоволенням всюди єдиних вимог¹⁾ (підкреслення моє — М. Р.).

Той, хто вдумується в те, що тут написано, ніяк не скаже, що цей страйк хоча організувати перемогу. Та він і сам цього не казав. У другій відозві він писав:

„Залізнична забастовка виникла стихійно. Стачечному Комітету пришлось рахуватися з совершившимся фактом і взяти на себе керівництво страйком для того, щоб провести її можливо організованіше, не допустити ексцесів і закончить її одночасно по всій лінії в належний момент“²⁾.

Страйковий Комітет лише плаче за тим, що Головний Комітет усунуто від справи ліквідації страйку, що Головному Комітету не послушали, що він би міг стати урядові в пригоді.

1) „Архів революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 201.

2) Там само, стор. 199.

Отже, не перемога страйку, а його вмiла та безболiзна лiквiдацiя — от основне завдання цього „керiвництва“. На першому етапi боротьби керiвництво було проти страйку й не прагнуло його перемоги. I все значiння страйку є саме в тiм, що, не зважаючи на об'єднанi зусилля всiх оцих „проводирiв“, їм не пощастило стримати масовий рух у рямцях сутопрофесiйної боротьби, не пощастило „не допустити стихийно возникшее движение в стадию политической борьбы“. — Економiчна боротьба маси явно переростала в боротьбу полiтичну, висовувала нових керiвникiв, перероблювала, перевиховувала найкращi елементи з старого керiвничого апарату, ставала до полiтичного бою з усiм класовим укладом нiмецько-гетьманської України.

В справах Державної Варти зберiгся документ високої вартостi, що наочно показує нам самоорганiзацiю маси, яка не має щирого й сумлiнного керiвництва й примушена висувати новi форми зв'язку, форми примiтивнi, що задовольняють лише елементарнi вимоги перших крокiв боротьби, але виявляють шляхи й способи, що ними проходилися цi першi кроки. Захопивши до своїх рук станцiйний телеграф, страйкарi кожної великої станцiї насамперед намагалися зв'язатися з iншими станцiями. Якийсь урядовий агент десь перехопив в одному пунктi цей телеграфний зв'язок i передав у департамент Державної Варти все те, що передав йому телеграфний апарат протягом дня 18 липня.

От що, напр, телеграфували з Лисаветграду, зазначаючи, що центром поширення страйку для цього району була Одеса: „По всем дорогам Украины. Всем дорожным Стачечным Комитетам и всем служащим. На станции Елисаветград все служащие поддерживают предложенное требование запиской Одесского Отд. Стачки. Движение с 18 часов прекращено. Просим сообщить ход событий“.

От що телеграфували з Волочиську:

„Всем стачечным комитетам и всем главным комитетам, всем дорогам Украины и Киева“.

Главный Стачечный Комитет на общем собрании ст. Волочиск, выслушав и обсудив телеграмму министра Бутенко № 6028, постановил:

„Продолжать стачку до полного удовлетворения пред'явленных нами требований Главн. Стачечн. Товарищей Южных, Екатеринославских, Левобережных и всех дорог Украины просим не оставлять нас одних на неравной борьбе за правое дело.

Общее собрание ст. Волочиск“.

От що йшло з центру — з самого Києва:

„Всем Стачечным Комитетам.

Киев продолжает забастовку до удовлетворения всех требований смело доверьтесь телеграфу он на нашей стороне просите не бастующих не вступать на работы без нашего уведомления шлите все сообщения о настроении всех рабочих на

станціях и дорогах подробное сообщение последует 19/VII или 20/VII мужайтесь.

Киевское собрание служащих и рабочих 18/VIII¹⁾.

Цікаво те, що на початку виступає вся маса, — телеграми надсилаються за підписом загальних зборів, — провадиться між-станційну агітацію за страйк, кожна страйкуюча станція стає центром дальшого поширення страйку. Страйк шириться поза Центральним Страйковим Комітетом, що так і не видав жодного заклику до загального залізничного страйку. Всі ці заклики виходять від місцевих органів. Центрстачком мовчить. Його авторитет стоїть високо, але ті, хто має змогу ближче придивитися до його роботи, вже ставляться до неї критично. Так, телеграфісти Управління Південно-Західніх Залізниць того самого дня — 18 липня — телеграфують у всіх напрямках:

„За выключением администрацией прямых проводов просим направитъ кружными путями по всему адресу Товарищи пусть вас не смущает что телеграф Киевск. Управл. пока не об'явил стачки Мы никогда не отставали от товарищей не отстаем и теперь Мы продолжаем работать только для нашей пользы скоро присоединимся к вам после стачки к службе приступим по указанию органов союза с тщательной проверкой действительности такого указания имея в виду провокацию со стороны продажных лиц Эту осторожность рекомендуем и вам Товарищей небастующих дорог просим поддержать наше выступление памятовать что неподдержка нас отразится на общем положении полуголодного трудового класса²⁾).

Отже, не просте виконання директив центральних страйкових органів, але критична перевірка їх, контролю їхніх вчинків, а тим самим і вплив на них — от що стає поволі основним гаслом страйкарів на місцях. Уже й до страйку місцеві осередки профорганізацій були революційніші від центру. Підчас страйку революціонізування їх відбувається прискореним темпом.

Що - далі частіше в місцеві органи (страйкоми) обирають більшовиків або близьких до них своїми настроями. Самі репресії уряду й німців допомагають такій прискореній революціонізації страйкових органів. В деяких місцях, по великих пролетарських центрах, там, де більшовицька організація була досить міцною серед залізничників, там, де основну масу залізничників становили не службовці тяги, а кваліфіковані пролетарі депо та майстерень (Одеса, Харків), там більшовики зразу мали значний організований вплив у страйкових комітетах³⁾. Мало що не останнім кінець - кінцем і страйковий

1) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 155.

2) Там само, стор. 156.

3) Бессонов. Железнодорожная забастовка. Стор. 73; Грязев. Железнодорожники в революционном подполье. Стор. 30.

комітет Правобережних залізниць допустив до свого складу представника від КП(б)У тов. Реута¹⁾.

Цікаво те, що революціонізування центральних органів керування страйком відбувається під безпосереднім впливом місць. На роботу в центр переходять найактивніші робітники з місць, що на місцях примушені були піти в підпілля. Так, наприклад, один із основних керівників страйкому в Козятині Котовський, що мав бути заарештований німецькою військовою владою, переїздить на підпільну роботу до Києва, де виконує обов'язки в справі встановлення зв'язків центру з місцями. Ініціатива переведення бойкоту до страйколомів теж виявляється в руках не в страйкового комітету, а безпосередньо в робітничої маси. В середині серпня „Киевские забастовщики (не страйком, але страйкарі — М. Р.) грозят работающим (по лінії — М. Р.) приездом бойкотной комиссии“²⁾.

Отже, навіть в середині серпня зносини між страйкарями окремих станцій ще не остаточно зосереджено в руках центрострайкому, самоорганізація маси відбувається швидким темпом знизу вгору, і революціонізування центральних страйкових органів явно відстає від революціонізування маси та її низових організацій. На жаль, при тому стані збирання матеріалів, що є тепер, ми не маємо змоги детально встановити повної картини еволюції окремих центрострайкомів по окремих залізницях України. У нас є деякий матеріал переважно про еволюцію центрострайкому Південно-Західних залізниць, де боротьба з угодовцями була найупертіша. І чітко видно обидва тут відзначені моменти: по - перше, революціонізування організації; по - друге, надзвичайно повільний його характер.

В першу чергу ця еволюція страйкому Правобережних яскраво відбивається в його документах - прокламаціях, що їх він сам звів у єдину „Сводку постановлений“, надруковану в друкарні. Першою із згаданих там „постанов“ є прокламація, де „Центр. Стачком напоминает всем бастующим, чтоб все требования сводились к следующему...“ — і далі перелічує п'ять вимог, переважно економічних і обережно зформулованих: „уплата полностью наличными недополученных сумм за 1917 и 1918 г.г., сохранение полностью окладов, принятых III делегатским съездом; возврат удержанных 50 руб.; освобождение всех арестованных в связи с забастовкой“, і (§ 4) признание единого союза, как правовой защиты товарищей“³⁾. Вся ця прокламація робить вражіння ніби - то страйком не розгортає програми, що на захист її він закликає товаришів, а стримує масовий рух, нагадуючи, до яких скромних вимог зводяться гасла загальної боротьби.

1) Майоров. Из истории... Стор. 88; Чернявський. Зі спогадів про роботу Обласного Комітету КП(б)У. Під гнітом німецького імперіалізму. Київ, 1927, стор. 49—50.

2) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 393.

3) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 343.

Що дійсно суть цієї прокламації така й що дійсно саме такі директиви давав центрострайком на місця, стверджується й дописом до департаменту Державної Варти одного з її найкращих агентів — Шершеневича, що працював на ст. Козятин.

„18 июля, — пише він, —

к вечеру прибыл из Киева машинист Василий Щелаков, который был командирован в Центральный Стачечный Комитет, и передал местному, чтобы забастовка была ведена исключительно на экономической почве, отнюдь не касаясь никакой политики, иначе служащие будут арестованы и отправлены в Германию“¹⁾.

Що далі розгортається боротьба, що більшим стає вплив лівих елементів у Центрострайкомі, то рідше й менше згадується про потребу обмежитися вузькоекономічною боротьбою, то більше Центрострайком у своїх документах займається тим, що надає бадьорости й віри в конечну перемогу. Але не слід думати, що тим самим він зразу переходив до революційної лінії поведінки. Ні в якому разі.

Навіть у цих пізніших документах він часто йде неправильним шляхом, не стільки нагадуючи про те, що треба напружити всі свої сили, скільки бавлячися тим, що ворог слабкий та нас не подолає. „Центр. Стачком надеется, что власти, желая себя сохранить, не пойдут путем насилия и не будут сами себе могильщиками, — писав Страйком у другій своїй відозві. — Что касается телеграммы № 4842 (цією телеграмою німецька влада вимагала випуску мінімум двох потягів на добу — М. Р.), Центр. Стачком решил оставить ее без последствий, ибо австро-германцы могут иметь не два, а все поезда, в случае если они путем нажима на украинские власти заставят удовлетворить наши элементарные требования“²⁾. Наївність страйкому простяглася аж до того, що він сподівався створити єдиний фронт залізничників та німецького імперіялізму проти гетьмана. „Центральный Стачком предлагает товарищам забастовку продолжать, — писав він у третьому документі. — Еще несколько усилий — и победа будет за нами“³⁾.

Знову таки цю лінію цілком стверджують дописи агентів Державної Варти, мабуть, навіть до деякої міри її перебільшуючи. „Утром 21 из Киева прибыл машинист Денисов и привез сообщение Киевск. Центральн. Комитета, подбодряющего свойства... Вечером прибыл машинист Зайцев из Ц. К. та и

¹⁾ „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 168.

До речі: австро-німецьке командування дало спочатку деякий привід для такої ілюзії. Про це — в 5-му розділі.

²⁾ Там само, стор. 343.

³⁾ Там само, стор. 343. Два документи цієї „сводки“ датовані: один — 21 квітня, другий — 4 липня. Обидві дати абсолютно неможливі, страйк бо почався лише 15 — 16 липня. Отже, тут або друкарська помилка, або ж міркування конспірації.

передал, чтобы держались, что Управление дороги сдается и спорным является только какой - то 20-й пункт. 22 прибыл из Киева кондуктор Корчак и привез аналогичное сообщение из Ц. К.“¹⁾ Лише згодом зникають ці марні ілюзії про можливість легкої перемоги і всю увагу зосереджується навколо питань дисципліни й страйколомства.

Важко сказати, коли саме основна маса страйкових організацій перейшла під вплив (частковий) комуністичної партії, бо цей перехід відбувався неодноразово по окремих місцях, а місцевий матеріал ще не вивчено. Принаймні, у вересні вони в основному були вже до деякої міри більшовизовані.

Великий страйк ушух. Але його бойове знаряддя — міцна й авторитетна мережа страйкових комітетів — не припинило своєї роботи, не ліквідувалося. Влаштовано з'їзд цих комітетів, що на ньому покладено початок новому всеукраїнському об'єднанню залізничників (згадки про цей з'їзд є в книжці Бессонова, стор. 83, й у книжці Дашкевича, стор. 198 — 202). Лише половина його делегатів належала до більшовиків; решта була меншовики - інтернаціоналісти й близькі до них елементи. Але що то були за меншовики — чи справжні реформісти, чи вже перероблені ходом революції елементи, так само як і характер цієї нової спілки цілком з'ясовується з такого обіжника департаменту Державної Варти:

„По поступившим в департамент донесениям, в настоящее время на железных дорогах Украины усиленно распространяются преступные воззвания „Всеукраинского Железнодорожного Союза“ с сообщением о состоявшемся 17 сентября 1918 года съезде делегатов упомянутого союза и с призывом к борьбе за ниспровержение существующей Государственной власти на Украине, для чего рекомендуется железнодорожникам теперь же объединиться в единый революционный союз. Помимо этого, всем железнодорожникам вменяется в обязанность для более интенсивной борьбы с общим врагом — австро-германским командованием — организовывать на местах революционные группы“²⁾.

Стара реформістська спілка, спілка, що завданням своїм ставила „культурно - освітню працю“ та „правовий захист економічних інтересів“, фактично померла. Її верхівка пішла направо. Найкращі її елементи в ногу з масовим рухом підійшли до більшовиків. Спроби меншовицького керівництва стримати, принизити масовий рух збанкрутували. Масовий рух поступовно знаходив свого справжнього проводиря. В огні жорстокої боротьби, під багнетами імперіалізму народжувалася нова, революційна, класово витримана професійна організація.

(Далі буде)

1) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 172.

2) „Архів Революції“. Фонд Держ. Варти. Справа № 40, стор. 783.

ИЮЛЬСКАЯ СТАЧКА В КИЕВЕ В 1903 ГОДУ

В связи с общим кризисом русской промышленности в 1899 — 1902 г. г. и наступившей безработицей, положение киевских рабочих также ухудшилось, хотя вначале кризис и не коснулся киевской промышленности, работавшей преимущественно на местный краевой рынок.

Кризис вплотную захватил киевскую промышленность в 1902 г., когда в сущности промышленность в стране начала уже выходить из кризисного состояния.

„Промышленность представляется крайне неустойчивой. Даже крупные предприятия прекращаются, иногда совершенно неожиданно. Конечно, всего чаще это бывает с мелкими предприятиями“¹⁾ — так характеризовала фабричная инспекция положение киевской промышленности в своем отчете отделу промышленности в апреле 1902 г.

Особенно жестоко страдали от кризиса металлообрабатывающая промышленность и кирпичное производство.

Механические заводы г. Киева, работавшие преимущественно для нужд сахарной промышленности, остались в 1902 г. без заказов, так как рост сахарной промышленности приостановился, а свой текущий ремонт сахзаводы предпочли производить в собственных ремонтных мастерских. Некоторые механические заводы были заняты оборудованием винных складов для нужд винной монополии, но и эти работы были закончены в 1901 году.

Естественным результатом создавшегося положения явилось массовое сокращение рабочих. На Южно-русском заводе (ныне Ленинская кузница) в январе 1902 г. работали 600 рабочих, а в конце марта лишь 250 рабочих, которые к тому же работали не полный рабочий день, т. - е. не 12, а 7 часов, что соответственно сокращало их заработок. На заводе Гретера и Криванек (теперь „Большевик“) сначала года было уволено 58 чел., а к началу II квартала намечено было к увольнению еще 200 чел. Значительную часть рабочих этого завода составляли чехи, частью из Волыни, частью из-за границы. Заводская администрация дорожила чехами, как более квалифицированными рабочими, а главное, потому, что чехи, оторванные

1) См. дело старшего фабр. инспектора, № 1 за 1902 г.

от родины и плохо владевшие русским языком, оказывались более безответными перед заводской администрацией, чем местные рабочие. При сокращениях администрация увольняла исключительно местных рабочих, и наиболее пожилых, которые для администрации были уже „отработанным паром“.

На этой почве 1 апреля 1902 года в токарном цеху вспыхнула кратковременная забастовка. Рабочие потребовали обратного приема на работу двух уволенных пожилых рабочих, долгое время проработавших на заводе, соглашаясь на увольнение взамен их более молодых. Однако забастовавшие рабочие скоро приступили к работе, не добившись удовлетворения своего требования.

„Вероятно,— догадывается в своем донесении фабричный Инспектор,— благодаря угнетенному состоянию рабочих, хорошо осведомленных о критическом положении вещей, их удалось скоро уговорить приступить к работе“¹⁾.

На ряде мелких механических заводов была также сокращена часть рабочих.

Два наиболее крупных казенных завода Киева — железнодорожные мастерские с числом рабочих свыше 1500 и Арсенал с 750 рабочими, правда, недостатка в работе не ощущали, но образовавшийся в Киеве значительный рабочий „резерв“, ежедневно скоплявшийся у заводских ворот — этих „бирж труда“ того времени, — не мог не оказать влияния на положение работающих.

Ослабление темпа строительства после чрезмерной строительной горячки конца 1890 г. вызвало кризис в кирпичном производстве. В 1901 г. цена на кирпич упала с 30 р. до 14—15 р. за 1000 шт. Еще более усилился кризис в кирпичном производстве за 1902 г.

Кон'юнктура киевской промышленности в 1902 г. внушила фабричной инспекции серьезные опасения за „возможность возникновения беспорядков“ в отраслях промышленности, наиболее охваченных кризисом.

Но опасения фабричной инспекции, как известно, не сбылись. 1902 г. не ознаменовался в Киеве заметными рабочими волнениями.

В 1903 г. кон'юнктура киевской промышленности значительно улучшилась, хотя и не во всех ее отраслях. Кирпичное производство продолжало пребывать в крайне бедственном состоянии. На табачных и гильзовых фабриках, где применялся преимущественно женский труд, с введением машин, изготавливающих гильзы и папиросы, ручной труд обесценился и, кроме того, на него сократился спрос.

Сахарное же производство, занимавшее столь значительное место в киевской промышленности, находилось в удовлетвори-

¹⁾ См. дело старшего фабричного инспектора, № 1 за 1902 г.

тельном состоянии. В еще более благоприятном положении находились мукомольное и винокуренное производство, благодаря хорошему урожаю 1902 г. Начала выходить из кризиса и металлообрабатывающая промышленность. В то время, как в январе 1903 г. на Южно-русском заводе работало всего лишь 100 чел., в июльской забастовке участвовало уже 700 рабочих. Деятельность механических заводов усилилась за счет заказов по ремонту сахарных заводов. Мелкие заводы имели заказы по оборудованию мельниц и занялись изготовлением сельскохозяйственных орудий, на которые благодаря хорошему урожаю выявился большой спрос.

Состояние промышленности за первые месяцы 1903 года настроило фабричную инспекцию на весьма оптимистический лад.

„В положении промышленности в Киевской губернии,— осведомляла она свое начальство,— нет никаких обстоятельств, которые вызывали бы опасения возможности возникновения беспорядков среди рабочих в ближайшем будущем“¹⁾.

Фабричная инспекция отождествляла положение промышленности с положением рабочих, что в условиях капиталистического хозяйства, конечно, далеко не одно и то же.

Наступившее оживление в ряде отраслей киевской промышленности несколько не улучшило положения рабочих в этих отраслях. Предприниматели всех рангов вовсе не склонны были вернуть добровольно рабочим хотя бы то, что было отнято у них в годы промышленной депрессии и, особенно, в тяжелый для киевских рабочих 1902 год; поэтому к моменту июльской забастовки 1903 г. положение киевских рабочих продолжало оставаться крайне тяжелым.

* * *

Наиболее крупным предприятием среди киевских механических заводов считались мастерские Юго-Западных ж. д.

Рабочие железнодорожных мастерских и явились инициаторами июльской забастовки. Там же разыгрались и наиболее яркие моменты ее.

Согласно 58 ст. временной инструкции управления казенных жел. дорог, высшая предельная поденная плата была установлена за рабочий день: кузнецу—2 р. 50 коп, молотобойцу—1 р. 30 к., слесарю—2 р. 50 коп., старшему слесарю 3 р., токарю—2 р. 50 коп., инструментальщику—2 р. 50 к., плавильщику—2 р. 75 к., формовщику—2 р. 75 к., строгальщику—2 р. 20 коп., долбежнику—2 р., болторезу—1 р. 50 коп., котельщику—3 р., меднику—2 р. 50 коп., жестяннику—2 р., прокатчику—2 р. 50 коп., насекальщику

¹⁾ См. дело фабричного инспектора, № 1 за 1903 г.

напильников — 2 р. 20 коп., модельщику — 2 р. 75 коп., каменщику — 1 р. 50 коп., старшему столяру — 2 р. 50 коп., маляру — 2 р. 20 коп., обойщику — 2 р. 20 коп., пильщику — 2 р., плотнику — 2 р., шорнику — 1 р. 50 коп., чистильщику — 1 р. 20 к., старшему рабочему — 2 р. 50 коп., чернорабочему — 1 р., ученику — 1 р.

Управление дороги могло, таким образом, не превышая сметы, придерживаться вышеуказанных норм. В действительности же администрация мастерских не только не применила на практике этих предельных норм, не руководствовалась ими ориентировочно, но едва даже о них знала. Официально, по крайней мере, она узнала об инструкции лишь 20 августа 1903 г., из секретного служебного приказа начальника дороги Немешаева за № 142 — „О назначении по мастерским предельной поденной платы“.

Этот приказ Немешаева давал возможность администрации более свободно маневрировать заработной платой и указал нормы, до которых она могла быть доведена без повышения сметы, в пределах, установленных министерством путей сообщения. В интересах администрации было скрыть приказ, чтобы рабочие не узнали, как управление дороги нагоняло экономию на их заработной плате, как эксплуатировали их труд, а главное, чтобы скрыть от рабочих то, на что они были в праве претендовать: ведь управление не отказывалось и впредь экономить на заработной плате...

Киевскому К-ту РСДРП удалось раздобыть этот секретный приказ и в прокламации под заглавием „Кто победил“ он разоблачил перед рабочими „тайну“ управления Юго-Зап. ж. д. Из этой же прокламации видно, что до забастовки поденная плата кузнецу равнялась 1 р. 20 к., молотобойцу — 60 — 80 к., токарю — 1 р. 80 к., слесарю — 1 р. 80 к., модельщику — 1 р. 50 к., плавильщику — 1 р. 50 к., т. е. по некоторым группам она была более чем вдвое ниже предельной, установленной министерством путей сообщения.

Пункт 7 требований, пред'явленных во все время администрации забастовавшими железнодорожниками, гласил: „Наименьший оклад жалованья взрослому рабочему после сдачи пробы 1 р. 20 коп.“, а Немешаев объявлением от 2 августа 1903 г. доводил до сведения рабочих, что „им отдано распоряжение установить наименьшую плату для взрослых чернорабочих 65 коп. в день“. Таким образом, мы узнаем, что были квалифицированные рабочие, поденная плата которых была ниже 1 р. 20 к., и взрослые чернорабочие, получавшие менее 65 коп. в день.

Впрочем, поденно работали почти исключительно чернорабочие, остальными рабочими работа производилась сдельно. На этой почве в атмосфере господствовавшего бесправия, при отсутствии какого-либо надзора за охраной труда, пыльным

цветом расцвела взятка и подхалимство. Работа сдавалась бригадам и более выгодную, лучше оплачиваемую, получала та бригада, чей бригадир сумел снискать взятками и прислужничеством расположение мастера. В самой бригаде львиную долю получал бригадир, а у него были также свои „любимчики“. Вся эта система вносила разложение в рабочую среду и крайне раздражала рабочих.

Десятичасовой рабочий день, установленный в мастерских, весьма часто превращался в фикцию, так как рабочие не вправе были отказываться от сверхурочной работы.

Плохи также были и санитарно-гигиенические условия. Администрация экономила не только на заработной плате, но и на здоровье рабочего. Отсутствовала сносная вентиляция. Электрическое освещение было установлено в мастерских лишь в 1894 г., но ламп было очень мало и приходилось пользоваться другими видами освещения. Рабочим выдавали лампы, которые получили заслуженное название „коптилка“. Коптилка состояла из жестяного резервуара с керосином и фитиля, воткнутого в горлышко резервуара. Стекла „коптилка“ не имела, благодаря чему давала больше копоти, чем света. Рабочие задыхались от копоти, портили себе глаза, наживали грудные болезни. В конце 1898 г. из-за „коптилки“ погиб котельщик в паровозном депо, нечаянно опрокинув ее на себя внутри паровоза. Киевский к-тет РСДРП в 1899 г. посвятил „коптилке“ чуть ли не целое воззвание. Рабочие неоднократно жаловались, и все же „коптилка“ дотянула свой век вплоть до июльской забастовки.

Насколько неудовлетворительны вообще были гигиенические условия мастерских, видно хотя бы из того, что из 15 требований, предъявленных рабочими в июльскую забастовку, четыре относились к улучшению санитарно-гигиенических условий.

На мастерские, как на казенное предприятие, не распространялся даже „куцый“ надзор фабричной инспекции. Но зато за рабочими, помимо „охранки“ и общей жандармской полиции, весьма внимательно наблюдала своя специальная дорожная жандармерия. Всякий вновь поступавший рабочий предварительно просеивался через сито этой жандармерии, она же следила за „настроением“ рабочих, изымала из мастерских всякого мало-мальски заподозренного в „неблагонадежности“ рабочего.

Рабочие арсенала — этого второго крупного киевского завода, принадлежавшего военному ведомству — также имели полное основание быть недовольными своим положением. Заработок арсенальского рабочего был, правда, более высоким, чем на других киевских заводах. В сборной мастерской средний поденный заработок равнялся, примерно, двум рублям. Но режим в арсенале был еще более гнусный, чем даже в железнодорожных мастерских.

При военном режиме, господствовавшем в арсенале, любой мастер, не говоря уже о более высоком начальстве, чувствовал себя маленьким царьком. Своей властью арсенальское начальство пользовалось в целях личной наживы. Взятки, по местному выражению — „хабары“, обсчеты при расплате за произведенную работу были в арсенале обычным явлением. Рабочие жаловались (жалобы из-за боязни быть выброшенным на улицу писались большей частью анонимно) в главное артиллерийское управление, которому арсенал был подведомствен. Управление неизменно препровождало жалобы для расследования самой же арсенальской администрации, которая, естественно, находила их „необоснованными“.

В 1903 году арсенальцы обратились с прошением на имя царя. Они просили о пересмотре дела, заглохшего в военной прокуратуре, о начальнике слесарной мастерской и о его пособниках, подмастерьях, которые, по словам жалобщиков, растратили около 9.000 р. и покрыли растрату бесплатным трудом рабочих. В прошении буквально говорится: „мастеровые этот недочет обрабатывали дурно“.

Обращение к царю было далеко не обычным явлением. В этом обращении рабочие писали:

„Насколько начальники наши деспоты, угнетают нас с тем, чтобы мы даром работали, о чем мы доложили справедливо в главное управление, но там не обратили никакого внимания на наши доносы, творящегося зла в арсенале в руках подмастерьев Подгурского, Найденко и нач. слесарной мастерской“ и далее. „Нач. мастерской с участием подмастерьев совсем нас обижают и притесняют, сбавляют цены на работу до невозможности, чем учиняют мошенство в свою пользу“¹⁾. В заключение просители помимо ходатайства о возобновлении дела о „мошенстве на 9 тысяч“, просят царя улучшить быт путем устройства пенсионной кассы на правах железных дорог, введением 8-ми часового рабочего дня, восстановлением прежних цен на работы и проч.

Рабочие арсенала в своем обращении к царю с достаточной выпуклостью выявили положение, в котором они находились к моменту июльской забастовки. Отсюда становится понятным, почему рабочие арсенала, состоящие в своем большинстве, благодаря особому отбору со стороны военной администрации завода, из людей пожилых, сравнительно зажиточных, мало склонных к „смуте“, в июльские дни выступили солидарно со всем киевским пролетариатом.

Рабочие арсенала, примкнув 22 июля к забастовке, выставили требования аналогичные требованиям, которые были формулированы Киевским комитетом РСДРП.

¹⁾ См. сборник „Киевский арсенал в революционном движении“, ст. В. Фаворского, изд. ДВУ, 1928.

Материальное положение рабочих, занятых в механических предприятиях, принадлежавших частному капиталу, было еще хуже, чем рабочих казенных заводов. По данным фабричной инспекции, средний дневной заработок взрослого рабочего по этой группе заводов составлял 1 р. 25 коп. в день. Инспекция, по крайней мере, исходила из этой средней цифры при определении суммы потери рабочих за время забастовки.

Детализируя средний заработок по отдельным предприятиям этой же группы, мы на основании тех же данных получаем следующую картину: средний дневной заработок для рабочих машиностроительного завода Гретер и Криванек (732 рабочих) был равен 1 р. 35 к.; для рабочих машиностроительного завода Южно-русского акционерного общества (700 рабочих) — 1 р. 20 коп.; для рабочих механического завода Ноедли и Унгерман (133 рабочих) — 1 р. 35 коп.; для рабочих завода сельскохозяйств. орудий Фильверт и Дедина (72 раб.) — 1 р. 33 коп.; для рабочих мех. завода Млошевского (133 раб.) — 60 коп.; для рабочих машиностроительного и чугунолитейного завода Шиманского (62 раб.) — 90 коп.; для рабочих машиностроительного и чугунолитейного т-ва „Граф“ (146 раб.) — 1 р.; для рабочих зав. акцион. о-ва Киевского проволоочно-гвоздильного и механического завода (185 раб.) — 85 коп.; для рабочих завода ковкого чугуна (55 раб.) — 1 р. 35 коп.

Значительное колебание среднего заработка по перечисленным предприятиям объясняется, главным образом, характером производства того или иного предприятия и, в зависимости от этого, большим или меньшим применением весьма низко оплачиваемой подсобной рабочей силы (чернорабочих, подручных).

На частных предприятиях того времени, как и в ж. д. мастерских, рабочие производили работу почти исключительно сдельно. Заводоуправления между тем всячески избегали установления твердых расценок на сдельные работы, мотивируя это, якобы невозможностью установления общих расценокных табелей. Плату за работу устанавливали мастера в каждом отдельном случае. Любопытно, что в расценокных книжках рабочих проставлялась поденная или часовая зарплата, взятая с потолка и неизмеримо меньшая той, которую они в действительности зарабатывали.

Редкий рабочий согласился бы работать за ту плату, которая указывалась в расценокной книжке, но рабочие, зная, что все работы сдельные, мало интересовались назначением поденной платы и не возражали против книжной записи. Предпринимателям же этот фортель нужен был для того, чтобы иметь возможность сослаться при возникновении недоразумений (и особенно, когда в дело вмешивалась фабричная инспекция) на то, что рабочий по данной сдельной работе заработал вдвое или втрое больше против платы, указанной в книжке.

Это также давало возможность администрации снижать расценку за определенную работу при ее повторении.

На почве отсутствия твердых расценок между рабочими и заводской администрацией постоянно возникали недоразумения, но в пользу рабочих решались они крайне редко. Спорили слишком неравные силы: с одной стороны — предприниматели, сильные своими капиталами, опирающиеся на аппарат государственной власти, а с другой — полуголодные, бесправные и не объединенные в союзы рабочие. Весьма мало помогала рабочим и фабричная инспекция. Закон не давал ей никаких прав для вмешательства в установление размеров оплаты труда и расценок, да и подходила она к решению спорных вопросов не столько с точки зрения защиты интересов рабочих, сколько под углом предупреждения „возможных волнений и беспорядков“.

Большим злом, уменьшавшим заработную плату, были штрафы, ставшие чуть ли не системой. Рабочий штрафовался за малейший промах, а иногда без всякой вины, просто по недоразумению. Рабочий часто узнавал, что он оштрафован лишь во время полочки, когда уже поздно было доказывать свою правоту, ибо штраф уже был записан в штрафную книгу.

Как ни тяжело было положение рабочего, когда он работал, но оно становилось невыносимым во время болезни: рабочий ниоткуда никакого пособия не получал. Буржуазия своеобразно применяла к заболевшему рабочему лозунг — „кто не работает, тот не ест“. Впрочем отдельные предприниматели умудрялись и из этого бедственного положения рабочих извлечь для себя барыш.

Администрация Южно-русского завода 31-го декабря 1898 г. объявила рабочим, что заболевшие рабочие будут получать пособие от завода, если представят за 2 дня до полочки свидетельство доктора о болезни. В действительности получилось иное. Для получения пособия рабочий должен был подписать печатный бланк, где было сказано, что получивший пособие удовлетворен и никаких претензий к заводу иметь не будет. Администрация явно спекулировала на безвыходном положении и юридической безграмотности рабочих.

Киевский комитет РСДРП в прокламации от 8 февраля 1899 г. разоблачил махинацию Южно-русского завода.

„Товарищи,— писал комитет,— это ловушка, в которую можно пойматься. Положим, кто-нибудь будет искалечен во время работы; конечно, ему тогда выдадут пособие как больному, но после, если он окажется неспособным к труду, его без церемоний прогонят, и он даже претензии заявлять потом не сможет, так как сам подписал этот бланк и, следовательно, отказался наперед от всякой претензии“.

Отсутствие какой-либо помощи во время болезни столь остро ощущалось рабочими, что они в июльскую забастовку 1903 г. на всех без исключения предприятиях выставили требование об оплате за время болезни либо полностью, либо в половинном размере.

Чрезмерная эксплуатация рабочих киевской металлообрабатывающей промышленности в годы, предшествовавшие июльской забастовке вызывала у них крайнее недовольство.

Пропаганда революционных партий и, главным образом, РСДРП, находила весьма благоприятную почву. У киевских металлистов росло и крепло революционное сознание. Вызывалась воля к борьбе. Киевские металлисты тем более имели основание быть недовольными, что они знали и помнили лучшие дни: поход на заработную плату металлистов начался лишь в конце 1898 года.

В цитированном уже нами листке Киевского комитета от 8/II 1899 г. к рабочим Южно-русского завода говорится:

„Хозяева нашего завода, должно, быть, мало еще получают барышей и задумывают увеличить их за счет рабочих. Нам поголовно уменьшают расценки, урезают наш заработок почти наполовину“.

Другой листок Киевского комитета от 30 августа 1900 г. к рабочим завода Гретера и Криванек также указывает, что рабочим, получавшим осенью 1899 г. 15 коп. в час, плата снижена к августу 1900 г. до 12 коп. за час, а получавшим 12 коп. — до 8 коп. Сдельную плату за винтили администрация снизила с 3 р. до 1 р. 20 коп.. Словом, с конца 1898 г. до 1900 г. заработок киевского металлиста понизился на 40 — 50%. Металлисты Киева, потребовавшие в июльскую забастовку увеличения зарплаты и расценок на 40 — 50%, добивались, в сущности, восстановления жизненного уровня, который они имели в начале 1898 года.

Полиграфическое производство во второй половине XIX столетия развилось в Киеве весьма быстро. За это время число предприятий в Киеве увеличилось в десять раз, а количество рабочих, занятых в 21 предприятии (подчиненных фабричному инспектору), достигало 1228 чел. Все они участвовали в июльской борьбе.

Рабочий день у печатников продолжался 11 часов с обеденным перерывом на один час. Кроме того, рабочие должны были еще производить работы сверхурочно, когда это необходимо было хозяину. Для семьи, для своей личной жизни, не говоря уже об общественной работе, не оставалось времени. Санитарно-гигиенические условия были отвратительные: большинство типографий освещалось керосиновыми лампами и копилками. Рабочие работали в низких, темных и сырых помещениях, где отсутствовала какая-либо вентиляция.

Обращение с рабочими со стороны хозяев и управляющих было весьма грубое и унижительное. Особенно донимали рабочих различные штрафы, практиковавшиеся во многих типографиях. Опоздаешь на четверть часа — штраф; день не выйдешь на работу — штраф за два дня. Зарплата была крайне низка и имела тенденцию к еще большему понижению. Если прибавить к этому обыски рабочих во время выхода из типографии, право хозяина на произвольное увольнение и т. п., то картина положения киевских печатников того времени будет полной. Неудивительно поэтому, что даже фабричный инспектор в своих отчетах говорит об особо тяжелом положении инвалидов-печатников, прослуживших 30—40 лет и затем вынужденных нищенствовать.

Еще с 90 годов среди киевских печатников под руководством РСДРП были организованы политические кружки. В среде этих кружков зрела политическая мысль, здесь выкристаллизовывались лозунги борьбы за лучшее будущее. Здесь же готовились и закалялись идейные борцы за рабочее дело. В момент выступления на борьбу за улучшение условий труда из среды этих же кружков выдвигались стачечные комитеты.

К началу забастовки, в мае, печатники организовали три подпольные типографии: две для Полесья и третью для Киева. Забастовка готовилась к осени 1903 г., т. е. к началу работ в типографиях. Однако события мая опередили предположение и когда были получены сведения о начале забастовки на юге России, киевские печатники, несмотря на опасения партийного комитета РСДРП о их неподготовленности, пошли на борьбу и начали забастовку.

* * *

Волна забастовок, прокатившаяся по Украине, юго-востоку России, Кавказу, захватившая Баку, Ростов, Одессу, докатилась и до Киева.

Тяжелое материальное положение рабочих, не улучшившееся и с началом подъема промышленности, и солидарность рабочих Киева с бастующими рабочими юга вызвали июльскую забастовку в Киеве.

На крупных заводах и фабриках, в ремесленных заведениях, стал обсуждаться вопрос о забастовке. Партийный комитет счел этот момент наиболее подходящим для проведения всеобщей стачки, приступил к организации и подготовке ее, стремясь стать во главе движения.

На нелегальных собраниях районных ячеек, политкружках давались информации о нарастании и ходе забастовки в других городах. Обсуждался план будущей забастовки. Застрельщиком движения явился передовой отряд рабочего класса — металлисты.

19 июля на нелегальном собрании комитета РСДРП было решено забастовку начать в ж.-д. мастерских в понедельник 21 июля. Вместе с тем, до начала забастовки решено было созвать массовку, которая состоялась 20 июля в Кадетской Роше. На ней присутствовало около 100 чел. На этой массовке были приняты 15 пунктов требований, напечатанных в листовке Киевского к-та РСДРП — „К борьбе“, обращенной ко всем ж.-д. рабочим.

Требования эти следующие:

1. Восьмичасовой рабочий день.
2. Увеличение расценки на 40—50⁰/₀; вывесить расценку на видном месте.
3. Полная поденная плата за табельные дни.
4. Выдача полной поденной платы во время болезни.
5. Прибавка жалованья четыре раза в год.
6. Увеличение жалованья молотобойцам до одного рубля.
7. Наименьший оклад жалованья взрослому рабочему после сдачи пробы — 1 р. 20 коп.
8. Вежливое обращение.
9. Удаление помощника заведующего вагонным цехом: Хлебородова, помощника мастера Голембиовского, пом. мастера сборного цеха Кононенко и монтера сборного цеха Ксенопуло.
10. Удаление „коптилок“ и замена их более гигиеничным освещением.
11. Устройство вентиляции.
12. Не топить котлов в помещении мастерских.
13. Расширение помещения кузнечного цеха.
14. Обращать большее внимание на учеников; выдача бесплатных билетов по чужим дорогам¹⁾.

На собрании точно распределили роли: кто и как должен был распространить литературу, кому дать тревожный гудок и т. п. Сигнал должен был подать наиболее сознательный и организованный сборный цех. Участник забастовки тов. Рачковский следующим образом рисует момент объявления забастовки.

„Уже с утра чувствовалось что-то необычайное, и настроение у рабочих было тревожно приподнятое. Гудок запоздал, и нервное напряжение достигло крайних пределов. Но вот в сборном цеху раздается гудок, рабочие бросают работу и, возбужденно радостные, направляются в паровозный цех, засыпая мастерские прокламациями, увлекая за собою остальные цеха.

В вагонном цеху слесарь Рышкевич объявил о начатой забастовке. С криками „ура“ все бросили работу. Бесперывно гудел гудок. Его неурочный призыв радостно отзывался в сердцах рабочих, вселяя смятение и ужас в среде администрации.

¹⁾ Листовка Киевского комитета РСДРП 21 июля 1903 г. — „К борьбе“.

Неурочный жалобный гудок заставил и все население прислушаться к его зову. Администрация обрывала гудок, но рабочие вновь его повторяли, продолжая призывать рабочих всего города на борьбу с буржуазией и царизмом.

Была вызвана жандармерия, которая пыталась „образумить“ рабочих стать на работу. Рабочие отказались вступить в переговоры с жандармерией, требуя к себе начальника пути Немешаева.

Прибывший в 2 часа дня в сопровождении жандармского полковника Шпеера Немешаев попросил выбрать делегатов для переговоров. В ответ рабочие бросили ему в лицо пачку прокламаций с возгласом: „Вот наши делегаты“¹⁾.

Ознакомившись с предъявленными требованиями, Немешаев обещал „сделать для них то же, что для одесских железнодорожников“. Рабочие, хорошо осведомленные о его предательской политике по отношению к стачке одесских рабочих, ответили ему криками, заставившими его удалиться. Был дан гудок на обед и рабочие разошлись.

Июльская забастовка, организованная с.-д. партией под лозунгом солидарности с рабочими всего „юга России“, должна была стать всеобщей. Лихорадочно работал комитет, выпуская листовки и печатая требования, посылая ораторов, руководя всем движением.

В первый же день забастовки было выпущено упомянутое воззвание „К борьбе“, обращенное ко всем рабочим г. Киева, где яркими штрихами рисовалась борьба рабочих Ростова, Баку, предательство начальника дороги Немешаева во время забастовки одесских железнодорожников и т. п. Воззвание призывало киевских рабочих к борьбе со своими эксплуататорами, к стачке солидарности.

Боясь присоединения рабочих Южно-русского завода к бастовавшим рабочим железнодорожных мастерских, заводская администрация распорядилась запереть ворота. Однако рабочие не замедлили откликнуться на призыв к ним рабочих ж.-д. мастерских, взобравшихся с этой целью на крыши завода.

Рабочие Южно-русского завода, готовые к выступлению, поняли этот призыв и немедленно объявили забастовку, предъявив письменные требования, и, разбив окна, выбрались из завода, с тем чтобы в этот день больше туда не являться.

В последующие дни рабочие приходили на завод, разводили котлы, но к работам не приступали. То же происходило и в железнодорожных мастерских²⁾.

Весть о начатой в железнодорожных мастерских борьбе быстро распространилась по городу, зажигая своим пылом

---

1) Из материалов Истпрофа Киевского ОСПС, см. воспоминания товарищей Плетата и Рачковского.

2) См. В. Вакар — „Накануне 1905 г. в Киеве“.

всех рабочих, как крупных, так и мелких предприятий. 21/VII, кроме ж. - д. мастерских и Южно-русского завода, забастовал чугунно-литейный завод Шиманского. 22/VII забастовка охватила уже не только крупные, но и часть мелких мастерских. Бастовали: мех. завод Млошевского, Гретер и Криванек, корсетная мастерская Дютса и др¹⁾.

22/VII забастовали и рабочие типографий. Еще накануне забастовки многие партийные товарищи сомневались в возможности стачки, считая, что киевские печатники до забастовки „еще не доросли“.

Но уже 22 при первых известиях о забастовке металлистов и получении письменных требований, выработанных комитетом партии, прекратили работу все типографии, за исключением черносотенного „Киевлянина“, где рабочие, „облагодетельствованные“ Пихно, работали под прикрытием казаков.

В тот же день печатники в количестве около 1000 чел. собрались у Цепного моста, где выступавшие ораторы обрисовали тяжелое материальное положение борющегося пролетариата „юга России“ и призывали к братской солидарности. Была прочитана прокламация „Ко всем типографщикам г. Киева“, выпущенная комитетом РСДРП, ярко рисующая тяжелые условия работы каждой отдельной типографии.

„Так живется нам, товарищи, — заканчивает прокламация. — Пора бы посчитаться нам с хозяевами. Единственное средство — забастовка. Все мы должны бросить работу и потребовать, кроме уничтожения отмеченных злоупотреблений в каждой типографии отдельно, следующих общих улучшений:

1. Увеличения зарплаты на 30%.
2. Устройства вентиляции и лучшего освещения.
3. Сокращения рабочего дня до 8 часов.

Такие требования мы пред'явим хозяевам, они могут их выполнить сейчас же, мы легко могли бы добиться их выполнения, если бы всегда на помощь хозяевам не приходило бы царское правительство. Стоит нам только заявить, что и мы люди, что и мы должны иметь все права человека, что и мы хотим мыслить действовать и говорить свободно — и на нас немедленно посылают жандармов, полицию и казаков. На нас, рабочих, лежит величайшая задача времени — свергнуть проклятое бремя самодержавия, пропитанного насильем и ложью; к нам приковано внимание всего мира. Падет самодержавие в России — этот тормоз всемирного прогресса — и закипит борьба во всем мире: вместе с рабочим классом всех стран скорыми шагами двинемся и мы, русские рабочие,

¹⁾ См. дело № 5. старшего фабр. инспектора за 1903 г.

к заветной цели каждого сознательного социал-демократа — к воцарению социалистического строя, где не будет ни бедных, ни богатых, где все будут равны и свободны“.

Тут же был выбран стачечный комитет из 10 — 15 человек, среди которых были: Озеров, Незлобин, Кунис, Иванов - Белинский и др.¹⁾; были выработаны также требования в письменном виде, предъявленные владельцам типографий.

Полиции и жандармам стало известно о сходке у Цепного моста, и туда явились отряды казаков и жандармерии. Выставленные дозоры во-время успели предупредить собравшихся, частью растянувшись по берегу, частью перебравшись на другой берег; им почти всем удалось скрыться. Было задержано все же 168 человек печатников, большей частью „стариков“.

23 июля забастовка приняла характер всеобщей, охватив главнейшие киевские заводы и предприятия.

Растерявшиеся было в первые дни власти скоро опомнились и, подготовившись, приступили к борьбе.

23/VII рабочеж.-д. мастерских с утра собрались во дворе, где перед тысячной толпой с.-д. агитаторы произносили речи и призывали рабочих стойко бороться до конца за свои права на человеческое существование. „Мы хотим работать, чтобы жить, а не жить, чтобы работать, — говорили ораторы. — Мы требуем восьмичасового рабочего дня, человеческого обращения“. Ораторы призывали воздержаться от всяких насильственных действий, чтобы своей стойкостью и выдержанностью не дать возможности врагу пролить рабочей крови.

Полицейские и казаки пытались арестовывать ораторов. Но рабочие во-время успевали предупреждать и прятать их. Эксцессов не было. Ничто не предвещало разразившейся через несколько часов кровавой бойни.

К двум часам дня рабочие стали стекаться к Байковой горе.

Кроме железнодорожников, были и рабочие Южно-русского завода, зав. Гретера и Криванека, Шиманского. Прибывали и рабочие других городских предприятий.

Около депо собралось до двух тысяч человек, разместившись полукругом вокруг паровозного депо. Некоторые легли на рельсы и здесь, как и в ж.-д. мастерских, ораторами произносились речи. Большую речь произнес рабочий печатник, заверяя рабочих ж.-д. в солидарности городских рабочих и призывая всех к стойкости и выдержанности. Был дан лозунг приостановить совсем движение пути, и часть рабочих бросилась снимать работавших еще на пути товарищей. Это сразу дало другой поворот событиям.

¹⁾ См. „Киевский Печатник“, № 3, 1918 г.

Вот как об этом рассказывает участник забастовки тов. Старый.

„Со стороны Дарницы шел курьерский „бис“, гудел, гудел, но так как огромная толпа расположилась на рельсах, то поезд остановился. Моментально несколько человек вскочили на паровоз и залили топку, выпустили пар. Из окон выглянули испуганные лица пассажиров, потом один за другим начали вылезать. Все это была толстая, жирно откормленная буржуазия. Пыхтя и отдуваясь и сверкая злобно глазами, она тащила свои чемоданы, в первый раз, вероятно, в жизни, на станцию. Начались переговоры о пропуске порожнего поезда. Решили пропустить. Пришел маневровый паровоз и потащил поезд на запасную. Не прошло и получаса, как к площади стали стягиваться войска. Они приходили и выстраивались, стремясь отеснить толпу, но ничего не получалось. В одном месте сопротивление оказывали в виде криков и истерик женщин, плача и проклятий. В другом толпа хохотала и заражала солдат и те со штыками на перевес шли по толпе, как по воде. Толпа расступалась, но моментально смыкалась сзади них. Командиры командовали о возвращении на свои места. Кое-где офицеры вступали в переговоры с толпой. Шутили, смеялись, спрашивали: „Что же, вы до утра будете здесь сидеть?“ Им отвечали: „И до утра, и до вечера, и до тех пор, пока вы не улучшите нашу долю“. Некоторые офицеры нам явно сочувствовали. Ждали какого-то приказа. Говорили, что губернатор к кому-то обратился телеграфно, ждет ответа. Мы получали сведения, что в Одессе в Ростове и Екатеринославе рабочие забастовали. Рабочую массу это сильно подбадривало. Время клонилось к вечеру. Вдруг появились казаки. Рабочие и вся прочая масса, завидя их, шарахнулась, заволновалась, стала запасаться камнями. Но казаки, подехав немного ближе, остановилась внизу, около насыпи. Наконец приехал генерал Штакельберг. Подошел к первым с края, начал кричать и бесноваться. К нему подошел рабочий мастерских Федор Алексеев и на выкрики генерала: „Зарублю, сгною в тюрьме, всех, как собак перестреляю“ — разорвал свою синюю рубаху и закричал:

„На, изверг, негодяй, пей мою и нашу всех кровь, жри мясо наших детей, издевайся над нашими женами, но помни, собака, что ваша победа будет кратковременной. Нас много, вы утонете в нашей крови. Помни, изверг, что из каждой павшей жертвы вырастут миллионы, и оружие будет вырвано из ваших рук. Помни, что наши сыны, которых вы, одев в шинели, превратили в машины, научившись стрелять, вернутся в наши ряды и попадут в те же тяжелые невыносимые условия. Разве мы живем?“

Мы как черви копошимся в гнилом задхлом воздухе и в мастерских и дома. Мы строим вам дворцы, а себе тюрьмы. Солдаты, — крикнул он, собравши остатки своего голоса, — неужели вы будете стрелять в ваших мучеников отцов, матерей, братьев и сестер? Солдаты, братья“ . . .

Раздался барабанный бой, а потом залп, стон, вопли, крики, беспорядочная стрельба. Казаки с пиками наперевес, с шашками наголо вихрем неслись по толпе, лихо расправляясь с безоружными. Не было пощады никому: ни женщинам, ни детям. Все бросились бежать в разные стороны. Многие бросились в депо, но, настигаемые казаками, пробивали стекла своими головами и, окровавленные, выскочив из депо, бежали по направлению Соломенки. Стрельба продолжалась. Наконец все затихло. Заиграли сбор. Христолоубивое воинство поздравлялось с блестящей победой. Начальство радовалось. Но странно: так много выстрелов и такое небольшое число жертв. Всего два или три убитых и несколько раненых.

Войска ушли. Рабочие наскоро положили на носилки одного и другого убитого и понесли в сопровождении громадной толпы в город, направляясь к губернаторскому дому. Шли по разным улицам, но в обоих случаях трупы были отбиты казаками. Камни летели им в головы, в особенности недалеко от Еврейского базара. Вся жизнь города замерла. Всюду закрылась торговля, забастовали даже горничные¹⁾.

Зверская стрельба в безоружную тысячную толпу, среди которой находились женщины и дети, вызвала величайшее негодование среди рабочих, и с этого момента, т. - е. с четверга 24 июля, стачка стала всеобщей.

С этого момента забастовка принимает и несколько иной характер. Если в первые дни рабочие собирались в своих предприятиях и там обсуждали свои требования, то с четверга они выходили на улицу и, собираясь группами, снимали работающих, применяя в отдельных случаях и силу.

В тот же день происходили демонстрации на Еврейском базаре и на Подоле. Полиция и казаки применили оружие и в результате — несколько тяжело раненых и убитых.

С субботы 26 июля (седьмой день забастовки) настроение рабочих начинает падать. Улицы, полные бастующими в четверг и пятницу, в субботу были уже пусты. По ним гарцовали наряды полиции и казаков.

¹⁾ Из материалов Истпрофа Ю. - Э. ж. д. — воспоминания т. Старого. Достоверность рассказа т. Старого и описанного им факта — обращения тов. Ф. Алексея к губернатору — подтвердили все участники забастовки на вечере воспоминаний, организованном Истпрофом.

С понедельника же 28/VII в некоторых промышленных заведениях приступили к работе. Вагоновожатые и кондуктора приступили к работе еще в воскресенье.

Железнодорожники держались дольше всех, но и они 1-го августа приступили к работе, бастовав, таким образом, 10 дней.

По постановлению киевского губернатора на работу принимались только рабочие, которые подавали письменные заявления о своем желании приступить к работе, на что рабочие вынуждены были пойти.

Экономические результаты забастовки были незначительны. Говоря о результатах июльской забастовки, старший фабричный инспектор в донесении к губернатору говорит: „Почти все промышленные заведения возобновили работу на прежних условиях“. Все же, по данным фабричной инспекции, некоторых улучшений удалось добиться.

У печатников был введен девятичасовой рабочий день (вместо 10 час.) и увеличена зарплата в среднем на 10—15%. На фабрике „Бр. Коген“ в результате забастовки — рабочий день уменьшился на полчаса и введена минимальная норма сдельной работы для мастериц - папиросниц. На фабрике корсетов „Дютоа и К-о“, где работали исключительно женщины, работникам удалось добиться перевода раздатчицы в магазин. На механическом заводе „Граф и К-о“ были удовлетворены 1) вежливое обращение с рабочими; 2) устройство пенсионной кассы; 3) плата больным во время болезни. На заводе „Акционерного О-ва Фильверт и Дедина“ рабочие добились повышения зарплаты на 40—50%, устройства в столярном отделе вентилятора. На заводе ковкого чугуна „Ноэдли и Унгерман“ рабочие добились: 1) выдачи пособия во время болезни; 2) установки кипятильника; 3) организации медицинской помощи на заводе.

На табачно-гильзовой фабрике Эгиза были удовлетворены все требования, кроме надбавки на расценки. На машиностроительном заводе Млошевского рабочие добились: 1) поденной платы за время болезни; 2) увеличения жалованья молотобойцам до одного рубля; 3) допущения рабочих, запоздавших с утра на один час — десять минут льготных после последнего гудка; 4) упорядочения положенной нормы сдельной работы: не выработавшему при сдельной работе — платить не меньше поденной платы; 5) никого не увольнять за забастовку¹⁾.

Следует отметить при этом, что рабочие ж.-д. мастерских начавшие первые забастовку и закончившие ее позже других улучшения не добились. Результатом забастовки однако явилось более точное урегулирование расценок совместно с представителями от рабочих и введение установленного законом

¹⁾ См. дело № 5 старшего фабр. инспектора за 1903 г.

института старост. Надо сказать, что институт старост явился для администрации, как бы ловушкой по вылавливанию активных работников. Наиболее преданные своему делу старосты были вскоре уволены, а частью арестованы¹⁾, и институт старост, не успев расцвести, распался.

* * *

Об определенном руководстве социал-демократической организацией всеобщей июльской забастовки 1903 г. говорят многочисленные листовки, посвященные вопросам борьбы и руководства стачкой. Прямо на это указывают в своих воспоминаниях и живые участники забастовки.

Еще задолго до объявления стачки — 15 марта 1903 года — комитет выпускает прокламацию к рабочим ж.-д. мастерских, в которой говорится следующее: „В Ростове начали забастовку рабочие ж.-д. мастерских, а через день - другой оказалось, что весь город бастует и силой отстаивает многотысячные собрания для того только, чтобы услышать свободное слово“.

Как только появились первые сведения о событиях в Баку, Одессе, Киевский комитет кликнул клич и решил организовать забастовку солидарности.

17 июля 1903 г. на заседании комитета РСДРП, происходившем в Кадетской роще, решено было организовать в Киеве всеобщую забастовку солидарности. Здесь же был разработан и подробный план ее. Начиная с 18 июля комитетом был устроен ряд массовок. Так в эти дни состоялась генеральная сходка рабочего комитета ж.-д. мастерских в лозах (где теперь склад Б. Нобеля) в составе т.т. Григоренко, Орла, Рачковского, братьев Кавальчуков, Алексеева и др., где был решен вопрос о начале забастовки в мастерских. Когда забастовка уже началась и в ж.-д. мастерские никого не впускали, партийный комитет послал своего лучшего пропагандиста тов. Василия (Василий Львович Рогачевский), которого рабочие перетащили через забор во двор мастерских.

Насколько были сильны влияние и авторитет партийного комитета, видно еще из того, что когда для переговоров по требованию рабочих явился начальник дороги Немешаев и когда рабочие ему предъявили требования, выставленные в известной прокламации „К борьбе“, Немешаев, желая испытать стойкость рабочих и подозрительно посмотрев на прокламацию сказал: „Господа, это ведь требования какого-то крамольного комитета, а не ваши“²⁾. В ответ Немешаеву послышались крики: „Ничего подобного, требования эти наши“...

¹⁾ Из воспоминаний т. Григоренко.

²⁾ Из стенограммы собрания актива ж.-д. мастерских, созванного Киевским Истпрофом ОСПС.

В последующие дни борьба, под руководством комитета РСДРП, разгоралась все сильнее и шире. 23-го бастовали уже все крупнейшие промышленные заведения г. Киева. Выступления остальных почти целиком зависели от быстроты подготовки требований в комитете РСДРП и от призыва последнего.

В комитете РСДРП выработывались и печатались требования вагоновожатых, булочников, рабочих завода Гретера, Графа, Ольшанского, Фильверта и Дедина, Неедли и Унгермана, арсенальных рабочих, паровозных мастерских, казенного водочного склада, дрожжевого завода Чоколова, кирпичных заводов, папиросниц разных фабрик, жестяников, портных и модисток, водопроводчиков, столяров и т. п. В эти требования вносились только некоторые специфические для данного предприятия дополнения. Эти же требования предъявлялись и фабричному инспектору и предпринимателям. Таким образом, почти ни одно предприятие не объявляло забастовки, не получив письменных требований, выработанных комитетом. Социал-демократы являлись почти исключительными ораторами и агитаторами до и во время забастовки.

Незаконная типография также усиленно работала и выпустила за время забастовки свыше 30 тысяч листовок.

Партийный комитет, как мы видели, подготовил стачку, будучи, таким образом, ее организатором и идейным вдохновителем. О том, что стачкой руководил с.-д. комитет, говорит и фабричный инспектор в своем донесении губернатору, освещая это руководство, как „постороннее вмешательство и внушение“.

Однако, в дни наивысшего подъема стачки — движение переросло руководство и с.-д. комитет не мог всецело овладеть могучим потоком; не в силах был партийный комитет и повлиять на исход борьбы, не мог удержать волну, когда она стала спадать¹⁾).

Стачка 1903 г. в Киеве, начавшись как экономическая, сразу же стала перерастать в политическую. Рабочие, выступив против своих предпринимателей, встретились с политической властью, поддержавшей последних. С первых же дней борьба велась между рабочими — с одной стороны, и правительством — с другой. Всякие иллюзии рабочих масс в духе „экономизма“ быстро изживались.

Стачка переходила со ступени на ступень, приближаясь к открытой борьбе. Со дворов заводов движение переходит на улицу; от пассивного сопротивления — к активному; рабочие вступают в бой с казаками и т. д.

Движение, принимая все более политический характер, но еще недостаточно созревши и оформившись, как таковое, вскоре

1) См. Вакар — „Накануне 1905 года в Киеве“.

пошло на убыль, будучи не в состоянии, развиваясь далее, перейти на более высокую ступень.

Тем не менее политическое значение июльской стачки, как всеобщей забастовки, как выражение солидарности с рабочими всего юга России, как выявление растущей мощи рабочего класса и его спаянности, как стачки, которая впервые столкнула рабочий класс с правительством на улице в открытой борьбе и сблизила рабочие массы с социал - демократией — было огромно.

Июльские дни 1903 г. для киевского пролетариата — это предвестник революции 1905 г.

Главный урок, который извлекли киевские рабочие из этой стачки, тот, что они сознали необходимость ведения борьбы с царским самодержавием, как с главным врагом, стоящим на пути их борьбы за свое полное раскрепощение от политического и капиталистического гнета.

Рассматривать июльскую всеобщую стачку в Киеве изолировано от общего движения было бы неправильно.

Эта стачка проходила в момент общего разгара революционно - стачечного движения по всей Украине, юго - востоку и Кавказу, являясь непосредственным откликом обостренной классовой борьбы лета 1903 года.

Если до Киева на Украине стачка впервые началась в Одессе, то после подавления киевской забастовки, стачечное движение вспыхнуло в Екатеринославе. Здесь 7-го августа под руководством социал - демократического комитета была объявлена также всеобщая забастовка, охватившая все заводы, железнодорожные мастерские, ремесленников и рабочих конки.

Одновременно в Александровске (теперь Запорожье), в Котопе, Елисаветграде (Зиновьевск) и др. местах также пронеслась стачечная волна, захватившая передовые ряды рабочих этих городов.

Вообще стачечное движение лета 1903 г. как бы подвело итоги предшествующему движению за период 1900 — 1903 г.г. и в то же время было как бы „репетицией“ революции 1905 г., предварительными аванпостными боями надвигавшегося революционного взрыва.

Стачка 1903 г. продемонстрировала со всею определенностью „жизненную правду“ революционно - марксистских идей „Искры“ и реакционность экономизма. Она подвела рабочий класс непосредственно к массовой политической борьбе, столкнув его лицом к лицу с самодержавием.

Отчет „Искры“ Амстердамскому конгрессу II Интернационала в 1904 году так оценивает общее значение стачечного движения 1903 г.:

„Зародилась и бурей пронеслась по всему югу стачка, по количеству участников, по всеобщности, по тому особому

настроению, которым были проникнуты рабочие, немного знающая себе равных во всем мире, не говоря уже о России“.

И в этом движении одно из первых мест принадлежит всеобщей июльской стачке в Киеве, которая даже по словам Л. Мартова „особенно ярко выделялась резкой политической тенденцией“¹⁾.

---

¹⁾ Л. Мартов — „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России“, изд. „Книга“, 1923, стр. 206.

II

МАТЕРІЯЛИ ТА ДОКУМЕНТИ

ОТЧЕТ С'ЕЗДА ЮЖНЫХ КОМИТЕТОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

В конце января 1902 года состоялся I с'езд представителей южных комитетов и организаций РСДРП¹⁾, организованный по инициативе группы „Южного Рабочего“. Вопрос о своевременности значения южно-районного об'единения выяснялся инициаторами с'езда перед действующими на юге комитетами партии еще во время передачи им приглашения к участию на с'езде. Инициаторы всюду встретили сочувствие идее районного об'единения. Собравшиеся на с'езд делегаты приступили к обсуждению условий и форм практического осуществления этой идеи. И только в нескольких вступительных словах председателя с'езда²⁾ нашел свое отражение вопрос о настоятельности и значении районного об'единения социал-демократического движения.

Председатель указал на некоторые черты современного социал-демократического рабочего движения, стоящие в тесной связи с этим вопросом. Первая черта— сильное развитие движения за последнее время вширь и вглубь на счет его организованности. Не только в местах, ранее уже вовлеченных в сферу рабочего движения, оно все более решительно выступает на путь воздействия на широкую рабочую массу, выдвигает

---

¹⁾ Отчет с'езда, являющийся приложением к нашей статье (см. стр. 54—76 в этом номере) перепечатывается нами полностью из книги Г. А. Кукулина — „Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902)“, Женева, издание Г. А. Кукулина, 1903 г., которая является сейчас библиографической редкостью. В нашей литературе он полностью не был опубликован. По указанию Ерманского, этот отчет, автором которого он является, был напечатан в особом приложении к „Южному Рабочему“ и в журнале „Борьба“ (см. его воспоминания „Из пережитого“). Разыскать эти издания, свердить, насколько совпадает отчет во всех этих трех источниках, нам не удалось.

По содержанию документ состоит из двоякого рода материалов: изложения речей, прений и текстов принятых с'ездом резолюций. Является ли их текст точным изложением резолюций, принятых с'ездом, или „вольным“ изложением их составителем отчета, нами не установлено. Во всяком случае, те выдержки из резолюций с'езда, какие приводит Лепешинский (см. предисл. его к протоколам II с'езда), на основе архивных материалов д-та полиции, целиком совпадают с текстом их, приведенным в настоящем отчете.

Документ перепечатывается нами без всяких изменений. (В. Манилов).

²⁾ Председателем с'езда был Ерманский.

элементы борьбы и в борьбе вырабатывает и шлифует политическое сознание рабочего класса, но и в новых пунктах своего возникновения и проявления движение очень быстро принимает тот же массовый, активный и политический характер.

Но в то же время степень организованности движения находится в резком несоответствии с указанными сторонами его развития. Да иначе оно и быть не может при существующем в России полицейско-самодержавном режиме. Если лет десять тому назад проповедь, с которой социал-демократы обращались к рабочим, начиналась и кончалась призывом: „организовуйтесь!“, то теперь этот призыв неизбежно отступает на задний план, когда объектом его являются не сотни развивающихся в кружках рабочих, а десятки тысяч пролетариев, вовлеченных в активную борьбу при условиях деспотического режима.

Если, таким образом, до крайности затруднена задача организации борющихся масс, то тем более насущной становится задача планомерного организованного объединения руководящих борьбой социал-демократических комитетов, объединения если не общепартийного, то, по крайней мере, районного.

Другая черта, характеризующая теперешние условия нашего движения, — относительный недостаток сил в руководящих борьбой социал-демократических организациях. Недостаток этот, в свою очередь, обуславливается, с одной стороны, небывалым в истории революционных движений несоответствием между успешными выработаться активно-революционными силами России и тем колоссальным сопротивлением, которое приходится этим силам преодолевать, с другой — слишком слабым притоком в наши руководящие социал-демократические организации новых активных сил на смену систематически вырываемых из их рядов жертв.

Жалобы на недостаток в „людях“ сделались обычным явлением в обиходе наших товарищей. Настоятельная необходимость объединения руководящих групп выдвигается и с этой стороны: чем меньше запас сил, тем важнее их экономизация, т. е. планомерно организованная утилизация этих сил в интересах более интенсивной и производительной работы каждой из них. Ведение сношений между отдельными городами, получение ими сообща литературы и другие потребности комитетов настолько разрослись за последнее время, что для их удовлетворения недостаточно сил одних местных организаций.

Далее, при громадном территориальном распространении русского движения, при большом разнообразии промышленности, культурных и бытовых условий различных частей России, образование в отдельных районах объединенных организаций

настойчиво диктуется жизнью, притом, конечно, не в ущерб делу общепартийного об'единения всего социал - демократического движения в России. До какой степени назрело сознание необходимости районного об'единения, прекрасно показывает факт возникновения уже за последнее время ряда районных социал - демократических союзов, каковы Поволжский, Сибирский, Северно - Русский.

Южный район имеет для этого, по крайней мере, столько же данных, сколько перечисленные районы. Уже не говоря о том, что в него входят некоторые из наиболее сильных у нас пунктов со всеми признаками преемственного массового политического движения, этот район обнаруживает и достаточную степень однородности в своей промышленной структуре (отсутствие текстильной промышленности, сильное развитие механических производств, наличность заметного контингента „ремесленных“ рабочих), а также в культурных условиях жизни рабочих масс.

Из всех этих соображений и фактов председатель, открывая с'езд, сделал заключение, что занятия с'езда должны и сумеют решить одну из насущных задач революционного социал - демократического движения и выразил надежду, что с'езд создаст жизнеспособную южно - районную об'единенную организацию, которая вместе с другими послужит переходной ступенью к созданию общепартийного об'единения, что, таким образом, РСДРП в скором времени будет иметь не только моральное значение момента духовной связи действующих социал - демократических комитетов, но сделается весомым фактором широко организованной борьбы и победы российской социал - демократии.

Пункты занятий и резолюции с'езда мы изложим приблизительно в том же порядке, в каком они следовали на с'езде.

1. Отчеты делегатов о положении движения в отдельных городах и о деятельности представляемых делегатами организаций.

Как ни интересен материал, представляемый этими отчетами, мы вынуждены отказаться от его сообщения, как за недостатком места, так и по конспиративным соображениям.

II. Выработка партийной программы.

Прения по этому вопросу привели к единогласному принятию следующей резолюции:

„Признавая, что между представленными организациями существует солидарность в общих программных вопросах, поскольку это необходимо для совместной работы в пределах единой организации, что солидарность эта доказывается самым фактом участия в с'езде, созванном организацией определенного направления (группой)

„Южного Рабочего“) для определенной практической цели (образования союза), признавая, с другой стороны, что выработка точной программы есть дело общепартийное и требует предварительного обсуждения в отдельных организациях и в партийной печати, с'езд находит возможным отказаться от выработки подробной программы и ставит вопрос на очередь в ближайшем же будущем“.

Те же прения привели к выводу, что если с'езд, по указанным мотивам, отказывается от выработки тут же точно сформулированной программы, то все-таки в интересах прочности создаваемого на с'езде объединения, во избежание неудобств и прений, могущих проистекать из различия в сравнительной оценке объединяющимися организациями отдельных моментов социал-демократической деятельности, необходимо обсуждение некоторых принципиальных пунктов. А так как на очереди стоит и вопрос об организационных разногласиях между представленными на с'езде Одесским комитетом партии и одесской же „южной группой революционных социал-демократов“, то, по предложению председателя, единогласно решено было приступить к обсуждению тех принципиальных вопросов, которые являются пунктами разногласия между обеими действующими в Одессе социал-демократическими организациями, а также и других пунктов, какие будут выдвинуты участниками с'езда. Таким образом, выделились и были поставлены на обсуждение шесть принципиальных вопросов.

III. Принципиальные вопросы.

I. Сущность самодержавия. Прения по этому вопросу, выдвинутому разногласиями обеих представленных одесских организаций, обнаружили, что все участники с'езда видят в правительственной власти два элемента: 1) выражение интересов господствующих классов и их взаимоотношения в известный период и 2) инстинкты самосохранения, присущие всякой общественной исторической силе. Участники дебатов только не одинаково выдвигали на первый план тот или другой из этих двух элементов, в применении к правительственной власти вообще и самодержавию в частности. В то же время все признавали, что самодержавный режим — крупная сила, для ниспровержения которой необходима также серьезная общественная сила, что эта сила должна быть создана, что источники этой силы должны быть: социальное положение и историческая миссия определенного класса, что этим классом в России в настоящее время является класс пролетариата, и что это нисколько не исключает необходимости для пролетариата вести эту борьбу совместно с оппозиционными элементами из непролетарских слоев населения. В результате мнения разделились.

а) Мнение большинства:

всякое правительство по своему содержанию является в общем равнодействующей классовых сил данного общества. Русское самодержавие, являясь с внешней стороны отсталой формой классового господства, по содержанию, подобно всякому правительству, является выражением соотношения общественных сил. Сохранение этой отсталой формы лежит в интересах господствующих классов и тем самым находится в резком антагонизме с интересами рабочего класса.

б) Мнение меньшинства:

считая правительство выразителем и защитником интересов господствующих классов и признавая, что правительственный режим меняется с перераспределением общественных сил, мы в то же время признаем, что выработавшаяся веками бюрократическая машина имеет свои самодовлеющие интересы (самосохранения и господства), защитой которых, главным образом, и определяется отношение правительства к рабочему движению и ко всякого рода появлениям протеста в обществе. В России защита этих интересов приняла особенно безобразные формы.

Примечание. Особым голосованием съезд единогласно признал, что разделение голосов по данному вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах объединенной организации.

2. Частные политические права и самодержавный режим.

Единогласно принята резолюция:

„Гарантия отдельных политических прав не совместима с сохранением самодержавной формы правительства“.

3. Экономическая борьба.

Суть аргументов, высказанных участниками дебатов в пользу предложенной по этому вопросу резолюции, сводится к следующему. Поскольку в ней идет речь об улучшениях в экономическом положении пролетариата, нужно иметь в виду, что мы не филантропы, а революционеры, т.-е. для нас важны не непосредственно сами улучшения; ценность для нас эти улучшения приобретают постольку, постольку они ставят рабочую массу в лучшие условия для ее революционизирования. В этом отношении фактический плюс дал жалкий закон 2-го июня 1897 года, после введения которого во многих местах (преимущественно текстильной промышленности) рабочие все-таки получили больший досуг, в их среде поднялись интересы к духовной пище и чувство личности.

В этом же роде данные содержит также отчет, представленный делегатами Одесского комитета: последний год усиленной стачечной борьбы одесских рабочих, давший в результате

сокращение рабочего дня во многих отраслях производства, существенно улучшил условия революционизирования рабочих, так как они освобождаются раньше от работы, с ними стало легче встречаться и они имеют больше прежнего возможность отдаться движению.

Мало того: еще большие ценности, чем результаты экономической борьбы, имеет для нас самый процесс борьбы, вырабатывающий в рабочей среде элементы самостоятельности, дисциплины и чувство солидарности. С этой стороны можно сказать, что даже крупное улучшение в экономическом отношении рабочей массы, доставшееся ей, как подарок, от правящих сфер, может быть благом сомнительного достоинства; между тем как даже минимальное улучшение, доставшееся рабочим, как результат самостоятельности, борьбы, есть существенный плюс в балансе революционной энергии рабочего класса.

Притом же борьба рабочих масс за экономические (как, впрочем, и за всякие другие) улучшения имеет огромное агитационное значение, каков бы ни был исход этой борьбы; в случае удачи она является доказательством того, что только своей борьбой рабочий класс может улучшить свое положение; если же требования не удовлетворены, то в руках агитатора — прекрасная иллюстрация того, что серьезных улучшений нельзя добиться от господствующих классов и правящих сфер; неудача, таким образом, превращается в доказательство негодности всего современного общественного и политического строя.

Особенно ценна экономическая борьба, как средство воспитания самостоятельности и боевой дисциплины рабочей массы в России, где деспотический режим главным образом и опирается на инертность народных масс. Что больше всего гнетет русский рабочий класс — это не только его невежество, но и его забитость, покорность, как следы векового его рабства. Вытравить эти следы рабства, расшевелить инертные широкие слои рабочей массы, поднять в ней дух мятежа — самая насущная задача, без решения которой нельзя рассчитывать на достижение не только социального, но и политического освобождения России.

Таким образом, дело не только в том, экономическая или политическая борьба, сколько в том, имеет ли деятельность социал-демократическая целью исключительно просветительное влияние на рабочих или создание в их среде атмосферы борьбы; только созданием последней можно гарантировать в широкой массе восприимчивость к идеям политической свободы и социализма, только борьбой может быть воспитана и закалена та сила, которая призвана решить задачу завоевания политической свободы в России. С этой точки зрения руководство экономической борьбой рабочего класса является весьма важной задачей социал-демократии наряду с руковод-

ством политической борьбой. Да у нас даже трудно провести между обеими формами борьбы резкую грань, так как для самодержавного режима всякая борьба, в особенности борьба рабочего класса, является актом политического преступления.

Наконец, указывалось еще на необходимость того, чтобы сама жизнь, удовлетворение самых насущных потребностей наталкивала рабочего на необходимость политической свободы. Чтобы проникнуться сознанием этой необходимости, рабочий должен ощутить недостаток политической свободы, а такой именно результат неизбежно имеет при наших условиях экономическая борьба, в которой рабочий наиболее осязательно наталкивается на факт своего политического бесправия.

В результате прений была единогласно принята следующая резолюция :

„В виду того, что экономическая борьба и при настоящих условиях может вести к частичному, хотя и минимальному улучшению социального положения пролетариата, тем самым улучшая его боевую позицию в борьбе за свое политическое и социальное освобождение; в виду того, что социал - демократическая партия немыслима вне тесной связи с массовой борьбой пролетариата, в виду того, что при русских условиях отделение политической борьбы от экономической, если даже допустить возможность этого, в значительной мере парализовало бы борьбу партии за политическую свободу, — в виду всего этого социал - демократия должна руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая ее в то же время от профессионального, национального и тому подобного эгоизма и пользуясь ею для революционизирования рабочей массы.

4. Политическая борьба.

Без больших прений была принята единогласно следующая резолюция :

„Заявляя свою солидарность с манифестом российской социал - демократической рабочей партии (1898) и с основными традициями русской социал - демократии, мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. В борьбе за политическую свободу необходимо сохранить за движением его классовый характер“.

5. Отношение к оппозиционным политическим течениям.

После небольших прений принята единогласно следующая резолюция :

„Мы считаем необходимым поддерживать и углублять все оппозиционные политические движения вне рабочего

класса, не затушовывая классового характера социал-демократического движения, и пользоваться этими течениями для развития классового самосознания пролетариата.

6. Террор.

По этому вопросу прений не было. Предложенная резолюция была принята половиной голосов полностью, другой половиной — с исключением из текста слов: „для настоящего времени“. Резолюция гласит:

„Мы считаем нужным решительно высказаться против того взгляда, согласно которому террор является необходимым спутником политической борьбы в России. Для настоящего времени мы признаем террористическую борьбу нецелесообразной. В случае отдельных террористических актов следует пользоваться ими для развития политического сознания пролетариата.“

По дальнейшим вопросам организационного характера сообщаем только постановления с'езда (без прений).

IV. Постановлено образовать объединенную социал-демократическую организацию южного района.

Что касается ее названия, то оно должно указывать на то, что в состав объединенной организации входят комитеты партии, а не какие-либо другие внепартийные организации, существующие и могущие возникнуть. Но в виду того, что в с'езде участвовала и одесская южная группа и вопрос об ее слиянии с одесским комитетом может и не быть решен на данном с'езде, решено установить следующее название:

„Союз южных комитетов и организаций российской с.-д. раб. партии“.

V. Район деятельности союза.

Районом деятельности союза являются юг России не севернее Киевской и Харьковской губерний.

VI. Организация союза.

а) Высшей инстанцией союза является с'езд, выбирающий исполнительный орган — центральный комитет и редакцию.

б) Правом участия в с'езде пользуется всякая солидная организация, входящая в состав южного района, опирающаяся на массовое движение и действующая в принципиальном согласии с союзом.

в) Очередные с'езды собираются раз в год. Экстренный с'езд может быть созван по требованию одной трети

входящих в состав союза организаций или по инициативе ЦК.

г) ЦК выбирается с'ездом в числе трех лиц (не обязательно из числа участников с'езда), при чем этим трем лицам предоставляется право присоединить к своему составу еще двух лиц по своему усмотрению; кандидаты могут быть представлены отдельными организациями, входящими в состав союза.

д) Редакция, избираемая с'ездом, является автономной в деле издания органа, брошюр, листов общего характера. Она имеет, по крайней мере, одного своего представителя в ЦК; последний осуществляет непрерывный последующий контроль над деятельностью редакции с правом совещательного голоса. В случае конфликтов серьезного принципиального характера, решающей инстанцией является с'езд.

VII. Функции ЦК:

- а) издание органа союза,
- б) издание брошюр и общих листовок,
- в) издание воззваний по определенным поводам,
- г) издание бюллетеней,
- д) организация транспорта и снабжение литературой,
- е) представительство союза,
- ж) распределение сил,
- з) общая помощь местным комитетам и их деятельности,
- и) установление связей между отдельными комитетами.

VIII. Отношение между ЦК и организациями, входящими в состав союза

а) Местные организации остаются автономными в пределах своей местной деятельности; б) они помогают ЦК денежными средствами, доставляют необходимые сведения и оказывают помощь в конспиративных предприятиях; в) организации обязаны распространять литературу союза; г) специальные воззвания, призывающие к определенным конкретным действиям, ЦК выпускает после опроса местных организаций и с их согласия; распространять такие воззвания обязуются только давшие согласие местные организации; д) всякий отказ от распространения литературы союза местные организации должны мотивировать; е) местные организации должны осведомлять ЦК о своих конспиративных предприятиях.

IX. Средства ЦК}

- а, б, в и г) — резолюции конспиративного характера¹⁾.

¹⁾ Содержание этих пунктов резолюции восстановить не удалось.

Х. Орган союза

а) Органом союза является „Южный Рабочий“.

б) „Южный Рабочий“, выходя в несколько уменьшенном объеме, сохраняет в общем прежний тип, состоя из руководящих статей, освещающих наиболее крупные явления текущей общественно-политической действительности, а также беллетристически-фельетонного отдела и общих обзоров фактов русской и заграничной жизни.

в) Наряду с „Южным Рабочим“ выходят листки его, содержащие в себе сгруппированные факты текущей действительности.

XI. Издания отдельных комитетов

а) резолюция конспиративного характера¹⁾.

б) Все местные издания подлежат последующему контролю со стороны ЦК, который имеет право делать указания относительно тех или иных отступлений от партийной программы.

ХII. Вопрос о желательном типе местных организаций решением с'езда снят с очереди, при чем выражено желание, чтобы к будущему с'езду ЦК были собраны материалы по этому вопросу.

ХIII. Предстоящее 1-е мая

а, б и в) — конспиративного характера²⁾.

ХIV. Партийный с'езд

а, б и в) — конспиративного характера³⁾.

ХV. Распространение организаций в новых местах.

а) Местные комитеты должны заботиться о поддержке и развитии движения в близлежащих городах и заводских селениях, б) резолюция конспиративного характера⁴⁾.

ХVI. Выборы

а) В ЦК произведены тайной подачей голосов;

б) редакцией органа признана с'ездом редакция „Южного Рабочего“, при чем с'езд нашел необходимым произвести дополнительные выборы тайной подачей голосов.

1) Восстановить ее не удалось.

2)   "   "   "   "

3)   "   "   "   "

4)   "   "   "   "

XVII. По поводу отдельного существования в Одессе комитета партии и „южной революционной группы социал-демократов“.

С'езд первоначально намеревался тут же обстоятельно разобрать организационные разногласия между обеими одесскими группами, считая недопустимым их отдельное существование при отсутствии между ними, как это показали дебаты по пункту III, более или менее серьезных разногласий принципиального характера. Однако в виду недостатка времени, а также в виду заявления делегата южной группы, что он на этот счет не имеет никаких определенных полномочий, с'езд, в виде временной меры, принял следующую резолюцию:

„Во всех случаях, когда агитация связана с призывом к известным действиям, когда в местных листках дается освещение какому-либо крупному явлению текущей действительности, с'езд предлагает группе и комитету столкнуться как о содержании, так и о способах их распространения. В остальных случаях соглашения о содержании листов не требуется. Между комитетом и группой должно также состояться соглашение о количестве получаемой от ЦК литературы и о способах ее получения. В случае, если соглашения не состоится, конфликт представляется на усмотрение ЦК.“

С'езд предлагает обеим организациям обсудить вопрос о возможности слияния и об условиях этого слияния“.

При закрытии с'езда, резюмируя результаты его занятий, председатель, в связи с конфликтом одесских организаций, остановился, между прочим, на вопросе о принципиальных разногласиях, поскольку они отразились в дебатах членов с'езда. Единственный принципиальный пункт, по которому мнения разделились — вопрос о сущности и роли самодержавия.

Но, во-первых, это вопрос скорее общенаучного, чем тактического свойства. Во всяком случае, практические положения о задачах и способах борьбы с самодержавием принимаются солидарно всеми членами с'езда, как это обнаружили прения и резолюции по остальным принципиальным вопросам; во-вторых, и в этом теоретическом пункте разногласие свелось лишь к различию в степени подчеркивания одной или другой стороны сущности самодержавия, как это уже упоминалось раньше. Во всех же остальных принципиальных вопросах, обсуждавшихся с'ездом, его участники оказались вполне солидарными и резолюции приняты единогласно, несмотря на участие в с'езде двух одесских организаций, находящихся

между собой в конфликте. Это достаточно яркая иллюстрация того, как у нас иногда создаются конфликты там, где для них нет достаточной почвы, по крайней мере, в сфере принципов. Это явление тем более печально, что конфликты обыкновенно обостряются до крайности и мешают, между прочим, именно научной постановке и разработке вопросов теоретического характера. Взять хотя бы тот же вопрос о роли и сущности самодержавия. Что сделано в нашей нелегальной литературе для выяснения этого вопроса? Ничего. Нет ни одного исследования об экономической политике русского самодержавного правительства и об отношении этой политики к интересам различных эксплуатирующих классов. Нет также ни единого исследования о степени влияния и свободы, которыми фактически пользуются господствующие классы даже при режиме самодержавия.

Можно надеяться, что организованный на данном с'езде союз будет способствовать дальнейшему об'единению борющихся под знаменем российской социал-демократической рабочей партии организаций. Вовсе не нужно придерживаться буржуазной морали: „худой мир лучше доброй ссоры“, чтобы стремиться к устранению конфликтов там, где им не должно быть места. Блестящим уроком в этом отношении может служить история германской социал-демократии.

Когда в 1875 г. на Готском конгрессе должна была быть сделана попытка соглашения между эйзенахцами (марксистами) и лассальянцами, Маркс из-за границы прислал Швейцеру свое знаменитое письмо, в котором метал громы и молнии против лассальянцев и клеймил союз с ними, как преступный компромисс. Однако письмо Маркса не было опубликовано по требованию Либкнехта и „преступный компромисс“ был заключен. Да еще какой компромисс! В Готскую программу была включена главная ересь Лассаля: „железный закон“ заработной платы и требование устройства „производительных ассоциаций“ с субсидией от государства. И, однако, с этой „программой-компромиссом“ германская социал-демократия дружно работала 15 лет. С этой программой она прошла и через тяжелый, как кошмар, 12-тилетний период действия „социалистического закона“¹⁾ (1879 — 1890), когда и центральный орган партии „Социал-демократ“ и вся партийная литература создавалась за границей и контрабандой перевозилась (как у нас) в Германию. С этой программой и из такого испытания германская партия вышла сильной и единой, как никогда. И лишь в 1891 году, когда пали оковы „социалистического закона“, пал и его инициатор Бисмарк, и германская партия, уже насчитывавшая полтора миллиона приверженцев,

¹⁾ Очевидно, речь идет об исключительном законе против социалистов.

организовалась на новых началах и решила выработать себе более современную программу, когда за старые лассальевские предрассудки не поднималось уже ни одного социал-демократического голоса — на страницах „Neue Zeit“ появилось скрытое в 1875 г. письмо нашего гениального учителя. И это сделал не кто-либо, а один из величайших революционных деятелей XIX века К. Либкнехт, на принципиальном знамени которого трудно найти пятнышко. Как же нам не согласиться после этого с положением того же Маркса, что „один шаг действительного движения важнее дюжины прекрасных программ“?

В надежде, что товарищи наши проникнутся сознанием этой истины, председатель об'явил с'езд закрытым.

*Центральный Комитет Союза Южных Комитетов
и Организаций Российской Социал-Демократической
Рабочей Партии.*

1902 г.“.

ИЗ ЭПОХИ РАСКОЛА РСДРП В 1903—1904 г.г.

Доклад Одесского с.-д. комитета о II съезде РСДРП¹⁾

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый ниже „Доклад о II очередном съезде и положении дел в партии“, изданный Одесским комитетом в 1904 г., повидимому, в апреле месяце, представляет собою чрезвычайный интерес.

Этот документ найден при активном содействии Истпарт-отдела Одесского Округкома в Одесской государственной публичной библиотеке и является пока единственным экземпляром в СССР (нам не удалось разыскать его в архивах Истпарта ЦК ВКП(б)). Широкого распространения публикуемый нами документ, к сожалению, не мог получить, в виду последовавшего вскоре после его выхода в свет ареста почти всего состава Одесского комитета и разгрома типографии, в которой он печатался. В секретном донесении на имя директора департамента полиции за № 1182 от 22 июня 1904 г. (см. „Переписка“ Одесск. охр. отд., № 190 за 1904 г., стр. 162), одновременно с сообщением об аресте 8 июня 1904 г. (ст. ст.) упоминается также и об „изъятии“ агентурным путем „Доклада о II очередном съезде и положении дел в партии“, в количестве 302 экземпляров.

На ярком языке фактов перед читателями проходит интереснейшая страница из эпохи внутрипартийного раскола на одном из крупнейших участков всего фронта борьбы — юга России (Украины). Анализ этого документа дан нами в комментариях к нему.

С необыкновенной тщательностью, шаг за шагом, брошюра Одесского комитета распутывает сложный узел внутрипартийных разногласий, возникших на II съезде.

Брошюра чрезвычайно характерна не только с точки зрения формирования первых кадров большевистской партии, их позиций, взглядов и пр., но и для всей внутрипартийной борьбы после II съезда вообще. Историческая ценность

---

¹⁾ Доклад найден т. Д. Кардашевым. Предисловие и примечания — Д. Кардашева. — Р е д.

документа явствует из того, что он является четвертым¹⁾ по счету большевистским документом того времени, посвященных истории раскола РСДРП 1903—1904 г.г.

Появление в свет „Доклада о II очередном с'езде и о положении дел в партии“ вызвало в свое время оживленнейшую полемику на страницах новой „Искры“ (см. № 70 послесловие Мартова к статье т. Рядового (А. А. Богданова) „Наконец-то“), а также на страницах большевистской прессы того времени, в статьях т.т. Рядового (А. А. Богданова), Галерки (Ольминского), В. В. Воровского (Орловского) и т. д.

ДОКЛАД О II ОЧЕРЕДНОМ С'ЕЗДЕ И ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Междоусобная борьба раз'едает ряды нашей партии, торозя ее положительную работу, роняя авторитет ее в глазах противников, подрывая доверие к ней пролетариата. Целые месяцы так наз. „меньшинство“ II партийного с'езда ведет под предлогом „принципиальных разногласий“ неустанную борьбу против партийных учреждений, созданных этим с'ездом, стремясь, наперекор решениям с'езда, завладеть Центральным Комитетом, как оно уже успело завладеть Центральным Органом. Во имя этих „принципиальных разногласий“ „меньшинство“ целые месяцы бойкотировало партийные центры, отказываясь от сотрудничества в „Искре“ и от работы в других партийных учреждениях, пресекало денежные средства, ломало только что созданный партийный устав, и, наконец, получив всякими правдами и неправдами в свои руки Ц. О., начало систематически дезорганизовать партию путем неустанных нападков на Ц. К. и на верные постановления с'езда комитеты, нападков, не останавливающихся даже перед пасквилем вроде пресловутого „устава твердых“*). Цель этого похода ясна. Она совершенно недвусмысленно выражена в известной резолюции Совета, превратившегося, благодаря „диалектике“ некоторых „вождей“ в послушное орудие „меньшинства“; резолюции, высказывающейся за необходимость кооптации представителей „меньшинства“ в Ц. К.**). Завладев, вопреки постановлениям

¹⁾ Первым по времени из документов этого рода мы считаем „Рассказ о II с'езде РСДРП“ Ленина, написанный им в конце августа — в первой половине сентября 1903 г.

Вторым — его же доклад на втором очередном с'езде заграничной Лиги; и, наконец, третьим — „Письмо к товарищам о втором с'езде“ — Павловича (П. А. Красикова).

*) См. „Искра“, № 58 — „На очереди“.

**) „Искра“, № 59 — „Из Партии“¹⁾.

с'езда, Ц. О., „меньшинство“ стремится завладеть точно также Ц. К. и, таким образом, имея в своих руках власть, фактически изменить по своему усмотрению решения с'езда, оказавшиеся столь неблагоприятными для него („меньшинства“). Однако вся эта дезорганизаторская кампания ведется под предлогом „принципиальных разногласий по организационным вопросам“, и нам придется остановиться на этих „разногласиях“, чтобы посмотреть, как они возникли, в чем заключаются и оправдывают ли они разрушительную работу „меньшинства“.

События, происходящие в Партии, мало - по - малу достигли массы партийных работников и возбудили в них естественное желание разобраться в происходящей борьбе и сознательно принять в ней участие. К сожалению, печатных материалов, имеющихся в крайне скудном количестве, нехватает на всех. Идя навстречу запросам товарищей, Одесский Комитет устроил ряд докладов о с'езде и борьбе „меньшинства“ с „большинством“, а также дискуссии с представителем „меньшинства“. Но и это, по конспиративным условиям, было доступно лишь незначительному кругу лиц. В виду этого Одесский Комитет считает необходимым напечатать специальный доклад для интересующихся товарищей, который помог бы им разобраться в запутанном положении дел в партии.

Одесский Комитет“

I

„В самый разгар господства в теории — экономизма, а в практике — кустарничества, кружковщины и связанного с ним организационного разброда, образовалась группа „Искры“ для борьбы за чистые идеи революционной социал - демократии и за новые организационные принципы — принципы централизма. Организационные начала, развиваемые в печати редакцией „Искры“, составлявшейся из группы „Искра“ (Ленин, Мартов, Старовер) и „Группы Освобождения Труда“ (Плеханов, Аксельрод, Засулич), проводились в жизнь русской организацией „Искры“ и помогавшей ей заграничной Лигой. В основу этих „искровских“ организационных идей были положены, по справедливому указанию рьяного представителя „меньшинства“, т. Дана*), две брошюры Ленина: „Что делать“ и „Письмо к петербургскому товарищу“. Ни одна из этих работ не вызвала в свое время печатных возражений или полемики со стороны кого - либо из остальных редакторов „Искры“; точно также никто из них не высказывал на страницах „Искры“ или в отдельных брошюрах каких - нибудь других взглядов на вопросы организации; мало того, кроме двух названных работ

*) См. протоколы с'езда заграничной Лиги. Засед. третье.

Ленина и его же статьи „С чего начать“ в № 4 „Искры“, за все время до с'езда никаких статей или брошюр по организационным вопросам вообще не появлялось. Таким образом отцом искровских организационных взглядов был т. Ленин, и потому естественно, что он же составил в духе этих взглядов и представил на с'езд проект устава партии. Весьма характерно, что т. Мартов, тоже подготовивший было к с'езду свой проект устава, отказался от него, когда познакомился с ленинским ²⁾.

Таким образом возник тот устав, который поступил на обсуждение с'езда и из-за которого якобы возникли пресловутые „принципиальные разногласия“.

Идейная проповедь „Искры“ и пропаганда ее организационных взглядов встретили сначала резкое осуждение со стороны большинства русских комитетов, зараженных „экономизмом“, стачкизмом и демократическими принципами организации.

Однако упорная и последовательная работа — с одной стороны и устойчивая принципиальная позиция, которую сохраняла „Искра“ перед лицом всевозможных шатаний — с другой, начали мало-по-малу завоевывать ей симпатии работавших в России товарищей. Весной 1902 года позиция „Искры“ была уже настолько сильна, что ей удалось отклонить попытку созыва с'езда и создать вместо него Организационный Комитет из представителей главнейших организаций. Этот пестрый по составу О. К. — в него вошли искровцы, южнорабоченцы, бундист, — должен был созвать II с'езд партии, что он и осуществил после более чем годовой работы. Ко времени с'езда отношение партии к „Искре“ сильно изменилось. Теперь уже большинство комитетов примкнуло к ее организационным планам и признало ее своим идейным руководителем. Влияние „Искры“ на партию было завоевано, оставалось только закрепить его уставным порядком.

Однако состав II с'езда далеко не давал повода к радужным мечтаниям. Хотя „искровцы“ безусловно преобладали на нем, все же было не мало так наз. антиискровских и неискровских элементов. Это были прежде всего, конечно, Бунд (пять голосов) и рабочедельцы (два голоса от заграничного союза соц.-дем. и один голос от петербургской рабочей организации). Они совершенно открыто выступали против „искровских“ предложений, голосуя за все, что по их мнению отступало от „искровской“ позиции, ухудшало ее. Но наряду с этими открытыми противниками заседали противники скрытые, так называемые „подсизиватели“, шедшие с „искровцами“, пока шли дружно, но зато при всяких недоразумениях и разногласиях среди них становившиеся на сторону тех, кто, казалось им, больше отступает от чисто „искровской“ точки зрения. К этим подсизивателям принадлежали южнорабоченцы (4 голоса) и так наз. „болото“. Кличку „болото“ дали на с'езде группе депутатов (6 голосов), не примкнувших открыто ни к одному из

течений, колебавшихся между ними и проявивших полную принципиальную неустойчивость. Эти группы, стоявшие в практической работе в некоторой связи с „Южным Рабочим“, и на с'езде занимали по отношению к „искровцам“ позицию, сходную с южнорабоченцами. Таким образом из 51 голоса было 18 неискровских, на которые положиться было трудно.

Состав с'езда наглядно показал, что „искровские“ взгляды и понятия хотя и проникли уже в большинство комитетов и охватили большую часть партии, тем не менее далеко еще не стали достоянием все й партии, не сделались партийными понятиями и взглядами. Соотношение сил на с'езде показало воочию, что неискровские элементы в партии только на время притихли, видя успехи „Искры“, что симпатии, высказываемые некоторыми организациями „Искре“ являются только политическим маневром или данью моде, ни к чему их не обязывающими; что при первой неудаче искровского направления при разногласиях в рядах „искровцев“ эти притихшие элементы поднимут голову и начнут борьбу за потерянные позиции. Так и оценил положение дел тов. Ленин; из этой оценки для него вытекал вывод, который он вполне определенно формулировал на партийном с'езде*), а потом повторил на с'езде Лиги**), что та политика, которой придерживалась „Искра“ в течение всей борьбы за влияние в партии, должна быть продолжена, что искровскому направлению должно быть обеспечено преобладание в партийных центрах, что приобретенное уже влияние должно быть закреплено искровским уставом.

Не так отнесся к положению дел в партии т. Мартов. Ему казалось, что „искровские“ идеи настолько уже проникли в партию и укоренились в ней, что нет надобности продолжать политику „осадного положения“, что можно перейти к более „нормальным“ отношениям, что пора уже допустить и другие, не искровские, организации до участия и представительства в центральных учреждениях партии. Этот оптимистический взгляд тов. Мартова выразился, с одной стороны, в его стремлении сделать и партию и ее центры возможно более доступными политике открытых дверей; с другой, в его политическом сближении с неискровскими элементами — южнорабоченцами и „болотом“. Это различие в оценке данного политического момента, различие, обусловившее собою всю последовавшую борьбу из-за устава и из-за состава центров, является, на наш взгляд, единственным действительно принципиальным разногласием: в этом вопросе т. Мартов встал на наклонную плоскость, которая увлекла его с роковой последовательностью в самую тину „болота“, превратив одного из прежних идейных вождей искровцев в почетную вывеску, под которой воспрянувшие

*) Проток. парт. с'езда, стр. 333.

**) Проток. с'езда Лиги, доклад Ленина.

неискровцы возобновили свою борьбу за власть с искровским направлением.

Пресловутое „принципиальное разногласие по организационным вопросам“, разделившее якобы партию на „большинство“ и „меньшинство“, возникло во вторую половину с'езда при обсуждении партийного устава. Борьба возгорелась из-за трех основных пунктов: § 1 — о членстве в партии, § 4—об организации Совета и § 12 — о кооптации в центры; остальные статьи устава не вызвали сколько-нибудь серьезных возражений. Присмотримся же, как ставили эти пункты устава каждая из спорящих сторон и как они были приняты с'ездом. Формулировка § 1 Лениным такова: „членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций“. Формулировка Мартова: „членом Р. С. - Д. Р. партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий³⁾ материальными средствами и оказывающий⁴⁾ регулярное личное содействие под контролем одной из ее организаций“. Эта формулировка Мартова была принята с'ездом с самыми незначительными изменениями (слово „контроль“ заменено словом „руководство“) и составляет теперь § 1 партийного устава. Нельзя не заметить, что эта формулировка, открывая широко двери Партии, принижает понятие члена Партии и предоставляет полную свободу воздействия на партийную работу самым неустойчивым элементам. На опасность этой формулировки указывали во время дебатов неоднократно: даже один из южнорбоченцев, тов. Егоров, заметил, что мартовская формулировка „расширяет понятие Партии до того, что раскрывает двери „демократизму“ *).

Вторым боевым вопросом был пункт о Совете. Вот его первоначальная постановка в проекте Ленина:

§ 4. Партийный с'езд назначает Ц. К., редакцию Ц. О. и Совет партии.

§ 7. Совет партии назначается с'ездом из числа Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц. Совет решает дела о пререканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов общеорганизационных и тактических. Совет партии возобновляет Ц. К. в случае полного его провала **).

Эти первоначальные формулировки поступили в уставную комиссию⁵⁾, где они возбудили горячий спор; в виду невозможности притти к определенному решению, комиссия внесла на с'езд две⁶⁾ резолюции — Мартова и Ленина. Вот они: резолюция Мартова⁷⁾: „Совет Партии назначается редакцией Ц. О.

*) Проток. парт. с'езда, стр. 238. Вопрос этот был, повидимому, не для всех ясен, так что при баллотировке голоса перепутались. пять голосов из „большинства“ пошло за Мартовым, между тем как один южнорбоченец и один рабочеделец голосовали с Лениным.

***) Проток. парт. с'езда, стр. 344.

и Ц. К. которые посылают в Совет по два члена; эти четыре члена Совета приглашают пятого; выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями“. Резолюция Ленина⁹⁾: „Совет партии назначается с'ездом из членов редакции Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц, при чем не менее двух должно быть от каждой из этих коллегий. Выбывшие члены Совета замещаются самим Советом“ *).

С'езд и здесь отверг формулировку Ленина, приняв за основание резолюцию Мартова. Рядом поправок эта резолюция была слегка изменена и отредактирована несколько иначе. Вот текст, принятый с'ездом:

§ 4. С'езд назначает пятого члена Совета...

§ 5. Совет партии назначается редакцией Ц. О. и Ц. К., которые посылают в Совет по два члена: выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями, пятый член замещается самим Советом.

Совет партии является высшим учреждением партии. Задача Совета согласовать и объединять деятельность Ц. К. и ред. Ц. О. и представлять партию в сношениях с другими партиями.

Совету партии принадлежит право восстанавливать Центральный Комитет и Центральный Орган в случае, если выбывает целиком весь состав одного из этих учреждений.

Совет собирается каждый раз, когда этого требует один из центров, т.-е. Ц. О. или Ц. К., или два члена Совета **).

Таким образом состав совета, способ его пополнения и его функции определяются формулировкой, в основе которой лежит резолюция Мартова⁹⁾. Впоследствии на почве борьбы „меньшинства“ с „большинством“ возникли и были пущены в обращение сказки, будто т. Мартов отстаивал на с'езде идею Совета, как третьейского учреждения между Ц. О. и Ц. К., а Ленин изуродовал эту идею, превратив Совет в верховное учреждение¹⁰⁾, в третий самостоятельный центр ***)). Насколько нелепа подобная выдумка, видно из приведенных нами документов, где именно первоначальная ленинская формулировка представляет чистую идею примирительного учреждения ****). С другой стороны, эту сказку опровергают следующие слова Мартова, сказанные им в заключительном слове: „Предложе-

*) Протокол, стр. 269

***) См. устав партии.

****) См. Троцкий — „Доклад сибир. делегатов“.

*****) В приведенном выше проекте Ленина и в его резолюции, внесенной в комиссию, Совет представлен как чисто примирительное учреждение¹¹⁾. Условия выбора пяти членов из Ц. О. и Ц. К. вовсе не предрешают преобладания членов из редакции. С'езд мог выбрать трех от Ц. К. и двух от Ц. О. С другой стороны, по формуле Мартова, гораздо больше данных, что четыре члена Совета выберут пятого из заграничных товарищей, т.-е., вероятнее всего, из Ц. О. Таким образом утверждение, что т. Мартов отстаивал независимость Ц. К. от Ц. О., является чистой выдумкой, изобретенной задним числом после того, как Ц. О. ускользнул из рук „меньшинства“.

ние о том, чтобы вычеркнуть слова „Совет есть высшее учреждение“ я предлагаю отвергнуть : наша формулировка ¹²⁾ умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение“ *).

Наконец третьим пунктом, вызвавшим разногласия между двумя частями с'езда, был вопрос о кооптации в центры. Этот вопрос приобрел в глазах искровского большинства особое значение после того, как был принят § 1 в формулировке Мартова. Когда двери партии оказались открыты для всех, считающих себя соц.-демократами, естественно было стремление противников формулы Мартова отстоять хотя бы центральные учреждения от неустойчивых или ненадежных элементов. В виду этого Ленин изменил уже в комиссии ¹³⁾ свой первоначальный проект ¹⁴⁾, по которому всякая организация кооптировала большинством двух третей голосов. Вместо этого он предложил для Ц. О. и Ц. К. взаимную кооптацию ¹⁵⁾ большинством четырех пятых голосов. Т. Мартов противопоставил свою формулировку, по которой и Ц. О. и Ц. К. кооптируют самостоятельно квалифицированным большинством. В результате долгих прений получилась компромиссная формулировка, в силу которой кооптация совершается самостоятельно, но зато единогласно ¹⁶⁾. Но к этой формулировке была тут же принята поправка Мартова, что, в случае недостижения единогласия, вопрос переходит в Совет и, по возвращении оттуда, решается простым большинством. Благодаря этой поправке получилась опять формула Мартова, слегка замаскированная.

И этот пункт устава дал толчок к созданию другой, не менее вздорной, сказки, именно, что Ленин предложением взаимной кооптации хотел отдать Ц. К. „под надзор“ Ц. О. и что Мартов принципиально восстал против этого, отстаивая независимость практического центра **). Что касается желанья создать тесную взаимную связь Ц. О. и Ц. К., то этого ни тов. Ленин, ни голосовавшие с ним товарищи не отрицают; „принципиальная“ же позиция т. Мартова в отстаивании независимости Ц. К. от Ц. О. лучше всего характеризуется его собственными словами: „Право взаимного контроля Ц. К. и редакции Ц. О. при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они некомпетентны один в области другого. Нет. Редакция Ц. О., например, могла бы дать Ц. К. хороший совет, следует ли г. Надеждина, напр., принять в Ц. К. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимной раздражающей волокиты“ ***).

*) Прот. парт. с'езда, стр. 268.

***) Сказка эта повторяется чуть ли не во всех писаниях „меньшинства“ ; см., напр., Троцкий — „Доклад сиб. делег.“; Мартов — „Еще раз в меньшинстве“ ; Дан — „Письмо о лозунгах оппозиция“.

***) Прот. парт. с'езда, стр. 276.

Итак, мы видели, что по трем боевым пунктам устава мартовцы, теперешнее „меньшинство“, победили „большинство“, проведя свою формулировку. И это вполне понятно. Коалицию искровского меньшинства с южнорабоченцами и „болотом“ поддерживали в это время и Бунд и рабочедельцы. Хотя т. Мартов пытался на с'езде Лиги *) очистить себя от упрека, что он бил искровское большинство при помощи Бунда, однако это опровергается заявлением самих бундистов: в № 1 „Вестник Бунда“ они прямо указывают, что голосовали с Мартовым всегда, когда усматривали принципиальное разногласие между ним и Лениным. Только после того, как ушли со с'езда рабочедельцы и бундисты, отношение изменилось и установились две определенные группы: искровское большинство (24 голоса) и меньшинство из 9 искровцев¹⁷⁾, 4-х южнорабоченцев, „болото“ (6 голосов) и одного рабочедельца (представитель Петерб. раб. организации). Но в это время почти уже весь устав был принят по частям, оставалось только принять его в целом, что и было сделано почти единогласно.

Ясно, что устав, видоизмененный и проведенный „меньшинством“, не должен был возбуждать недовольства этого меньшинства; поскольку существовали „принципиальные разногласия“ организационного свойства, они были разрешены в пользу меньшинства и были закреплены в уставе. Остается непонятным, почему же меньшинство подняло знамя восстания во имя этих самых „принципиальных разногласий“? Чтобы понять это надо обратиться к частным заседаниям организации „Искры“ во время с'езда, где и произошел собственно первоначальный раскол, превратившийся впоследствии в тяжелый кризис. В заседаниях этих принимали участие русские и заграничные члены организации „Искры“, явившиеся на с'езд в качестве делегатов от разных комитетов или приглашенные с совещательными голосами. Их было 16 человек¹⁸⁾. На этих частных заседаниях обсуждались списки кандидатов в Ц. К., так как искровцы хотели выступить на с'езде солидарно, и здесь - то из - за этих списков произошло столкновение и расхождение. Тов. Мартов, следуя раз занятой им позиции, добивался включения в список представителя „Южного Рабочего“. Из - за этого вопроса собрание разделилось. Ленин настаивал на чисто искровском составе Ц. К., за него высказалось большинство собрания в 9 человек против 3-х (4 мартовца воздержались при голосовании). Дальнейшие попытки сойтись на общем списке кандидатов осложнялись уже делением самих искровцев на „большинство“ и „меньшинство“. Предложение Ленина уладить конфликт компромиссным путем, приняв список из 5 кандидатов: трое от „большинства“ и двое от „меньшин-

*) Прот. с'езда Лиги, корреферат Мартова.

ства“ (в том числе и один южнорабоченец), было отвергнуто Мартовым. Им был пред'явлен ультиматный список из трех: двое из „меньшинства“¹⁹⁾ (один из них южнорабоченец) и один из „большинства“²⁰⁾. Этот список был, конечно, неприемлем. Таким образом члены организации „Искры“ разошлись, не выработав общего списка кандидатов²¹⁾; но в это время около 9-ти ленинцев и 7-ми мартовцев образовалось уже из членов с'езда „большинство“ и „меньшинство“; эти группы собирались самостоятельно, и „большинство“, составив свой список, провело его потом на с'езде. Раскол в организации „Искры“ был вместе с этим и расколом редакции, так как два члена ее (Ленин и Плеханов) оказались в „большинстве“, а четыре остальных (Аксельрод, Засулич, Мартов и Старовер) — в „меньшинстве“. Это обстоятельство изменило отношения товарища Мартова к вопросу о выборах редакции; в то время как до этого он знал и соглашался на выборы с'ездом редакционной тройки*), теперь, как только приступили к этому пункту порядка дня, он начал протестовать против самих выборов. Зная хорошо, что выбраны будут он, Плеханов и Ленин, Мартов боялся, в виду расхождения, остаться в редакции в меньшинстве и не соглашался вступить иначе, как со всеми своими сторонниками, бывшими редакторами „Искры“. Представители „меньшинства“ „принципиально“ отрицали за с'ездом нравственное право на выборы редакции, указывали, что с'езд может только утвердить старую редакцию, выбрать же тройку — значит оскорбить невыбранных лиц. Против этого возражали сторонники „большинства“, указывая, что это чисто обывательская точка зрения, что выбрать центральные учреждения — и Ц. К. и редакцию Ц. О. — не от'емлемое право с'езда, что с'езду прекрасно известна работоспособность каждого редактора и поэтому он вполне компетентен в оценке редакционной коллегии, что редакция парт. орг. должна быть выразительницей взглядов партии, представляемой с'ездом, а не случайной спевшейся частной группой. После горячих прений редакция была выбрана в составе Ленина, Мартова и Плеханова, при чем Мартов тут же отказался от звания редактора, заявив, что участие его в этой тройке было бы позорным пятном на его политической репутации. При последовавших затем выборах в Ц. К. „меньшинство“ подало пустые записки, внося коллективное заявление, что в виду условий выборов (т.-е. такой подачей голосов, без выставления списков кандидатов) оно отказывается от участия в них. После выборов была сделана одним южнорабоченцем попытка объявить постановления с'езда недействительными, но Мартов выступил

*) Этот факт был доказан тов. Лениным на с'езде (см. прот., стр. 332), а также официально подтвержден самим Мартовым в его записке (см. комментарии к прот. с'езда Лиги).

против того, заявив, что постановления с'езда законны и обязательны для всех.

В связи с выборами была сочинена „меньшинством“ еще одна сказка — сказка о так наз. нарушении преемственности искровских идей*). Выборами двух троек с'езд, мол, „разгромил“ старую „Искру“ и О. К., нарушив преемственную связь между ними и теперешними Ц. О. и Ц. К. К тому же, говорили, состав Ц. К. недееспособен. Это, разумеется, нелепая выдумка. Выбирая тройку из Ленина, Мартова и Плеханова, с'езд отлично знал, что он выбирает единственных фактических работников старой „Искры“, что остальные три члена не играли никакой самостоятельной роли и принимали в „Искре“ лишь самое незначительное участие. Поэтому говорить о нарушении преемственности, по меньшей мере, смешно. Если же с уходом т. Мартова нарушалась преемственность, то в этом нарушении виноват только он, и довольно странно обвинять в этом с'езд, валить с большой головы на здоровую. Что же касается О. К., то здесь положение еще курьезнее. О. К. был всегда учреждением коалиционным; и искровские идеи приходилось в нем отстаивать с бою; людям, которые теперь кричат о „разгроме“ О. К., на с'езде, даже в голову не приходило предложить утверждение его в качестве партийного Ц. К. В довершение всего этого все члены Ц. К., выбранные с'ездом, принадлежали к организации „Искры“, двое из них были членами О. К.²²⁾, а третий был приглашен в О. К., но отказался, в виду специальных функций, которые он исполнял под руководством того же О. К.²³⁾. Наконец, рассказы о недееспособности нового Ц. К. относятся к перлам полемических приемов „меньшинства“. Имена членов Ц. К. (за исключением одного, объявленного на с'езде²⁴⁾ законспирированы перед Партией, сплетню о их недееспособности проверить нельзя, и когда она исходит из авторитетных уст т. Мартова, невольно создается подозрение, что с'езд ошибся, что он выбрал непригодных лиц. И на это именно рассчитывает „меньшинство“.

С'езд кончился. Он точно определил отношение партии к различным организациям, но посеял раздор внутри самой партии. Раздор этот был, конечно, на руку неискровским элементам, воспользовавшимся случаем начать борьбу за утраченное влияние и власть. И вот на другой же день после с'езда начинается умышленное раздувание этого раздора, приведшее после нескольких месяцев к фактическому расколу, к раздвоению партии, тормозящему положительную работу, задерживающему осуществление насущных задач социал-демократии.

*) См. Троцкий — „Доклад сиб. делег.“. Эта же сказка повторяется теперь часто и в других изданиях „меньшинства“.

II

Тотчас же после с'езда вернувшиеся в Женеву представители „меньшинства“ объявили бойкот центральным учреждениям партии,— „лояльный бойкот“, как выразился один из прежних редакторов „Искры“. Прежде чем успел себя проявить новоизбранный Ц. К., даже прежде чем он успел приступить к работе, на него уже посыпались ожесточенные нападки и упреки. Его обвиняли в бюрократизме, в формализме, в желании проводить какой-то самодержавно-полицейский централизм. Была пущена в ход самая усиленная агитация, призывавшая к бойкоту нового Ц. К.; целый ряд товарищей отказался от исполнения партийных функций и примкнул к оппозиции, не говоря уже о тех комитетах, которые с самого начала выразили свое сочувствие меньшинству и встали во враждебные отношения к Ц. К. С другой стороны, прежние редакторы „Искры“ (Мартов, Засулич, Аксельрод и Старовер) и два сотрудника (Троцкий и Кольцов) официально заявили, что отказываются принимать какое-либо участие в Ц. О. до тех пор, пока он будет находиться в руках выбранной с'ездом редакции*). Неоднократное предложение редакторов „Искры“ (Ленина и Плеханова), чтобы Мартов вошел в редакцию, а остальные литераторы из „меньшинства“ сотрудничали в Ц. О., встретило решительный отказ. Приглашение высказывать на страницах „Искры“ „принципиальные разногласия“, при чем Ленин и Плеханов обязывались печатать все без „цензуры“ и даже без комментариев, не было принято меньшинством. Меньшинство требовало кооптации всех четырех бывших редакторов. Даже уступка со стороны Ленина и Плеханова, соглашавшихся кооптировать всех четырех, но предоставив им только два решающих голоса, так, чтобы и „большинство“ и „меньшинство“ находились в редакции на равных условиях,— даже и эти уступки были отвергнуты, и „меньшинство“ упорно добивалось для себя большинства голосов, хотело непременно сделаться большинством в Ц. О. На это, конечно, новые редакторы не могли пойти, и примирение не состоялось.

В это время начала появляться в рукописях и ходить по рукам так наз. „подпольная“ литература. Это были сначала: „Доклад сибирских делегатов“ Троцкого, вскоре после него „Письмо о лозунгах оппозиции“ Дана и, наконец, „Еще раз в меньшинстве“ Мартова. Брошюры эти, особенно две первые, были пущены в обращение среди „меньшинства“, „большинству“

*) В недавно вышедшей брошюре „Борьба с осадным положением“ т. Мартов заявляет, что этот отказ от работы в Ц. О. не означает еще отказа от партийной работы, что комитеты меньшинства умели использовать литературные силы оппозиции. Всякому партийному работнику было бы интересно узнать, в каких литературных трудах проявлялась партийная работа шестерых литераторов в течение трех месяцев.

лишь случайно удалось ознакомиться с их содержанием. Когда представитель Ц. К. предложил т. т. Дану и Мартову напечатать их брошюры в партийной типографии, они отказались от этого. Впоследствии „Доклад“ Троцкого был напечатан им самим, но с пропуском всех нападок на Плеханова (это было уже после кооптации Плехановым старых редакторов); в последнее время напечатано и „Письмо“ Дана в брошюре „Борьба с осадным положением“; „Еще раз в меньшинстве“ до сих пор кроется под спудом. В этой подпольной литературе, преисполненной самых ожесточенных нападок на Ц. К. и Ц. О., особенно же на Ленина, излагались те сказки, возникшие на почве борьбы из-за партийного устава, о которых мы говорили выше.

Борьба „меньшинства“ с „большинством“, проявлявшаяся в виде бойкота партийных центров, агитации против личного состава Ц. К. и Ц. О., пресечении денежных средств, провалилась наружу и выступила открыто на с'езде заграничной Лиги. Оказавшись на с'езде Лиги случайно²⁵⁾ в большинстве, „меньшинство“ воспользовалось этим обстоятельством, чтобы, во-первых, свести счеты с „большинством“ за партийный с'езд, а во-вторых, захватить в свои руки Лигу и сделать из нее крепкий форт для обстреливания Ц. К. По иронии судьбы делегатом от Лиги на партийном с'езде был Ленин, тот самый Ленин, „бюрократ“, „самодержец“, который, по мнению „меньшинства“, хотел забрать в свои руки всю партию и командовать ею по своему усмотрению. И вот „меньшинство“ с нетерпением ждало делегатского доклада Ленина, готовясь расчеститься с ним за поражение на партийном с'езде. Неудивительно поэтому, что тов. Мартов, испросивший у с'езда Лиги разрешения прочесть, наряду с Лениным, свой доклад, ничего не прибавил к словам Ленина по существу „принципиальных разногласий“, но зато значительную часть речи посвятил личному вопросу о выборах редакции и его, Мартова, отношении к этим выборам. И на этом скользком пути личных объяснений товарищ Мартов не смог удержаться на должной высоте и перевел весь спор на недостойную почву — на вопрос о том, что выходит, будто он, Мартов, предал сначала т. т. Аксельрода, Засулич и Старовера, а потом в свою очередь предал Ленина, что он солгал, что он обманул партию. При такой постановке вопроса, конечно, невозможно было вести объективно прения, нельзя было говорить о „деле“, а не о „лицах“. В виду этого тов. Ленин подал в бюро протест и отказался участвовать в прениях. С другой стороны, и члены Лиги, примкнувшие к „большинству“, отказались по той же причине от участия в дебатах и покинули зал заседания. Они вернулись только к обсуждению следующего пункта порядка дня — устава Лиги. Проект этого устава²⁶⁾, внесенный представителями меньшинства, вызвал разногласия, главным образом, по трем пунктам:

о праве Лиги издавать партийную литературу, о праве Ц. К. вводить в Лигу новых членов и об утверждении устава Лиги Ц. К.-ом. Сторонники меньшинства, желавшие создать из Лиги „свою“ организацию для борьбы с Ц. К., естественно, стремились урезать права Ц. К. и расширить свои права, присвоив себе одну из функций Ц. К. — издание партийной литературы. Против этого протестовали представители большинства, указывая, что все три пункта в формулировке „меньшинства“ являются нарушением устава партии и несовместимы с интересами общепартийной работы. Издательство партийной литературы сосредоточено постановлением с'езда в руках Ц. К., специальная резолюция с'езда предоставляет Ц. К.-ту право разрешать особые группы для издания партийной литературы — лучшее доказательство того, что подобное издательство не принадлежит к правам комитетов (в том числе и Лиги). С другой стороны, интересы общепартийной работы — соответствие уставов отдельных организаций с уставом партии и возможность Ц. К. „расширить силы“ — требуют утверждения всех частных уставов Ц. К.-м и права Ц. К. переводить членов из одного комитета в другой, вводить новых членов в комитеты*). Это требование, само собой понятное в централистической организации, было отвергнуто меньшинством. Пользуясь перевесом голосов²⁷⁾, меньшинство провело весь устав. Во время прений тов. Мартов, между прочим, заявил, что если Ц. К. укажет им несоответствие их устава с уставом партии, они „с удовольствием“ выслушают его указания и пересмотрят устав. Когда же после принятия устава Лиги представитель Ц. К. внес заявление, в котором указывал, какие статьи устава противоречат уставу партии и в каком направлении следует их изменить, председатель с'езда предложил перейти к очередным делам. Требование представителя Ц. К., а за ним 18-ти членов с'езда, чтобы была принята по этому поводу резолюция именованным голосованием**) было отвергнуто самим председателем, и член Ц. К. был лишен права голоса. Такое грубое открытое нарушение и устава партии и регламента с'езда, переходившее в простое издевательство, заставило представителя Ц. К. закрыть заседание и предложить всем, кто подчиняется постановлению Ц. К., оставить зал. Уходившего члена Ц. К. и последовавших его призыву товарищей провожало меньшинство криками „долой жандармов“, „долой полицию“.

*) Вскоре после с'езда Лиги практика показала, насколько необходимо в интересах партии право Ц. К. вводить членов в комитеты. Целый ряд товарищей, долго работавших в русских комитетах, некоторые из них были даже делегатами на II с'езде партии, были не приняты в Лигу только потому, что не нашлось необходимых двух третей голосов. Таким образом давнишние партийные работники, очутившиеся по необходимости за границей, оказались вне „единственной“ заграничной партийной организации.

**) По регламенту с'езда именованное голосование должно производиться по требованию пяти членов с'езда.

На этом с'езде Лиги закончился. Оставшееся меньшинство тем не менее продолжало заседать и выбрало свою администрацию²⁸⁾. На другой же день²⁹⁾ состоялось заседание совета партии, признавшего действия члена Ц. К. правильными и поручившего ему реорганизовать Лигу путем введения новых членов. Это постановление однако не было приведено в действие по следующим обстоятельствам. Один из „вождей“ большинства и — надо отдать справедливость — один из самых воинственных, т. Плеханов, увидев, что меньшинство готово итти на раскол, заявил, что он до этого допустить не может, что необходимо мириться, хотя, по его мнению, меньшинство совершило открытое преступление. Большинство, конечно, ничего не имело против того, чтобы водворить наконец в партии мир, развязать себе руки для положительной работы; но оно не верило в возможность достижения этого мира. Вся борьба меньшинства против партийных учреждений воочию показывала, что оппозиция не успокоится, пока не порешит по-своему постановлений с'езда, пока не захватит в свои руки партийные центры. Поэтому оно считало практически неосуществимым достижение мира ценой тех уступок, которые вправе были сделать центральные учреждения. С другой стороны, не желая препятствовать попыткам мирного соглашения, сторонники большинства сделали все, что могли: т. Ленин, не согласный в данном вопросе с т. Плехановым, вышел из редакции, предоставив ему свободу действий; Ц. К. — в виду обостренных отношений между его заграничным представителем и оппозицией — прислал для переговоров другое лицо³⁰⁾. Вместе с тем, были приостановлены всякие „военные“ действия, в том числе и исполнение постановления Совета, касающееся поведения партийного меньшинства на с'езде Лиги.

Переговоры, начавшиеся между т. Плехановым, представителем Ц. К.³¹⁾ и оппозицией, велись письменно и в настоящее время опубликованы*). Меньшинство потребовало: кооптации 4-х редакторов в Ц. О., кооптации нескольких членов в Ц. К., обеспечения двух мест в Совете и признания Ц. К.-м администрации Лиги. Представитель Ц. К. предлагал, наряду с кооптацией прежних редакторов Ц. О.**), кооптацию двух членов в Ц. К., обеспечения одного места в Совете и сохранения „мест“ за теперешней администрацией Лиги, с тем только, чтобы Лига подчинилась требованиям Ц. К. В ответ на это предложение последовала кооптация т. Плехановым 4-х прежних редакторов, после чего уже оппозиция разразилась по адресу Ц. К. длинным посланием, полным назиданий и упреков, что Ц. К. позволяет себе распределять „места“ в Ц. О. и

*) См. „Комментарии к протоку с'езда Лиги“ и „Борьба с осадным положением“.

**) Эта кооптация зависела, конечно, от т. Плеханова, который вполне определенно выразил свое мнение о необходимости ее.

Совете. Получив в свои руки Ц. О., меньшинство вместе с тем получило два места в Совете, а так как пятый член Совета мало-по-малу начал, при тесном соприкосновении с меньшинством, открыто переходить на сторону последнего, то в конце концов получилось, что и Ц. О. и Совет оказался в руках меньшинства. Эта легкая победа естественно заставила оппозицию направить все свои силы на третье партийное учреждение — Ц. К. Партийный орган превращается в боевое орудие меньшинства, направленное сначала на какой-то бюрократический, формалистический, самодержавный централизм, с явными намеками на его творца — современного „Швейцера“ — Ленина, а впоследствии уже открыто атакующее Ц. К. Такие статьи, как фельетон т. Аксельрода в № 55 „Искры“, ³²⁾ где т. Ленин и партийное большинство характеризуются как „буржуазно-демократическое“ течение, для которого рабочая масса лишь пушечное мясо, или статья т. Мартова „На очереди“ в № 58 — представляют перлы „принципиальной“ полемики меньшинства, с которыми может спорничать лишь брошюра т. Мартова „Борьба с осадным положением“.

Начиная с № 57, меньшинство ведет уже открытую атаку на Ц. К. Статья „Грустное недоразумение“ в № 57, где т. Плеханов оправдывает свой „исторический поворот“ „эксцентричностью“ Ц. К., резолюция Совета *), рекомендующего кооптацию в Ц. К. представителей меньшинства, как единственное средство водворить „добрый мир“ в партии, передовица в № 62, где редакция (т.-е. меньшинство) упрекает Ц. К. за раздоры перед лицом таких крупных исторических событий, как война, раздоры, вызванные и так усердно раздуваемые самим же меньшинством, — вся эта систематическая кампания стремится к одной цели: дискредитировать Ц. К. и этим путем захватить в свои руки и это партийное учреждение.

В это время меньшинство упорно отказывается изложить свои принципы и идеи, те организационные начала, которыми оно руководствуется и которыми, по его мнению, надлежало бы руководствоваться партии. Повидимому, меньшинство, так много злоупотреблявшее словами „принципиальные разногласия“, не успело еще сочинить самих этих разногласий, не успело придумать никаких новых принципов. На это указывает, между прочим, предисловие к протоколу с'езда Лиги, где прямо говорится, что организационные понятия меньшинства только еще складываются. И во имя этих еще складывающихся принципов меньшинство бойкотирует центральные учреждения и дезорганизует партию; люди, не успевшие, по собственному признанию, запастись принципами, претендуют на места Ц. К., на руководство партией. И не только принципы организации не усвоили себе еще „водители“ оппозиции,

*) См. № 59 „Искры“ — „Из партии“.

но и общие принципы социал - демократии сильно хромают у них; довольно прочесть наивные заметки о патриотических манифестациях *), беспринципную, но зато „воинственную“ передовицу о техническом с'езде **) или чисто освобожденские рассуждения о войне ***) , где товарищ Мартов не желает победы японцам, ибо это будет победа буржуазии (sic!) (над кем? над русским „пролетариатом“?), чтобы убедиться, насколько старая редакция без „кулака“ Ленина способна „идейно руководить“ партией.

Но если меньшинство и отказывается изложить на страницах партийного органа новые организационные принципы, зато оно усердно проводит в жизнь действительно „новые“ организационные приемы. Не довольствуясь тем, что новая редакция путем очень строгой цензуры *****) 33) отрезала большую часть партии от партийного органа, она пошла дальше и, став во главе меньшинства, создала „свою“ партию: у „партийного“ Ц. О. имеется „своя“ экспедиция *****), „свой“ транспорт, „своя“ касса, „свои“ „агенты“, раз'езжающие по комитетам, наконец, „свои“ комитеты. Посредством этой „собственной“ организации Ц. О. распространяет, помимо Ц. К., и „собственную“ литературу, изданную им, как частной группой; по России пущены листки о войне и речь Гольдבלата, издания „Искры“, заметьте, даже не Ц. О., а именно „Искры“ как частного предприятия частного кружка 41). Представители и сторонники меньшинства ведут усиленную агитацию против Ц. К. по комитетам, а где комитеты не хотят их слушать, они, пользуясь личными связями, пробираются непосредственно в рабочую среду, возбуждая рабочих против комитетов, тормозя положительную работу. По мере того, как более сознательные слои пролетариата, ближе знакомясь с положением дел, отшатываются от незванных агитаторов, представители меньшинства опускаются

*) „Искра“, № 59 — „На очереди“.

***) „Искра“, № 60.

*****) „Искра“, № 61 — „На очереди“.

*****) Письмо Ленина „Почему я вышел из редакции“ 34) не было напечатано, точно также и заявление заграничного представителя Ц. К. 35). Не был напечатан целый ряд писем в ред. и заявлений; 15 резолюций комитетов, высказавшихся против меньшинства, только недавно напечатаны, и то в брошюре „Борьба с осадным положением“, где они снабжены „подобающими“ комментариями и, конечно, нескоро попадут в руки русских товарищей. Две статьи, принадлежащие перу сторонников большинства и попавшие на страницу „Искры“ — статья Ленина в номере 53 36) и статья Аксельрода 37) в ном. 56 — напечатаны вместе с самыми ехидными примечаниями редакции; письмо Ленина 38) не напечатано, зато напечатан ответ редакции на него. („Юпитер, ты сердисься“). Точно также письмо „Что случилось“ 39) не увидело света „Искры“, но зато был напечатан насмешливый разбор этого письма 40) и т. д. и т. д.; цензурных подвигов новой редакции хватило бы еще на целую страницу.

*****) Для особо „конспиративных“ надобностей имеется и „своя“ типография: в ней печатаны, напр., протокол с'езда Лиги и „Доклад сибирских делегатов“.

ниже и ниже, до серой несознательной массы, делая ее судьей в „принципиальном“ споре с большинством, не останавливаясь, таким образом, перед самой грубой демагогией, как это имело место у нас в Одессе ⁴²). Вместе с тем, они зорко следят за положением дел в комитетах большинства и, при первом слухе о провале, спешат туда, чтобы скорее посадить там „свой“ комитет от имени Ц. О. при этом они не останавливаются перед открытым столкновением с лицами, прибывшими от имени Ц. К. для восстановления провалившегося комитета, как это имело место в Николаеве. Таким образом, у нас теперь две партии: партия, установленная с'ездом, руководимая Ц. К., но зато лишенная органа, и партия меньшинства, руководимая Ц. О. и дезорганизующая первую. Дело зашло так далеко, что мир невозможен, да меньшинство его и не хочет, положительная работа при таком раздвоении правильно развиваться не может и нет никакого средства выйти из этого уродливого положения; помочь может только вмешательство самой партии, вмешательство верховного, суверенного партийного учреждения — с'езда.

III

Выше было сказано, что меньшинство, усердно крича о „принципиальных разногласиях“, до сих пор не потрудились сообщить партии, в чем именно выражается его особая принципиальная позиция в вопросах организации. Но есть одна статья долгое время ходившая по рукам в рукописи и только недавно напечатанная в брошюре Мартова „Борьба с осадным положением“; это — „Письмо о лозунгах оппозиции“ Дана. Хотя самый факт помещения этого письма в брошюре Мартова свидетельствует о признании последним взглядов Дана, тем не менее эта брошюра стоит как-то особняком, и редакторы „Искры“, повидимому, не решаются развивать на страницах партийного органа организационные идеи тов. Дана. Названное письмо касается, главным образом, организации Ц. О. и Ц. К. По мнению т. Дана, Ц. О. должен быть совершенно самостоятельным изданием, независимым от партии, недоступным влиянию практики и партийной жизни, чем-то вроде частного предприятия группы лиц, высоко держащих знамя революционной социал-демократии. Партийным органом „Искра“ должна быть не потому, что партия признала ее официально таковым, не потому, что Ц. О. связан организационным единством со всей партией и является ее частью, ее идейным выразителем, а лишь потому, поскольку партия добровольно признала „Искру“, как нечто стоящее вне ее и от нее независимое, своим идейным руководителем. В этой своеобразной организации Ц. О. мы узнали возведенное в принцип фактическое положение старой „Искры“, когда она была действительно

частной газетой частного кружка. И к этому положению хотела бы вернуть партию оппозиция. Но если Ц. О., по мнению т.т. Дана и Мартова, должен быть идейно выдержанным и стоящим вне партийной практики учреждением, то Ц. К., наоборот, должен быть возможно тесно связан с этой практикой и для этой цели должен даже поступиться своей идейной позицией. Ц. К. должен приспособляться к „степени социал-демократичности“ партии. Так как партия далеко еще не проникнута строго-социал-демократическими принципами, то Ц. К., чтобы не „висеть в воздухе“, должен приспособляться к этому уровню развития партии, идти на компромиссы, чтобы этим путем постепенно поднимать партию на более высокую „ступень социал-демократичности“ вплоть до вершин ортодоксии. Рисуя эту картину принципиально оппортунистической идиллии, т. Данк сожалению, не указывает весьма важной подробности: как думает он осуществить это практически. Если Ц. К. должен и по личному составу отражать все оттенки и „ступени“ в партии, то каким образом такой Ц. К. будет поднимать партию выше своего собственного уровня? Если же состав Ц. К. должен быть строго ортодоксален, то как возможно психологически, чтобы люди прятали часть своих убеждений в карман, притворяясь, что стоят на низшей „ступени социал-демократичности“? Едва ли много найдется товарищей, согласных участвовать в таком маскараде. На практике такой Ц. К. свелся бы к коалиционному учреждению вроде покойного О. К. Таким образом мы видим, что первая попытка меньшинства формулировать свои положительные взгляды на организацию, привела к возврату к дос'ездовскому положению дел, оказалась шагом назад, реакцией в области организационных принципов. И мы сейчас увидим, что вся политическая позиция меньшинства есть не что иное, как реакция недовольных элементов против общерусской партийной организации, реакция неискровцев против организационных идей „Искры“. Создание единой сплоченной, централизованной партии вводило все кружки, группы и организации в одно организационное целое, подчиняя части целому, растворяя местные, приходские интересы в интересах партии. Это распределение организаций и их интересов в правильную партийную перспективу было не на руку некоторым группам и организациям, не признавшим или не усвоившим централистических идей „Искры“. Верные заветам старой кружковщины, они стремились сохранить во что бы то ни стало свое влияние в этом районе, где им приходилось действовать. Эта особая политика приводила более сильные организации к принципу сепаратизма и федератизма, как, напр., Бунд, менее же сильные останавливались на подороге и, признавая в принципе искровские идеи, на практике оставались прежними прихожанами. В виду успехов „Искры“ и популярности искровского организационного плана, эти организации и группы притихли.

некоторые из них даже громко выражали свою солидарность с „Искрой“. Партийный с'езд и происшедшее на нем расхождение искровцев показали, насколько фиктивна и призрачна была эта солидарность. Раскол в организации „Искры“ подал опять недовольным неискровцам надежду на возможность восстановить утраченное влияние, воспользоваться взамен своей, дискредитированной, фирмы более популярными именами Мартова, Засулич, Аксельрода и под их прикрытием свергнуть восторжествовавший в партии „искризм“. Среди этих неискровцев главную роль играли южнорабоченцы, как единственная организованная группа, за ними уже шли другие разбредшиеся элементы, главным образом входившие в район воздействия и влияния „Южного Рабочего“. Уже на с'езде роль южнорабоченцев, как неискровцев, выяснилась совершенно определенно. Самые основные элементарные требования искровского централизма, как - то: суверенитет с'езда, обязательность для всех постановлений, принятых большинством голосов, единство партийной организации, — все это оспаривалось или ставилось под сомнение южнорабоченцев. На инциденте с О.К. *) южнорабоченцы выступили открыто против искровцев, делегат от „Южного Рабочего“ пытался объявить недействительными постановления с'езда **) 43), другой делегат „Ю.Р.“ 44) уходит в виде протеста из зала заседания ***), когда заграничная Лига признается единственной партийной организацией за границей, наконец представители „Южного Рабочего“ ни за что не хотят распускать свою организацию, даже после того, как с'ездом были распущены все местные и частные организации (организация „Искры“, напр., объявила сама себя распущенной). Это желание во что бы то ни стало сохранить свою группу, а следовательно, и свое влияние, даже после того, как провозглашено было партийное единство, весьма характерно для южнорабоченцев. Они тем упорнее отказывались „распуститься“, что в это время уже вполне выяснился политический союз их с мартовцами, и эти последние были нравственно связаны этим союзом. Об этом говорило, помимо настойчивого желания Мартова ввести в Ц. К. южнорабоченца 45), также и все отношение искровского меньшинства к дебатам по поводу распускания „Южн. Раб.“: за все время этих дебатов мартовцы воздерживались от участия, ограничившись резолюцией, предлагавшей обсуждать вопрос о „Южн. Раб.“ после выборов. Таким образом вопрос о сохранении группы „Южн. Раб.“, т. е. вопрос о партийном единстве, должен был решиться в зависимости от исхода выборов, иначе — в зависимости от того, кто победит: большинство или меньшинство. Южнорабоченцы крепко связали с собой мартовцев. И в борьбе против

*) См. прот. с'езда, заседание второе.

**) Прот. с'езда, стр. 352.

***) Прот. с'езда, стр. 284.

„искризма“ с ними верно шло все „болото“ и охотно поддерживали их, где могли, рабочедельцы и бундисты. Таким образом самый состав практиков меньшинства ясно показывает, что это союз всего неискровского в партии, всего, что стоит в организационных вопросах на точке зрения, преобладавшей в партии в то время, когда „Искра“ упорно пробивала себе дорогу, всего, что тянет партию назад к этому периоду кружковщины и разброда. И почетную вывеску, авторитетное имя для этой борьбы дала небольшая заграничная группа „искровцев“, хотевшая отстоять и сохранить для себя кружковое начало при редактировании партийного органа, вместо того, чтобы превратить его действительно в орган партии, представить самой партии судить, чьей принципиальной устойчивости она больше доверяет. За сравнительно короткий промежуток времени мы видели целый ряд весьма поучительных сочетаний сил прежней редакции. Мы видели „Искру“, вышедшую при участии Ленина и Плеханова (№ 48—51 вкл.) и она по принципиальной выдержанности ничем не разнилась от предыдущих номеров; мы видели „Искру“ в руках одного Плеханова (№ 52), прославившуюся статьей „Чего не делать“; мы видели „Искру“, вышедшую при прежней редакции, но без Ленина (№ 53—57 вкл.), „Искру“ со знаменитым фельет. Аксельрода в № 55 и 57, „Искру“ с сотрудником Мартыновым⁴⁶⁾ „Искру“, со строгой цензурой по отношению к „большинству“; и наконец теперь мы имеем „Искру“ из „чистых“ мартовцев — без Плеханова*)⁴⁷⁾ и без Ленина, и эта „новейшая“ „Искра“ несетя „по воле волн“ „без руля и без ветрил“, не смущаясь никакими принципами.

Партия стоит перед серьезным и важным вопросом: допустимо ли, чтобы коалиция из южнорбоченцев, „болота“, рабочедельцев, толкающая растерявшую принципы редакцию, восторжествовала окончательно и потащила партию назад, к временам разброда и приходских интересов. Комитеты, признавшие в свое время постановления с'езда и протестовавшие против бойкота и дезорганизации, слишком пассивно отнеслись к борьбе между большинством и меньшинством, что дало возможность последнему крепиться в Ц. О. и Совете. Продолжение той же пассивной роли передаст в конце концов всю партию в руки не заслуживающих доверия элементов. Для окончания этой неурядицы и дезорганизации недостаточно принять резолюцию, выражающую порицание меньшинству, а нужно выступить активно. Партии, в лице комитетов, необходимо вмешаться в эту борьбу и положить ей конец авторитетным словом: необходим третий с'езд.

Одесский Комитет Росс. Соц.- Дем. Рабоч. Партии“

*) После № 57 мы не видели больше статей, принадлежащих перу т. Плеханова⁴⁸⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ссылка на № 59 „Искры“ ошибочна. В действительности, упоминаемая резолюция Совета помещена в № 58 „Искры“ под рубрикой „Из Партии“. Эту ошибку повторяет автор брошюры и в сноске на стр. 245.

2. К сожалению, текст того устава Ленина, который поступил на обсуждение съезда, до сих пор не найден. В протоколах II съезда (стр. 393 поженевскому изданию) ошибочно помещен не тот устав, с которым В. И. выступил впервые на 14-м заседании съезда, а более ранний его вариант. На эту ошибку указывает сам В. И. (см. „Шаг вперед“, Ленин, собр. соч. т. V, изд. 1923 г., стр. 393, подстрочное примечание).

3. После слова „поддерживающий“ в тексте Мартовской резолюции стоит слово „партию“, которое в тексте настоящей брошюры опущено.

4. После слова „оказывающий“ пропущено слово „ей“, каковое имеется в тексте Мартовской резолюции.

5. Начиная с этого пункта, все дальнейшие рассуждения носят на себе явные следы невольного заблуждения, в которое был введен автор брошюры благодаря ошибке, допущенной протокольной комиссией съезда. Последняя поместила в конце протоколов, в виде приложения XI, „Проект организационного устава Р. С.-Д. Р. П. внесенный на съезд Лениным“. В действительности же Ленин внес на съезд (на 14-м заседании) не этот проект своего устава, а позднейший (третий) его вариант, в котором § 7 претерпел изменение в том смысле, что функции Совета партии были повышены до степени превращения его из третейского в высший орган партии. Стало быть, на обсуждение уставной комиссии, избранной на 15-м (вечернем) заседании съезда, поступил не тот проект Ленина, который опубликован в протоколах съезда, а видоизмененный самим же Лениным третий, позднейший вариант, в котором Совет партии рассматривается как высшее партийное учреждение.

6. Протоколы второго съезда упоминают о трех резолюциях, предложенных пятью членами уставной комиссии, куда вошли Ленин, Мартов, Егоров, Попов и Глебов. Автором третьей, здесь не упомянутой резолюции, был Егоров.

7. Эта резолюция принадлежала Мартову и Глебову.

8. Эта резолюция принадлежала Ленину и Попову.

9. Что касается функций Совета, то утверждение автора брошюры, что эти функции (наряду с составом Совета и способом его пополнения) „определяются формулировкой, в основе которой лежит резолюция Мартова“, — это утверждение основано, очевидно, на сопоставлении второго абзаца § 5 устава, принятого съездом („Совет Партии является высшим учреждением партии“), с приведенным выше § 7 второго варианта проекта устава Ленина в той части, которая касается функций Совета, как третейского органа, (Совет „решает дела о пререканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов общеорганизационных и тактических“). Так как в противоположность этой первоначальной (потом измененной) формуле Ленина, съезд определил функции Совета, как „Высшего учреждения Партии“, то отсюда автор брошюры делает вывод, что и в формулировке функций Совета съезд стал на точку зрения Мартова. Между тем, подобное утверждение основано на явном недоразумении*): § 7 устава Ленина, на который ссылается автор брошюры, подвергся изменению со стороны самого Владимира Ильича еще до образования уставной комиссии, так что в этой комиссии, после того, когда она была избрана, Ленину пришлось лишь защищать те положения, которые легли в основу его третьего, позднейшего варианта проекта устава и которые он развил в качестве докладчика на 14-м утреннем заседании съезда 11 августа 1903 г. (Уставная комиссия была избрана в тот же день на вечернем 15-м заседании съезда). Если иметь в виду § 7 этого третьего (позднейшего варианта) Ленинского проекта устава, то часть положений, развитых в этом параграфе, Ленину удалось защитить в уставной комиссии, относительно же другой части (состав и способ конструирования Совета) среди членов уставной комиссии

*) Об этом см. прим. 12.

действительно возникли разногласия, вынесенные на обсуждение с'езда, о чем совершенно правильно и упоминает автор брошюры. Признание за Советом функций высшего партийного учреждения было как раз именно тем положением, которое фигурировало уже в § 7 третьего, позднейшего Ленинского варианта и которое удалось защитить В. И. сперва в уставной комиссии *), а затем от лица этой комиссии и на самом с'езде. В общем же формулировка §§ 4 и 5 устава, принятых с'ездом, носит определенные следы победы мартовцев: § 4, введенный особо на основании резолюции Русова и Герца, все же отражает, хотя и не в полном согласии с Мартовым, точку зрения „меньшинства“; § 5 в части, касающейся состава и конструирования Совета, построен целиком на положениях, легших в основу резолюции Мартова; в части же, касающейся функций Совета, лишь не идет в разрез с точкой зрения Ленина, нашедшей свое выражение в его 3-м, позднейшем варианте устава, и принятой Мартовым. Если бы Мартов в этом пункте не солидаризировался с Лениным, а защищал бы противную точку зрения, то вряд ли можно сомневаться в том, что победа досталась бы Мартову, который в этой стадии развития разногласий бил „большинство“ союзом с Бундом, „болотом“ и рабочедельцами.

10. Для верного понимания читателем всего этого абзаца необходимо различать совершенно правильное политическое освещение существа разногласий между „большинством“ и „меньшинством“ вокруг рассмотренных выше параграфов устава от неправильного Ф а к т и ч е с к о г о освещения этих разногласий, поскольку, как это мы выяснили в примечаниях 5 и 9, автор брошюры стал невольной жертвой ошибки, допущенной протокольной комиссией.

11. Эти рассуждения автора брошюры дают еще раз наглядно понять читателю, к каким невольно ошибочным выводам можно притти, приняв за основу этих выводов документ XI, который протокольная комиссия второго с'езда неправильно назвала „Проектом организационного устава Р. С.-Д. Р. П.“ внесенным на с'езд Лениным“. Считая за достоверный факт, что в § 7 того проекта устава Ленина, который им действительно был внесен на с'езд, Совет представлен как третейское учреждение **), автор брошюры совершенно естественно должен был притти к выводу, что и в резолюции Ленина (и Попова), внесенной в уставную комиссию, состав Совета и способ его пополнения соответствует функциям Совета, как примирительного учреждения.

12. Вслед за словами „наша формулировка“ Ленин, который в своей работе „Шаг вперед“ цитирует ту же речь Мартова, вставляет от себя следующее чрезвычайно важное замечание, взятое в скобки: „т.-е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии“ (Ленин, собр. соч., т. V, изд. 1923 г., стр. 376).

13. Изменение первоначального (вернее, — второго варианта) проекта устава Ленина коснулось преимущественно §§ 7 и 11, о чем свидетельствует и сам Вл. Ил. („Шаг вперед“, т. V, собр. соч. Ленина, изд. 1923 г., стр. 339, сноски). Однако эти изменения В. И. внес в свой 2-й вариант проекта устава (напечатанный в виде приложения XI в „Протоколах с'езда“) не в уставной комиссии, как утверждает автор настоящей брошюры ***) , а еще

*) Прямое доказательство этому имеется в работе Ленина „Шаг вперед“ (Ленин, собр. соч., т. V, изд. 1923 г., стр. 376). К этому доказательству мы еще вернемся ниже.

***) Мы знаем уже, что в § 7 третьего (последнего) варианта проекта Ленина, с защитой которого он выступил впервые на 14-м утреннем заседании с'езда, Совет определяется уже не как третейское, а как высшее руководящее учреждение партии.

****) Касаясь § 7 второго варианта Ленинского проекта, т. Павлович в своем „письме к товарищам о втором с'езде“ (См. Ленин собр. соч., изд. 1923 г., стр. 525) допускает ту же ошибку, что и автор одесской брошюры, утверждая, что поправка в § 7 (превращение Совета из третейского в высший партийный орган) была внесена Лениным в уставную комиссию, а не в свой третий вариант проекта устава, еще до образования уставной комиссии.

до выборов этой комиссии. Во всяком случае на 14-м утреннем заседании с'езда*), на котором В. И. впервые выступил с защитой своего проекта устава, § 11 (а также § 7**) был уже изменен в том смысле, что, вместо требования $\frac{2}{3}$ при кооптации В. И. ввел, требование единогласной кооптации.

14. Вот текст § 11 второго варианта проекта устава Ленина (отпечатанного в протоколах с'езда):

„Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения членов требуется $\frac{2}{3}$ голосов“.

15. Требование взаимного контроля над кооптацией в центры имелось уже в третьем (последнем) варианте проекта устава Ленина, т. е. к тому времени, когда В. И. с защитой этого проекта выступил, в качестве докладчика, на 14-м заседании с'езда, во вторник 11 августа утром. Основанием для такого рода утверждения служит следующая весьма интересная запись в „Дневнике заседаний II с'езда Р. С.-Д. Р. П.“ Ленина, относящаяся к 14-му заседанию с'езда. Касаясь прений по поводу своего доклада, В. И. пишет:

„Липов (Либер — Д.К.) начинает с того, что я тут слишком „перегнул палку“ и он хочет доказать историей Бунда. Это — „организованное недоверие“ к местным деятелям... (Предполагается, что ни влиять, ни создавать они не могут). Это — проявление децентрализации (3 центра).

Особенно он недоволен тем, чтобы в Ц. К. не кооптировались члены без согласия редакции Ц. О.“ (подчеркнуто нами — Д. К.) („Лен. Сб.“ т. VI, стр. 96).

В „Протоколах II с'езда“ (изд. „Прибой“, 1924, стр. 144) подчеркнутое нами предложение в речи Либерта отсутствует (это один из многочисленных случаев отсутствия в „Протоколах“ весьма ярких моментов в деятельности с'езда, нашедших тем не менее свое отражение в „Дневнике“ Вл. Ильича). Вместе с тем, указанная справка не оставляет никакого сомнения в том, что пункт о взаимной кооптации защищался Лениным (и не встретил со стороны Мартова возражения)***) еще на 14-м заседании с'езда и, стало быть, входил в его третий вариант проекта устава.

16. Здесь идет речь о единогласной кооптации в центры (т. е. в Ц. К. и Ц. О.). Что же касается кооптации во все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии (кроме центров), то, согласно § 12 устава, принятого с'ездом, эта кооптация совершается квалифицированным большинством не в $\frac{4}{5}$ голосов, как настаивал Ленин (см. его речь на стр. 255 „Проток. с'езда“, изд. „Прибой“), а в $\frac{2}{3}$. Ленин был даже против снижения $\frac{4}{5}$ до $\frac{3}{5}$ голосов при кооптации (см. его речь там же).

17. Вернее, 9 голосов „искровцев - меньшинства“ (к „искровцам - меньшинства“ принадлежало 7 человек).

18. В своей работе „Шаг вперед“ Ленин пишет: „Искровскими кружками были на с'езде (по отношению к партии) три кружка: группа „Освобождение Труда“, редакция „Искры“, организация „Искры“... Самый широкий искровский кружок, организация „Искры“, включившая в себя и редакцию и группу „Освобождение Труда“ — насчитывал на с'езде всего 16 человек, из которых только одиннадцать имели решающий голос. Искровцев же

*) Уставная комиссия была избрана на 15-м вечернем заседании того же дня (11 августа).

**) Об изменении, коснувшемся § 7 второго варианта Ленинского проекта устава, см. примеч. 5.

***) Мартов, как мы уже знаем, возражает Ленину лишь по двум пунктам: 1) о способе составления Совета и 2) о единогласии при кооптации. (См. „Протоколы“, стр. 144, речь Мартова) В „Дневнике заседаний II с'езда“ Ленина (См. Лен. Сб., т. VI, стр. 96) также нигде не упоминается, чтобы Мартов возражал Ленину против идеи взаимной кооптации, хотя и приводится ряд замечаний Мартова, в общем совпадающих с тем, что имеется в „Протоколах“ (стр. 144).

по направлению, не принадлежащих ни к какому искровскому „кружку“ было на с'езде, по моему счету, 27 с 33 голосами*). Значит, из искровцев „меньше половины принадлежало к искровским кружкам“. (Ленин, собр. соч., т. V, 1923, стр. 422, сноски).

16 человек, о которых говорит В. И., представляющих собою „самый широкий искровский кружок“, присутствовавший на с'езде, — это и есть то основное искровское „ядро“, которое участвовало на частных совещаниях организации „Искры“. Сведения о личном составе участников этих совещаний даны Павловичем в его „Письме к товарищам о 2 с'езде“ (Ленин, собр. соч., т. V, 1923 г., стр. 529). На эти же данные Павловича ссылается сам В. И. в своей работе „Шаг вперед“ (см. там же, стр. 367). Вот список этих 16 участников 4-х совещаний организации „Искры“:

Собственные или постоянн. имена	Имена по проток. с'езда	От какой организации	С совещ. или решающ. голосом на с'езде
I. Искровцы „твердой линии“ (7 человек с 8 решающими голосами и 2 с совещательными).			
В. И. Ленин	Ленин	Загр. Лига рев. с.-д.	2 реш. гол.
Г. В. Плеханов	Плеханов	Группа „Освоб. Труда“	1 „ „
Д. И. Ульянов	Герц	Тульский к-т	1 „ „
Р. С. Землячка	Осипов	Одесский к-т	1 „ „
Л. М. Книпович	Дедов	Северн. Союз	1 „ „
Н. Э. Бауман	Сорокин	Московск. к-т	1 „ „
П. А. Красиков	Павлович	Киевский к-т	1 „ „
Н. К. Крупская	Саблина	Организация не указана	Совещ. голос
В. А. Носков	Глебов	Организация не указана	„ „
II. Искровцы „мягкой линии“ (4 человека с 5 решающими голосами и 3 с совещательными)			
Ю. О. Мартов	Мартов	Русск. организац. „Искры“	2 реш. голоса
Л. Г. Дейч	Дейч	Группа „Освоб. Труда“	1 „ „
Л. Д. Троцкий	Троцкий	Сибирск. союз	1 „ „
В. Н. Крохмаль	Фомин	Уфимский к-т	1 „ „
П. Б. Аксельрод	Аксельрод	Ред. „Искры“	Совещ. голос
В. И. Засулич	Засулич	Ред. „Искры“	„ „
А. Н. Потресов	Старовер	Ред. „Искры“	„ „

Из этого списка видно, что из 16-ти членов организации „Искры“ присутствовавших на с'езде на четырех частных совещаниях*), 11 человек имели на с'езде 13 решающих голосов, остальные же 5 человек обладали лишь

*) Это общее число решающих голосов, которыми обладали присутствовавшие на с'езде 27 искровцев, 11 человек из этого коллектива, т-е. меньше половины, непосредственно примыкало к искровским кружкам, 16 же человек — больше половины — к ним не примыкало.

**) В полном составе все 16 присутствовали лишь на последнем (4-м совещании).

правом совещательного голоса. При этом нужно иметь в виду, что деление всех этих 16-ти членов организации „Искры“ на две группы — „твердой“ и „мягкой“ линии — вполне определенно выявилось лишь к последнему (4-му) частному заседанию, когда искровская организация 16-ти окончательно раскололась и обе разошедшиеся стороны в дальнейшем больше вместе не собирались.

19. Розанов (Попов) южноробоченец, и Троицкий.

20. Носков (Глебов).

21. В „Рассказе“ Ленина имеется еще одна, неотмеченная до сих пор ни где, деталь последней попытки прийти к соглашению „большинства“ и „меньшинства“ членов организации „Искры“ на решительном (4-м) совещании 16-ти: „Так, — пишет В. И., — в последнем собрании организации „Искры“ мартовцы по обоим вопросам остались в меньшинстве, и, тем не менее, они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель *) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения. („Лен. Сб.“ т. VI, стр. 229).

22. Члены Ц. К., избранные вторым съездом и состоявшие в то же время членами Орг. К-та — это Кржижановский и Ленгник.

23. Речь идет о Носкове (Глеbove). Сведения о том, что он „был приглашен в О. К., но отказался в виду специальных функций“, — мы встречаем у автора настоящей брошюры впервые.

24. Из трех избранных членов Ц. К. было оглашено на съезде имя одного только Носкова (Глебова).

25. Сведения автора брошюры о том, что „меньшинство“ оказалось на съезде лиги в большинстве „случайно“, находит себе подтверждение в „Записках большевика“ О. Пятницкого (издат. „Прибой“, стр. 46).

26. Старый устав лиги с многочисленными пометками Вл. Ильича помещен в т. VII „Ленинского Сборника“ (см. стр. 59 — 62).

27. На съезде Лиги „большинство“ имело 13 голосов, а „меньшинство“ — 22 голоса.

28. Кроме выбора администрации, куда вошли исключительно сторонники „меньшинства“, оставшиеся после ухода представителей „большинства“, члены Лиги утвердили свой устав и приняли резолюцию, порицающую поведение представителя Ц. К. на съезде Лиги, Ф. В. Ленгника.

29. Т.-е. 1-го ноября 1903 г., так как последнее заседание Лиги, закончившееся уходом представителя ЦК Ф. В. Ленгника со всеми присутствовавшими на съезде сторонниками „большинства“, происходило 31 октября 1903 года.

30. Член Ц. К., у которого были „обостренные отношения“ с оппозицией это Ф. В. Ленгник (см. примеч. 28, резолюция Лиги, выражающая порицание Ф. В. Ленгнику). „Другое лицо“, присланное Ц. К. для переговоров с оппозицией — это Г. М. Кржижановский.

31. Представителем Ц. К., который официально вел переговоры с оппозицией, был Ф. В. Ленгник.

32. В № 57 „Искры“ напечатан, как продолжение, другой фельетон Аксельрода под тем же названием „Объединение российской социал-демократии и ее задачи“. Эти два фельетона Аксельрода (в №№ 55 и 57 „Искры“) пытаются подвести теоретический фундамент под разногласия между двумя частями партии по организационным вопросам. Однако в этих двух фельетонах проявились лишь в зародышевой форме те глубокие принципиальные разногласия по вопросам тактики, которые окончательно сложились и оформились у „меньшинства“ лишь к концу 1904 г. Вл. Ильич, давший в своей работе „Шаг вперед“ (см. Ленин, собр. соч. т. V, 1923, стр. 452 — 472) подробный анализ фельетона Аксельрода, тем не менее еще „не берет их в серъез“ **), т.-е. не склонен еще видеть в них исходный пункт действительно

*) Редакция „Лен. Сб.“ в соответствующем комментарии указывает, что это был В. А. Носков. (Глебов).

**): См. стр. 452 (Ленин, собр. соч., т. V, 1923). На стр. 472 (там же) Ленин пишет: „Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой „Искры“ по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический“.

серьезных принципиальных расхождений между двумя частями партии, а оценивает их как „пошлость, выдаваемую за философию“ и продиктованную обстановкой заграничной „Litteratengenzak“ (дрябги литераторов).

33. Нижепомещаемая автором настоящей брошюры ссылка, в которой он перечисляет статьи и письма, принадлежащие перу „большинства“ и не напечатанные в „Искре“, вызвала острую полемику между Мартовым и Рядовым (А. А. Богдановым), когда последний в своей статье „Наконец-то“, помещенной в приложении к № 70 „Искры“, в доказательство „небрежности“ редакции отсылает читателя к той странице брошюры Одесского Комитета, где помещена настоящая ссылка. Тов. Рядовой и заимствует из этой ссылки ряд фактических данных для подкрепляющих его ироническое суждение о „небрежности“ в редакции „Искры“. Впоследствии в этой литературной полемике с Мартовым горячее участие со стороны „большинства“ приняли т.т. Ольминский („Галерка“) и Воровский (Орловский).

34. Это письмо, с согласия заграничного представителя Ц.К., т. Кржижановского, было напечатано отдельным листком. Вышло в т. IV собр. соч. Ленина, изд. 1923 г., стр. 318 — 324.

35. Для понимания того, о чем здесь идет речь, необходимо принять во внимание следующее: в № 55 „Искры“ в отделении „Из партии“ (стр. 10) помещена следующая заметка „От редакции“, снабженная эпитафией: Юпитер, ты сердисься...“ и содержащая резкую критику письма Ленина в редакцию „Искры“ на тему: „Почему я вышел из редакции“.

После помещения этой заметки, заграничный представитель Ц.К. (т. Кржижановский) отправил в редакцию „Искры“ письмо с заявлением, текст которого напечатан в брошюре Мартова „Борьба с осадным положением“ (стр. 71, сноски). Письмо отрицает факт соглашения между Ц.К. и оппозицией по поводу неопубликования переговоров и заканчивается следующей фразой: „Настоящее заявление выпускается особым листком, вследствие отказа редакции поместить его в № 55 Центрального Органа“.

36. Имеется в виду статья Ленина, помещенная в № 53 „Искры“ (стр. 8, 1-й столбец, внизу) в отделе „Из партии“ и озаглавленная „Письмо в редакцию“. Это „Письмо“ Ленина, написанное по поводу статьи Плеханова „Чего не делать“, помещенной в № 52 „Искры“, вошло в IV т. собр. соч. Ленина изд. 1923 г. (стр. 315 — 318.) В конце письма, в виде послесловия, редакция дает от своего имени то „ехидное“ примечание, о котором говорит автор брошюры ниже.

37. Здесь очевидная опечатка: не Аксельрода, а Александрова. См. приложение в № 56 „Искры“, статья Александрова „Организационные вопросы“ (письмо в редакцию) и послесловие „От редакции“, занимающее всю четвертую страницу „Приложения“.

38. Имеется в виду письмо Ленина в редакцию „Искры“ „Почему я вышел из редакции“.

39. Письмо „Что случилось“ было впоследствии (в марте 1904 г.) напечатано отдельным листком в типографии Одесского Комитета. Нам удалось разыскать этот листок в архиве Истпартотдела Одесского окружка.

40. Разбор письма „Что случилось“, хотя и в завуалированном виде, дан в статье Л. Д. Троцкого (за подписью „Т.“) „Наша „военная“ кампания“, помещенной в № 62 „Искры“. В этой статье Троцкий, касаясь важнейших тактических проблем российской социал-демократии, попутно подвергает весьма резкой критике теоретическую позицию Одесского, Николаевского, Московского и друг. комитетов, находившихся в руках большевиков. Тем самым редакция „Искры“ весьма прозрачно обнажает подоплеку непомещения письма Одесского Комитета на страницах официального исполнительного органа партии: расхождение между новоискровцами и Одесским Комитетом уже в то время шло по линии глубоко принципиальных вопросов, по которым позднее произошло уже более резкое и вполне отчетливое отмежевание большевистского и ортодоксонального крыла рос. соц.-дем. от правого оппортунистического.

41. Нам удалось найти в одном „деле“ архива Одесского охранного отделения за 1904 г., № 4 („О распространении в г. Одессе нелегальной

литературы партии социал-демократов", стр. 154) брошюру, озаглавленную „Речь Гольдבלата“ в издании „Искры“, 1903 г.

42. Подробное описание конкретных случаев проявления в Одессе „группой демагогии“ со стороны представителей „меньшинства“ дано в приложениях 2 и 3 к статье В. В. Воровского (Орловского) „Совет против Партии“. Одно из этих приложений — третье, („Письмо члена Одесского комитета“) — представляет собою, повидимому, документ, принадлежащий самому т. Воровскому, сохранившийся в его архиве, если судить по инициалу „Ж“ („Жозефина“ — псевдоним т. Воровского), фигурирующему в виде подписи в конце „Письма члена Одесского комитета“ (см. „Как рождалась партия большевиков“, изд. „Прибой“, 1925, стр. 406—407).

43. Этим делегатом был Розанов (Попов).

44. Другим делегатом от группы „Южный Рабочий“ на съезде был Е. Я. Левин (Егоров).

45. Мартовцы, при назначении кандидатур в будущий ЦК, настойчиво выдвигали в новых списках кандидатуру Попова (Розанова).

46. Автор имеет в виду статью Мартынова „Голос из народа“, снабженную примечанием от редакции и помещенную в приложении к № 75 „Искры“.

47. Предположение автора брошюры оказалось неосновательным: Плеханов не вышел из состава редакции „Искры“, хотя между членами редакции „Искры“ и Плехановым действительно произошел острый конфликт по поводу статьи Троцкого — „Наша „военная“ кампания“, конфликт, едва не закончившийся выходом Плеханова из редакции „Искры“. Подробности этого конфликта изложены в письмах Ю. Мартова П. Б. Аксельроду от 2 и 4 апреля 1904 г. из Женевы (См. „Письма П. Б. Аксельрода и Ю. Мартова, т. I, стр. 101—105). В примеч. 1 редакция „писем“ дает следующую справку: „П. Б. Аксельрод приехал в Женеву и ему, путем переговоров, удалось на этот раз ликвидировать инцидент; Г. В. Плеханов отказался от своего ультиматума, но все же в результате этого столкновения Троцкий временно прекратил свою работу в „Искре“: после № 62 его статей не появлялось до № 75. (Только в приложении к № 68 помещен его ответ тов. Гео“).

48. В № 65 „Искры“ от 1 мая 1909 г. (ст. ст.) была помещена статья Плеханова „Централизм или бонапартизм“ (см. стр. 2—4); этот № 65 „Искры“, разумеется, не мог быть известен автору настоящей брошюры, которая к тому времени уже вышла в свет.

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИЕВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП ЗА 1902 — 1903 г.

(Ко II-му с'езду РСДРП)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый ниже документ является кратким отчетом Киевского социал-демократического комитета перед вторым с'ездом партии.

Как видно из документа, киевская с.-д. организация еще до II с'езда признала „Искру“ руководящим партийным органом и проводила в жизнь ее организационные планы.

В 900-ые г. г. происходило, так сказать, перемещение тяжести в революционном движении со студенчества на рабочий класс. Внешним показателем этого процесса было, например, изменение состава арестованных: количество рабочих среди последних все увеличивалось, а количество студентов уменьшалось. Это было еще отмечено Лениным. Одним из наиболее ценных и интересных мест этого документа и является иллюстрация этого процесса фактами из революционного движения в Киеве.

Как результат выдержанной классовой позиции киевской с.-д. организации, чрезвычайно показателен и любопытен тот факт, что уже в период 1902 — 03 г. г. „студенчество оказывало... очень незначительную денежную помощь, да и личная помощь студентов в делах... организации значительно сократилась“...—читаемы в отчете. Зато „значительно возрастает приток денежных средств от рабочих, которые сколачивают довольно крупные суммы копеечными сборами“. Эта денежная поддержка „значительно превышает даже сумму студенческих пожертвований“. (Курсив везде наш — Ред.).

Это в значительной степени, помимо об'ективных причин, является результатом признания „Искры“ и ее планов и идей. Достаточно было только Киевской организации вступить на действительно революционный путь, как все наносное, чуждое пролетариату, трусливо показывало ему спину.

Уменьшение революционной активности киевского студенчества было по существу началом процесса идейного отбоя

всей российской интеллигенции, которая в силу своей мелкобуржуазной природы не могла пойти по тому революционному пути, по которому пошел рабочий класс под руководством большевистского крыла РСДРП.

Об энергичном и все более увеличивающемся участии киевских рабочих в революционной борьбе свидетельствует то, что в конце 90-х г. г. количество арестованных рабочих по политическим делам составляло всего лишь не более 15⁰/₀, в 1902 году — уже около половины, т.-е. 48⁰/₀, а в 1903 году — более 75⁰/₀ общего числа арестованных!

Это лучше всяких доводов иллюстрировало „жизненную правду“ боевых лозунгов и классовых позиций старой „Искры“!

Редакция

ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ¹⁾

Обзор деятельности Киев. Комитета партии за последний год (с 1 мая 1902 г. по 1 мая 1903 г.).

Приветствуя второй съезд партии, Киевский комитет желает ему успеха в предстоящей ему трудной работе фактического создания социал-демократической партии. Полагая, что главной задачей съезда будет упорядочение и расширение общерусской работы, Киев. комитет считает, тем не менее, уместным представить съезду краткий отчет своей деятельности за минувший год и предложить его вниманию несколько вопросов, выдвинутых практикой местного движения последних дней.

Одним из важнейших событий в жизни нашей организации в указанном промежутке времени было признание „Искры“ руководящим органом, принятие и проведение в жизнь ее организационных планов. Следствием этого является более широкая, плодотворная и неуловимая для жандармов агитация в массах, которая несомненно принесет хорошие плоды.

Из других событий в жизни Киевского комитета следует отметить два удачных побега из Киевской тюрьмы, состоявшихся при его содействии; о первом побеге 11 человек и о втором — Инны Леман — много писалось в нелегальной литературе, и поэтому мы не будем на них останавливаться. Что касается устной агитации в массах, то конспиративные условия не позволяют подробно изобразить ее размеров. Укажем лишь

¹⁾ Настоящий документ извлечен из дела № 43, за 1904 г., т. 4, которое называется — „Дознание, произведенное при Киевском Губернском жандармском управлении в порядке 1035 ст. устава уголовного суда, по делу о Центральном и Киевском Комитетах РСДРП и тайной типографии, обнаруженной в г. Киеве в ночь на 30 апреля 1904 г. (ст. 1219)“.

Оригинал представляет собой листовку, отпечатанную типографским способом в нелегальной типографии Киевского комитета.

на то, что в минувшем году было устроено около 15 массовых собраний численностью от 30 до 200 человек на каждом. Праздновалась годовщина восстания декабристов; были устроены собрания под Новый год, перед Первым мая и т. д.

Ярких демонстративных проявлений социал-демократического движения в Киеве в этом году не было. Не было ни крупных стачек, ни внушительных демонстраций; стачка портных, стачка кроватчиков и стачка литейщиков, из коих только последняя закончилась полной удачей; самопроизвольная демонстрация рабочих на Подоле перед участком, где содержались рабочие, арестованные на Демиевке, и трижды повторявшаяся попытка устроить демонстрацию 4 мая— вот все проявления у нас массового движения рабочих в этом году. Демонстрационное движение видимо переживает кризис: подвергается критической оценке значение демонстраций и порядок их организации; на эти темы ведутся споры и дебаты. В виду разноречивости мнений, покамест невозможно подвести им итоги и резюмировать взгляды Киевского комитета по этому вопросу.

За истекший год Киевским комитетом было получено и распространено около 10 пудов социал-демократической литературы заграничного издания. Преимущественно это были следующие издания: 1) „Искра“ №№ 15—38 в количестве примерно от 100 до 400 экземпляров каждый номер, всего 3000 экземпляров, 2) „Заря“ №№ 2—3 и 4 в количестве 150 экз. и издания „Зари“— брошюры „Что делать“, „Самодержавие и стачка“, „Штундист Павел Руденко“, „Рассказы из французской революции“, „Две речи“, „Десятилетие морозовской стачки“ и др. К сожалению, этой агитационной литературы по сравнению с „Искрой“ и др. изданиями было слишком мало— пуда два с половиною. Кроме того, распространявшиеся брошюры не удовлетворяли требованиям рабочих. У нас громадный спрос на агитационную литературу, которая в достаточно живой форме знакомила бы читателя с основными положениями социал-демократии и с отношением ее к важнейшим общественным явлениям. Очень необходимы, например, интересно написанные по возможности в разговорной форме, краткий катехизис социал-демократа, летучие листки или брошюры, которые отвечали бы на вопросы— что такое социализм?, что такое политическая свобода?, что такое самодержавие?, кому нужны еврейские погромы?, чего хотят студенты?, кому служит войско?, что такое кризис? и т. д. Нужны брошюры о декабристах (оттиск статьи Плеханова из „Зари“), о 19 февраля, о 1-м мая и т. д. К сожалению, таких брошюр мы не могли достать. Это пробел, который необходимо должен быть заполнен, так как отсутствие таких брошюр и листков заграничного производства, хорошо написанных, раз навсегда изданных и припасенных в большом количестве, заставляет комитет ежегодно возвращаться к одним и тем же темам, отры-

вает местные обыкновенно довольно скромные, силы (литературные и технические) от более доступной для них работы и, таким образом, заставляет их заниматься „кустарничеством“. Вообще недостаточно правильная постановка общерусского издательства дает себя чувствовать. Так, из числа 42-х листков, изданных типографией Киевского комитета с сентября по 2-е мая, около десяти листков посвящены темам общерусским; между тем Киев. комитет значительно больше других комитетов обращал внимание на местную жизнь и старался использовать хотя бы и мелкие факты ее в целях агитации. Для этого им издавалась в течение минувшей зимы местная хроника в виде „Киевского социал-демократического Листка“. В „Листке“ отмечались всевозможные события преимущественно местной жизни, имеющие социал-демократический интерес. Так, например, в напечатанных в нем статейках были отмечены: секретные приказы Драгомирова, студенческие сходки, выселение из Киева 500 еврейских семей, юбилей Новицкого, демонстрация на Подоле, преследования штундистов, злоупотребления местной администрации, предательства, аресты, стачки и т. д.; кроме того, в „Листке“ помещены письма рабочих с описанием порядков на фабриках и в мастерских. Помимо того значения, какое имеет предание гласности всевозможных фактов насилия и эксплуатации, находящихся под спудом, хорошо осведомленный, часто выходящий местный листок имел бы громадное политически-агитационное значение, являясь проводником социал-демократических идей в массы и давая рабочим политическое знание окружающей жизни.

До сих пор Киевский комитет совершенно почти не касался тех явлений местной жизни, которые выходили за пределы фабрик или мастерских. Им выпускались раньше или листки на общерусские темы или листки, догматически излагающие основные положения социал-демократии, или же так называемые цеховые прокламации. Таким образом на местную жизнь комитет совершенно не реагировал, если не считать цеховых листков. Из изданий этого года мы видим, что комитетом признана необходимость несколько расширить круг явлений, подлежащих социал-демократической оценке в нелегальной литературе. Но нужно признаться, что нами сделано в этом направлении очень мало. Невозможно сомневаться в том, что каждый день приносит новые факты правительственного гнета, проявляющегося в деятельности разнообразных правительственных учреждений, сосредоточенных в Киеве. Киевские суды, киевское духовенство, администрация, военные власти, университет и гимназии, „Киевлянин“, жандармерия, наконец, бесспорно могли бы дать массу ценного обличительного агитационного материала. Но в силу недостатка сотрудников, несовершенства технических приспособлений, недостаточной осведомленности революционных сфер и оторванности их от

жизни, чрезвычайно важное дело правильной постановки местной обличительно-агитационной литературы не было надлежащим образом осуществлено и в этом году.

Всего с сентября по май месяц Киевским комитетом было издано 42 печатных листка в количестве 50500 экзempl. Считаем небесполезным привести полный список этих изданий: сентябрь — „к слесарям“, „к столярам“, „к корсетницам“; октябрь — „солдатская памятка и обращения к новобранцам“, „суд над полтавскими крестьянами“; ноябрь — „признание „Искры“ руков. органом“, „к юбилею Новицкого“, „к портным“, „к рабочим южно-русского завода“, „к типографщикам“, „Киевск. с.-д. листок № 1“; декабрь — „с.-д. листок № 2, 3, и 4“; январь — „с.-д. листок №№ 5, 6, 7“, „к сапожникам“, „к типографщикам“, „письмо жел.-дор. рабочего“; февраль — „голос киевских рабочих“, „открытое письмо“, „19 февраля“, „демонстрация на Подоле“, „ко всем киевским булочникам и хлебникам“, „с.-д. листок“ № 8“; март — „о манифесте и еще о манифесте“, „голос организ. жел.-дор. рабочих“, „с.-д. листок № 9“, „голос рабочего“, „к извозчикам“; апрель — „почему рус. рабочему нужна политич. свобода?“, „опять убийства..“, „ко всем жителям города Киева“, „на улице, товарищи“, „кому нужны еврейские погромы?“, „почему была отменена демонстрация 20 апреля?“, „1-е мая“, „ко всем киев. рабочим“, „зубатовцы в Киеве“, „памяти Д. Я. Логвиновского“.

Приток денежных средств в этом году был очень невелик. Всего с 1 ноября по 1 мая 1903 г., т.-е. в наиболее доходные месяцы, нами получено 1297 р. 48 к., т.-е. несравненно менее, чем в предшествующие годы за то же время. В новый революционный год мы вступили с дефицитом в 380 р. 12 к. Крайний недостаток в деньгах являлся самым существенным препятствием для расширения нашей деятельности, установки второй типографии, более частого привоза заграничной литературы и т. д. С прискорбием мы должны констатировать тот факт, что студенчество оказывало нам в истекшем году очень незначительную денежную поддержку, да и личная помощь студентов в делах нашей организации значительно сократилась. В предшествующие годы главным источником доходов комитета были всевозможные предприятия и сборы, устраиваемые студентами; иногда студентам удавалось добывать довольно крупные суммы, например, киевское землячество несколько раз давало комитету до 1000 руб. Ничего подобного не наблюдается в последние годы. У этих явлений имеется, впрочем, обратная сторона: в настоящее время значительно возрастает приток денежных средств от рабочих, которые сколачивают довольно крупные суммы копеечными сборами. Денежная поддержка, оказанная комитету в минувшем году рабочими, значительно превышает даже сумму студенческих пожертвований. Очень может быть, что отмеченная нами

инертность студентов — явление временное, но весьма вероятно, что оно имеет более глубокие причины и является признаком политической дифференциации. Не удовлетворяясь студенческим движением, но в то же время не чувствуя и достаточной решимости для того, чтобы перешагнуть через классовые перегородки и принять участие в борьбе пролетариата, радикально настроенное студенчество склоняется в сторону идей социалистов-революционеров, партия которых носит в значительной степени студенческую окраску. „Булгаковщина“ и „Освобождение“ оказывают также свое разлагающее влияние: влияние это сказывается главным образом в том, что в студенчестве и в широких слоях разночинной интеллигенции нарождается охлаждение и скептическое отношение к ортодоксальной социал-демократии, но активных и убежденных сторонников указанные течения приобретают мало. Отмеченное нами расхождение политических имеет и свою положительную сторону; оно содействует очищению социал-демократии от всяких не социал-демократических примесей.

Первенствующая роль в освободительном движении, охватившем Россию, все более и более переходит к русскому рабочему; рабочий становится центром революционного движения в России; об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы отчеты киевского красного креста, из которых видно, какую значительную часть арестованных составляют теперь рабочие. Три-четыре года тому назад рабочие едва составляли 10—15 процентов общего числа арестованных, в прошлом году их было уже 48 процентов, в этом году с января по май рабочих было более 75 процентов общего числа арестованных.

Число сознательных рабочих все увеличивается, разрастается круг лиц, захваченных движением, и вместе с тем усложняются задачи социал-демократии. Развитие движения ставит на очередь новые вопросы, разрешение которых возможно лишь при правильном разделении труда между общерусской и местной работой.

*Киевский Комитет Российской Социал-¹
Демократической Рабочей Партии*

8-го июня 1903 года“.

III

КРИТИКА ТА БІБЛІОГРАФІЯ

Т. КАРЕТНІКОВА

КОРОТКІ НОТАТКИ ПРО ЛІТЕРАТУРУ З ІСТОРІЇ
КП(б)У

Література з історії КП(б)У на сьогоднішній день ще надзвичайно мала. На десяти роковини її формального заснування (Таганрозька нарада й I з'їзд КП(б)У) ми маємо лише кілька праць, спеціально присвячених історії нашої партії. Решта літератури з історії КП(б)У являє собою низку статтів, в яких висвітлюються ті або інші моменти цієї історії та спогади окремих учасників революції на Україні. Оскільки безпосереднє виникнення КП(б)У і дальший її розвиток надзвичайно щільно зв'язані з історією революції на Україні, то окремі уривки цієї історії розкидалися й по книжках, збірниках та статтях, що досліджують взагалі історію революції на Україні.

Таким чином, література з історії КП(б)У, що її маємо на сьогоднішній день, ще дуже мінімальна — вона кладе по суті справи лише початок у вивченні цієї історії, окремі моменти якої ще й досі є або зовсім невисвітлені, або цілком недостатньо висвітлені.

В цьому огляді ми розглядатимемо лише головні твори з історії КП(б)У, подаючи це в такому порядку: 1) книжки, що спеціально присвячені цьому питанню; 2) книжки, що тільки принагідно, вивчаючи взагалі революційні події періоду, до якого стосується історія КП(б)У, торкаються окремих моментів цієї історії; 3) статті й спогади, що розкидалися на протязі цих років в погочній журнальній літературі.

До першого розділу літератури, в якому на цей день, як було сказано, лічиться взагалі лише до десятка книжок, відносяться такі:

1. Кулик та М. Яворський. — Нариси історії комуністичної партії більшовиків України. — За редакцією В. П. Затонського. — Вид-во „Шлях Освіти“, 1923 р.

Книжка вийшла в ті часи, коли щойно скінчилася горожанська війна на Україні, коли ще тяжко було та навіть неможливо приступати до дослідницького вивчення тільки що пережитого. Це кляло свій відбиток і на цю роботу, що по суті справи подає лише досить цінний матеріал і не тільки до історії партії, а також, і може ще в більшій мірі, до історії періоду Жовтневої революції на Україні.

Позитивною рисою цієї книжки є те, що цей матеріал подається не в формі хронологічного довідника, а з рівночасним з'ясуванням соціально-економічного ґрунту, на якому розвивався сам революційний процес.

Книжка написана досить популярно, так що можна вживати навіть середньо-розвиненим читачам.

2. Равич - Черкаський. — История Коммунистической Партии Украины. — ДВУ, 1923 р.

В цій книжці, в протилежність вищезгаданих, мало місця дається для освітлення взагалі революційного періоду на Україні, і в цьому автор обмежується лише дуже короткою характеристикою.

Безперечно невірна, що вже й доказали критики, є теорія „двокорінності“ КП(б)У, яку автор ставить за провідну думку своєї праці і зміст якої полягає в тому, що КП(б)У походить від РСДРП і УСДРП.

Сам же фактичний матеріал, що його подається в книжці, сам по собі є досить цінний, особливо коли взяти на увагу нашу вбогість у літературі з історії КП(б)У до останніх часів, коли цей мінус нашого життя став у великій мірі зменшений випуском „Нарису історії КП(б)У“ М. М. Попова.

3. Михайлов. — Краткая история КП(б)У. — Вид-во „Пролетарий“. 1925. Книжка Михайлова, як зазначає сам автор, це — скорочений і стислий переказ „Історії КП(б)У“ Равич - Черкаського. Через це книжка ця має ті самі хиби, що й Равич - Черкаського.

4. М. М. Попов. — Нарис історії комуністичної партії (більшовиків) України. — „Пролетарий“, 1928 р.

Цю книжку, — як говорить сам автор в передмові, — складено в основному з лекцій, що їх він читав в Українському інституті марксизму. Оскільки автор викладав свої лекції перед досить кваліфікованою аудиторією, то його нарис історії КП(б)У, що містить у собі ці лекції в певному обробленому вигляді (лише останні три розділи й підсумки автор написав без читання лекцій), придатні для вжитку тільки досить підготованих, розвинених читачів, що знайомі більш-менш добре з революційним рухом у колишній Російській Імперії, з розвитком самої революції 1917 року, а також з історією ВКП(б).

Книжка є надзвичайно цінний вклад у ту літературу з історії КП(б)У, що на цей день єсть в нашому розпорядженні. Висока вартість її не лише в тому, що це є перша спроба дати розроблений систематичний курс з історії нашої партії, але й тому, що, розраховуючи свою роботу для вжитку, як підручника, в комвузах, радпартшколах та вечірніх робітничих школах, автор зібрав і відповідно освітлив досить велику кількість цілком нового, свіжого матеріалу, і це внесло й елементи дослідництва в його роботу.

Не можна вважати за мінус в праці М. М. Попова й те, що в ній мають своє місце деякі твердження й думки, що ви-

глядають не досить обґрунтованими або навіть і дискусійними, бо за сучасного стану розроблення й вивчення історії КП(б)У цей факт сам по собі є неминучий й позитивний.

Оці моменти стосуються здебільшого не безпосередньо історії партії, а тих питань, що їх автор зачіпає побічно, як освітлення доби, що в ній розвивалася історія партії. Наприклад, не досить обґрунтованим, хоч безперечно вірним є твердження про консолідацію більшовизму й розвал меншовизму на Україні в роки революційного підйому й війни, поруч з існуванням об'єднаних організацій. Цей факт варто було б ширше пояснити. Безумовно дискусійне є поки що питання про періодизацію або етапи національного руху в період від Лютого до Жовтня (доба Центральної Ради). На нашу думку, поворот вправо в політиці Центральної Ради ознаменувався угодою з Тимчасовим урядом і II Універсалом, що припало на липневі дні й взагалі виразне наростання сил пролетарської революції. Такі факти, як бойкот Московської наради, виступ представників Центральної Ради проти коаліції були лише збоченнями в прямуванні Центральної Ради до відвертої контр-революції, що спричинялися натиском революційних мас та залежали від дрібнобуржуазної природи Центральної Ради, завжди характерної політикою хитання. Крім того, єсть в книжці кілька дрібніших моментів, які слід було б ширше розробити.

В цілому ж „Нарис історії КП(б)У“ М. М. Попова є з усіх боків надзвичайно корисний і цінний здобуток у нашій літературі з історії партії і на даний момент служить за єдиний систематизований курс з цієї галузи.

* * *

Крім цих кількох книжок, присвячених спеціально історії комуністичної партії на Україні, ми маємо низку книжок, присвячених взагалі вивченню революції на Україні, і в них неминуче автори торкаються тих або інших моментів з історії КП(б)У.

Скажімо лише про найголовніші твори такого характеру.

5. Скрипник. — Історія пролетарської революції на Україні. — В-во „Червоний Шлях“, 1923 р.

Книжка тов. Скрипника, що сам він її називає коротким нарисом, є в дійсності коротким, але надзвичайно цінним нарисом з історії пролетарської революції на Україні.

В цьому нарисі, відповідно до його розміру, надається належне місце і питанням історії партії за час від лютого 1917 року до квітня 1918 року. Прекрасно подані середпартійні розходження що до тактики, національного руху. Також зібраний, досить оброблений і фактичний матеріал, що характеризує стан партійних організацій на Україні за той же період. Покиль що єдиний аналіз зовнішньої політики більшовиків 1917—18 р. ми також находимо в цій книжці.

6. Д. Эрдаэ. — Революция на Украине. От керенщины до немецкой оккупации“. — Под редакцией и с предисловием Н. А. Скрыпника. — В-во „Пролетарий“, 1927 р.

Цікава вона в цілому тим фактичним матеріалом, що поданий в ній.

Історії партії автор присвятив дуже небагато місця, зосередивши навіть у цьому обсязі свою увагу більш на організаціях Лівобережжя.

Подаючи навіть у декількох місцях аналізу й характеристику тактики й позиції партії, він обминув майже цілком ті помилки, що були в наших парторганізаціях в національному питанні (люксембургіянство, національний „нігілізм“), а це безперечно входило в його тему, коли він дійсно хотів висвітлити період од. Лютого до Жовтня в нашій революції. Книга т. Ерде має низку помилок, але, повторюємо, варта як виклад фактичного ходу подій.

7. Е. Бош. — Год борьбы. — ГИЗ. 1925 р.

Е. Бош сама приймала надзвичайно активну участь, як один з керівників, у тих подіях, що ним присвячено цю книжку. Відсіль її певна тенденційність, але в той же час є надзвичайна цікавість, як талановите й обґрунтоване матеріалами свідощтво подій тих часів.

З цієї роботи Е. Бош можна скористуватися надзвичайно цінним фактичним матеріалом з історії правобережних парторганізацій, особливо Київської.

8. Е. Бош. — Национальное правительство и советская власть на Украине. — 1919 р.

Коли в попередній книжці Е. Бош ми маємо в деякій мірі визнання помилок партії в національному питанні, то це для нас, можна сказати, є справжній документ цього ухилу в наших парторганізаціях першого періоду революції. Так що ця книжка може бути тепер корисна, з одного боку, поданим в ній фактичним матеріалом, з другого боку, і це головне, як документ при вивченні ухилів в нашій партії.

9. М. Яворський. — Революція на Україні в її головних етапах. — Держвидав, 1923 р.

Це надзвичайно популярний нарис історії революції на Україні, в якому подано лише хронологічну послідовність останньої. В такій же мірі зачеплено там і історію партії.

Треба визнати, що в свій час, коли в нас абсолютно нічого не було писаного для масового вжитку з історії партії, коли ще ніхто не приступав до її розробки, книжка М. Яворського відіграла велику роль.

І тепер її можна скористати, як певний хронологічний довідник революції на Україні.

10. Антонов-Овсеенко. — Очерки гражданской войны. Т. I, 1925 и II, 1928 р.

Книжка, як показує сама назва, присвячена історії громадянської війни. Але оскільки громадянською війною була вся

революція, то в даному разі матеріал, що його подає автор, звужений і в певному розумінні спеціальний. В ньому значне місце відведено описові громадянської війни з погляду розгортання військових подій.

Окремими місцями маємо й уривки з історії нашої партії, а особливо епізоди з історії партизанців та їх роботи в Червоній армії.

В цілому книжка надзвичайно цікава.

11. И. Майоров. — Из истории революционной борьбы на Украине. — ДВУ. 1923 р.

Ця невеличка розміром книжка, являє собою певну цінність. В ній знайшов свій відбиток той факт, що сам автор був безпосереднім учасником тих подій, про які він оповідає в своїй книжці.

Картина тогочасного партійного життя також знайшла в ній своє місце: в ній дано деякий фактичний великий матеріал з життя партії за революційні роки та освітлення тактики партії в Жовтневі дні і дещо з гетьманського періоду.

Таким чином, ця невелика книжка може бути корисною й при вивченні історії нашої партії, яко спогади активного працівника її.

* * *

Третім джерелом, звідки ми можемо брати дані до історії КП(б)У, є той статейний та мемуарний матеріал, що розкидався за останні роки по різних журналах, а в основному скупчився в журналі, спеціально присвяченому освітленню й вивченню процесу революції в „Літопису Революції“. Своє місце окремі моменти історії партії найшли й в ювілейних збірниках, як тих, що вийшли до 5-ї річниці радянської влади при окремих губкомах, так, особливо, тих, що вийшли тепер на десяти роковини Жовтня.

З цього колосального розпорошеного матеріалу надзвичайно тяжко дати більш-менш повну збірку й характеристику статтів і спогадів, де б так або інакше було зазначено питання з історії партії. Та це майже й неможливо для одної людини на протязі короткого часу.

Тому доведеться подати до уваги тільки дуже невеличку частинку того, що вже є. Ми подамо тут тому лише перелік деяких статей з деякими нотатками до них.

Одночасно з цим треба підкреслити, що в багатому статейному й мемуарному матеріалі, присвяченому взагалі революційному процесові, історія партії зайняла дуже незначне місце.

В ювілейних збірниках, що вийшли на п'яті роковини Жовтневої революції, можна сказати, перші місця зайняли збірники Харківського та Катеринославського Губкомів.

12. Статті т.т. Квірінга, Скрипніка, Затонського дають матеріал до вивчення тих розходжень, що були в середпартійному житті в перший період революції.

Десяті роковини Жовтневої революції Істпарту відсвяткували виданнями окремих збірників, серед яких особливо цінні випустили Харківський, Київський, Одеський, Дніпропетровський Істпарту.

Харківський Істпарт склав великий, до 400 сторінок, збірник спогадів під назвою „1917 год в Харькове“ (Вид - во „Пролетарий“, 1927 р.). Але в ньому лише дві статті присвячені історії парторганізації.

13. Стаття Буздалина дає матеріал до життя харківської парторганізації за 1917 р. Вона цінна тим, що виявляє досить яскраво боротьбу за пролетаріят між більшовиками та угодовськими впливами в цей перший період революції.

14. Стаття Леонова в цьому же збірникові малює картинку денікінського підпілля, рівночасно з тим дає вдало підібраний фактичний матеріал.

Київський Істпарт на 10 річницю Жовтня видав кілька окремих збірників, складених з окремих статтів та спогадів учасників горожанської війни на Україні. Один з них є збірник „Из истории Октябрьской Революции в Киеве“ (ДВУ, 1927), що містить в собі досить цікаві праці статеиноного характеру, але має в собі один з мінусів у тому, що, не вважаючи на постанови партійних органів про українізацію, його, як і збірники інших Округових Істпартів, видано російською мовою.

15. Стаття Іткінда („Из воспоминаний о работе Киевской большевистской организации“) присвячена життю більшовицької Київської організації, але вона освітлює майже виключно гетьманське підпілля, цеб - то стосується 1918 року. Але поза цим вузьким обсягом часу вона прекрасно змальовує картину, як створювалася тактична лінія партії в цей важкий період її життя.

16. Стаття В. Затонського, що дає загальний нарис жовтня в Києві, також торкається окремих моментів з історії партії.

17. Одеський Істпарт у своєму ювілейному збірникові „Октябрь на Одешине“ (Одеса, 1927) більш ніж інші звернув увагу на освітлення партійного життя за революційний період, особливо за перший його час.

В збірнику вміщено дев'ять статтів, які складають окремий розділ. Серед них особливо цікаві й цінні статті Агаларова, Олександрова та спогади Соколовської. Вони надзвичайно яскравомалюють картину одеського підпілля та деталі нелегальної роботи місцевої парторганізації. Всі ж статті цього розділу, подаючи цінний матеріал, цілком дають розуміння того, як вигартовувалася тактична лінія більшовиків у часи революції, на всіх її „крутих поворотах“, особливо в тяжкій складній ситуації, яка утворилася в умовинах Одещини.

Як було сказано вище, історія нашої партії щойно починає вивчатися. За доказ цього служить так мала кількість кни-

жок, присвячених цьому питанню, як і те, що в багатому статейному матеріалі з історії революції на Україні дуже мало з цих статтів присвячені історії партії. Так, спеціальний журнал, що освітлює історію революційного руху на Україні, „Літопис Революції“ за всі 7 років (1922—1928 р.р.) свого існування дав лише кілька статтів та спогадів.

Назвемо кілька з тих, що вміщено в „Літопису Революції“ і що заслуговують на більшу увагу.

18. Стаття І. Кулика „Киевская организация в феврале—октябре 1917 г.“ („Л. Р.“, № 1 (6) 1925 року, стор. 189—204) зупиняється в основному на взаємовідносинах з Радою та торкається також і позицій окремих представників Київської організації взагалі в національному питанні.

19. Стаття Я. Ряппо „Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве“ („Л. Р.“, № 1,— 1922, стор. 81—103, хоч спеціально не торкається історії Миколаївської парторганізації в цей період, але відповідне місце освітлення цих моментів є в статті.

20. Дуже цікавий матеріал подає Христов до маловідомої сторінки з історії партії в статті „Румчерод в подготовке Октябрьской революции“ („Л. Р.“, № 1, 1922, ст. 171—183).

21. Картину становища більшовицької парторганізації на Чернігівщині подає Табаков в статті „Октябрьская революция на Черниговщине“ („Л. Р.“, 3 (8), 1924, ст. 143—170).

22. Стаття Тарногородського „Возникновение большевистской организации на Подолии“ („Л. Р.“, № 5, 1923, ст. 212—218) хоч дуже коротенька своїм розміром, але надзвичайно цікава тим, що кидає світло, як проходили більшовицькі впливи в глухі кутки Правобережжя.

23. М. Майоров — „На путях к I съезду КП(б)У“.

24. В. Аверин — „Борьба „правых“ та „левых“ на I з'їзді КП(б)У“.

25. М. Волін — „I з'їзд КП(б)У“.

26. Д. Фрід — „Таганрозька нарада“.

Ціла низка статтів в „Літопису Революції“ присвячена історії виникнення й організації радянської влади на Україні, Центральної Ради то-що, а в них всі автори торкаються питання про ролі партії в процесі організації радвлади, а також характеристики тактичної її лінії в різні моменти розвитку революції.

До статтів такого характеру належать :

27. В. Затонський — „К вопросу об организации Вр. Раб.-Крестьянского Правительства Украины“. („Л. Р.“, № 1(10), 1925, ст. 139—149).

28. М. Рубач — „Из истории гражданской войны на Украине“. („Л. Р.“, № 4(9), 1924, ст. 151—165).

29. С. Ш. — „К истории образования соввласти на Украине“. („Л. Р.“, 4(9), 1924).

30. В. Манілов — „Из истории взаимоотношений Ц. Р. с Временным Правительством.“

Так виглядає на сьогоднішній день література, що освітлює перед нами історію виникнення й дальшого розвитку КП(б)У.

В. М.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VII

(Кінець)¹⁾

В 7-му збірнику, що його рецензується, вміщено велику кількість вельми інтересних і що-найцінніших документів. В основному їх поділяється на чотири групи: 1) три статті Леніна 1899 року, 2) серія документів з епохи розколу РСДРП, 3) статті й листи 1917 р. 4) зауваження В. І. Леніна на книгу Є. Варга.

Не маючи змоги детально характеризувати всього вельми інтересного змісту збірника, розгляньмо лише деякі документи.

В розподілі збірника оголошується статті й листи В. І. Леніна 1917 р. (квітень — жовтень). Не характеризуючи їхнього змісту, перелічмо лише найважливіше. Надзвичайно інтересний первісний начерк квітневих тез, що має велике значіння для вивчення розвитку та оформлення лєнінових ідей, що їх подано в цьому геніяльному документі. Далі йдуть: запис дебатів на об'єднаному зібранні 6-в і м-в 17/IV 1917 р., план брошури „Завдання пролетаріату в нашій революції“, план статті „Про самочинне захоплення землі“ і низка інших значних і дрібних зауважень та статтів.

Величезний інтерес, щоб розуміти лєнінську тактику в зв'язку з корнілівським виступом, являє стаття „Чутки про змову“ (кінець серпня — початок вересня 1917 р.) та подана до неї записка Володимира Ілліча в ЦК.

Стаття ця написана ще до виступу Корнілова, в зв'язку з газетними повідомленнями про його підготовлення.

Оскільки в газетах промайнула чутка про те, що більшовики ніби-то, щоб дати відсіч контр-революційному виступові, підписали щось на зразок блоку з меншовиками, Ленін з усією гострістю та рішучістю виступає проти цього факту, попереджуючи партію про неправильність і згубність такої тактики, якщо б і справді це трапилось.

„Більшовики, які пішли б у блок з оборонцями пише Ленін,—були негайно й по заслuzі виключені з партії“.

1) Див. „Л. Р.“ № 4, 1928 р. З технічних причин ми вміщаємо кінець рецензії на VII Лен. сб. в цьому номері.

Далі Ленін так намічає тактику партії на випадок контр-революційного виступу: „... Наші робітники, наші салдати битимуться з контр-революційним військом, якщо воно почне виступати тепер проти Тимчасового уряду, захищаючи не цей уряд, який кликав Каледіна і К - о 3 липня, а самостійно захищаючи революцію, маючи свою мету, мету перемоги робітників, перемоги бідних, перемоги справи миру, а не перемоги імперіалістів — Керенського, Авксентьєва, Церетеллі, Скобелева і К - о...“

В приписці, поданій до ЦК разом з цією статтею, Ленін вимагає від нього офіційно дослідити справу про те, чи були справді в московських більшовиків будь-які блоки з меншовиками; роблячи паралелі з рухом 3—5 липня, Володимир Ілліч Ленін дуже гостро висував перед партією завдання завойовання влади.

Він пише:— „Тепер в Москві завдання стоїть зовсім інакше; старе гасло було б архінеправильне. Тепер завданням було б узяти владу самим та оголосити себе урядом в ім'я миру, землі селянам, скликання Уст. Зборів в термін, по згоді з селянами на місцях, то-що“.

Саме тому Ленін цілком широко й рішуче висуває питання про те, щоб цілком порвати з тими, хто хитається в керівничих верхах партії, вказуючи: „Надзвичайно важно, щоб у Москві „біля стерня“ стояли люди, які не хиталися б праворуч, нездатні були б на блоки з меншовиками, які на випадок руху розуміли б нові завдання, нове гасло захоплення влади, нові шляхи й засоби до цього“.

Щоб розуміти ленінську тактику в переджовтневий період, а також той рішучий і різкий шлях розриву, що на нього він став що до товаришів, які виявили хитання в рішучий момент, цей документ має воістину величезне значіння.

Зазначаємо, не зупиняючись на розгляді, що потребувало б значного місця, останній документ збірника, уривки з книги Є. Варга „Проблеми економічної політики за пролетарської диктатури“ і зауваження на неї Володимира Ілліча Леніна. З цілої книги найбільшу увагу Володимира Ілліча звернули три розділи: „Проблема чиновництва“, „Аграрна політика пролетарської держави“ і „Продовольча справа“. На сторінках цих повно підкреслень і зауважень Ленінових.

Не доводиться й говорити по короткому огляді багатющого змісту VII збірника, що за єдиний заклик, що з ним можна звернутися до партактиву, це є заклик що-найуважніше, найдетальніше вивчати матеріяли збірника, який дає ключ не тільки розуміти багато Ленінових ідей, розвиток їх та уточнення, але що дозволяє також, завдяки надзвичайній пильності, як видано документи, просякти в таємниці геніяльної лабораторії ленінської думки, де ці ідеї народжувались і оформлювались.

ПОССЕ

Е. М. Ярославский — „Первый съезд нашей партии“, ПЗ. М.—Л. 1928.

Питання про шляхи утворення партії має для нас величезне значіння. Саме в зв'язку з цим питанням уперше накреслилися принципи розходження поміж Леніним та Плехановим. В статті „Попятное направление в русской социал-демократии“ Ленін, між іншим, писав ось що:

„Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабочего движения, создавали учения, критикующие современный, капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление слить социализм и рабочее движение в единое социал-демократическое движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в сознательную борьбу пролетариата за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая социал-демократическая партия... Совершенно также шло дело и в России.

Процесс взаимодействия стихийного рабочего движения и движения революционно-общественной мысли у нас в России конкретно можно представить себе так: народническая идеология под влиянием рабочего движения 70-х годов постепенно переросла в идеологию марксистскую. Из группы чернопередельцев возникла группа „Освобождение Труда“. Последняя, подготовив теоретически кадр интеллигентов, заразила марксизмом передовые слои пролетариата. К этому времени относятся первые попытки идеологов буржуазии сорвать процесс оплодотворения марксистской теорией еще не окрепшего сознания передовых пролетариев.

Могучий размах стихийного рабочего движения середины 90 годов привел к переформированию социал-демократических кружков в союзы. Пропаганда сменилась агитацией. Передовая часть пролетариата, воспринявшая в кружках марксистскую теорию, повела или, во всяком случае, попыталась повести за собой рабочую массу. (Идет речь о первом периоде в деятельности Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса)“.

Таким чином, можна сказати, що в середині 90-х р.р. процес з'єднання стихийного робітничого руху з рухом революційно-громадської думки закінчився. „Союзы борьбы“ були

вже поза всяким сумнівом першими парторганізаціями губерніяльного масштабу. Коли утворення соц.-демократичної партії стало фактом, всупереч ревізійністським зусиллям буржуазних ідеологів, останні, природно, перенесли свою розкладницьку діяльність до практики. Легальний марксизм породив економізм.

Вартість брошури Ярославського насамперед полягає в тому, що авторові вдалося в популярній формі подати читачеві цей процес „нарастаючого взаємодіяння стихійного и сознательного начала“.

Питанням з'їзду в брошурі подано надзвичайно мало місця, але це навряд чи можна поставити як докір авторові.

В популярній брошурі спинятися на всіх дрібницях, зв'язаних з підготуванням з'їзду й навіть роботами з'їзду, не мало жадного значіння, тим більш, що наслідки першого з'їзду, як відомо, надзвичайно обмежені.

Одначе, історична роля I з'їзду, як першої практичної спроби об'єднати роз'єднані соціал-демократичні організації—величезна. Зовсім правий тов. Лядов, який, відтіняючи „моральное значение“ з'їзду, писав: „Если не фактически, то в идее, в уме каждого работника партия уже существует, и он чувствует себя членом одного великого целого“...

Тов. Ярославський, на жаль, цілком не зачепив цього питання в своїй брошурі.

Дуже мало подано місця аналізові найцікавіших положень, що їх висунув маніфест I з'їзду. Було б надзвичайно корисним розібрати, наприклад, відоме місце із маніфеста про те „что чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, и труднее, и подлее становится буржуазия, тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата“. Тов. Ярославському треба було б скористати ці слова для того, щоб спинитися на особливостях капіталістичного розвитку Росії. З'ясування цих особливостей має кінець-кінцем вирішальне значіння для розуміння шляхів утворення нашої партії, особливості її партійної тактики та принципів організаційного будівництва.

Треба було б відзначити також і низку безперечних хиб маніфесту. Досить хоча б відзначити те, що маніфест зовсім не зачепив проблеми спілки пролетаріату та селянства. Цілком ігнорує також маніфест найважливіше для того часу завдання формування міцно збитої централізованої та бойової партії.

Проте в своїй брошурі тов. Ярославський торкнувся одного дуже цікавого питання: яким чином Струве, вже за того періоду заражений ревізійнізмом, міг стати автором маніфесту, що був витриманий в дусі революційного марксизму.

Нам здається, що цей „парадокс“, який викликає завжди певні сумніви в „молодих“ партійців, слід би далі найдетальніше подискусювати. Невже ж справа лише в тому впливові, який ніби зробив Радченко на Струве?

В. МЕДЗІНСЬКИЙ

О. Танхилевич — „Маркс и Энгельс о крестьянстве“ ГИЗ. М.—Л. 1928. Ст. 152. Ц. 1 р. 20 к.

У нас часто-густо на практиці серед деяких товаришів не чувається досить серйозного ставлення до вивчення оригінальних творів основоположників марксизму. Тим більше треба вітати появу роботи тов. О. Танхилевич, в якій вона намагається висвітлити погляди Маркса та Енгельса на селянство. Значіння цієї роботи ще збільшується тим, що „селянська проблема“ не перестає бути актуальним питанням, що звязане з загальною проблемою пролетарської революції та диктатурою пролетаріату.

Книжка складається з трьох розділів: еволюція поглядів Маркса та Енгельса на селянство, селянство, як соціально-економічна категорія та аграрна програма й тактика соціал-демократії.

В основному автор цілком задовольняюче й правильно виклав розвиток поглядів основоположників марксизму. Але методологічна установка книжки, яка полягає в тому, що за вихідну точку береться не стан класових стосунків у сучасний момент, а пристосування матеріалу до певної історичної схеми, не дала змоги авторові дати належні й необхідні теоретичні висновки з Марксових та Енгельсових поглядів на селянство. Автор тим і обмежився, що дав тільки історію розвитку цих поглядів.

Ця хиба в методологічній установці привела до низки помилок у деяких твердженнях взагалі, а це тим більш прикро, що сама книжка є наслідок дослідчої наукової роботи в Ленінградському науково-дослідчій інституті методології марксизму.

Торкнемося лише деяких тверджень автора. Наводячи цитату Леніна, в якій говориться, що з аграрної революції легше почати і що удар по земельній власності полегчить боротьбу проти приватної власності взагалі, автор робить абсолютний висновок, що „приватна власність на землю протирічить розвиненому капіталістичному устроєві. Але капіталісти вже нездібні до переведення націоналізації землі“ (ст. 55).

Цілком правильно, що приватна власність на землю протирічить розвиненому капіталізмові. Але така постановка питання занадто схематична.

Перше положення, що його ми тут навели, доповнюється другим, досить не діалектичним положенням. Автор говорить:

„В „чистом“ или абстрактном капитализме нет места никаким иным социальным прослойкам, кроме капиталистов и наемных рабочих“ (стор. 65).

По-перше, треба б зазначити, що „чистого“ капіталізму ніколи в природі не існувало, як не було, мабуть, і чистого

феодалізму, а по - друге, цитата із „теорії додаткової вартости“ Маркса, яку приводить автор в потвердження цієї тези, зовсім інше говорить. Там говориться про те, що „капіталіст є не тільки необхідним, але й панівним агентом виробництва“. А це зовсім не те. Кожний господарчий уклад в історії суспільства тим і визначався, що в ньому була та або інша господарча форма, а також відповідний до неї суспільний клас пануючим. Метода марксизму — діалектичний матеріалізм — якраз і вчить, як зазначав Ленін, що ні в природі, ні в історії ніколи нічого „чистого“ не буває.

Не можемо ми також погодитись з таким твердженням автора, що селянське господарство не цілком підлягає дії капіталістичних законів, що ніби - то воно, товарове селянське господарство, „має власні закони розвитку“.

Якраз історія переконує нас у тому, що селянське господарство підлягає з неминучою необхідністю законам капіталістичного господарства в добу панування капіталізму і доки ще інших самостійних законів для розвитку товарового селянського господарства теоретична економія не вивела. Доказом цього може служити хоча б „голодна рента“ селянства в добу буржуазного устрою та диференціації селянства.

На сторінці 74 книжки автор обґрунтовує, чому селянство при феодалізмі було основним суспільним класом і з'ясовує форми виробничих відношень, що існували між селянством і феодалами. В примітці ж зазначає, що до Росії не стосується таке положення, при якому селянин був власником знарядь праці і лише володарем, а не власником землі, бо маєток крепаків не відокремлювався від маєтку поміщиків.

Таке положення для Росії фактично не відповідало дійсності — це по - перше, а по - друге, таке становище селянства, як крепаків, нічим фактично не різнилося від невільництва. А це не так, бо селянство все ж таки було і в Росії, а не тільки в Західній Європі, основною класою при феодалізмі.

При визначенні селянства, як класи, автор пише :

„Единым классом при феодализме крестьянство было, следовательно, во - первых, в силу той роли, какую оно играло в общественном производстве; во - вторых, в силу общности материальных интересов и, наконец, в - третьих, в силу общности правового угнетения, бесправия“ (стор. 75).

Тут не зазначено, що селянство було в ті часи єдиною силою, яка могла протистати класу поміщиків - феодалів.

З тієї ж причини незадовольняючим стає й пояснення, чому за капіталістичного суспільства селянство не є єдина основна класа.

Недостатне також з'ясування причини затримки розкладу селянського господарства при капіталізмі. Як одну із причин цього, автор бачить в імперіялістичній війні, в той час, як можна сказати навпаки — імперіялістична війна прискорювала диферен-

ціяцію селянства, занепад середняцьких та незаможницьких господарств та зріст, збагачення куркулів, що збагачувались за рахунок подорожання хліба, побільшення експлоатації бідноти, яка в зв'язку з війною, грошовою інфляцією та взагалі погіршенням загального стану проти „мирних“ часів була більш вдячним об'єктом куркулівського визускування.

А проте, не вважаючи на зазначені й ті, що не зазначені тут помилки й неясності, книжка заслуговує великої уваги. В основному вона допоможе розібратись при ознайомленні з поглядами Маркса та Енгельса на селянство.

М. ОСТРОГОРСЬКИЙ

„Советы в Октябре“. Сборник документов под редакцией и с предисловием С. А. Пионтковского. Коммунистическая Академия. Институт советского строительства. Историческая комиссия. Материалы по истории советского строительства. Издательство Ком. Академии, Москва 1928 г., стр. 383. Цена 3 р. 50 к.

Мета видання цієї книжки, що ми оце рецензуємо, побутися перешкод для широкого розвитку науково-дослідницької роботи з історії радянського будівництва, які полягають у тому, що нема систематичних збірників відповідних історичних документів та матеріалів.

Відповідно до цього, історична комісія Інституту радянського будівництва Ком. Академії видає 4 книги документів, що присвячені: перша (що ми рецензуємо)—документам що до організації та будівництва рад 1917 року, друга—документам епохи Жовтневого перевороту, третя—документам селянських організацій 1917 року та четверта—документам першої половини епохи „воєнного комунізму“.

Не вважаючи на великі труднощі підчас збирання необхідних матеріалів для цього збірника, про що вказано в передмові історичної комісії та С. А. Піонтковського, перша книга становить величезну вартість та інтерес для нашої сучасної та майбутньої історіографії.

В збірникові вміщено лише найхарактерніші історично повноцінні документи з тих, які залишилися до наших днів.

Переходячи до змісту збірника зокрема, до вміщених протоколів, звертає на себе увагу та обставина, що величезна більшість із них дуже недостатньо освітлює минулі часи, бо протоколи ці фіксувалися по казенному: „слушали“—„постановили“, без запису тих характерних та цікавих виступів і пропозицій, які, без сумніву, мали місце підчас обміркування тих чи інших питань і моментів.

Найповнішими і найцікавішими з цього погляду треба вважати 134 документи з галузі адміністративно-революційної діяльності Петроградського ВРК в період Жовтневих днів та

протоколи засідань Московського Виконавчого Комітету, що відбувались у бурхливі дні жовтня та листопада 1917 року (ст. 31—87).

На превеликий жаль, „особого архива Петроградського Военно-Революционного Комитета“ не залишилося. В архіві Жовтневої революції є окремий фонд, куди входить до 80 папок колишнього архіву ВРК. В них є серед інших документів і опис архіву ВРК, але цей архів до нас не дійшов. То, що є в папках архіву Жовтневої революції, тільки здалека нагадує архів Петроградського ВРК; в них нема ні протоколів ВРК, ні записів його засідань. Тут є лише величезна кількість найрізноманітніших наказів, нарядів, постанов та інструкцій, що їх видавав Петроградський ВРК. Ці матеріяли дають порівнюючи мало можливостей міркувати про те, як працював та діяв Петроградський ВРК“ (курсив скрізь мій — М.О.) — зазначає т. Піонтовський в передмові.

З інших матеріялів, що друкуються в цьому збірникові, можна також відзначити протокол Воронізької Ради Робітничих та Салд. Депутатів від 3/ХІ 1917 року (стор. 87—90) та групу одеських протоколів революційних організацій жовтня та листопада місяців 1917 року (ст. 91—108), що дають надзвичайно цікаві історичні матеріяли про ставлення цих організацій до жовтневих подій та інших політичних явищ того часу.

Добір іншого матеріялу стосується другорядних та менш важливих міст та районів колишньої Російської імперії, а тому становить менший інтерес, за винятком досить солідного (кількісно) матеріялу (ст. 157—182), що стосується волостей та сіл, які входять до РСФРР. На підставі цих останніх матеріялів можна документально визначити ставлення селянських мас до перебігу й перемог Жовтневої революції.

Надзвичайно цікаві також інформаційні листки відділу місцевого управління НКВД та НКЗема (ст. 183—241) періоду січня—лютого 1918 року, що показують, як ішла й розвивалася Жовтнева революція по всій країні в робітничих, селянських та інших центрах, як переломлювався настрій і ставлення периферій подій у центрі підчас першого взяття й закріплення влади.

Все вищезазначене стосується періоду жовтневих днів, що були в центрі й на місцях. Цей період в книзі займає цілу частину під заголовком „Взятие власти“ (ст. 5—241). Частина ця поділена на такі розділи:

I. Петроградский Военно-Революционный Комитет (ст. 5—30) с опубликованием 134 различных документов.

II. Советы в Октябрьские дни (ст. 31—124) с опубликованием 19 различных документов.

III. Уездные с'езды советов (ст. 124—155) с опубликованием 10 различных документов.

IV. Волостные Советы и с'езды (ст. 157—171) с опубликованием 19 различных документов.

V. Сельские сходы (стр. 172—182) с 11 документами.

VI и VII. Информационные листки НКВД и НКЗема (ст. 183—241) с 20 различными сводками и документами.

В книзі є й друга частина, під заголовком „Организация власти“, що має в собі матеріяли та документи, присвячені боротьбі та роботі за утворення простих та стійких форм радянської влади.

Одначе, не говорячи вже про різноманітність вміщеного матеріялу кидається в очі та хиба, що в збірникові майже цілком відсутні документи про організацію радянської влади в районах громадянської війни, яка в той період (кінець 1917 р. і початок 1918 р.), як відомо, розгорталася в цілій низці районів всіма сторонами.

Також як і перша частина книги, друга частина її вміщує документи, що стосуються другорядних для революції районів країни, не рахуючи вельми малочисленних винятків.

Друга частина книги має такі розділи :

I. Военно-Революционные Комитеты (ст. 245—259) с 20 документами.

II. Губисполкомы и Советы (ст. 259—274) с 12 документами.

III. Уисполкомы и Советы (ст. 275—294) с 10 документами.

IV. Инструкции об организации Советской власти (ст. 297—330) с 21 документом.

V. Отчет об организации власти (стр. 333—357) с опубликованием 6 документов.

VI. Сборник анкет волостных Советов Воронежской губернии за 1918 год (ст. 364—379) с опубликованием восьми сводок.

Усього, таким чином, в книзі вміщено до 300 різних документів, опублікованих з оригіналів або копій матеріялу, що переходується в архіві Жовтневої революції та інших архівах.

Увесь уміщений матеріял, за малим винятком, стосується РСФРР, та й то тих районів, що мали далеко не першочергове значіння в ході Жовтневої революції.

Чекаючи з нетерпінням видання чергових книжок Інституту радянського будівництва Ком. Академії, ми з великим задоволенням констатуємо, що автори першого збірника проробили безперечно велику, серйозну, глибоку роботу.

Разом з цим висловлюємо палке побажання, щоб і на Україні відповідні органи накреслили й у себе видання збірників аналогічних документів та матеріялів.

Що до літературного (композиція матеріялів у збірникові) та технічного видання цього збірника, як і більшість видань Комуністичної Академії, ця книга видана бездоганно.

М. В.

Т. С. Козлов. „Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении (1904 — 1916 г.г.)“. К 30-летию I съезда РСДРП. Ахшбад, 1928 г., стр. 18, тир. 1050, цена 30 коп.

Процес вивчення й розроблення історії ВКП(б), окремих періодів її історії, відбувається, цілком природно, нерівномірно. Що до розроблення та вивчення одних періодів зроблено більше, що до інших — менше. Як видно, закон нерівномірного розвитку панує й у цій галузі.

Одним з найменше вивчених розділів історії ВКП, певніше — зовсім невивчених, є історія утворення національних компартій. Ми вже не говоримо про те, що аж надто мало поки зроблено для наукового розроблення генези національних компартій. Не попали ще навіть на сторінки підручника хоча б короткі відомості про національні компартії. Мало хто в Союзі знає, коли утворилася комуністична партія (більшовиків) України, ще менша кількість людей, що знають дату утворення комуністичної партії Білоруси, Грузії, Armenії, Азербейджана, Туркменістану, Узбекістану. Ще менше людей, що небагато знають історію цих партій, процес їх оформлення, утворення, зросту й зміцнення. А проте не приходиться доводити, яке значіння для перемоги пролетарської революції на більшій частині території колишньої Російської імперії й для соціалістичного будівництва на цій території мали й мають національні компартії.

Розроблення історії національних компартій зокрема й особливо процеси їхнього утворення — одно з основних і невідкладних завдань наших Істпартів. Не можна не привітати тому появу брошури Козлова, що її видав Туркменістанський Істпарт: „Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении“. Постановка питання, безумовно, цікава.

На жаль, ця брошура не позбавлена декількох дефектів. По-перше, і це найбільша хиба, зміст її не зовсім відповідає назві. „Зачатки большевизма“ — така її назва і таке повинно бути й установлення автора. А проте в більшій мірі брошура ця являє з себе нарис революційного руху соціал-демократії взагалі. Без сумніву, що через злиденність наших знань революційної боротьби в Туркменії, брошура й у цьому випадкові не втратить свого значіння й інтересу. Але все ж таки назва й уставлення зобов'язують.

По-друге, цілком не висвітлено роботу соціал-демократів серед туркменів і взагалі націоналів, так званих мовою бюрократів Російської імперії — „іногородців“. Є тільки побіжна вказівка на стор. 8, що серед активних соц.-демократів був Хатинтаєв, узбек, „революційний агітатор серед туркменського населення“. Можливо, що в розпорядженні автора не було

матеріалів, що давали б відповідь на це надзвичайно істотне питання в історії утворення всякої національної компартії. Можливо. В усякому разі автор тоді повинен би був відзначити відсутність матеріалів про це питання.

По-третє, брошура в цілому робить вражіння наспіх, неохайно й аби-як зробленої роботи. Зазначимо тільки декілька найголовніших „неохайностей“. Перша — надзвичайно плутано з'ясовані спроби утворення обласної організації; порівнюєш сторінки 4, 5, 12 та 13 і не знаєш, де зазначено певно дати і де маєш справу тільки з Закаспійською обласною організацією (див. ст. 4), які взаємини її з Туркестанською краєвою організацією. Друга — на стор. 6 той же, як видно, страйк у асхабадському депо, виявляється, був і в лютому й у серпні 1905 року. Третя — надзвичайно нечітка й плутана формуловка на початку розділу „блок срывается“ (див. ст. 7). Четверта — не можна до числа економічних вимог салдатів відносити й такі, як, наприклад, „распространение на армию прав гражданской свободы, наравне с остальными гражданами“ (див. стор. 8—9).

На брошурі є підзаголовок — „К 30-летию I с'езда РСДРП“. Напевно, всьому вина „социальный заказ“. Звідси й поспішка, звідси й низка хиб. Гадаємо, що поспішати не було чого. Тоді б потрібна, корисна й цікава брошурка т. Козлова була вільна від деяких своїх прогалин і хиб.

В. МАНИЛОВ

„Историк Марксист“, т. VIII, и „Пролетарская Революция“, № 6—7.

„Историк Марксист“. Выходит под редакцией М. Н. Покровского, Н. М. Лукина (Антонова) П. О. Горина, А. В. Шестакова, Ц. Фридлянда, С. М. Моносова, Д. Я. Кина, И. И. Минца и Е. М. Ярославского. Том VIII, 1928 г. Изд-во Коммунист. Академии, Москва. Цена 3 руб.

Очередной том журнала „Историк Марксист“, общую оценку которого нам пришлось дать в прошлом обзоре (см. № 4 „Л. Р.“), сравнительно беден статейным материалом. „Гвоздем“ его является публикация отчетных стенограмм, докладов в обществе историков-марксистов, вызвавших содержательную и интересную дискуссию.

Статья М. Н. Покровского — „Н. Г. Чернышевский как историк“ является переработкой доклада на эту же тему и по своему возникновению и содержанию связана с дискуссией по вопросу о Чернышевском, о которой мы ниже будем говорить. К этой же теме относится и статья В. Кирпотина — „Чернышевский и марксизм“.

Несколько особняком стоит интересная статья Г. Зайделя „Коммунисты в революции 1848 г. во Франции“.

Публикацию докладов и прений по ним в о-ве историков-марксистов, ставшую уже традицией журнала, нужно безусловно приветствовать, несмотря на все недочеты, присущие такого рода материалам, неизбежно страдающим известной необработанностью. Доклады эти вводят читателя журнала в круг тех наиболее актуальных и важных дискуссионных проблем, какие занимают в данный период внимание историков-марксистов.

В связи со столетием со дня рождения Н. Г. Чернышевского, в журнале опубликованы стенограммы двух докладов и дискуссий по ним в о-ве: 1) доклад Ю. М. Стеклова — „Н. Г. Чернышевский и его политические воззрения“, 2) доклад М. Н. Покровского — „Н. Г. Чернышевский как историк“.

Оба доклада и дебаты по ним показали, что все их участники сошлись на признании того, что Н. Г. Чернышевский был „одним из величайших русских мыслителей XIX в.“ и

что он „был настоящим глубоким революционером“. Но эти же дебаты обнаружили, как мало еще нами сделано для изучения роли, значения и взглядов этого величайшего мыслителя, а также какие трудности стоят еще в области восстановления по длинным текстам его произведений, освобождения их от извращений царской цензуры и критического сопоставления их с теми западно-европейскими источниками, какими Чернышевский пользовался.

При всем этом, в дебатах совершенно четко наметились две точки зрения, две позиции в оценке взглядов Чернышевского: одна — отстаиваемая М. Н. Покровским (к ней по существу присоединилось большинство участников дискуссии); другая — Ю. Стекловым.

Ю. Стеклов, по выражению М. Н. Покровского, произвел в своем докладе и выступлениях „жестокую атаку на партийную традицию“ в оценке взглядов Н. Г. Чернышевского.

Основная установка Стеклова, данная в его докладе, является своеобразной попыткой „модернизации“ и „марксизации“ взглядов Чернышевского.

В том, что Н. Г. Чернышевский, не зная Маркса (это определенно подчеркнул такой высокоавторитетный знаток Маркса, как Д. Рязанов), подошел в целом ряде вопросов к таким выводам, оценкам и формулировкам, какие роднят его с марксизмом, — в этом его великая заслуга, достаточно говорящая об огромной силе его ума, какую высоко ценил сам Маркс. Но это не дает ровно никакого основания превращать Чернышевского в „самородного марксиста“ в „национального Маркса“. А такие попытки явно выступали в докладе Ю. Стеклова.

Исходным положением в оценке Ю. Стекловым политических взглядов Чернышевского является утверждение, что „Чернышевский был основоположником и пионером коммунизма в России, но, выступив в такое время, когда еще не было объективных оснований для соответствующих практических выводов, он был забыт и искажен, в особенности народниками, незаконно провозгласившими его своим учителем“. Развивая далее эту концепцию, Стеклов утверждает, что Чернышевский считал необходимым покончить с капитализмом путем социалистической революции, вооруженного восстания и захвата власти социалистами. В общинном землевладении России Чернышевский видел залог того, что при условии хронологического совпадения русской и западно-европейской революции эта специфическая особенность русского крестьянства дает возможность ускорить переход страны к более высоким формам развития.

Однако у Чернышевского, по мнению Стеклова, центр тяжести политической концепции, лежал не в этом, а в признании того, что „никакой прогресс в России немислим без рационального, революционного уничтожения самодержавия и всех тех классов, на которые оно опирается“. Будучи

революционным коммунистом и стоя на одной почве с нами Чернышевский „в области политики, философии и многих других несомненно является нашим предшественником, человеком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин“— вот итоговый вывод доклада Стеклова.

Дополняя эту характеристику в своем выступлении по докладу М. Н. Покровского, Стеклов утверждает, что Чернышевский был материалистом и диалектиком, что нет оснований обвинять его в идеализме, что нет никаких оснований „выдавать Чернышевского за либерала“ и т. д. и т. п.

Сдав некоторые свои позиции во втором выступлении, Стеклов, тем не менее, как видно из нашего изложения, развил в общем и целом особую, но не совсем своеобразную, а главное недостаточно обоснованную точку зрения на сущность политических, философских и др. взглядов Чернышевского.

Это со всей убедительностью доказал своей аргументацией М. Н. Покровский.

В своем основном докладе „Н. Г. Чернышевский как историк“, М. Н. Покровский прежде всего исходит из признания необычайной сложности личности и взглядов Чернышевского и из тех трудностей, при нынешнем состоянии текстов его работ, дать более углубленный анализ его исторических взглядов, установить, где Чернышевский является оригинальным мыслителем, а где он, по тогдашним цензурным условиям, просто приводил отдельные выдержки из произведений западных авторов (Гизо, Луи-Блан и др.).

М. Н. Покровский приводит ряд выдержек из статей Чернышевского, которые показывают, как близко в ряде вопросов (тождество исторического процесса в различных странах, роль личности, зависимость самых отвлеченных теорий от политики, от классовой борьбы и т. д. и т. п.) он подошел к материалистическим, близким к марксизму взглядам.

Наряду с этим, рядом других цитат М. Покровский показывает и доказывает другую идеалистическую сторону исторической концепции Чернышевского — „прогресс — результат знаний“, известное приближение к взглядам, согласно которым русский общественный строй со всеми его особенностями есть результат влияния государства; указание на то, что перевороты в жизни народов может совершать литература, что историю совершают не классы „производящие“, а классы „потребляющие“ и т. д. и т. п.

На основании этого анализа, М. Н. Покровский приходит к выводу, что „Чернышевский, как историк, стоит перед нами в образе некоего двуликого Януса: с одной стороны, как будто совсем марксист, с другой стороны, как будто совсем буржуа, оправдывая этим характеристику Плеханова, который определял Чернышевского как историка-идеалиста.

В своем выступлении по докладу Стеклова, М. Н. Покровский, дополняя характеристику политических взглядов Чернышевского, оспаривает ряд приведенных выше положений Стеклова. Он убедительно доказывает, что нельзя считать Чернышевского революционным коммунистом, поскольку он не знал Маркса и им не интересовался, не только не был сторонником красного террора, но рассматривал открытую массовую классовую борьбу не как неизбежный путь развития, а как крайнее средство, смутно надеялся на мирный путь развития, готов был кооперировать с либеральной буржуазией, даже принимая ее точку зрения в крестьянском вопросе, и т. д. и т. п.

В заключительном слове М. Н. Покровский признает, однако, и по существу и методологически неправильным высказанный им ранее на основе анализа прокламации „к барским крестьянам“ взгляд, будто бы в тактических взглядах Чернышевского есть зародыш будущей меньшевистской тактики.

Подводя итог всем прениям, М. Н. Покровский дает следующую итоговую характеристику взглядам Чернышевского.

„Чернышевский не был ни народником. ни марксистом. Он был (как правильно определил его Ленин, крестьянским революционером, точнее говоря — идеологом крестьянской революции) идеологом той амфибии, какой является крестьянин, у которого по мере того, как он беднеет, обостряется чисто социалистическое отношение к буржуазному обществу. В идеологии Чернышевского характерно переплетается переход от крестьянства зажиточного, от крепкого мужичка к деревенской бедноте. Последние годы своей легальной деятельности Чернышевский идет в ногу именно с этим ограбленным, доведенным до бедности крестьянством, и в этот период он, конечно, был революционером“.

Несомненно, и это с полной очевидностью показала чрезвычайно интересная дискуссия, которую мы вкратце изложили, что в оценке социально-политических взглядов Чернышевского правда не на стороне Ю. Стеклова.

Великий мыслитель и революционер шестидесятых годов, занимающий первое место в плеяде деятелей домарксистского периода русской общественной и социалистической мысли, не нуждается ни в подкрашивании, ни в „модернизации“, а в глубоком и тщательном изучении, толчком к которому, несомненно, послужит отмечаемый ныне столетний юбилей со дня его рождения, в связи с которым отчасти появился, отчасти предстоит еще появление на нашем книжном рынке ряд документальных и других изданий.

О состоянии литературы к юбилею Чернышевского и о подготавливаемых изданиях рассказывает в содержательном обзоре М. Нечкина, которая попутно подвергает беглому критическому разбору ряд

появившихся в печати статей Ю. Стеклова, являющихся фрагментами перерабатываемой им большой монографии о Чернышевском, в которых он в отдельных местах еще с большей резкостью отстаивает положения, намеченные в разобранной нами дискуссии.

Критическому разбору этих же взглядов посвящена интересная ст. Кирпотина „Чернышевский и марксизм“.

Разбирая неверные утверждения Ю. Стеклова, Кирпотин приходит к выводу, что „метод Чернышевского содержал в себе отдельные проявления диалектики, ограничиваемые в своем значении абстрактно - рациональными суждениями“... При чем „Чернышевский так и не овладел диалектикой, как целостной системой, так и не сделался диалектиком в нашем смысле“. Неверным также считает автор, будто Чернышевский, так же как и Маркс, понимал значение пролетариата в социалистической революции. Давая правильное определение экономической природы пролетариата — Чернышевский как раз не понимал его особой социально - политической миссии.

В. Кирпотин убедительно доказывает, что идеологическая концепция Чернышевского по вопросу о перспективах социалистического переустройства России не совпадает с материалистическими воззрениями Маркса по этому вопросу. Вывод статьи: „изучение Чернышевского, помноженное на бакунистскую революционную практику, при первых шагах русского рабочего движения дало возможность передовой группе русской революционной молодежи адекватно усвоить западно - европейский марксизм“.

* * *

Значительное место занимает в журнале стенограмма диспута о книге Д. М. Петрушевского, происходившего в социологической секции о-ва. Подвергнуты были подробному разбору и резкой критике общая методологическая установка Петрушевского и те философско-социологические взгляды, какие он в своей книге проводит.

Общий вывод большинства участников дебатов сводится к тому, что книга Петрушевского, некогда очень приближавшегося к марксизму, несмотря на использование огромных новейших данных по средневековой истории, является значительным шагом назад по сравнению с его прошлыми взглядами и носит резко заостренный антимарксистский характер.

Подробному разбору были подвергнуты и конкретные вопросы средневековой истории (вопрос о феодализме, социальном строе древних германцев и ряд других проблем).

Некоторым диссонансом в общей единодушно - отрицательной оценке книги Петрушевского явилось выступление двух

товарищей (Косьминского и Неусыхина), из которых один в более, другой в менее резкой форме доказывали огромную научную значительность книги Петрушевского, утверждая, что в общем и целом она не только не является произведением антимарксистским, но напротив — в целом ряде мест очень близка к марксизму.

Однако эта точка зрения разделялась лишь меньшинством участников диспута. От имени подавляющей его части т. Ц. Фридлянд, закрывая собрание, отметил, что „с точки зрения марксистской научно - исторической мысли, единственной подлинно научной теории, книга Д. Петрушевского — показатель научной реакции, против которой нужно вести упорную борьбу“.

Диспут, несомненно, заострил внимание историков - марксистов на проблемах средневековой истории и надо надеяться, что призыв к работе над материалами для преодоления на их конкретной основе реакционных воззрений Петрушевского не останется бесплодными.

* * *

Как и в предыдущем номере, значительную часть восьмого тома „Историка - марксиста“ занимает отдел критики и библиографии, прекрасную постановку которой нам уже приходилось отмечать.

В этом отделе следует особо отметить обстоятельную и интересную критическую статью т. П. Горина по поводу первого тома книги „Очерки по истории Октябрьской революции“ под ред. М. Н. Покровского. А. А. Сергеев подвергает тщательному разбору так называемый „Дневник Вырубовой“ убедительно доказывая, что этот документ является подделкой.

Далее следует отметить такие обзоры: М. Нечкина „Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского“, Б. Горев — „Новейшая военно-историческая литература“, И. Троицкий — „Основные вопросы древней русской истории и литература последних дней“. Печатание последнего обзора редакция снабжает примечанием, в котором обещает „вернуться к этому вопросу в одном из ближайших номеров для марксистской оценки самой проблематики затронутого вопроса по существу“. Нельзя не приветствовать этого заявления, показывающего, как все больше и больше расширяется исторический „диапазон“ журнала, ставящего своей задачей освещение периодов и областей истории, доселе мало затронутых марксистским анализом.

А. Шестаков дает обзор исторических журналов СССР за второй триместр 1928 г.; А. Васютинский — „Из французских исторических журналов за 26/27 г.“

Разнообразен также отдел рецензий, затрагивающих новинки не только нашего, но и западно - европейского книжного рынка.

В конце тома печатается продолжение очень ценного указателя книг по истории, вышедших в Англии, Германии, САСШ, СССР и Франции за июль — декабрь 1926 года. Там же — извещение о всесоюзном съезде историков-марксистов, который созывается на декабрь тек. года и явится крупнейшим событием на нашем историческом фронте.

* * *

„Пролетарская революция“ — журнал Истпарта ЦК ВКП. Июнь — июль № 6 (77) — 7 (78), ГИЗ, Москва, 1928, стр. 415. Цена 2 р. 50 к.

Материал очередного номера „Пролетарской Революции“, посвященный 25-тилетию II съезда партии, состоит из статьи т. М. Савельева „Второй съезд РСДРП и его место в нашей партии“, воспоминаний о съезде участников его т. т. С. Гусева, С. Степанова, А. Шотмана и части переписки „Искры“ с местными организациями, впервые начатой публикованием с этого номера.

Статья т. Савельева, подвергая критическому разбору период, предшествовавший расколу на съезде, дает интересный анализ тех условий, какие способствовали резкому размежеванию оппортунистических и революционных элементов в РСДРП.

Тов. Савельев подчеркивает и показывает на основании ряда выдержек из печатаемой ниже переписки, какую „исключительную роль в деле оформления позиции меньшевизма, как особого течения, сыграла группа „Южный Рабочий“. Доказательства, какие при этом т. Савельев приводит, тем более необходимы, что в нашей литературе укрепилось об этой группе несколько другое представление, несомненно неверное.

Анализируя ту огромную работу и теоретическую и практическую, какую проделал до съезда и по его подготовке В. И. Ленин, т. Савельев приходит к выводу, что принятые съездом „основные положения программного, тактического и организационного порядка“ на три четверти были „выполнены“ именно Ильичем.

Итоговая часть статьи дает характеристику значения второго съезда, как „даты рождения большевизма“, как съезда, который „узаконил и оформил идеи ленинизма, воспринял организационную схему Ленина, дал начало большевизму „как течению политической мысли и как политической партии“.

Несомненно, огромный интерес представляет печатаемый в этом же юбилейном отделе материал „из переписки „Искры“ с местными организациями“. Из большого, очевидно, количества материалов, хранящихся в архиве Ист-

парта ЦК ВКП и Иституте В. И. Ленина, дана переписка „Искры“ с представителями организационного комитета и „переписка „Искры“ с Самарской организацией“.

Значение этого материала именно в том, что он со всей конкретностью и, если можно так выразиться, „интимностью“ вскрывает перед нами всю механику у той огромной, мелкой, кропотливой, буквально „сизифовой“ работы, какую проделывала старая „Искра“, по существу В. И. Ленин с небольшим кругом своих ближайших единомышленников и сотрудников, по воссозданию из обломков и разрозненных клеточек могучего организма крепкой централизованной партии.

Переписка эта обнажает, однако, не только механику и технику этой работы, проводившейся в архитяжких условиях царского подполья, она воссоздает и самый дух, колорит этой интереснейшей эпохи в истории нашей партии, одевая в плоть и кровь то несколько схематическое и отвлеченное представление о ней, какое неизбежно складывается у людей, знающих ее только по литературе.

Интерес этой переписки заключается также и в том, что она с величайшей яркостью иллюстрирует ту огромную роль, какую играла „Искра“ в качестве первоначального операционного базиса для создания остова, костяка воссоздаваемой партии. Эта же переписка наглядно иллюстрирует „в действии“ и другую сторону того механизма, какая в ленинском организационном плане занимала виднейшее место. Мы имеем в виду профессиональных революционеров, агентов „Искры“, которые являются главными „действующими“ лицами той мелкой кропотливой, но огромной по своему значению работы, какую развертывают перед нами письма.

Однако ценность этой переписки не только в том, что она воскрешает колорит эпохи, дает наглядную картину той громаднейшей работы, какую приходилось вести в тягчайших условиях царизма. Переписка эта, в одной своей части относящаяся к деятельности Организационного комитета с августа 1902 по июль 1903 г., впервые дает материал, рисующий его работу. Тем самым восполняется важный пробел, рисующий пред'ездовский и подготовительный к нему периоды.

Особенно характерной чертой, проходящей через всю переписку, является чрезвычайная осторожность и осмотрительность в завязывании новых связей, внимательное прощупывание отдельных лиц и организаций с точки зрения их идейной искровской выдержанности и устойчивости. В этом отношении весьма характерно то, какое выявляется в этой переписке со стороны искровского центра и его агентов к „Южному Рабочему“.

Как бы предвидя то обстоятельство, что целый ряд городов юга России (по тогдашней терминологии) станет оплотом

меньшевиком, Н. К. Крупская пишет в одном из писем от 16/VIII 1902 года: „... Все это очень хорошо и показывает, что со стороны Юга не будет упорной оппозиции, но все же имеем основание думать, что там много неискренских элементов, надо очень и очень прозондировать почву“... (курсив мой — В. М.).

Переговоры с группой „Южного Рабочего“, какие отражаются в письмах, все время свидетельствуют о какой-то недоговоренности, о скрытых сепаратистских его тенденциях и т. д.

„Ю. Р.“ вполне заявляет себя своим человеком, — пишет И. И. Радченко редакции „Искры“, — но чертовские традиции (нежелание оставить свое детище) стоят на дороге“.

Г. М. Кржижановский в письме от 3/1 1902 г. предостерегает редакцию „Искры“ от того, чтобы передавать „Ю. Р.“ функции бюро, указывая: „При их стремлении к генеральству и тенденции к внутреннему центральному органу вы в один прекрасный день можете получить *coup d'etat* (государственный переворот), ибо все силы и связи будут в их руках... необходимо нейтрализовать их своими людьми...“.

Тот же Г. М. Кржижановский в письме, относящемся к марту 1903 г., на основании более близкого ознакомления с группой „Ю Р“, дает еще более резкую характеристику ее, охватывающую действительную суть „Ю Р.“: „Народ там по сути дела хороший и дельный, но внутри их глубоко нам чуждо. Их прямо-таки нехватает на общие дела... Весь центр тяжести их интересов — это их собственное дело. Досадно страшно! У нас возникают теперь вот еще какие соображения — как бы все рабочедельцы не перекочевали к нему, перспектива возможная“ (курсив всюду мой — В. М.).

Как видим, существо группы „Ю. Р.“ как чуждого искроццам-ленинцам, будущим большевикам понутри, как возможного центра притяжения всех оппортунистических элементов, рисовалось Г. М. Кржижановским с достаточной ясностью.

Контуры будущего меньшевизма на примере „Южного Рабочего“ вырисовывались с достаточной четкостью еще в начале 1903 года. Это подчеркивает приведенное место из письма Г. М. Кржижановского, в то время как вся переписка в целом, рисуящая деятельность того основного ядра „профессиональных революционеров“, которое группировалось вокруг В. И. Ленина, показывает нам практическое лицо складывающегося большевизма, строящего и воссоздающего партию по мастерскому чертежу организационного плана Ленина, разработанного им в этот период.

В этом особый интерес публикуемой части переписки. Нужно только пожелать, чтобы остальная часть, о подготовке которой специальным изданием было давно объявлено Институ-

том В. И. Ленина, возможно скорее увидела свет. Вместе с материалами, опубликованными в ленинских сборниках, она сыграет крупнейшую роль в деле изучения этого важнейшего этапа в истории нашей партии.

Заканчивая обзор отдела журнала, посвященного 25-летию второго съезда партии, нам хотелось бы отметить, что все же его нельзя признать вполне достаточным. Мы вправе были ожидать помещения в этом номере журнала, помимо статьи т. Савельева, еще ряда исследовательских статей, затрагивающих проблемы как периода партийной истории, предшествовавшей съезду, так и самого съезда.

Материал для этого за последнее время накопился вполне достаточный. Эта эпоха ждет серьезного фундаментального и глубокого исследования. Такие статьи были бы тем более необходимы, что в сущности литература, какая у нас вышла к 25-летию второго съезда партии, очень бедна. К стати и протоколы съезда, вышедшие еще в 1924 году, нуждались бы в переиздании, с сопровождением всего того научно-вспомогательного аппарата и указателей, какие имеются в переизданных, согласно новым правилам, протоколах VI съезда.

Будем надеяться, что в ближайших номерах журнала появится еще ряд статей, посвященных разработке этого периода партийной истории.

* * *

В разделе статей рецензируемого номера наиболее удачной и содержательной нужно признать статью М. Гольденберга — „Социально-политическое содержание ликвидаторства“. Она, несомненно, относится к той категории разведок исследовательского типа, появление которых на страницах „Пролетарской Революции“ во все большем количестве можно было бы только приветствовать. Статья эта, конечно, не является исчерпывающей монографией по данному вопросу. Но основную и содержательную наметку этой темы она дает. Статья построена тематично и рассматривает такие проблемы: 1) оценка ликвидаторами перспективы экономического развития России, 2) оценка самодержавия и перспективы политического развития, 3) оценка движущих сил революции (о роли буржуазии, о значении и роли крестьянства в буржуазной революции, идея гегемонии пролетариата), 4) ликвидаторство в организационных вопросах.

Следует отметить, что не все разделы разработаны с одинаковой тщательностью. Это можно, в частности, отнести к вопросу „о значении и роли крестьянства в буржуазной революции“. Хотя вопрос о социальных корнях ликвидаторства и не входит непосредственно в тему, намеченную автором, тем не менее его следовало бы хотя вкратце наметить.

То же, что автор говорит в заключительной части статьи о корнях русского оппортунизма очень обще и недостаточно. Точно также не во всех разделах с достаточной резкостью противопоставляются взглядам ликвидаторов по тому или иному вопросу взгляды большевиков. Особенно это чувствуется в разделе „Ликвидаторство в организационных вопросах“.

Однако наличие этих дефектов и некоторая „эскизность“, неизбежная в статье журнального типа (а тема эта ждет еще серьезной исследовательской работы) не умаляют достоинств и несомненного интереса, какой статья т. Гольденберга представляет.

В разделе статей отметим еще статью С. Рабиновича— „Большевицкие военные организации в 1917 г.“, К. Еремеева—„Буревестники“, дающую сводку интересного материала о неосвещенной в литературе подготовке восстания в Балтфлоте в 1910—1912—г.г., Г. Саара—„Возникновение Саратовской организации РСДРП“.

Интересны местами воспоминания т. Г. Котова о партийной и советской работе в Уфе в 1918 году.

В отделе журнала „Из истории рабочей печати“ помещены воспоминания о социал-демократической газете „Новый день“, издававшейся в Петербурге в 1909 г. Хорошо было бы материалы по этому вопросу помещать в журнале более или менее систематически. История нашей партийной легальной и нелегальной печати — область очень мало изученная и освещенная.

В отделе критики и библиографии, помимо ряда рецензий, следует отметить обстоятельный обзор литературы о рабочей Красной гвардии 1917 года В. Малаховского.

Отдел „вокруг истпартовской работы“ попрежнему „зияет“ отсутствием каких бы то ни было методологических статей, о которых так много говорилось на последнем совещании Истпартов. Все решения в этой области остались пока невыполненными. Отметим также, что в журнале совершенно отсутствует даже в „информационном“ порядке сообщение о предстоящем объединении Истпарта ЦК с Институтом В. И. Ленина.

Вопрос о формах, какие в связи с этим объединением примет работа Истпартов, является очень актуальным, кое-где по этому поводу имеются определенные мысли и соображения, неплохо было бы в журнале освещению этого вопроса уделить некоторое внимание, а может быть и дать место формулировке определенных предложений о перспективах дальнейшей работы Истпартов.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РЕВО- ЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ С. - Д. ОРГАНИЗАЦИЙ НА УКРАИНЕ В ЭПОХУ „ИСКРЫ“ И II СЪЕЗДА РСДРП (1900 — 1904 г. г. ¹⁾)

- Айзнафт, С. — „Зубатовщина и гапоновщина“. Изд. ВЦСПС, Москва, 1923 г.
Одесса — стр. 22 — 23, 93 — 104, 101 — 102; Екате-
ринослав, Николаев, Елисаветград и Херсон — стр. 95.
- Айзнафт, С. — „Рабочее движение в России до
1905 года“. Изд. МГСПС, Москва, 1924 г.
Харьков — стр. 91, 92; Киев — стр. 91, 103 — 104;
Кременчуг — стр. 92; Одесса — стр. 92, 101 — 102; Екате-
ринослав — стр. 92, 103 — 104; Николаев, Елисаветград,
Александровск — стр. 103 — 104.
- Акимов (Махновец) — „Очерк развития социал-де-
мократии в России“. Изд. Поповой, СПб. Доре-
волюц. 1905 г.
Харьков — стр. 3; Киев — стр. 3 — 4, 105 — 107,
109 — 113; Николаев — стр. 93.
- Астровы, А. и В. — „Крестьянское движение в рево-
люции 1905 — 1907 г. г.“. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьковская и Полтавская губ. — стр. 22 — 23; Чер-
ниговская губ. — стр. 26.
- Арский — „Революция 1905 года, ее предпосылки
и движущие силы“. Изд. Кубуча, Ленинград, 1925 г.
Харьковская и Полтавская губ. — стр. 9, 36.
- „Архив истории труда в России“. Книга 6 — 7, под
ред. Гессена, изд. Губсовпрофа, Петроград, 1923 год.
Киев и Екатеринослав — стр. 183 — 185 — 187.
- „Архив истории труда в России“. Книга 9, под ред.
Гессена, изд. Губсовпрофа, Петроград, 1923 г.
Полтавская и Харьковская губ. — стр. 98 — 124.
- Бабушкин — „Воспоминания“. Изд. „Прибой“, Ленин-
град, 1925 г.
Екатеринослав — стр. 17, 18 — 19, 143.

¹⁾ В данном номере „Л. Р.“ публикуется указатель неперIODических из-
даний. Указатель периодической литературы (газеты и журналы) будет по-
мещен в № 6 „Л. Р.“.

- Баевский, Д. А.— „История рабочей печати в России“. (1878—1907 г. г.). Изд. Комуниверситета им. Свердлова, Москва, 1923 г.
Харьков и Одесса — стр. 110; Бердичев — стр. 83; Екатеринослав — стр. 83; 110, 131—138.
- Балабанов, М.— „История революционного движения в России“. Госиздат Украины, 1925 год.
Юзовка — стр. 370; Харьк. — стр. 370, 372, 373—374, 402—417, 437; Киев — стр. 370, 375, 390—391, 401, 402, 403, 437; Екатеринослав — стр. 370, 375, 391, 437; Одесса — стр.—388—390, 437; Николаев — стр. 391, 437; Елисаветград, Конотоп — стр. 392; Екатеринославская губ.— стр. 391; Харьковская и Полтавская губ — стр. 394—397; Херсонская губ.— стр. 396; Киевская губ.— стр. 397—398; Украина — стр. 436—437.
- Балабанов, М.— „Как возник и развивался рабочий класс в России“. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьков — стр. 80; Киев, Одесса, Екатеринослав, Николаев, Елисаветград — стр. 87.
- Балабанов, М.— „Очерки по истории рабочего класса в России“. Ч. II. Изд. „Экономическая жизнь“, Москва.
Харьков — стр. 241, 245—249, 265—266, 269, 289, 297, 368; Киев — стр. 241, 265, 267, 298, 323—336, 356.
- Балабанов, М.— „Очерки по истории рабочего класса в России“. Часть III. Издание „Экономическая жизнь“, Москва.
Харьков — стр. 241, 245—249, 265—266, 269, 289, 297, 368; Киев — стр. 241, 265, 267, 298, 323—336, 356; Екатеринослав — стр. 269, 371; Одесса — стр. 269, 314—323, 356, 368, 369—370, 422—423; Николаев — 298, 339, 368; Бендеры — 368.
- Батурич — „Очерк истории социал-демократии в России“. Дореволюционное издание.
Киев — стр. 64, 73, 81, 84—85, 87; Екатеринослав — стр. 64, 81, 84—85, 87; Харьков и Одесса — стр. 81, 87; Николаев — стр. 84—85, 87; Елисаветград — стр. 84—85; Украина — стр. 70, 88—90, 97.
- Борисевич, Ю.— „1905 год в Харькове“. Изд. „Украинский Рабочий“, Харьков, 1926 г.
Харьков — стр. 16, 17.
- Бухбиндер — „Зубатовщина и рабочее движение в России“. Изд. „Каторга и ссылка“, Москва, 1926 г.
Одесса — стр. 31—37.
- Боровский — „1905 год“. Госиздат, Москва, 1925 г.
Харьков и Донбасс — стр. 10; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 11; Киев — стр. 10—12; Екатеринослав, Одесса, Николаев, Елисаветград — стр. 12.

- Вакар (В. Правдин) — „Накануне 1905 года в Киеве“. (июльская стачка 1903 г.). Изд. Истпарта, Киев, 1925 г.
- Веселовский, Б. — „Крестьянские бунты“. Изд. Поповой, СПб. Дореволюционное издание.
Полтавская, Херсонская, Харьковская, Киевская губернии — стр. 21.
- „Возникновение социал-демократии в России и ее первые шаги“. (Сборник статей). Типография Полеспечать.
Харьков и Донбасс — стр. 127.
- Гендлин Е. — „Записки рядового революционера“. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьков — стр. 78.
- Гермайзе О. — „Нариси з історії революційного руху на Україні“. Том I. (Революційна Українська Партія „РУП“). Вид. „Книгоспілка“. Київ.
Харьков — стр. 58 — 60, 66 — 70, 98 — 110, 71 — 74, 295 — 296; Киев — стр. 98 — 110, 213, 293 — 311, 315 — 323, 327; Полтава — стр. 98 — 110, 312 — 314; Чернигов — стр. 314 — 315; Полтавская губ. — 82 — 85, 248 — 250; Киевская губ. — 135 — 139, 182 — 195, 196 — 197, 198; Чернигов — стр. 196, 197, 248 — 252; Украина — стр. 57, 70, 75 — 78, 143 — 171, 251 — 254, 255 — 268.
- Горин, П. и Тамаркин — „Таблица по истории ВКП(б) и революционного движения в России“. Госиздат, Москва, 1927 г.
Донбасс — стр. 8; Харьков — стр. 8, 9, 10, 13; Киев — стр. 11, 12, 14; Екатеринослав, Одесса, Николаев — стр. 14.
- Горев, Б. И. — „Из партийного прошлого“. Госиздат, Ленинград, 1924 г.
Харьков, Екатеринослав и Киев — стр. 62 — 63; Каменец - Подольск — стр. 69.
- Гордон — „Очерк экономической борьбы рабочих в России“. Изд. Губсовпрофа, Ленинград, 1924 год.
Киев, Одесса — стр. 106 — 107; Екатеринослав — 107.
- Гринберг, А. — „История первого мая в Киеве“. Изд. Киев - печать, 1927 г.
Киев (1900 — 04 г. г.) — стр. 5 — 11.
- Гриневиц, В. — „Профессиональное движение рабочих в России“. Изд. ВЦСПС, Москва, 1922 год.
Одесса — стр. 20.
- Грушевский — „История Украины“. Изд. Киев, 1918 г.
Украина (1900 — 04 г. г.) — стр. 527 — 528.
- Гудван, А. — „Очерки по истории движения служащих в России“. Ч. I. (До революции 1905 года). Изд. ЦК Совторгслуж., Москва, 1925 г.
Елисаветград — стр. 88 — 92, 205. Киев, Екатеринослав, Одесса и Николаев — стр. 205 — 207.

- Дан, Ф.— „Из истории рабочего движения и социал-демократии в России“. (1900—1904 г. г.)
 Харьков—стр. 15, 20—21, 16, 22, 53; Киев—стр. 15, 16, 21, 32, 33, 35, 53, 78; Черкассы, Екатеринослав—15, 16, 20, 21, 22, 34, 35, 36, 53, 78; Одесса—стр. 15, 16, 21, 23, 32—35, 43, 44, 53; Херсон, Чернигов, Бахмут, Бердянск, Юзовка, Никополь, Киевская, Екатеринославская, Черниговская и Херсонская губернии—стр. 16; Николаев—стр. 13—14, 15, 16, 32, 33, 36, 53; Кременчуг—16, 53; Александровск, Балта—стр. 23; Елисаветград—стр. 32—33, 36; Полтава—стр. 53.
- „25 лет РКП(б)“.—Госиздат, Москва, 1923 г.
 Украина—стр. 35.
- „25 лет РКП(б)“.—Изд. газ. „Звезда“, Екатеринослав, 1923 г.
 Харьков—стр. 8; Екатеринослав—8—9, 14, 15, 16; Кременчуг и Полтава—стр. 8—9; Донбасс—стр. 9.
- Деготь—„Под знаменем большевизма“. Изд. „Политкаторжан“, Москва, 1927 год.
 Одесса—стр. 11, 13—20.
- Деготь—„Рабочее и профессиональное движение“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1926 г.
 Одесса—стр. 24.
- Дроздов, И. Г.—„Аграрные волнения и карательные экспедиции Черниговской губернии в годы первой революции“. Госиздат, Москва, 1925 г.
 Черниговская губ. (1900—04 г. г.)—стр. 11—21.
- „Десять лет Харьковской организации ЛКСМ“. Изд. „Молодая Гвардия“, Москва, 1925 г.
 Харьков (1900—04 г. г.)—стр. 17—18, 30.
- Ельницкий—„История рабочего движения в России“. Изд. ВЦСПС, Москва, 1923 г.
 Харьк.—стр. 136—137, 140; Донбасс—стр. 141—142; Одесса—стр. 146, 158—160; Киев—стр. 147.
- Ельницкий—„Краткий очерк профессионального движения в России“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1925 г.
 Харьков—стр. 15—16; Одесса—стр. 32.
- Ельницкий—„Первое мая в России“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1925 г.
 Харьков—стр. 44—45.
- Ефименко—„История украинского народа“. Изд. ДВУ, 1922 год.
 Полтавская и Харьковская губернии—стр. 200—202; Украина—стр. 200, 203.
- Закс, Е.—„Побеги русских революционеров“. Изд. „Каторга и ссылка“, Москва, 1925 г.
 Киев—стр. 24—25.

- Залежский, В.— „Первое мая—праздник пролетариата“. Изд. „Молодая гвардия“, Москва.
Харьков—стр. 50; Екатеринослав—стр. 53.
- Захарова-Цедербаум, К. и Цедербаум, С.— „Из эпохи „Искры““. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьков—стр. 9, 14—15, 96; Полтава—стр. 8, 43; Одесса—стр. 25—27; Кременчуг—стр. 43; Екатеринослав—стр. 43—96; Киев—стр. 95—96.
- Зиновьев, Г.— „История РСДРП““. Госиздат, Москва, 1923 г.
Киев—стр. 83.
- Зеликсон-Бобровская— „Записки рядового подпольщика““. Изд. Комуниверситета им. Свердлова, Москва, 1924 г.
Харьков—стр. 27—42; Киев—стр. 48—49.
- „Из эпохи борьбы с царизмом““. Сборник № 4. Изд. Киевского О-ва Политкаторжан. 1925 г.
Киев—стр. 120—123.
- „Из эпохи борьбы с царизмом““. Сборник № 5. Изд. Киевского О-ва Политкаторжан, 1926 г.
Киев—стр. 124—125.
- „История ВКП(б)““. Том I. Под общей редакцией Е. Ярославского. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьков—стр. 231, 235, 236, 239, 261; Киев, Елисаветград—стр. 239; Одесса—стр. 239, 260, 378; Николаев, Екатеринослав—стр. 378; Харьковская, Екатеринославская, Полтавская и Херсонская губернии—стр. 231.
- „История ВКП(б) в документах““. Том I. Составили Левин и Татаров. Госиздат, Ленинград, 1926 г.
Украина—стр. 140, 159, 161, 163, 169, 189—191, 194.
- Киров— „Материалы истории ЛКСМ““. Изд. „Молодая Гвардия“, Москва, 1925 г.
Екатеринослав, Одесса—стр. 25.
- Киров— „На заре юношеского движения““. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1926 г.
Николаев—стр. 101—102.
- Киров, А. и Долин— „Юношеское движение в России““. Вып. I. Изд. „Молодая Гвардия“, Москва, 1925 г.
Украина, Харьков, Киев—стр. 45.
- Кирзнер, А.— „Горнорабочие Донбасса и Криворожья в первой русской революции““. Донбасс—стр. 19, 20—24; Криворожье—стр. 24.
- Козмин, Б. П.— „Рабочее движение в России до революции 1905 года““. Изд. ВЦСПС, Москва, 1925 г.
Харьков—стр. 123, 125—126, 127, 153; Николаев—стр. 125, 158—159; Донбасс—стр. 125; Киев—стр. 126, 153, 159—160; Екатеринослав—стр. 126, 128—129, 153, 160; Кременчуг—стр. 129; Одесса—стр. 156—157, 158—159; Елисаветград—стр. 158—159; Конотоп,

- Александровск — стр. 160; юг России (Украина) — стр. 131—132.
- Коц, Е. — „Крестьянское движение в России“. Изд. „Сеятель“, Петроград, 1924 год.
Харьковская и Полтавская губернии — стр. 149—160;
Херсонская и Черниговская губернии — стр. 166.
- Кретов, Ф. — „Крестьянство в революции 1905 г.“. Изд. „Московский Рабочий“, 1925 г.
Харьковская и Полтавская губернии — стр. 53—61;
Херсонская и Черниговская губернии — стр. 62.
- „Крестьянское движение 1902 года“. Вып. III, Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьковская и Полтавская губернии.
- Керженцев, П. М. — „Страницы истории ВКП(б)“. Изд. „Прибой“, Ленинград, 1925 г.
Харьковская губ. — стр. 14.
- „Красные вехи“ (Сборник воспоминаний и материалов по истории редвижения на Зиновьевщине). Изд. Зиновьевского Истпарта, 1925 г.
Елисаветград — стр. 60—95, 99—102.
- „Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе в России“. Изд. „Буревестник“, Краснодар, 1923 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Херсон, Николаев, Елисаветград — стр. 217—218; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 219.
- Логута — „Хронология главнейших исторических событий г. Николаева“. Госиздат, Николаев, 1927 г.
Николаев (1900—04 г.г.) — стр. 8—10.
- Левицкий, В. (В. О. Цедербаум) — „За четверть века“. (Рев. воспоминания). Том I, ч. I, Госиздат, 1926 г.
Киев, Харьков, Одесса — стр. 142—143.
- Левицкий, В. (В. О. Цедербаум) — „За четверть века“. Том I, ч. II, Госиздат.
Кременчуг — стр. 69—73; Харьков — стр. 73—74, 116, 123; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 81, 87; Полтава — стр. 81—87, 87—114, 131; Екатеринослав — стр. 127—128, 133—185, 186—203; Бахмут, Луганск, Юзовка, Каменское — стр. 193; Павлоград — стр. 193—194.
- Левицкий — „Исторический очерк развития РСДРП“. Изд. „Новая Россия“, 1917 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Николаев — стр. 12—13; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 12.
- Ленин и старая „Искра“. Хрестоматия. Госиздат, Москва, 1926 г.

Харьков — стр. 44, 45, 49, 71, 73, 116; Киев — стр. 45, 49, 70, 73, 74, 194, 197; Екатеринослав — стр. 45, 49; Одесса — стр. 45, 49, 116; Николаев — стр. 49; Александровск — стр. 191; Харьковская, Полтавская, Черниговская губернии — стр. 84; Украина — стр. 50—51, 110—111, 121, 185, 189.

Лядов — „25 лет ВКП(б)“. Изд. „Красная Новь“. Москва, 1923 г.

Екатеринослав, Николаев — стр. 15, 24, 26; Харьков — стр. 17, 19, 24, 26; Киев — стр. 17, 24, 26; Одесса — стр. 19; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 24; Украина — стр. 21—22.

Лядов — „Как начала складываться РКП“. Изд. Ком. Университета им. Свердлова, Москва, 1924 г.

Харьков — стр. 311, 336—337, 338, 341—342, 348; Киев — стр. 311, 339—340; Екатеринослав — стр. 311; Одесса — стр. 311, 338; Кременчуг, Полтава, Николаев — стр. 311, 338; Мариуполь, Юзовка — стр. 338; Украина — стр. 325—326.

Лядов — „Наша первая революция“. Изд. Коммунистического университета им. Свердлова, Москва, 1926 г.

Харьковская и Полтавская губернии — стр. 15—16; Харьков и Киев — стр. 19.

Мазуренко — „Крестьяне в 1905 году“. Изд. „Новая деревня“. Москва, 1925 г.

Харьковская и Полтавская губернии — стр. 13—14.

Мартов, Л. — „Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России“. Изд. „Книга“, Москва, 1923 г.

Харьков — стр. 182, 186, 188, 191, 193, 215, 229; Николаев — стр. 182, 187, 199, 200, 205; Киев — стр. 183, 187, 190, 191, 193, 206—207; Екатеринослав — стр. 187, 191, 193, 206, 207; Одесса — стр. 184, 185, 187, 190, 191, 193, 194, 198, 199, 201, 204—207, 229—231; Полтава — 190; Каменец-Подольск, Житомир, Бердичев, Черкассы, Александрия — 193; Елисаветград — 193, 205—207; Херсон — 194; Кременчуг — 193—198; Луганск, Мариуполь — стр. 198; Нежин, Чернигов, Тульчин. Белая-Церковь, Городня — стр. 199; Бердянск — 201; Киевская губерния — стр. 201; Александровск, Конотоп — стр. 206; Украина и Донбасс — стр. 176—178, 184, 187, 209.

Мартов — „История Российской социал-демократии“ Изд. „Книга“, Москва, 1923 г.

Харьков — стр. 47, 55, 57, 77; Киев — стр. 47, 64—65, 77, 97; Екатеринослав — стр. 55, 77; Полтава и Кременчуг — стр. 55; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 66; Одесса — стр. 77; Украина — стр. 50, 54—55, 57.

- Мартов — „Пролетарский праздник“. Изд. „Донская Речь“, СПб. (Дорев. изд.).
Киев, Николаев, Одесса, Екатеринослав, Харьков — стр. 15, 16, 17.
- Мартов — „Пролетарская борьба в России“. Изд. Глаголева, Петербург.
Киев — стр. 69, 88, 107, 110, 125, 127; Донбасс — стр. 88; Харьков — стр. 92, 108, 112; Екатеринослав — стр. 110 — 112, 125 — 127; Одесса — стр. 110, 124 — 125, 125 — 127; Бердичев — стр. 114; Николаев, Елисаветград, Конотоп — стр. 125 — 127; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 112, 118.
- Малеев — „Одесса в 1905 г.“. Изд. „Коммунист“, Одесса, 1925 г.
Одесса — стр. 17 — 18.
- Маслов П. — „Крестьянское движение в России до 1905 года“. Изд. „Мир“, Москва, 1924 г.
Киевская губерния — стр. 117, 144 — 150; Харьковская, Полтавская и Екатеринославская губернии — стр. 119, 128 — 129; Черниговская губ. — стр. 130 — 131, 146, 148; Воынская — стр. 133; Херсонская и Подольская — стр. 143 — 145, 148.
- Махновец, С. — „Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции“.
Украина — стр. 124.
- „Материалы по истории екатеринославской социал-демократической организации большевиков и рев. событий“ (1904 — 1906 г.г.)
Екатеринослав — стр. 2 — 41, 45, 46, 73 — 75, 84 — 92, 105 — 108, 113 — 115, 118 — 120, 126 — 127; Юзовка — стр. 93 — 98; Луганск — стр. 95 — 96; Александровск — стр. 99 — 103; Мариуполь — стр. 104 — 105.
- „Материалы по истории революционных событий 1905 г. в Артемовском округе“. Изд. Артемовского Истпарта, 1925 г.
Донбасс — стр. 26 — 29, 119 — 121, 131, 158, 168.
- Михайлов — „История КП(б)У“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1925 г.
Киев, Херсон, Одесса, Николаев, Екатеринослав, Елисаветград — стр. 7 — 8; Харьков — стр. 15 — 16
- Мойсеенко П. — „Воспоминания“. Изд. „Красная Новь“, Москва, 1924 г.
Донбасс — стр. 141 — 145, 147 — 153.
- Молотов — „Молодежь и 1905 г.“ Изд. „Пролетарий“, 1925 г.
Харьков — стр. 13, 24; Мариуполь и Бердянск — стр. 24.

- Невский, В. — „История РКП(б)“. Изд. „Прибой“, Ленинград, 1926 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Елисаветград, Донбасс — стр. 204—207; Украина — стр. 206—207, 213—217, 219.
- Невский — „Третий съезд партии“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1927 г.
Екатеринослав, Одесса, Донбасс — стр. 8—10.
- Николаенко, И. — „Революционное движение в Луганске“. Изд. „Украинский Рабочий“, 1926 г.
Луганск — стр. 4—10.
- Николаенко — „Краткая история рабочего класса в России“. Изд. „Гудок“, Москва, 1926 г.
Харьков — стр. 159—160, 161—162, 164, 171; Киев — стр. 161, 164, 171; Екатеринослав — стр. 164, 180; Одесса — стр. 171, 179, 180; Николаев — стр. 171, 178; Елисаветград, Александровск — стр. 180; Харьковская, Полтавская и Киевская губернии — стр. 176—177, 179.
- Пажитнов — „Очерки по истории рабочего класса на Украине“. Изд. „Украинский Рабочий“, Харьков.
Киев, Екатеринослав, Одесса, Херсон, Николаев, Чернигов, Елисаветград, Луганск, Черкассы, Александровск, Донбасс, Полтавская, Подольская и Волынская губернии — стр. 100—101.
- „Первое мая“ (сборник статей), изд. „Пролетарий“, Харьков, 1926 г.
Украина — стр. 40—47.
- „Первое мая“ (сборник статей). Составил Равич-Черкасский. Госиздат Украины, Харьков, 1923 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Кременчуг, Бердичев, Прилуки — стр. 29, 30, 34, 36.
- Пятницкий — „Записки подпольщика“. Изд. „Прибой“, Ленинград, 1926 г.
Киев — стр. 26—35.
- „Рабочий вопрос в комиссии В. И. Коковцева в 1905 г.“ Центрархив. Изд-во „Вопросы Труда“, Москва, 1926 г.
Одесса — стр. 5—6, 23.
- Равич-Черкасский — „История коммунистической партии (большевиков) Украины“. Госиздат Украины, Харьков, 1923 г.
Александровск, Елисаветград, Николаев — стр. 14—15; Харьков — стр. 13, 14, 16, 27, 30; Киев — стр. 14, 15, 16, 27, 28, 30; Екатеринослав — стр. 14, 15, 30; Одесса — стр. 14—16, 30; Полтава и Чернигов — стр. 27—30; Каменец-Подольск — стр. 30; Волынская губ. — стр. 30; Украина — стр. 10, 13, 15, 27—31.

Равич-Черкасский — „Первое мая“. Госиздат Украины, Харьков, 1923 г.

Харьков — стр. 29, 32, 36, 40; Киев — стр. 30, 32, 36, 40 — 44; Екатеринослав — стр. 30, 36, 41, 50; Кременчуг, Бердичев — стр. 36; Одесса — стр. 36, 40 — 41, 50; Донбасс — стр. 40; Житомир — стр. 40, 50; Чернигов, Елисаветград — стр. 50.

Раевский — „История 1-го мая в России“. Госиздат, Москва, 1925 г.

Харьков — стр. 61 — 62, 66, 69, 72, 78; Киев — стр. 62, 66, 69 — 72, 78; Екатеринослав — стр. 62, 67, 69 — 72, 78, 89; Одесса — стр. 62, 67, 69 — 72, 78, 89; Бердичев — стр. 69; Прилуки, Кременчуг — стр. 72; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 69; Николаев, Донбасс — стр. 78; Житомир — стр. 78, 89; Черкассы — стр. 85; Чернигов, Елисаветград — стр. 89.

„Революционное движение в России в докладах министра Муравьева“ (1894 — 1905 г.г.) Изд. „Летописец“, Петербург (дореволюцион.).

Екатеринослав, Кременчуг, Одесса — стр. 112.

„Революция и ВКП(б) в материалах и документах“. Том II. Истпарт ЦК ВКП(б) Госиздат, Москва, 1927 г.

Киев — стр. 128 — 132, 135, 145, 146, 455, 475; Николаев — стр. 133, 145, 455; Одесса — стр. 135, 145, 455, 466, 478, 566 — 567; Екатеринослав — стр. 144, 455, 571 — 572; Харьков — стр. 145, 455; Харьковская и Полтавская губернии — стр. 240 — 241, 299 — 306, 382, 386; Кременчуг — стр. 563 — 564; Украина — стр. 191 — 194, 423, 451, 455.

„Революция и КП(б)У“. Хрестоматия. Том I. Составил Равич-Черкасский. (Сборник статей) Изд. „Пролетарий“, 1926 г. 1).

Риш — „Очерки по истории укр. социал-демократической „Спілки“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1926 г.

Украина (1900 — 04 г.г.) — стр. 11 — 15.

Розенфельд — „История профессионального движения в России“. (Синхроническая таблица, схема-конспект). Изд. ВЦСПС, Москва, 1924 г.

Город Харьков, Харьковская и Полтавская губернии — стр. 10.

Садынский, Д. С. и Самарин, М. П. — „Революция 1905 года“. Изд. „Советская Деревня“, Курск, 1925 г.
Харьковская и Полтавская губ. — стр. 10.

1) Эта хрестоматия представляет собой сборник отдельных статей, освещающих революционное движение на всей Украине до 1905 г.

- Святловский, В. В. — „История профдвижения в России“. Изд. Губсовпрофа, Ленинград, 1926 г.
Одесса — стр. 62, 85; Харьков — стр. 73 — 74.
- Святловский, В. В. — „Профессиональное движение в России“. Изд. М. В. Пирожкова, 1907 г.
Одесса — стр. 70 — 71.
- Семенов-Булкин — „Союз металлистов и департамент полиции“. Изд. РК ВСРМ, Ленинград, 1926 г.
Одесса — стр. 13 — 18.
- Скрипник — „Історія пролетарської революції на Україні“. Вид. „Червоний Шлях“, Харків, 1923 р.
Катеринослав, Одеса, Миколаїв, Україна й Донбас — стор. 3.
- Скрыпник — „Класс и партия“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1923 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Елисаветград — стр. 41.
- Соколов — „Три революции“. Изд. Уралкома, Екатеринбург, 1924 г.
Харьков, Киев — стр. 38, 40; юг России (Украины) — стр. 39.
- Стеклов — „Борцы за социализм“. Изд. „Денница“, Москва, 1918 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Елисаветград — стр. 286 — 287, 289, 292; Украина — стр. 281.
- Тетерик, Н. — „Первая российская революция“ (1905 г.)“ Изд. ВЦСПС, Москва, 1928 г.
Харьков, Екатеринослав, Одесса — стр. 10, 11, 13, 14, 25, 27 — 28; Киев, Николаев, Александровск, Конотоп, Кременчуг — стр. 10, 14, 28; Елисаветград — стр. 14, 28; Полтавская, Харьковская и Черниговская губернии — стр. 20 — 22.
- Титлинев — „Молодежь и революция“. Изд. Ленинградского Истпарта, 1924 г.
Полтава — стр. 74; Екатеринослав — стр. 77, 144; Харьков — стр. 77, 80, 136, 142, 144; Одесса — стр. 82, 135; Киев — стр. 132, 135, 136 — 137, 144; Житомир — стр. 144; Украина — стр. 131 — 132, 138 — 141.
- „1905 год в профессиональном движении“. Госиздат, Москва, 1926 г.
Харьков — стр. 16.
- „1905 — 1907 г. г. в профессиональном движении“. Составили: Колокольников и Рапопорт. Изд-ство ВЦСПС, Москва, 1925 г.
Харьков — стр. 75 — 76, 85 — 89, 120; Киев, Одесса и Николаев — стр. 77 — 82.
- „1905 год в Харькове“. Изд. „Пролетарий“, Харьков, 1925 г.

- Харьков — стр. 15 — 18, 108 — 110, 117 — 118, 122 — 123, 153, 174, 122.
- 1905 г. на Полтавщине" (сборник). Изд. Об-ва Политкаторжан, Полтава, 1925 г.
- Екатеринослав — стр. 9, 125; Полтава — стр. 9, 24 — 25, 52 — 53; Полтавская губ. — стр. 35, 42, 120
- "Ученические с.-д. организации до революции". Изд. Истмола ЦК РЛКСМ, Москва, 1925 г.
- Харьков — стр. 17, 47 — 48; Мариуполь и Бердянск — стр. 17; Житомир — стр. 49 — 50.
- Фриче, В. — "Очерки истории мирового рабочего движения". (III вып. — "Рабочее движение в России"), Изд. "Денница", Москва, 1919 г.
- Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса — стр. 30, 31, 34.
- Хабас — "Первомайский праздник". Изд. "Красная Новь", Москва, 1923 г.
- Харьков — стр. 15 — 16, 19 — 20; Киев — стр. 16, 19, 20; Екатеринослав — стр. 16, 19, 20, 22; Одесса — стр. 16, 19, 22; Кременчуг, Прилуки — стр. 19; Бердичев, Сновск и Донбасс — стр. 20; Житомир, Чернигов и Елисаветград — стр. 20, 22.
- Харечко — "1905 год в Донбассе". Изд. "Прибой", Ленинград, 1926 г.
- Луганск, Мариуполь, Бахмут, Юзовка, Славянск, Донбасс — стр. 26 — 27.
- "Хрестоматия по истории РКП". Изд. "Коммунист", Одесса, 1925 г.
- Харьков — стр. 133, 137; Киев — стр. 136, 140; Екатеринослав — стр. 137 — 140; Александровск — стр. 137; Одесса, Николаев, Елисаветград — стр. 140, 163.
- "Хронологическая таблица по истории ВКП(б) и революции". (1900 — 04 г.).
- Харьков — стр. 594, 599, 601, 605, 606; Киев — стр. 594, 597, 602, 604, 605, 610; Екатеринослав — стр. 594, 596, 600, 610; Одесса — стр. 597, 606; Николаев, Елисаветград — стр. 608; Киевская губ. — стр. 609; Украина — стр. 602 — 605.
- Филлиакус - Конни — "Революционная Россия". Изд. Яковенко, Петербург, 1906 г.
- Харьков, Киев — стр. 246 — 247, 248.
- Шелавин, К. И. — "Рабочий класс и его партия". (История РКП). От возникновения партии до 1905 года. Изд. "Прибой", Ленинград, 1924 г.
- Харьков — стр. 64 — 65; Киев — стр. 65, 153 — 155; Екатеринослав — стр. 65, 155 — 156, 157 — 158, 159 — 160; Николаев, Елисаветград, Конотоп — стр. 65; Одесса — стр. 69.

- Шелавин — „Первое мая в России“. Изд. „Прибой“ Ленинград, 1923 г.
Харьков — стр. 29 — 31, 32; Киев — стр. 31, 37, 38, 43, 45; Екатеринослав — стр. 31, 38, 45; Одесса — стр. 31, 40, 43, 45, 46; Житомир, Николаев, Конотоп, Елисаветград — стр. 43, 45.
- Шестаков — „Бунт земли“. Изд. „Красная Новь“, Москва, 1923 г.
Херсонская, Киевская, Харьковская, Подольская и Черниговская губернии — стр. 29 — 34.
- Штоке — „1905 год“. Вып. I. Изд. „Червоний шлях“, Харьков, 1925 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Конотоп — стр. 22 — 23, Одесса, Херсон, Николаев, Елисаветград — стр. 23 — 27; 32 — 34.
- „Четверть века за социализм“. (Хрестоматия 25 лет РКП). Изд. Закрайком, г. Тифлис, 1923 год.
Харьков — стр. 48, 50; Киев — стр. 50, 53; Екатеринослав — стр. 48, 50, 53; Полтава, Николаев, Кременчуг — стр. 48, 50; Харьковская и Полтавская — губернии — стр. 51, 52; Одесса — 50, 53; Украина — 48.
- Юдовский, Ю. — „История РКП“. Изд. Сибкрай, 1924 г.
Донбасс — стр. 23; Полтавская губерния — стр. 23 — 24.
- Яворский — „История рабочего движения на Украине“. (Конспект лекций). Изд. НКО УСРР, 1922 г.
Харьков, Киев, Екатеринослав, Одесса, Полтава, Донбасс, Харьковская, Полтавская губернии, Украина — стр. 15, 16, 17.
- Яворський — „Україна в епоху капіталізму“. Вид. III. Держвидавництво України, 1925 р.
Харьков — стр. 188, 190, 205, 223, 253; Киев — стр. 188, 189, 207; Николаев — стр. 189, 223; Екатеринослав — стр. 189, 207 — 208, 222, 223; Одесса — стр. 206 — 207, 223, 249, 250; Конотоп, Александровск — стр. 208; Александрия — стр. 252; Харьковская губ. — стр. 165 — 168; Киевская губ. — стр. 165 — 168, 208, 252; Екатеринославская, Черниговская, Херсонская губернии — стр. 168; Полтавская губ. — стр. 165 — 168; Украина — стр. 186, 193, 194, 195, 198 — 201, 233, 234, 236.

НОВІ КНИЖКИ

I. ІСТОРІЯ ВКП(б), КП(б)У ТА ЛЕНІНІЗМ

Гірчак, Є. — „Шумськізм і розлам в КПЗУ“. Изд. ДВУ. 1928 р. 248 стор., ц. 50 к.

Григорьев — „Комсомол под винтовкой“. Изд. „Прибой“. 1928 р. 70 стор., ц. 25 к.

Институт Ленина — Записки Института Ленина № 3. Изд. Ин. Ленина. 1928. 152 стор., ц. 1 крб. 28 к.

Ленин, В. И. — „Сочинения, том II. 1904 — 1905 г.“. Изд. ГИЗ, 1928 р.

„Ленинский сборник“ — VII. Изд. Института Ленина. 1928 р.

„Маркс и Энгельс“ — том I. Карл Маркс. Исследования, статьи, письма. ГИЗ, 1928 р.

Медведів, А. — „Партійна робота на виробництві“. Вид. ДВУ. 1928. 145 ст., ц. 40 к.

Разянов, Д. — „К. Маркс и Ф. Энгельс“. Изд. Ин. Маркс. 1928 р. VIII + 260. ст. ц. 1 р. 50 к.

Симбирский комитет ВКП(б) — „Российская социал-демократическая рабочая партия“. Сборник материалов группы СДРП 1905 — 1907 г.г. Изд. 1928 р. ц. 40 к.

Скрипник М. — „Джерела та причина розламу в КПЗУ“. Вид. ДВУ. 1928 р. 151 стор., ц. 40 к.

Смирнов, А. — „О работе цеховых ячеек комсомола“. Изд. „Прибой“, 94 стор., ц. 30 к.

Сталин И. В. — „Речь на VIII всесоюзном съезде ВЛКСМ“. Изд. Молод. Гвард. 1928, 15 стор., ц. 3 к.

Сталин, И. В. — „Доклад тов. Сталина о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК на активе Московской организации“. Изд. Крест. Газ. 1928 р., 32 ст.

Яроцкий — „Партия и профессиональные союзы“. Изд. „Моск. Раб.“. 1928 р., 92 стор., ц. 30 к.

Маторский, Н. и Эльвов, Н. — „Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции“. Изд. „Моск. Раб.“. 79, стор., ц. 40 к.

II. РЕВОЛЮЦІЙНИЙ РУХ ТА ІСТОРІЯ КЛАСОВОЇ БОРОТЬБИ НА УКРАЇНІ Й У РОСІЇ

Альперович, С. Т. — „Учебник по истории классово-борьбы“. Изд. ГИЗ. 1928 р.

А й н з а ф т — „История рабочего и профессионального движения деревообделочников до революции 1917 г.“. Изд. ЦК Деревообд. 1928 р., 320 стор., ц. 2 крб.

А с т р о в, В. — „Левые эсеры“. Изд. „Моск. Раб.“ 1928 р., 64 стор., ц. 30 к.

Б а г а л і й, Д. — „Нарис історії України на соціально-економічнім ґрунті“, т. I. Вид. ДВУ. 1928, 124 стор., ц. 1 крб. 90 к.

Б л ю м е н т а л ь, Ф. — „Буржуазная политработа в мировую войну 1914—1918 г.“. Изд. ГИЗ. 1928 р., 168 стор., ц. 1 крб. 25 коп.

Б а у м а н с к и й р а й о н н ы й п а р т и й н ы й к о м и т е т ВКП(б) — „Очерк по истории революционного движения“. Изд. „Моск. Рабочий“. 230 стор., ц. 80 к.

Б о б р і к — „В застенках контр-революции“. Изд. Ист-парт. 1928 р., 29 стр., ц. 12 к.

Б о ч а р о в, М. — „От Лены до петербургских баррикад“. По матер. „Правды“. Изд. „Московск. Раб.“, 1928 р. 114 стор., ц. 60 к.

Б у б н о в, А. — „ВКП(б) и военное дело“. 2-е изд. „Воен. Вести“. 1928.

В а р е й к и с, И. — „Достижения и трудности социализма“ Сов. Парт. Изд. 1928 р., 44 стор., ц. 15 к.

В о л ь ф с о н, М. Б. — „Экономическая форма СССР“. Изд. „Мол. Гврд.“ 1928 р., ц. 1 крб.

В о з н е с е н с к и й, А. Н. — „Москва в 1917 году“. Изд. ГИЗ. 1928 р., VIII + 196 стор., ц. 1 крб. 75 к.

Г е р о н и м у с, А. — „ВКП(б) и военное дело“. Изд. Воен. Вестн. 1928 р., 771 стор., ц. 1 крб. 60 к.

Г о д е с, М. — „Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае“. ГИЗ („Прибой“). 1928, 109 стор., ц. 50 к.

Г о р е л о в, А. — „Чем грозит миру английский империализм“. Изд. ГИЗ. 1928, ц. 16 к.

Г р у п п а о с в о б о ж д е н и я т р у д а — „Сборник № 6“. Изд. Арх. Плеханова Г., Засулич В., Дейча Л. Изд. ГИЗ. 1928, 342 стор., ц. 2 крб. 75 к.

Г у р в и ч, Г. С. — „Политический строй современных государств, Соединен. Штаты и Америка“. Изд. ГИЗ. 1928, 163 стор., ц. 1 крб. 60 к.

Д ы б е н к о, П. Е. — „Из недр царского флота и великого Октября“. Изд. Воен. Вестник. 1928 р., 238 стор. ц. 1 крб. 50 к.

Д у б р о в с ь к и й, В. — „Селянський рух на Україні після 1861 р.“, т. I. Изд. ДВУ. 1928 р., ц. 2 крб. 90 к.

З а х е р, Я. М. — „Промышленный переворот в Англии и его последствия“. Изд. ГИЗ („Прибой“). 1928 р., 111 стор., ц. 50 к.

Л а р и н, Ю. — „Государственный контроль военного времени в Германии“. Изд. ГИЗ. 1928 р., 293 стор. ц. 1 крб. 50 к.

Лафарг, Поль — „Экономический детерминизм К. Маркса“. Изд. „Моск. Раб.“ 1928. 71 стор., ц. 1 крб. 50 к.

Лисовский, П. — „На службе у капитала“ (эсеро-меньш. контр-революц.). Изд. „Прибой“. 1928 р., стор. 142, ц. 75 к.

Материалы — „Социал-демократическое движение в России“. Изд. ГИЗ. 1928 р., стор. 410, ц. 5 крб. 50 к.

Ошаев, Х. — „Очерк начала реждвижения в Чечни“ — (Грозном). Изд. 1928, 26 стор.

Павловский, П. И. — „Аненковщина“. Изд. ГИЗ. 1928 р. стор. 94, ц. 35 к.

Попов, К. Л. — „К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянстве в пролетарской революции“. Изд. ГИЗ („Прибой“). 1928. 130 стор., ц. 40 к.

„Профсоюзы Сибири в борьбе за власть 1914—1917 г.г.“. Изд. Сиб. Крайсовета. 1928. 240 стор., ц. 2 крб. 25 к.

Райский, Л. — „Социальное воззрение петрашевцев“. Изд. „Прибой“. 1928, 150 стор., ц. 2 крб.

Смирнов, Б. — „Разгром деникинщины“. ГИЗ. 1928, стор. 64, ц. 40 к.

Стротинский — „М. В. Фрунзе“. Изд. Воен. Вестн. 1928, 166 стор., ц. 90 к.

Тетерин, П. — „Первая российская революция 1905 г.“. Изд. ВУСПС. 1928, 106 стор., ц. 40 к.

Турунов, А. Н., — Вергман, В. — „Революция и гражданская война в Сибири“. Изд. Сибиркрай. 1928, 136 стор., ц. 1 крб. 25 к.

Шестаков, А. — „Советы крестьянских депутатов в 1917—18 г.г.“. Изд. „Моск. Раб.“ 1928, 80 стор., ц. 48 к.

Шепановський, П. — „Робітничо-селянське об'єднання“. Изд. ДВУ. 1928, 45 стор., ц. 30 к.

Эйдеман, Р., Какурин, Н. — „Гражданская война на Украине“. Изд. ДВУ. 1928. 70 стор., ц. 30 к.

Якушкин, Е. Е. — „Колчаковщина и интервенция в Сибири“. Изд. Кр. Прол. 1928, 71 стор., ц. 30 к.

IV

ЛИСТИ ДО РЕДАКЦІЇ

ПУСТЬ ГОВОРЯТ ФАКТЫ...

(Ответ на письмо М. Острогорского — „История одной неправды“¹)

Украинские издания попадают в Москву с таким опозданием, что только теперь — в конце июля — я имел возможность ознакомиться с февральско-апрельской книжкой „Летописи Революции“ и, в частности с так наз. „опровержением“ М. Острогорского. Последний недоволен тем, что я мимоходом упомянул его имя в моей книге „Революция на Украине“, указав — со слов т. Казимирчука — что М. Острогорский, выбранный в состав ЦИКУК, „сперва просивший взять его оттуда, впоследствии сам ушел и прибыл в район“.

Я понимаю, „по человечеству“, что М. Острогорскому не совсем приятно предстать перед всеми в несколько неприглядном виде человека, самовольно покинувшего в трудную минуту весьма ответственный пост, на который его поставила партия. Но что же делать? Из песни, как говорится, слов не выкинешь. Теперь, после „опровержения“ М. Острогорского, окончательно ясно, что П. Казимирчук вполне добросовестно изложил поведение донбассовского делегата в ЦИКУК в бурные дни 18 года. В самом деле, как пытается оправдаться т. Острогорский? Двойко. Во-первых, — пишет он — я хотя и ушел из ЦИКУК, но не потому, что считал его „чуждым“ учреждением, а лишь потому, что... сильно потянуло в Донбасс, к родным пенатам. Во-вторых, хотя я и ушел, но предварительно подал об этом заявление.

Разберемся во всем этом. М. Острогорский утверждает, что оценка ЦИКУК, как „безжизненного“ и „неработоспособного“ центра, лежит целиком на совести т. Казимирчука. „Этого я никогда, нигде и никому не говорил и не писал и утверждаю теперь, что эта оценка ни в какой мере не соответствует действительности“. Допустим, что М. Острогорский и П. Казимирчук не совсем одинаково оценивали роль ЦИКУК, оттенки мнения в данном случае вполне возможны и законны. Что, однако, отсюда следует? Разве я где-либо утверждал что именно Острогорский говорил или писал о том, что ЦИКУК никчемное учреждение?

Нет, об этом писал, по своей воле, т. Казимирчук в своих воспоминаниях (см. „Лит. Рев.“ № 3, 1923 г., стр. 67). Что

¹) См. „Лит. Рев.“ № 2, 1928.

касается тов. Острогорского, то о нем известно лишь одно : что он был выбран в ЦИКУК и затем из этого учреждения „сам ушел“. Об этом и следовало бы писать „опровергателю“. Верно это или неверно? Верно, ибо это признает сам т. Острогорский, что он „не уяснил себе тогда (т.-е. в 17—18 году.—Эр.) сложного процесса развернувшейся на Украине национальной борьбы“. Верно, ибо это черным по белому пишет сам т. Острогорский в „опровержении“, что „основной причиной, толкнувшей его на уход (слушайте!), было отсутствие достаточно ясной для него концепции национальной проблемы на Украине в тот момент“.

Судите после этого, насколько М. Острогорский искренен теперь в излиянии своих чувств (кому это нужно?) по отношению к ЦИКУК! Как будто можно было не иметь „достаточно ясной концепции национальной проблемы“ и понимать в то же время значение ЦИКУК и той героической борьбы, которую он вел с национально-буржуазной контр-революцией? Кому Острогорский хочет, говоря попросту, втереть очки?

Далее. Признавшись невольной в собственной политической близорукости и ошибочной трактовке роли ЦИКУК, М. Острогорский этим, однако, не ограничивается, а норовит шмыгнуть в подворотню, подобно классическому извозчику, который говорил: я не я и лошадь не моя...

Оказывается, что наш злополучный „опровергатель“ подал заявление об освобождении от постоянной работы в аппарате ЦИКУК и затем, не дождавсь, по видимому, ответа, „по неотложным делам местной работы“ „выехал в свой район“. Разве так серьезно опровергают? Разве неясно, что т. Острогорский сам ушел из ЦИКУК и как раз в тот момент, когда ЦИКУК переезжал в Киев и выходил на широкую дорогу ожесточенной борьбы с остервенелой украинской контр-революцией. Увы, многих ЦИКУК тогда не досчитывал в своих рядах... и среди них нашего „опровергателя“... Разве это не очевидно настолько, что совестно спорить с М. Острогорским?! Какой меры смелости, чтобы не сказать иначе, нужно набраться, чтобы протестовать против этой самоочевиднейшей истины. Что теперь остается от ничем необоснованного упрека по моему адресу, будто я в погоне за „сенсациями“ (подумаешь! какое, однако, самомнение у иных „опровергателей“!) извратил историческую истину...

Нет, уж скорее сенсацию можно найти... в письме М. Острогорского. Очевидно, он хорошо усвоил ту истину, что хорошо обороняться—значит наступать. Наступать—значит с точки зрения Острогорского, не брезгать измышлениями о „злополучном“ авторе книги „Революция на Украине“.

„Д. Эрде, — пишет М. Острогорский, — я знаю и хорошо его помню, как члена Харьковской организации большевиков, отношение которого к ЦИКУК вначале ничем не отличалось

от общей позиции большевистской верхушки Харьковской организации (Д. Эрде был одним из редакторов большевистской газеты „Пролетарий“). Более того, помнится мне, что в тех печатных затруднениях, на которые жалуется Е. Б. Бош в своей книге, отчасти повинен был и комиссар печати Харьковского Совета раб. деп., которым являлся... Д. Эрде. Повидимому, лишь впоследствии Д. Эрде ликвидировал свои шатания в вопросе об отношении к ЦИКУК'е.

В этих словах верно лишь то, что я был соредактором „Пролетария“, комиссаром по делам печати и членом Харьковской организации партии (добавлю в скобках, что не только членом организации, но и членом комитета)— и больше ничего. Никаких шатаний в отношении ЦИКУК я не испытывал и начал работать в его аппарате почти с первых дней оформления. Будучи харьковским комиссаром по делам печати, я работал в то же время в „Вестнике Укр. Нар. Респуб.“. По комплекту последнего легко убедиться в том, что мои статьи в печатном органе ЦИКУК печатались одновременно с моими приказами по комиссариату печати. Если нужно будет, я укажу соответствующие №№ „ВУНР“. К печатным затруднениям ЦИКУК я не имел ровно никакого отношения, так как помещение типографии б. „Южного Края“ было захвачено (с помощью Антонова - Овсеенко) до того, как я был выбран комиссаром (до меня комиссаром был кадет Кузнецов, назначенный на эту должность еще при Временном Правительстве).

Впоследствии я работал в тесном контакте с ЦИКУК и в частности с Е. Бош. Когда по приказу последней была закрыта петлюровская газета „Нова громада“, мне пришлось отчитываться перед Исполкомом СРД и дать отпор не только эсеро-меньшевикам, но и некоторым членам большевистской фракции, не мирившимся с „крутой линией“ в отношении „свободы печати“. Далее, когда „Нова громада“ попыталась после закрытия воскреснуть под новым названием, она почувствовала на себе тяжелую руку пролетарской диктатуры, при чем на мою долю выпала честь окончательного прикрытия этого петлюровского убудка.

С появлением недружелюбных антицикуковских статей в „Донецком Пролетарии“, автором коих был Филов (Разин), я поднял вопрос в Харьковском комитете партии о недопустимости подобного тона и, помнится, автору было „поставлено на вид“.

Таковы факты. Легенда о моих, якобы, шатаниях в вопросе об отношении к ЦИКУК понадобилась М. Острогорскому для того, чтобы замести следы собственных шатаний. Не удастся это! Можно только удивляться тому, как М. Острогорский не стесняется заявлять, что „знает и хорошо помнит меня“. Что касается меня, то я, наоборот, совершенно не знаю и не помню М. Острогорского — и не мог его знать, так как в то

время я работал в ЦИКУК (до последней минуты) и мог знать только тех членов и работников ЦИКУК, которые не покидали своего поста и в той или иной степени были с ним связаны. На этом можно, собственно, поставить точку.

Едва ли заслуживает внимания пространное рассуждение М. Острогорского о том, насколько соответствует действительности деление на „правобережцев“ и „левобережцев“, насколько верно это деление отражает тогдашние разногласия в партии. Всякая терминология имеет условное значение. Можно, пожалуй, согласиться, что „вопрос о причинах этих разногласий далеко еще не только не разрешен, но и не изучен“. Но утверждать, подобно М. Острогорскому, что „в этом случае территориальные признаки решительно не при чем“, значит отмахнуться от самой постановки вопроса. Такие словечки, как „клевета на Донбас“ (1), ровно ничем не помогают уяснению корней недооценки концепции национальной проблемы харьковцев, екатеринославцев и донбассовцев в период ЦИКУК.

Без ответа я оставляю также и такие словечки, как „сочинитель“ книг, „злополучный автор“ и т. д.

Обстоятельная рецензия т. Лапчинского на мою книгу „Революция на Украине“ была помещена в № 1 журнала „Летопись Революции“ — и, думаю, она еще в памяти у читателя.

Вот и все.

С коммунистическим приветом *Д. Эрдэ.*

Москва, 25 июля 1928 г

ЯЗЫКОМ ФАКТОВ...

(Ответ тов. Д. Эрдэ)

Хотя меня „совершенно не знает и не помнит“ мой оппонент тов. Д. Эрдэ (да я и не напрашивался, чтобы он знал и помнил меня, так как учитывал, что у него, как будет видно ниже, очень плохая память...), тем не менее приходится отвечать по существу его ответа на мое письмо (см. „Л. Р.“ № 2, 1928 г., стр., 335—343).

Целью моего письма было рассеять неправильное толкование линии донбасских большевиков в отношении ЦИКУК, которое дал Д. Эрдэ в главе XIII своей книжки, с одной стороны, и, с другой, раз'яснить действительную причину моего ухода из ЦИКУК в 1918 году.

В первом случае я привел известные исторические факты (создание Центрального Военно-Революционного Комитета и Центро-штаба Красной гвардии Донбасса), происхождение которых было вызвано конкретной политической обстановкой Октябрьского периода в Донбассе, до чрезвычайности обостренной первыми вспышками острой вооруженной борьбы с контр-революционными полчищами, напиравшими и с каледонского „тихого“ Дона и с севера в лице корниловщины.

Это обстоятельство, как я и указывал в письме, отвлекало все внимание большевистской организации и рабочих масс Горловско-Щербиновского района (а также, как известно, Макеевского и Енакиевского районов Донбасса) от готовившейся и проходившей борьбы с украинской националистической контр-революцией.

Все наличные революционные силы, способные и готовые защищать Октябрьские завоевания, были направлены, таким образом, на непосредственно напиравшего врага, тем более, что последний уже вторгнулся со стороны Дона в пределы Горловско-Щербиновского района (бой на станции Путепровод и т. д.).

Этими фактами я стремился вскрыть всю несостоятельность доводов Д. Эрдэ, доказывающего, что „к борьбе Всеукраинского советского центра с Радой Донбасс относился, как к чужому делу“.

Однако он намеренно и извращенно не понял этого и, мало того, приведенные мною факты, оказывается, „едва ли заслуживают (высокопросвещенного!—М. О.) внимания“... Д. Эрдэ!

В самом деле, что может означать для Д. Эрдэ организация первых — административно-революционного и военно-революционного — центров всего Донбасса, созданных самими низами последнего?

Что для Д. Эрдэ означает, наконец, и тот факт, что донбасские большевики и рабочие в тот период, к которому относится наша полемика, уже с оружием в руках энергично и победоносно отбивали первые атаки донских белогвардейцев?

Еще в своем письме („Л. Р.“ № 2, 1928 г., стр. 337) я предвидел, что для „историков“ типа Д. Эрдэ эти факты — „мелочь“... не заслуживающая, как мы видели, внимания.

Но для доподлинных, объективных историков, которые изучают и еще будут изучать данные вопросы, приведенные мною факты, по всей видимости и значимости их, будут являться одним из ключей к исчерпывающему освещению действительного отношения донбасских большевиков к ЦИКУК и национальной борьбе на Украине.

Как можно при этих условиях обвинять донбасских большевиков, да еще в такой постановке вопроса, что они — де относились к делу борьбы с контр-революционной Центральной Радой, как „к чужому делу“, не пытаюсь даже проверить, насколько верно такое легкомысленное утверждение.

Ведь такое обвинение — это не просто обвинение в каком-либо идеологическом уклоне или недомыслии, это во сто крат большее, это есть обвинение в прямой измене пролетарской революции!

Не слишком ли это смело, уважаемый товарищ Эрдэ?

Этот вздорный и до чудовищности легкомысленный „штамп“, наложенный на донбасских большевиков, Д. Эрдэ ничем не доказал в своем ответе; он ограничился только тем, что, эксплуатируя вдоль и впоперек воспоминания бедного тов. Казимирчука, попрежнему выдает их за мнение всего Донбасса.

Д. Эрдэ, сдается мне, даже не понял, пожалуй, соли моего возражения, если объясняет его исключительно личными мотивами с моей стороны. В этом последнем меня убеждает замечание Д. Эрдэ о „самоуверенности у иных „опровергателей“... и следующее место из его ответа, где говорится, что Острогорский „недоволен тем, что я (Д. Эрдэ) мимоходом упомянул его (Острогорского) имя в своей книге“ и далее продолжает: „разве я где-либо утверждал, что именно Острогорский говорил или писал о том, что ЦИКУК никчемное учреждение?“.

Как видно из этого, Д. Эрдэ все дело сводит к моему „недовольству“ и „обиженному самоуверенности“. Дело ведь заключается вовсе не в Острогорском, его мнении и настроении (это, впрочем, признает и сам Д. Эрдэ, когда говорит, что он „мимоходом упомянул“ мое имя), а в том, что Д. Эрдэ извращенно и неправильно осветил позиции Донбасса по отношению к ЦИКУК и его борьбе с Радой, недобросовестно используя,

для характеристики линии донбасских большевиков мой уход из ЦИКУК.

Во втором случае (причины моего ухода из ЦИКУК) я открыто и честно, а не невольно, как утверждает Д. Эрдэ, признался в своей ошибке, раз'яснив, что она вытекала не из отношения к ЦИКУК и его борьбе как „к чужому делу“, а из причин, которые, как видно было выше, просто не понимает мой недалёковидный оппонент.

В ответ на это Д. Эрдэ обвиняет меня в неискренности, очковтирательстве (какая пошлая глупость!) и даже... в малодушии и трусости, указывая, что в момент „ожесточенной борьбы с остервенелой украинской контр-революцией многих ЦИКУК не досчитывал в своих рядах... и среди них... „опровергателя“... т.-е. меня. Однако он напрасно лезет из кожи вон, чтобы набросить на меня позорную тень трех приписываемых мне пороков...

Ведь из Харькова - то я уехал в те „родные пенаты“, где не было ничем невозмутимой тиши уютных кабинетов... В этих „пенатах“ кипели первые и славные революционные бои с калединцами.

В своем районе моя обязанность, как рядового большевика, состояла в том, чтобы быть в рядах тех передовых рабочих, которые и выдвинули меня на гребень революционных событий.

Поэтому, вместе со всей массой красногвардейцев нашего района, я неоднократно участвовал в походах и боях против калединских белогвардейцев. Живы еще товарищи соратники по тому времени, которые могут подтвердить, что было в наших „родных пенатах“ и что я совместно с ними делал там в тот период.

Таким образом, Д. Эрдэ совершенно напрасно потратил заряд лицемерного „человеколюбия“ по отношению ко мне. В этой „филантропии“ я совсем не нуждаюсь, так как значительно ранее, и без помощи Д. Эрдэ, признал свою ошибку в моем письме в редакцию.

Насколько неправдоподобны и недобросовестны остальные два качества — неискренность и очковтирательство, приписанные мне Д. Эрдэ, можно будет видеть из публикуемых ниже документов.

В письме я уже указывал, что, по поручению ЦИКУК, в конце декабря 1917 года, мне пришлось быть в своем районе и докладывать парторганизации и рабочим о возникновении и задачах ЦИКУК, о поддержке последнего в борьбе с Центральной Радой и т. д. Принятые по этим докладам резолюции мне удалось отыскать, которые я и привожу здесь. Вот резолюция нашей большевистской организации:

„Мы, украинские социал-демократы интернационалисты-большевики Горловско-Щербиновского района, с'ехавшись 24 декабря на руднике Ауербаха и К-о и

обсудив текущий момент и отношение к Центральной Раде на Украине, находим ее действия контр-революционными, поддерживающими буржуазию всех стран и поработавшими украинский народ беднейших крестьян и рабочих.

Мы, украинские большевики, как истинные борцы за самоопределение всех наций, заявляем, что всякое распоряжение, исходящее от Центральной Рады мы не признаем, а признаем и исполняем распоряжения, исходящие от Украинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины, который основался в Харькове и который мы признаем высшей властью на Украине. Ему мы во всякое время готовы оказать поддержку постольку, поскольку Совет будет отвечать интересам беднейших крестьян и рабочих на Украине.

Принято единогласно. Председатель Н. Дубовой, товарищ председателя А. Кисин, секретарь М. Моисеенко“.

(„Донецкий Пролетарий“, № 62, 20 января 1918 г.).

Между прочим, это совещание активных большевиков нашей организации состоялось в один и тот же день с собранием рабочих этого рудника, резолюция которых помечена 29 декабря и помещается ниже. Одновременность совещания большевиков и собрания рабочих я утверждаю, как докладчик на том и другом. Повидимому, при перепечатке резолюции большевистского совещания произошла ошибка, так как весьма часто цифры „четыре“ и „девять“ многими пишутся мало различимо друг от друга.

Как видно из приведенной резолюции, большевики нашего района даже несколько „перещеголяли“ в отношении наименования себя „украинскими“, не говоря уже о том, что выразили свою полную готовность поддерживать ЦИКУК и бороться с контр-революционной Центральной Радой.

А вот и другая резолюция рабочих рудника Ауэрбаха, вынесенная 29 декабря 1917 года:

„Мы, рабочие угольного рудника Ауэрбаха, находящегося при станции Никитовка, заслушав доклад делегатов из Харькова от Центрального Исполнительного Комитета Украины, пришли к следующему решению: приветствовать Совет рабочих и солдатских депутатов и выразить полное доверие Центральному Исполнительному Комитету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины, если они будут исполнять волю народа“.

(„Донецкий Пролетарий“, № 56, 13 января 1918 года).

Аналогичные резолюции были приняты и на других рудниках нашего района (рудники названы в моем письме в редакцию),

которые, повидимому, не были направлены для напечатания в газетах или пропали по дороге.

Можно было бы привести еще ряд резолюций (почти аналогичных этим и относящихся к этому же времени) партийных организаций и рабочих других районов Донбасса, которые также частично помещены в „Донецком Пролетарии“. Не желая, однако, выходить за пределы своего района, ограничусь пока приведенными резолюциями.

О чем говорят опубликованные мною документы? Они с полной очевидностью подтверждают мои доводы относительно того, что фактические настроения низовых большевистских организаций и рабочих масс далеко не выявлены и не изучены и вдребезги разбивают весьма плохие басни о „злонамеренном“, по отношению к ЦИКУК, Донбассе, — басни, имеющие место в „сочинениях“ Д. Эрде и других. В то же самое время эти резолюции делают смешными и жалкими потуги Д. Эрде набросить на меня позорную тень изменника и дезертира; одновременно они говорят и о том, что можно без всякого очковтирательства уходить из состава ЦИКУК, признавая и поддерживая его, но не оставаясь на практической работе в аппарате последнего, по причинам, которые не хочет понимать „наивный“ Д. Эрде.

В этом случае я, разумеется, не беру на себя... как бы это помягче сказать... смелости рассуждать о всем Донбассе, подобно Д. Эрде, который это делает на основании воспоминаний только одного тов. Казимирчука, а говорю только об отношении большевиков и рабочих нашего района, как наиболее передового в Донбассе, значение которого в ходе великой пролетарской революции в Донецком бассейне общеизвестно. При этом свои выводы я строю на основании зафиксированных революционных документов, а не на голой памяти отдельных товарищей.

Необходимо отметить, что резолюции эти, опубликованные в газете, к которой Д. Эрде имел немалое отношение, как соредактор, очевидно, по причине „плохой памяти“, забыты им наравне со всеми прочими „мелочами“ или попросту игнорируются, как незаслуживающие „высокопросвещенного“ внимания Д. Эрде, с чем мы уже имели счастье встречаться в его ответе...

Это лишний раз подтверждает правильность моего предположения в письме о том, что Д. Эрде не только не читал, но и не видел всего материала о Донбассе, напечатанного за шесть лет издания журнала „Л. Р.“ и почти за одиннадцать революционных лет вообще.

Печальные „лавры“ знаменитой гоголевской „унтер-офицерской вдовы“, повидимому, не дают спокойно жить злополучному Д. Эрде, который, вполне заслуженно, сам себя публично высек...

Итак, тенденциозная сенсация и скверно поучительная характеристика совсем „неудавшегося“ ему Донбасса, данная в главе XIII его книжки, становится самоочевидной и не требующей дальнейших доказательств.

Несколько слов о тоне ответа Д. Эрдэ. Оставляя в стороне лживо-демагогические выпады по моему адресу, этот, с позволения сказать, ответ, уснащенный такими выражениями, как „шмыганье в подворотню“, как поговоркой о „классическом извозчике“ и т. п. и для „сolidности“ оппонента остро приправленный горделивым и высокомерным рассуждением о „самоуверенности“ и прочих злокачественных пороках „опровергателя“— ни в какой мере не умаляет клеветнического значения позиций Д. Эрдэ в отношении Донбасса.

Факты, как известно, упрямые вещи, и они, будучи не на стороне Д. Эрдэ, пусть сами говорят за себя...

М. Острогорский

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Быстрый рост марксистской исторической науки и то огромное значение, какое приобретает изучение истории в наши дни, ставит вопрос о необходимости созыва всесоюзной конференции историков - марксистов. Идя навстречу многочисленным пожеланиям, общество историков - марксистов созыв всесоюзной конференции историков - марксистов наметило на 27 декабря 1928 г. Порядок дня конференции следующий:

1. Развитие современной исторической науки и задачи историков - марксистов — докладчик М. Н. Покровский.

2. Сообщения (информационного характера) о работе научных исторических учреждений: а) общества историков - марксистов, б) Института Маркса и Энгельса, в) Института им. Ленина и Истпарта ЦК ВКП(б), г) сообщения с мест.

3. Секционные работы. (Намечены секции: истории России, истории ВКП(б), истории Запада, истории Востока, социологическая, военной истории, архивная и учебно - методическая).

В задачи конференции входит подведение итогов развития современной марксистской исторической науки, выявление анти и псевдо - марксистских течений и намечение проблем, требующих своей научной разработки. Поставленные задачи, конечно, могут быть успешно разрешены только при условии самого активного участие историков - марксистов как в подготовке, так и в проведении конференции. Поэтому общество историков - марксистов обращается ко всем его членам, а также и к историкам - марксистам, не входящим в него, приглашая их всемерно помочь организационной комиссии по созыву конференции. Эта активная помощь, прежде всего, мыслится в посылке в оргкомиссию своих пожеланий о конференции, а также заявок докладов, которые будут заслушаны в секциях.

Секционной работе будет уделено большое внимание. Общество историков - марксистов поэтому обращается ко всем историкам - марксистам с просьбой прислать не позднее 1 октября заявки на свои доклады, а также тезисы к ним. Со своей стороны общество историков - марксистов предупреждает, что 1 октября является последним сроком, после которого оргкомиссия приступит к рассмотрению заявок, намечению секционных докладов и предварительной рассылке тезисов утвержденных докладов. В работе секций особенное внимание будет

уделено докладам иногородних историков - марксистов, и поэтому общество просит всех товарищей присылать свои за-явки на доклады и тезисы к ним.

Вопрос о форме представительства в настоящее время еще не решен и о ней будет сообщено дополнительно. Однако, в виду того, что конференция ставит себе научно - исследовательские задачи, каждый член общества историков - марксистов может являться делегатом конференции с правом совещательного голоса и принять активное участие в работах пленума и секций. Для тех же историков - марксистов, которые не являются членами общества, право совещательного голоса будет предоставлено только по получении рекомендации того научного заведения, в котором он работает, и по утверждении его кандидатуры в оргкомиссии. Заявления о желании присутствовать на конференции с правом совещательного голоса должны быть поданы до 1 ноября 1928 г. Общество историков - марксистов предупреждает, что никаких расходов по проезду делегатов, пользующихся совещательным голосом, оно на себя не берет.

Председатель Совета Общества
историков - марксистов **М. Покровский**

Ученый Секретарь Общества **П. Горин**

УМОВИ ПРИЙОМУ НА КАТЕДРУ З ІСТОРІЇ ПАРТІЇ ТА ЖОВТНЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ УКРАЇНСЬКОГО ІНСТИТУТУ МАРКСИЗМУ НА 1928/29 АКАДЕМ. РІК

В додаток до умов прийому до Укр. Інституту Марксизму на 1928/29 академ. рік, що їх було оголошено в № 9—10 „Більшовик України“, доводиться до відома всіх парторганізацій, що з початку нового навчального року в Інституті розпочинає свою роботу кафедра з історії партії та Жовтневої революції на Україні. Завдання кафедри, крім науково-дослідчої роботи, є також учбова робота з аспірантами, яка має за мету підготовку кадра викладачів та дослідників в галузі історії партії та Жовтневої революції на Україні.

На кафедру поруч з іншими кафедрами Інституту відкривається набір аспірантів на 1928/29 рік.

Парторганізації, набираючи кандидатів, що мають вступити аспірантами на кафедру з історії партії та Жовтневої революції, повинні мати на увазі необхідність притягнення таких товаришів, що згідно з своєю підготовкою чи попередньою чи дослідною роботою в галузі історії партії та Жовтневої революції на Україні можуть бути здібніші для дальшої спеціалізації в цій галузі.

Аспіранти, що їх прийматимуть до кафедри, повинні задовольняти всім вимогам умов прийому до Укр. Інституту Марксизму, що їх надруковано в № 9—10 „Більшовик України“, з такими змінами та додатками:

1) До кафедри з історії партії та Жовтневої революції на Україні прийматиметься членів КП(б)У з восьмирічним партійним стажем.

2) Від товаришів, які вступають до кафедри, вимагається знати, крім зазначеної в умовах прийому, таку літературу (див. додаток).

3) Останній термін подачі заяв для товаришів, що бажають вступити до кафедри, — 1-го жовтня.

Секретар ЦК КП(б)У **Медведєв**
Заст. Директора Інституту **О. Камішан**

ДОДАТКОВИЙ СПИСОК ДЛЯ ВСТУПУ НА КАТЕДРУ З ІСТОРІЇ ПАРТІЇ ТА ЖОВТНЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ УКРАЇНСЬКОГО ІНСТИТУТУ МАРКСИЗМУ

1. Ленин. Том III: Развитие капитализма в России, глава II, III, IV.
2. Ленин. Собр. соч., т.т. VI и VII, следующие статьи: том VI: Земская кампания и план „Искры“. От народничества к марксизму. О боевом соглашении для восстания. Должны ли мы организовать революцию. Новые задачи и новые силы. Пролетариат и крестьянство. Социал - демократия и временное правительство. Революционно - демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. О Временном Революционном Правительстве (обе статьи). Борьба пролетариата и холопство буржуазии. Революционная армия и революционное правительство. Две тактики социал - демократии (брошюра). Бойкот булыгинской Думы и восстание. Самое ясное изложение самого путаного плана. Отношение социал - демократии к крестьянскому движению. мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Том VII: Победа кадетов и задачи пролетариата (брошюра). Доклад об объединительном с'езде РСДРП (брошюра). Разгон Думы и задачи пролетариата (брошюра).
3. Ленин. Том XIII: Война и РСДРП. О поражении своего правительства в империалистической войне. Социализм и война. О лозунге Соед. Штатов Европы. Крах II Интернационала. Несколько тезисов. Итоги дискуссии о самоопределении.
4. Ленин. Том XIV: Письмо издаека. Луи - блановщина. О двоевластии. Письма о тактике. Задачи пролетариата в нашей революции. Речь на с'езде крестьянских депутатов. К лозунгам. Уроки революции. О компромиссах. Большевики должны взять власть. Марксизм и восстание. Удержат ли большевики государственную власть (брошюра).
5. Сталин. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов (предисловие к книге „На путях к Октябрю“).
6. Ленин. Что такое „друзья народа“ и как они воюют с социал - демократией, т. I.
7. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве, т. II.
8. Ленин. Задачи русских социал - демократов, т. I.
9. Ленин. Что делать, т. V.
10. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, т. V.
11. Ленин. Шаг вперед два назад, т. V.
12. Плеханов. Социализм и политическая борьба.
13. Бухарин. Ленин как марксист.
14. Д. Эрдэ. Революция на Украине.
15. Протоколы I с'езда КП(б)У.
16. Протоколы II с'езда КП(б)У.

17. Н. Н. Попов. Очерк истории КП(б)У.

18. Хрестоматия по истории КП(б)У (издание Истпарта).

19. КП(б)У в резолюциях и постановлениях ее съездов (издание Истпарта).

20. Важнейшие статьи и материалы журнала Истпарта ЦК КП(б)У „Летопись Революции“ за 1927—28 год, посвященные десятилетию КП(б)У и Октябрьской революции.

ВИЙШОВ ДО ПРОДАЖУ ЖУРНАЛ ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ

№ 4

ЗМІСТ:

ДО 25-РІЧЧЯ ІІ З'ЇЗДУ РСДРП
Тезиси Истпарта и АППО ЦК ВКП(б).

ДО 10-РІЧЧЯ І З'ЇЗДУ КП(б)У
М. Майоров — На путях к І с'езду КП(б)У.
Д. Фрід — Таганрозька нарада.
В. Волін — Перший з'їзд КП(б)У.
В. Аверін — До боротьби „лівих“ та „правих“ на І з'їзді
КП(б)У.

I. СТАТТІ

В. Сухино-Фоменко — З приводу особливостей пролетарської революції на Україні.

II. СПОГАДИ

А. Сідоров — Підпільна ЧК в Одесі (1918 — 1919 р.р.)

Г. Михайлов — Гетманський переворот в Житомире.
І. Котигорошко й А. Козаченко — З історії боротьби за владу Рад робітників заводу „Серп і Молот“ (кол. Гельферіх-Саде) в Харкові.
В. С. Євтушенко — „Цар Глинський“.

III. МАТЕРІЯЛИ ТА ДОКУМЕНТИ

Некоторые новые данные о Таганрогском совещании.
К попытке созыва в 1912 г. конференции большевистских организаций Украины (переписка Н. К. Крупской с Д. Шварцем; примечания М. Майорова и Д. Шварца).
Із історії ставлення більшовиків до Центральної Ради.

IV. КРИТИКА ТА БІБЛІОГРАФІЯ

Рецензії: В. Манілов — Ленинский сборник. VII. М. Острогорський — К. А. Пажитнов. Очерки по истории рабочего класса на Украине. М. Іванов — IV з'їзд КСМУ. В. Медзинський — К. А. Попов. Марксизм и вопрос о крестьянстве в пролетарской революции. М. О. — М. Балабанов. Царская Россия XX столетия. Г. Коф — Материалы к библиографии рев. движения в Одессе.

По журналах: В. Манілов — „Историк - Марксист“, № 7.

V

Додаток: Хронологія революційних подій на Україні в 1917 р. (продовження).

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТУ НА „КРИТИКУ“

ЖУРНАЛ - МІСЯЧНИК МАРКСИСТСЬКОЇ КРИТИКИ
ТА БІБЛІОГРАФІЇ

„КРИТИКА“ висвітлює питання літературної політики, марксистської теорії та методології, літературознавства, історії літератури та особливо літературної критики, як також і мистецтвознавство та критика мистецької.

„КРИТИКА“ розглядає на своїх сторінках усі важливі явища та події нашого культурного процесу в зв'язку з висвітленням поточних явищ та подій у літературі та мистецтві (історія громадської думки, публіцистики, філософії то - що).

„КРИТИКА“ звертаючи головну увагу на висвітлення творів художньої літератури та мистецтва Рад. України, подає також систематичні огляди та інформує про всі визначні літературно - мистецькі явища в інших радеспубліках, як також у Західній Європі та Америці.

„КРИТИКА“ має широкий розділ рецензій на книжні новинки з галузей критики, літературознавства, історії письменства, історії громадської думки, публіцистики, філософії, соціології, мистецтвознавства, та художньої прози й поезії.

В „КРИТИЦІ“ беруть участь кращі марксистські критичні та наукові сили, що працюють у літературі й мистецтві та в зв'язаних із ними галузях.

РОЗДІЛИ ЖУРНАЛУ :

1. ЗАГАЛЬНО - ТЕОРЕТИЧНИЙ,
2. ЛІТЕРАТУРА,
3. НАША ТРИБУНА,
4. МИСТЕЦТВО,
5. ОГЛЯДИ,
6. РЕЦЕНЗІЇ,
7. ХРОНІКА.

Адреса редакції : Харків, Каплуновська, 4

ПЕРЕДПЛАТА . На рік — 6 крб., на півроку — 3 крб., на 3 міс.— 1 крб. 60 коп., на 1 міс.— 60 коп.

Для закордону : На рік — 3 дол. 90 цнт., на півроку—2 дол. на 3 міс.— 1 дол.

ПЕРЕДПЛАТУ ПРИЙМАЮТЬ :

Періодсектор ДВУ — Харків, Сергіївська площа, Московські ряди, Уповноважені Періодсектору скрізь по Україні, поштово - телерафні контори та листиноші.

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ СЕКТОР ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ

Всі індивідуальні передплатники на 1928 р., що внесуть повністю передплатну ціну на будь-який журнал Період-секторові ДВУ, одержують в крамницях Держвидаву на всі видання ДВУ (за винятком підручників) **знижку** :

РІЧНІ передплатники, при покупці видань на суму до 50 крб. **20%**

ПІВРІЧНІ передплатники, при покупці видань на суму до 25 крб. **10%**

**КОЖНИЙ РАЗ КУПУВАТИ МОЖНА НА ВСЯКУ СУМУ
В МЕЖАХ 50 ЧИ 25 КРБ.**

Треба пред'являти крамниці спеціальний талон „Річний або піврічний передплатник“, на підставі якого передплатники одержують знижку.

**ЦІ ТАЛОНИ БУДУТЬ РОЗІСЛАНІ
З ПЕРШОЮ КНИЖКОЮ ЖУРНАЛУ ЗГІДНО ТЕРМІНУ
ПЕРЕДПЛАТИ**

